

The image shows the front cover of a book. The cover is a dark blue color with a fine, woven texture. It features an ornate, embossed border with decorative scrollwork at the corners and midpoints. In the center of the cover, there is a small, rectangular label with rounded corners and a decorative border. The label is a lighter shade of blue and contains the name "H. Frost" written in a cursive, handwritten style.

H. Frost

Николай Васильевич Гоголь

Том 14. Письма 1848-1852

(Полное собрание сочинений в
четырнадцати томах #14)

Четырнадцатый том содержит письма Гоголя за 1848–1852 гг. В конце тома (см. «Дополнения») дается несколько писем разных лет, пропущенных по недосмотру в предыдущих томах настоящего издания и черновые редакции к текстам первого тома.

<http://ruslit.raumlibrary.net>

Содержание

#1	0030
От редакции	0031
Даты жизни Гоголя, 1848-1852	0033
Письма, 1848-1852	0081
Жуковскому В. А., 10 января 1848 / 29 декабря 1847 *	0081
#2	0081
Константиновскому М. А., 12 января (н. ст.) 1848 *	0093
Шереметевой Н. Н., 12 января (н. ст.) 1848 *	0099
Гоголь М. И., 15/3 января 1848 *	0101
Иванову А. А., 18 января (н. ст.) 1848 *	0104
Толстому А. П., 22 января (н. ст.) 1848 *	0106
#8	0106
Вьельгорской А. М., 23 января (н. ст.) 1848 *	0108
Шевыреву С. П., 23 января (н. ст.) 1848 *	0111
Шереметевой Н. Н., 23 января (н. ст.) 1848 *	0115
#12	0115
Толстому А. П., 27 января (н. ст.) 1848 *	0116
Жуковскому В. А., 28/16 февраля 1848 *	0117
#15	0117
Константиновскому М. А., 28/16 февраля 1848 *	

.....	0119
Гоголь М. И., А. В., Е. В. и О. В., 29/17 февраля 1848 *	0120
Шереметевой Н. Н., 29/17 февраля 1848 *	0121
Базили М. А., 18 февраля 1848 *	0122
Шевыреву С. П., 18/30 марта 1848 *	0123
#21	0123
Плетневу П. А., 2 апреля 1848 *	0125
#23	0125
Смирновой А. О., 4 апреля 1848 *	0127
#25	0127
Жуковскому В. А., 6 апреля 1848 *	0128
Толстому А. П., 25/13 апреля 1848 *	0130
Апраксиной С. П., около 25/13 апреля 1848 *	0132
Иванову А. А., 26/14 апреля 1848 *	0133
Плетневу П. А., 26/14 апреля 1848 *	0134
Гоголь М. И., 21 апреля 1848 *	0136
#32	0136
Константиновскому М. А., 21 апреля 1848 *	0137
Шевыреву С. П., 21 апреля 1848 *	0139
#35	0140
Данилевскому А. С., 4 мая 1848 *	0144
Шевыреву С. П., 6 мая 1848 *	0145
Данилевскому А. С., 16 мая 1848 *	0146
Шереметевой Н. Н., 16 мая 1848 *	0148
Аксакову К. С., 3 июня 1848 *	0150

#41	0150
Аксакову С. Т., 8 июня 1848 *	0154
#43	0154
Плетневу П. А., 8 июня 1848 *	0155
Смирновой А. О., около 8 июня 1848 *	0157
#46	0157
Вьельгорской А. М., перед 15 июня 1848 *	0158
Вьельгорской А. М., 15 июня 1848 *	0159
Жуковскому В. А., 15 июня 1848 *	0161
#50	0161
Шевыреву С. П., 15 июня 1848 *	0163
#52	0163
Шевыреву С. П., около 18 июня 1848 *	0165
Базили М. А., 20 июня 1848 *	0166
#55	0166
Прокоповичу Н. Я., 20 июня 1848 *	0167
Плетневу П. А., 7 июля 1848 *	0168
Аксакову С. Т., 12 июля 1848 *	0170
Шевыреву С. П., 26 июля 1848 *	0174
Базили К. М., 26 июля 1848 *	0176
#61	0176
Павлову Н. Ф., лето, до 24 августа, 1848 *	0177
Плетневу П. А., 1 сентября 1848 *	0180
Гоголь А. В., сентябрь 1848 *	0181
Данилевскому А. С., 5 сентября 1848 *	0182
#66	0182
Данилевскому А. С., 12 сентября 1848 *	0183
Константиновскому М. А., 12 сентября 1848 *	

0184

Плетневу П. А., 16 сентября 1848 * 0185

Гоголь М. И., 20 сентября 1848 * 0186

Данилевскому А. С., 24 сентября 1848 * 0187

Шереметевой Н. Н., 25 сентября 1848 * 0189

#73 0189

Халчинскому Ф. Л., сентябрь — октябрь 1848 *

0190

Погодину М. П., октябрь 1848 * 0190

Смирновой А. О., 14 октября 1848 * 0192

Шереметевой Н. Н., 26 октября 1848 * 0194

#78 0195

Вьельгорской А. М., 29 октября 1848 * 0196

Данилевскому А. С., 29 октября 1848 * 0202

Гоголь М. И., 1 ноября 1848 * 0205

#82 0205

Константиновскому М. А., 9 ноября 1848 * 0206

Смирновой А. О., 18 ноября 1848 * 0208

Плетневу П. А., 20 ноября 1848 * 0210

Нащокину П. В., октябрь — ноябрь 1848 * 0212

Гоголь М. И., 10 декабря 1848 * 0213

Марковичу А. М., октябрь — декабрь 1848 *

0214

#89 0214

Вьельгорской А. М., 28 декабря 1848 * 0215

Константиновскому М. А., 28 декабря 1848 *

0216

Марковичу А. М., декабрь 1848 или начало

января 1849 *	0217
Шереметевой Н. Н., январь 1849 *	0218
Плетневу П. А., 20 января 1849 *	0219
Данилевскому А. С., январь 1849 *	0220
Аксакову С. Т., начало 1849 *	0224
Гоголь О. В., начало 1849 *	0224
Гоголь М. И., февраль 1849 *	0226
#99	0226
Данилевскому А. С., 25 февраля 1849 *	0228
Аксакову С. Т., 19 марта 1849 *	0230
Вьельгорской А. М., 30 марта 1849 *	0231
#103	0231
Соллогуб С. М., 30 марта 1849 *	0239
#105	0239
Гоголь М. И., А. В., Е. В. и О. В., март 1849 *	0240
Гоголь М. И., А. В. и Е. В. 3 апреля 1849 *	0244
Гоголь О. В., 3 апреля 1849 *	0247
Жуковскому В. А., 3 апреля 1849 *	0248
#110	0248
Плетневу П. А., 3 апреля 1849 *	0251
Иванову А. А., 7 апреля 1849 *	0252
Вьельгорской А. М., 16 апреля 1849 *	0253
Соллогуб С. М., 16 апреля 1849 *	0257
Вьельгорской А. М., апрель 1849 *	0258
Смирновой А. О., май 1849 *	0259
Аксакову С. Т., 7 мая 1849 *	0260
Гоголь М. И., 12 мая 1849 *	0261
Жуковскому В. А., 14 мая 1849 *	0262

Шереметевой Н. Н., 20 мая 1849 *	0263
Плетневу П. А., 24 мая 1849 *	0264
Соллогуб С. М., 24 мая 1849 *	0266
Смирновой А. О., 27 мая 1849 *	0269
Шереметевой Н. Н., май 1849 *	0271
Гоголь М. И., весна 1849 («Я получил ваше большое и весьма обстоятельное письмо...»)*	0272
Гоголь М. И., весна 1849 («Посылаю вам, маминька...»)*	0276
Гоголь О. В., весна 1849 *	0276
Вьельгорской А. М., 3 июня 1849 *	0278
Базили К. М., 5 июня 1849 *	0281
Плетневу П. А., 6 июня 1849 *	0284
Смирновой А. О., 15 июня 1849 *	0285
Марковичу А. М., 1 июля 1849 *	0286
Данилевскому А. С., 1 июля 1849 *	0290
Гоголь М. И., Москва. 4 июля 1849 *	0292
Вьельгорской А. М., июль 1849 *	0294
Смирновой А. О., 29 июля 1849 *	0295
#137	0295
Гоголь М. И., 30 июля 1849 *	0296
Вьельгорской А. М., 30 июля 1849 *	0297
Соллогуб С. М., 30 июля 1849 *	0299
#141	0299
Толстому А. П., июль 1849 *	0301
Гоголь М. И., 4 сентября 1849 *	0303
Смирновой А. О., 15 сентября 1849 *	0304

Путяте Н. В., 14–18 августа или 21–27 сентября 1849 *	0305
Смирновой А. О., 20 октября 1849 *	0307
Соллогуб С. М. и Вьельгорской А. М., 20 октября 1849 *	0309
Гоголь М. И., до 28 ноября 1849 *	0312
Гоголь М. И., 28 ноября 1849 *	0314
Смирновой А. О., 28 ноября 1849 *	0317
Аксакову С. Т., ноябрь 1849 *	0318
Вяземскому П. А., осень 1849 *	0319
Жуковскому В. А., осень 1849 *	0320
Маркову К. И., 3 декабря 1849 *	0321
Марковичу А. М., 6 декабря 1849 *	0322
Смирновой А. О., 6 декабря 1849 *	0323
Жуковскому В. А., 14 декабря 1849 *	0326
Плетневу П. А., 15 декабря 1849 *	0329
Гроту Я. К., декабрь 1849 *	0330
Вьельгорской А. М., 26 декабря 1849 *	0331
Шереметевой Н. Н., декабрь 1849 *	0332
Шереметевой Н. Н., 1849. Москва («Очень вас благодарю...») *	0333
Шереметевой Н. Н., 1849. Москва («Когда вам угодно...») *	0333
Шереметевой Н. Н., 1849. Москва («Очень сожалею...») *	0334
Плетневу П. А., 21 января 1850 *	0335
Максимовичу М. А., январь-февраль 1850 *	0338

Шереметевой Н. Н., перед 11 февраля 1850 *	0338
#168	0339
Вьельгорской А. М., 11 февраля 1850 *	0339
Гоголь М. И., 11 февраля 1850 *	0342
Смирновой А. О., 11 февраля 1850 *	0343
Шереметевой Н. Н., 11 февраля 1850 *	0345
Аксакову К. С., февраль 1850 *	0345
Аксакову С. Т., февраль 1850 *	0346
Марковичу А. М., февраль 1850 *	0346
Жуковскому В. А., 28 февраля 1850 *	0347
Черновая редакция окончания письма к Жуковскому В. А., 28 февраля 1850 *	0356
Константиновскому М. А., 28 февраля 1850 *	0358
Соллогубу В. А., 10 февраля 1849 или 2 марта 1850 *	0359
Шереметевой Н. Н., после 11 марта 1849 или 1850 *	0360
Шереметевой Н. Н., после 19 марта 1849 или 1850 *	0360
Булгакову А. Я., 24 марта 1850 *	0361
Константиновскому М. А., 24 марта 1850 *	0362
Прокоповичу Н. Я., 29 марта 1850 *	0363
Жуковскому В. А., март 1850 *	0365
Гоголь Е. В., март-апрель 1850 *	0366
Марковичу А. М., апрель 1849 или 1850 *	0368
Шереметевой Н. Н., апрель 1849 или 1850 *	

Гоголь М. И., апрель 1850 *	0369
Иванову А. А., апрель 1850 *	0370
Плетневу П. А., апрель 1850 *	0371
Константиновскому М. А., апрель 1850 *	0373
Максимовичу М. А., апрель 1850 *	0375
Шереметевой Н. Н., май-июнь 1849 или май 1850 *	0375
Неустановленному лицу, после 9 мая 1850 *	0376
Данилевским А. С. и У. Г., 14 мая 1850 *	0377
#197	0377
Гоголь М. И., 15 мая 1850 *	0378
Константиновскому М. А., май 1850 *	0380
Гоголь М. И., 24 мая 1850 *	0381
Соллогуб С. М., 29 мая 1850 *	0385
Армфельду А. О., май — июнь 1850 *	0388
Аксакову К. С., май — июнь 1850 *	0389
Вьельгорской А. М., весна 1850 *	0390
Данилевскому А. С., 5 июня 1850 *	0393
Стурдзе А. С., 6 июня 1850 *	0394
Гоголь М. И., 9 июня 1850 *	0396
Аксакову С. Т., 13 июня 1850 1850 *	0398
Иеромонаху Филарету, 19 июня 1850 *	0398
Марковичу А. М., 25 июня 1850 *	0400
Данилевскому А. С., 26–30 июня 1850 *	0401
Марковичу А. М., 27–30 июня 1850 *	0402
Гоголь Е. В., 30 июня 1850 *	0403

Смирновой А. О., 10 июля 1850 *	0403
Толстому А. П., 10 июля 1850 *	0405
Шевыреву С. П., 10 июля 1850 *	0408
Григорову П. А., 18 июля 1850 *	0409
Смирновой А. О., 18 июля 1850 *	0410
Шевыреву С. П., 18 июля 1850 *	0414
Репниной Е. П., 1 августа 1850 *	0415
Смирновой А. О., 20 августа 1850 *	0416
Толстому А. П., август 20 1850 *	0419
Толстой А. Г., 30 августа 1850 *	0422
Стурдзе А. С., 15 сентября 1850 *	0423
Минстер П. Ф., 23 сентября 1850 *	0427
Смирновой А. О., 26 октября 1850 *	0428
Гоголь М. И., 28 октября 1850 *	0430
Гоголь А. В., октябрь — ноябрь 1850 *	0432
Шевыреву С. П., 7 ноября 1850 *	0435
Аксакову С. Т., 7 ноября 1850 *	0439
#231	0439
Трахимовскому А. М., ноябрь 1850 *	0440
Плетневу П. А., 2 декабря 1850 *	0443
Шевыреву С. П., 15 декабря 1850 *	0446
#235	0446
Жуковскому В. А., 16 декабря 1850 *	0448
Иванову А. А., 16 декабря 1850 *	0450
Аксакову С. Т., 23 декабря 1850 *	0452
Смирновой А. О., 23 декабря 1850 *	0453
Константиновскому М. А., 30 декабря 1850 *	0455

Гоголь М. И., 20 января 1851 *	0457
#242	0457
Плетневу П. А., 25 января 1851 *	0458
Шевыреву С. П., февраль 1853 *	0460
Гоголь М. И., А. В., Е. В. и О. В., 4 марта 1851 * ...	0461
Григорову П. А., 6 марта 1851 *	0467
Погодину М. П., 7 марта 1851 *	0468
Иванову А. А., Одесса. 18 марта 1851 *	0469
Шевыреву С. П., 18 марта 1851 *	0471
Шевыреву С. П., после 18 марта 1851 *	0472
Гоголь М. И., 21 марта 1851 *	0473
Смирновой А. О., март 1851 *	0474
Плетневу П. А., 6 мая 1851 *	0475
Аксакову С. Т., 14 мая 1851 *	0477
Гоголь А. В., после 22 мая 1851 *	0478
Гоголь Е. В., после 22 мая 1851 *	0482
Гоголь М. И., 5 июня 1851 *	0485
#258	0485
Гоголь О. В., 5 июня 1851 *	0489
Гоголь А. В. и Е. В., 5 июня 1851 *	0490
Гоголь М. И., 14 июля 1851 *	0491
Быкову В. И., 14 июля 1851 *	0492
#263	0492
Гоголь Е. В., 14 июля 1851 *	0494
#265	0494
Плетневу П. А., 15 июля 1851 *	0497
Архимандриту Моисею, июль 1851 *	0500

Шевыреву С. П., 25–26 июля 1851 *	0501
Гоголь А. В. и Е. В., июль 1851 *	0501
Репниной Е. П., 3 августа 1851 *	0504
Блудовой А. Д., лето 1851 *	0505
Лешкову В. Н., лето 1851 *	0505
#273	0506
Гоголь М. И., 2 сентября 1851 *	0508
#275	0508
Гоголь Е. В., 2 сентября 1851 *	0512
Данилевским А. С. и У. Г., июль — сентябрь 1851 *	0513
Быкову В. И., 2-18 сентября 1851 *	0514
Гоголь М. И., 18 сентября 1851 *	0515
Скалон С. В., 18 сентября 1851 *	0516
Аксакову С. Т., 20 сентября 1851 *	0516
Аксакову С. Т., 21 сентября 1851 *	0517
Гоголь М. И., 22 сентября 1851 *	0518
Иеросхимонаху Макарию, 25 сентября 1851 * . . .	0520
Аксакову С. Т., 30 сентября 1851 *	0521
Шевыреву С. П., 30 сентября 1851 *	0521
Гоголь М. И., сентябрь 1851 *	0522
Погодину М. П., сентябрь 1851 *	0523
Гоголь М. И., А. В. и Е. В., 3 октября 1851 *	0524
Гоголь О. В., 3 октября 1851 *	0528
Скалон С. В., 3 октября 1851 *	0529
Аксакову С. Т., 4–5 октября 1851 *	0530
Аксакову С. Т., октябрь 1851 *	0531

Быковым В. И. и Е. В., 8 ноября 1851 *	0532
Гоголь М. И., 20 ноября 1851 *	0533
Константиновскому М. А., 28 ноября 1851 *	0535
Плетневу П. А., 30 ноября 1851 *	0536
Гоголь О. В., ноябрь 1851 («Что же ты не пишешь...») *	0537
Гоголь О. В., ноябрь 1851 («Попроси священников...») *	0538
Данилевскому А. С., 16 декабря 1851 *	0538
Жуковскому В. А., 20 декабря 1851 *	0540
Гоголь М. И., 22 декабря 1851 *	0541
Гоголь О. В., 22 декабря 1851 *	0542
Иванову А. А., вторая половина 1851 *	0544
Аксакову С. Т., конец 1851 *	0545
Гоголь М. И., конец 1851 *	0546
Шевыреву С. П., конец 1851 («Возвращаю тебе с благодарностью...») *	0547
Шевыреву С. П., конец 1851 («Извини, друг, было некогда доселе...») *	0548
Шевыреву С. П., конец 1851 («Здоров ли ты...») *	0549
Шевыреву С. П., конец 1851 («Посылаю оставшиеся у меня книги...») *	0550
Аксакову С. Т., 1851 *	0551
Вяземскому П. А., 1 января 1852 *	0551
Смирновой А. О., 1 января 1852 *	0553
Аксакову С. Т., январь 1852 *	0554

Гоголь М. И., 2 февраля 1852 *	0554
Жуковскому В. А., 2 февраля 1852 *	0556
Репниной В. Н., 2 февраля 1852 («Здоровы ли вы...») *	0558
#318	0558
Репниной В. Н., 2 февраля 1852 («Я о вас часто вспоминаю...») *	0559
Барановскому И. И., около 2 февраля 1852 *	0560
Константиновскому М. А., 6 февраля 1852 *	0561
Гоголь М. И., около 10 февраля 1852 *	0562
Шевыреву С. П., зима 1848/49 или 1851/52 *	0564
Аксакову С. Т., конец 1848 — начало 1852 *	0564
Аксаковой О. С., зима 1848/49 или 1851/52 *	0565
Толстой А. Г., 1849 — начало 1852 («Душевно сожалею...») *	0565
Толстой А. Г., 1849 — начало 1852 («Посылаю вам, графиня, Златоуста...») *	0566
Неустановленному лицу, 1849 — начало 1852 *	0566
Деловые бумаги Гоголя	0567
Перовскому Л. А. или др., 10–18 июля 1850 *	0567
#2	0567

Наследнику Александру Николаевичу, август-сентябрь 1850 *	0575
#4	0575
Олсуфьеву В. Д., август-сентябрь 1850 *	0577
#6	0577
Дополнения	0580
Дополнение первое (К томам писем)	0580
Дополнение второе (К первому тому)	0591
Комментарии	0709
#1	0709
#2	0709
#3	0711
#4	0712
#5	0713
#6	0714
#7	0715
#8	0716
#9	0716
#10	0717
#11	0718
#12	0719
#13	0720
#14	0721
#15	0721
#16	0721
#17	0722
#18	0723
#19	0724

#20	0724
#21	0726
#22	0726
#23	0727
#24	0728
#25	0729
#26	0729
#27	0730
#28	0731
#29	0732
#30	0733
#31	0734
#32	0735
#33	0736
#34	0737
#35	0738
#36	0738
#37	0740
#38	0740
#39	0741
#40	0742
#41	0743
#42	0744
#43	0745
#44	0745
#45	0747
#46	0748
#47	0748

#48	0749
#49	0750
#50	0751
#51	0752
#52	0752
#53	0753
#54	0754
#55	0755
#56	0756
#57	0757
#58	0758
#59	0759
#60	0760
#61	0760
#62	0761
#63	0762
#64	0763
#65	0764
#66	0765
#67	0766
#68	0767
#69	0768
#70	0771
#71	0771
#72	0772
#73	0772
#74	0773
#75	0773

#76	0774
#77	0775
#78	0776
#79	0778
#80	0778
#81	0779
#82	0780
#83	0780
#84	0781
#85	0782
#86	0782
#87	0783
#88	0783
#89	0784
#90	0784
#91	0785
#92	0785
#93	0786
#94	0787
#95	0788
#96	0789
#97	0789
#98	0790
#99	0791
#100	0792
#101	0793
#102	0794
#103	0794

#104	0795
#105	0796
#106	0796
#107	0797
#108	0798
#109	0799
#110	0799
#111	0800
#112	0800
#113	0801
#114	0802
#115	0803
#116	0804
#117	0805
#118	0805
#119	0806
#120	0808
#121	0809
#122	0809
#123	0810
#124	0811
#125	0812
#126	0812
#127	0813
#128	0813
#129	0815
#130	0816
#131	0817

#132	0818
#133	0818
#134	0820
#135	0820
#136	0821
#137	0821
#138	0821
#139	0822
#140	0823
#141	0823
#142	0824
#143	0824
#144	0825
#145	0825
#146	0826
#147	0827
#148	0827
#149	0828
#150	0829
#151	0830
#152	0831
#153	0831
#154	0832
#155	0833
#156	0833
#157	0834
#158	0835
#159	0835

#160	0836
#161	0836
#162	0837
#163	0838
#164	0838
#165	0839
#166	0839
#167	0840
#168	0841
#169	0841
#170	0842
#171	0842
#172	0843
#173	0843
#174	0844
#175	0845
#176	0846
#177	0846
#178	0847
#179	0848
#180	0848
#181	0849
#182	0849
#183	0850
#184	0850
#185	0851
#186	0852
#187	0853

#188	0854
#189	0855
#190	0856
#191	0857
#192	0858
#193	0859
#194	0860
#195	0860
#196	0862
#197	0862
#198	0863
#199	0864
#200	0865
#201	0866
#202	0867
#203	0869
#204	0869
#205	0870
#206	0871
#207	0871
#208	0872
#209	0873
#210	0873
#211	0873
#212	0874
#213	0875
#214	0875
#215	0876

#216	0876
#217	0877
#218	0878
#219	0878
#220	0879
#221	0879
#222	0880
#223	0880
#224	0881
#225	0881
#226	0882
#227	0883
#228	0883
#229	0884
#230	0885
#231	0885
#232	0886
#233	0887
#234	0887
#235	0888
#236	0888
#237	0890
#238	0890
#239	0891
#240	0892
#241	0893
#242	0893
#243	0894

#244	0895
#245	0896
#246	0896
#247	0897
#248	0898
#249	0899
#250	0900
#251	0900
#252	0901
#253	0902
#254	0902
#255	0903
#256	0903
#257	0904
#258	0904
#259	0905
#260	0905
#261	0906
#262	0907
#263	0907
#264	0908
#265	0908
#266	0909
#267	0909
#268	0910
#269	0910
#270	0911
#271	0912

#272	0912
#273	0913
#274	0914
#275	0915
#276	0916
#277	0916
#278	0917
#279	0917
#280	0918
#281	0918
#282	0919
#283	0920
#284	0921
#285	0922
#286	0922
#287	0922
#288	0923
#289	0923
#290	0924
#291	0924
#292	0926
#293	0927
#294	0928
#295	0929
#296	0930
#297	0931
#298	0932
#299	0933

#300	0934
#301	0935
#302	0936
#303	0937
#304	0938
#305	0940
#306	0940
#307	0941
#308	0941
#309	0941
#310	0943
Указатель писем по адресатам	0946
Именной указатель	0952
Сокращенные обозначения источников	0999
Иллюстрации	1004
Выходные данные	1005

Николай Васильевич Гоголь
Полное собрание сочинений
в четырнадцать томах
Том 14. Письма 1848-1852

Памятник Н. В. Гоголю в Москве. Скульптор Н. В. Томский. 1952 г.

От редакции

ОТ РЕДАКЦИИ

Четырнадцатый том содержит письма Гоголя за 1848–1852 гг. В конце тома (см. «Дополнения») дается несколько писем разных лет, пропущенных по недосмотру в предыдущих томах настоящего издания и черновые редакции к текстам первого тома.

В составе тома — 301 письмо Гоголя (к 62 адресатам), из которых 65 не были известны Шенроку. Семнадцать из этих шестидесяти пяти писем публикуются впервые. Кроме того, многие письма, печатавшиеся раньше с пропусками, даются полностью.

Большинство писем, входящих в том, печатается по подлинникам (79 %) и авторитетным копиям (10 %), остальные — по наиболее исправным печатным текстам. Благодаря этому устранен целый ряд искажений и неточностей, имевших место в предыдущих изданиях. Даты писем также уточнены и исправлены.

Сокращенные обозначения архивохранилищ:

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва — *ЛБ*

Государственный исторический музей. Москва — *ИМ*

Центральный государственный литературный архив. Москва — *ЦГЛА*

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград — *ПД*

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград — *ПБЛ*

Библиотека Академии Наук УССР. Киев — *КАБ*

Институт литературы Академии Наук УССР. Киев — *КИЛ*

Полтавский городской музей — *ПГМ*

Даты писем, приводимые без указания стиля, относятся к старому стилю.

Тексты всех писем, включенных в настоящий том, подготовлены и комментированы А. Н. Михайловой. Даты жизни Гоголя (1848–1852 гг.) составлены ею же.

Даты жизни Гоголя, 1848-1852

1848.

8 января н. ст.

Цензурное разрешение № 1 журнала «Москвитянин» за 1848 г. со статьей Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями», содержащей полемику с критиками книги Гоголя.

10 января н. ст.

Гоголь пишет письмо к В. А. Жуковскому о значении и цели искусства.

Письмо № 1.

12 января н. ст.

Цензурное разрешение № 1 журнала «Современник» за 1848 г. с первой статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», содержащей очерк натуральной школы и ее метода реалистического изображения действительности. Характеризуя основоположника этой школы, Гоголя, Белинский отмечает народность его творчества, оригинальность и самобытность, силу влияния на рус-

скую литературу.

18 января н. ст.

Гоголь извещает А. А. Иванова, что на днях выезжает из Неаполя и что «в городе неспокойно».

Письмо № 5.

22 января н. ст.

Гоголь из Мальты сообщает А. П. Толстому о революционном движении в Сицилии: «Дела короля совершенно плохи: Мессина, Катания — всё восстало...» Упоминает о перенесенных страданиях от морской болезни.

Письмо № 6.

23 января н. ст.

Гоголь из Мальты пишет А. М. Вьельгорской, что из Неаполя его «выгнали раньше», чем он полагал, «разные политические смуты...»

Письмо № 7.

27 января н. ст.

Отъезд Гоголя из Мальты.

Письмо № 10.

Середина февраля.

Гоголь в Иерусалиме, куда он вместе со своим школьным товарищем, русским гене-

ральным консулом в Сирии и Палестине К. М. Базили, прибыл «через Сидон и древний Тир и Акру...»

Письма №№ 11–16; «Записки», II, стр. 165.

16 февраля.

Хвалебный отзыв Гоголя о работе К. М. Базили «Сирия и Палестина».

Письмо № 11.

29 февраля.

Цензурное разрешение № 3 журнала «Современник» за 1848 г., содержащего вторую статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» с одобрительным отзывом о трех «письмах» Н. Ф. Павлова, посвященных разбору «Выбранных мест из переписки с друзьями» и с ответом на выпады Шевырева в № 1 «Москвитянина».

18 марта.

Гоголь в Бейруте ожидает парохода, чтобы ехать в Константинополь.

Письмо № 16.

6 апреля.

Отъезд Гоголя вместе с К. М. Базили из Бейрута в Смирну и Константинополь.

Письмо № 19.

13 апреля.

Гоголь в Константинополе.

Письма № 20–22.

14 апреля.

Отъезд Гоголя из Константинополя.

Письмо № 22.

16 апреля.

Прибытие Гоголя в Одессу на пароход-фрегате «Херсонес».

«Одесский Вестник» от 17 апреля 1848 г., № 30–31.

16-30 апреля.

Гоголь находится в Одесском карантине по случаю холерной эпидемии. Его навещают А. А. Трощинский, Л. С. Пушкин, Н. Г. Тройницкий, Н. В. Неводчиков. Он просит последнего принести в карантин «Мертвые души» и две три книжки «Москвитянина». Читает в № 4 «Москвитянина» адресованное ему письмо Жуковского «О поэте и современном его значении».

«Одесский Вестник» от 17 апреля 1848 г., № 30–31; письма №№ 24, 26, 37; «Библиографические Записки» 1859, № 9, стр. 263–264.

1 мая.

Некоторые школьные товарищи и друзья «в сообществе многих почитателей знаменитого русского таланта» дали обед в честь Гоголя.

«Одесский Вестник» от 19 мая 1848 г., № 40.
1-7 мая.

Гоголь по выходе из карантина останавливается у А. А. Трощинского. Неоднократно навещает Л. С. Пушкина и Н. Г. Тройницкого, вспоминает о Пушкине, беседует «о порядках в отечестве, о новейших явлениях в русской литературе». Вместе с К. М. Базили делает визит А. С. Стурдзе.

Сборник «Из прошлого Одессы». Одесса. 1894, стр. 126–127.

7 мая.

Отъезд Гоголя из Одессы.

Письмо № 28.

9 мая.

Приезд Гоголя в Васильевку.

Письмо № 29; «Материалы» Шенрока, IV, стр. 703.

9 мая — 24 августа.

Гоголь в Васильевке. Заботится о благоустройстве сада. Ездит в Полтаву и Сорочин-

цы. Страдает от жары и переносит сильное
желудочное заболевание. Вокруг — холерная
эпидемия, засуха и неурожай.

Письма №№ 34, 35, 38, 41–44; О. В. Головня,
стр. 35.

16 мая.

Гоголь пишет Н. Н. Шереметевой, что
мысль о его «давнем труде», о втором томе
«Мертвых душ», его «не оставляет».

Письмо № 30.

19-21 мая.

В Васильевке гостит друг семьи Гоголей С.
В. Скалон с семьей.

«Материалы» Шенрока, IV, стр. 703–704.

25 мая.

Отъезд Гоголя в Киев.

«Материалы» Шенрока, IV, стр. 704.

Конец мая — начало июня.

Гоголь в Киеве, у Данилевских. Видится
здесь с М. А. Максимовичем, Ф. В. Чижовым.
Знакомится с А. М. Марковичем. Присутствует
на вечере у М. В. Юзефовича.

«Записки», II, стр. 240–241; «Материалы»
Шенрока, IV, стр. 704.

3 июня.

Гоголь в Васильевке. Отвечает на резкое письмо К. С. Аксакова о «Переписке с друзьями», о которой Гоголь думал, что она уже «предана забвению». Признаваясь, что «до сих пор еще не имел духу взглянуть» на свою книгу, Гоголь защищает ее от обвинения в том, что она — ложь.

Письмо № 31.

8 июня.

Гоголь пишет П. А. Плетневу: «Брался было за перо, но или жар утомляет меня, или я всё еще не готов. А между тем чувствую, что, может, еще никогда не был так нужен труд, составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время».

Письмо № 33.

15 июня.

Прочитав драму К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году», Гоголь выражает недовольство ею.

Письмо № 38.

12 июля.

Сдержанная оценка драмы К. С. Аксакова, данная Гоголем в письме к С. Т. Аксакову.

Письмо № 43.

17 августа.

«Свидетельство», выданное Гоголю «на проезд его в города С.-Петербург и Москву по собственным делам» полтавским гражданским губернатором Н. И. Ознобишиным.

См. подлинник (КИЛ).

Лето, до 24 августа.

Гоголь пишет письмо Н. Ф. Павлову по поводу трех «писем» последнего в «Московских Ведомостях» (1847) о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Письмо № 46.

24 августа.

Отъезд Гоголя из Васильевки в Сорочинцы, к Данилевским.

«Материалы» Шенрока, IV, стр. 704, 715.

Конец августа — начало сентября.

Гоголь вместе с Данилевскими отправляется к А. М. Марковичу в с. Сварково Глуховского уезда Черниговской губ., где гостит несколько дней. Оттуда в экипаже Марковича едет в Глухов и далее на север.

Письма №№ 47–49, «Материалы» Шенрока, IV, стр. 715.

5 сентября.

Гоголь в Орле.

Письмо № 49.

12 сентября.

Гоголь в Москве.

Письмо № 50.

Вторая половина сентября — начало октября.

Гоголь в Петербурге. Видится с П. А. Плетневым, Вьельгорскими, Н. Я. Прокоповичем, А. О. Смирновой, П. В. Анненковым. Расспрашивает последнего о революционных событиях в Париже. На вечере у А. А. Комарова знакомится с Некрасовым, Панаевым, Дружининым, Гончаровым и Григоровичем. В разговоре дает «почувствовать, что его знаменитые „Письма“ писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы».

Письма №№ 52, 54, 57; «Записки», II, стр. 207; И. И. Панаев, Полн. собр. соч., VI, М. 1912, стр. 330.

14 октября.

Гоголь в Москве. Остановился у Погодина.

Письма №№ 57, 58.

29 октября.

Гоголь интересуется лекциями по истории русской литературы, которые В. А. Соллогуб начал читать своей жене и свояченице, А. М. Вьельгорской, и выражает желание принять участие в чтении этих лекций, начав со второго тома «Мертвых душ». Он дает советы А. М. Вьельгорской при встречах с Далем «заставлять его рассказывать о быте крестьян в разных губерниях России», так как «между крестьянами особенно слышится оригинальность нашего русского ума», а Плетнева «расспрашивать о всех русских литераторах, с которыми он был в сношениях», потому что «эти люди были более русские, нежели люди других сословий».

Письмо № 60.

11 ноября.

«В честь пребывания Гоголя в Москве Погдин торжественно отпраздновал день своего рождения во фраках и белых галстуках». На вечере присутствовали кн. Г. А. Щербатов, П. П. Новосильцев, И. В. Киреевский и др.

Барсуков, IX, стр. 478–479.

20 ноября.

Отзыв Гоголя о первой части «Одиссеи», переведенной Жуковским. Сообщение о своей работе: «Соображаю, думаю и обдумываю второй том „Мертвых душ“. Читаю преимущественно то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка».

Письмо № 65.

Конец декабря.

Гоголь переезжает от Погодина к А. П. Толстому (на Никитский бульвар, в дом Талызина).

Письмо № 70; Барсуков, IX, стр. 476.

Зима 1848-49 г. (декабрь — февраль).

Всю зиму Гоголь здоров, крепок и бодр физически. Часто бывает у Аксаковых, читает им «Одиссею» в переводе Жуковского, а также русские песни, собранные А. В. Терещенко. Занимается сербским языком с О. М. Бодянским, чтобы понимать красоты песен, собранных Вуком Караджичем.

«Записки», II, стр. 209, 222–223.

1849.

Начало весны.

С появлением первых оттепелей здоровье Гоголя ухудшается. Он становится «задумчивее, вялее, и хандра очевидно стала им овладевать».

«Записки», II, стр. 223.

19 марта.

День, который Гоголь считал днем своего рождения, он проводит у Аксаковых и обедает у них вместе с П. М. Языковым.

«Записки», II, стр. 223.

30 марта.

Гоголь дает восторженную характеристику «Домострою», только что напечатанному во «Временнике Московского общества истории и древностей российских».

Письмо № 80.

3 апреля.

Гоголь жалуется на «недвижность» в своих литературных занятиях и на охватившее его «оцепенение».

Письмо № 85.

Весна.

Голод, эпидемические болезни, падеж скота в Васильевке. Младшая сестра Гоголя, Оль-

га, лечит больных и заводит аптечку. Гоголь присылает деньги на лекарства и помощь голодающим.

О. В. Головня, стр. 35; «Литературный Вестник» 1902, кн. 1, стр. 62–65; письма №№ 76, 82, 83, 93, 102.

7 мая.

Просьба Гоголя к Аксаковым пригласить на именинный его обед Армфельда, Загоскина, Самарина и Павлова «совокупно с Мельгуновым».

«Записки», II, стр. 223; письмо № 92.

9 мая.

Традиционный именинный обед Гоголя в погодинском саду. Среди гостей — И. С. Аксаков, М. П. Погодин.

«Русский Архив» 1895, № 12, стр. 432.

Май.

Гоголь болен; он жалуется на «тяжелое расстройство нервическое», увеличившееся «от некоторых душевных огорчений».

Письма №№ 91, 93–98.

5 июня.

Поездка Гоголя с Погодиным к П. А. Вяземскому в Остафьево. Дорогой — разговоры «о

Европе, о России, правительстве». У Вяземского — беседа «о Карамзине, о крестьянах, о Петре Великом, литературе и пр.» Осмотр оставшегося архива. Запись, оставленная Гоголем: «5 июня 1849. Рылись здесь Гоголь...» Далее — подписи М. П. Погодина, Н. С. Всеволожского и П. А. Вяземского.

Барсуков, X, стр. 194–195; автограф-запись Гоголя в фонде Вяземских (ЦГЛА).

20 июня (н. ст.) — сентябрь.

В Чехии, в газете «*Národní Noviny*», печатаются на чешском языке (в переводе К. Гавличка-Боровского) «Мертвые души» и «Лакейская» Гоголя.

«Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. I. СПб. 1907, стр. 73.

15 июня.

На вечере у Хомяковых присутствуют Гоголь и Ю. Ф. Самарин.

«Из московской жизни сороковых годов». Дневник Е. И. Поповой. СПб. 1911, стр. 154.

22 июня.

Встреча Я. К. Грота с Гоголем у Шевырева.

«Переписка Грота с Плетневым», III, стр. 443.

25 июня.

Я. К. Грот у Гоголя. Намерение последнего поехать по России, чтобы изучить ее во всех отношениях. Приезд в Москву А. О. Смирновой. Гоголь навещает ее в гостинице «Дрезден». Знакомство его с братом Смирновой по матери, Л. И. Арнольди.

«Переписка Грота с Плетневым», III, стр. 444; Л. И. Арнольди, стр. 59–60.

26 июня.

Гоголь посещает А. О. Смирнову. Застает у нее Л. И. Арнольди и Ю. Ф. Самарина.

Л. И. Арнольди, стр. 60.

27 июня.

Смирнова с Л. И. Арнольди у Гоголя. Вечером — Гоголь у Смирновой.

Л. И. Арнольди, стр. 62.

28 июня.

Гоголь был у Грота, но не застал его.

«Переписка Грота с Плетневым», III, стр. 455.

1 июля.

Гоголь просит А. М. Марковича составить и прислать ему «маленький сельский календарь годовых работ, как они производятся... в

Черниговской губернии».

Письмо № 107.

4 или 5 июля.

Гоголь прощается с Я. К. Гротом и просит присылать ему «сведения касательно русского народа».

«Переписка Грота с Плетневым», III, стр. 455.

5 или 6 июля.

Отъезд Гоголя из Москвы вместе с Л. И. Арнольди.

«Переписка Грота с Плетневым», III, стр. 455.

Июль.

Гоголь с Л. И. Арнольди проводят четыре дня в имении А. О. Смирновой Бегичево Медынского уезда Калужской губ. Наблюдая сенокос, Гоголь восхищается костюмами бегичевских крестьянок и заставляет гостившего у Смирновых художника Алексеева «рисовать их со всеми узорами на рубашках». Ездит по окрестным деревням, посещает имение родственников Пушкина по жене, Гончаровых. Вечерами читает вслух «Одиссею» в переводе Жуковского. На пятый день вместе с Арноль-

ди и Смирновыми переезжает в Калугу, в загородный губернаторский дом. Продолжает работу над «Мертвыми душами». Читает сначала Смирновой, потом Смирновой и Арнольди несколько глав из второго тома поэмы.

Л. И. Арнольди, стр. 68–69, 72, 74–81; письмо № 113.

Около 29 июля.

Гоголь возвращается в Москву вместе с кн. Д. А. Оболенским.

«Русская Старина» 1873, № 12, стр. 941.

29 июля.

Гоголь посылает А. О. Смирновой из Москвы «Домострой».

Письмо № 111.

Начало августа.

Гоголь живет на даче у С. П. Шевырева и «с необыкновенной таинственностью» читает ему первые главы второго тома «Мертвых душ».

Барсуков, X, стр. 324.

7 августа.

И. В. Киреевский видится с Гоголем и узнает, что второй том «Мертвых душ» написан, но не приведен в порядок, для чего требуется

еще год.

«Русский Архив» 1909, № 5, стр. 114.

14 августа.

Приезд Гоголя к Аксаковым в Абрамцево.

«Записки», II, стр. 228.

18 августа.

Чтение Гоголем Аксаковым первой главы второго тома «Мертвых душ».

«Записки», II, стр. 228–229.

После 18 августа.

Отъезд Гоголя из Абрамцева в Москву.

«Записки», II, стр. 229.

24 августа.

«Свидетельство», выданное Гоголю московским оберполицеймейстером, «для свободного следования в губернии Тульскую, Орловскую и Калужскую и обратно в Москву».

См. подлинник (в музее Т. Г. Шевченко в Киеве).

57 августа.

С. Т. Аксаков пишет Гоголю свои критические замечания на прослушанную им первую главу второго тома «Мертвых душ» и отмечает, что талант Гоголя «стал выше и глубже».

«История моего знакомства», стр. 187.

Сентябрь — начало октября.

Поездка Гоголя в окрестности Москвы и смежные губернии (в том числе в Калугу, к А. О. Смирновой).

Письма №№ 120, 138.

21 сентября.

Неожиданный приезд Гоголя в Абрамцево.

«Русская Мысль» 1915, № 8, стр. 115.

27 сентября.

Отъезд Гоголя из Абрамцева в Москву вместе с О. С. Аксаковой.

«Русская Мысль» 1915, № 8, стр. 115.

15 октября.

Гоголь, И. В. Киреевский, А. А. Григорьев и др. на вечере у М. П. Погодина. «Духовная беда, а Гоголь скучал и улизнул».

Барсуков, X, стр. 326.

После 15 октября.

В Москву приезжает М. А. Максимович, чтобы повидаться с Гоголем, и остается здесь на зиму.

Барсуков, X, стр. 327.

31 октября.

Цензурное разрешение ноябрьской книжки «Отечественных Записок» с сочувствен-

ным отзывом в «Театральной хронике» о постановках в Александринском театре комедий Гоголя «Женитьба» и «Ревизор» и комической сцены «Тяжба» с участием приехавшего из Москвы М. С. Щепкина.

Ноябрь.

О. С. Аксакова, уведомляя сына Ивана о найме дома в Москве, сообщает, что Гоголь был у нее два раза.

«Русская Мысль» 1915, № 8, стр. 118.

3 декабря.

А. Н. Островский в доме Погодина в присутствии Гоголя читает свою комедию «Банкрот» («Свои люди — сочтемся»). Гоголь пишет К. И. Маркову о героях второго тома «Мертвых душ».

«Русская Старина» 1872, № 1, стр. 121; письмо № 127.

6-15 декабря.

Жалобы Гоголя на вялость и медлительность в работе, на «неписательное расположение» и одолевшую его умственную спячку.

Письма №№ 128, 130, 131.

21 декабря.

Гоголь является к О. М. Бодянскому и по-

здравляет его с «победой над супостаты», т. е. с возвращением в Московский университет. Разговор о сборнике украинских песен.

«Русская Старина» 1888, № 11, стр. 401–402.

Зима 1849-50 г.

Частые встречи Гоголя с О. М. Бодянским и М. А. Максимовичем. Посещения ими Аксаковых. Слушание украинских народных песен в исполнении Н. С. Аксаковой. «Тарас Бульба» издан на датском языке.

«Записки», II, стр. 209–210; Дневник Бодянского, стр. 409; «Отблески», изд. 2. СПб. 1908, стр. 2.

1850.

Начало января.

Гоголь вторично читает Аксаковым первую главу второго тома «Мертвых душ» (в переработанном виде).

«Записки», II, стр. 229–230.

9 января.

Гоголь проводит вечер у Аксаковых. Разговор о работе над «Мертвыми душами».

«Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 184–185.

16 января.

Гоголь у Аксаковых слушает чтение отрывков из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии». Отзыв его о «Бродяге» И. С. Аксакова и совет К. С. Аксакову заняться составлением русского словаря.

«Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 186.

19 января.

Гоголь читает «Мертвые души» М. П. Погодину и М. А. Максимовичу и в тот же день (вторую главу второго тома) — Аксаковым.

Барсуков, XI, стр. 133; «История моего знакомства», стр. 188.

20 января.

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану свои впечатления от чтения второй главы «Мертвых душ», которая «несравненно выше и глубже первой».

Барсуков, XI, стр. 134.

После 20 января — до конца мая.

Гоголь читает Аксаковым третью главу второго тома «Мертвых душ».

«Записки», II, стр. 230.

Первая половина февраля.

Болезнь Гоголя.

«История моего знакомства», стр. 189,
письма №№ 141–147.

28 февраля.

Едва оправившись от болезни, Гоголь по
просьбе Жуковского пишет большое письмо с
описанием Палестины.

Письмо № 148.

19 марта.

День своего рождения Гоголь по обычаю
проводит у Аксаковых. Пение украинских на-
родных песен. Присутствуют О. М. Бодянский,
М. А. Максимович, А. С. Хомяков, С. М. Соло-
вьев.

«Н. В. Гоголь. Материалы и исследования»,
I, стр. 217.

9 мая.

Именинный обед Гоголя в погодинском са-
ду. Среди: гостей — К. С. и Г. С. Аксаковы, Н. В.
Берг, А. Н. Островский, А. И. Кошелев, М. П. По-
годин, М. А. Максимович.

Н. В. Берг, стр. 122, письмо № 166.

12 мая.

О. М. Бодянский у Гоголя. Разговор о лите-
ратуре. Мнение Гоголя о желательности изда-
ния в Москве журнала под редакцией Бодян-

ского наподобие «Чтений в имп. Обществе истории и древностей российских», с прибавлением отдела «Изящная словесность».

Дневник Бодянского, стр. 407–409.

21 мая.

Гоголь на именинном обеде у К. С. Аксакова вместе с О. М. Бодянским, М. А. Максимовичем, А. С. Хомяковым, Д. Н. Свербеевым.

Дневник Бодянского, стр. 411.

Весна.

Гоголь через Веневитиновых делает предложение А. М. Вьельгорской и получает отказ. Прекращение его переписки с Вьельгорскими.

«Материалы» Шенрока, IV, стр. 739–741; письмо № 174.

Конец мая или 1 июня.

Гоголь читает Аксаковым «новую» (четвертую) главу «Мертвых душ».

«И. С. Аксаков в письмах», II, стр. 324.

13 июня.

Обед у Аксаковых и отъезд Гоголя с Максимовичем на долгие из Москвы на Украину. Ночевка в Подольске. Встреча здесь с Хомяковыми.

«Записки», II, стр. 231.

14 июня.

Продолжение пути. Ночевка в Малом Ярославце.

«Записки», II, стр. 231.

16 июня.

Ночевка в Калуге. Днем — обед у А. О. Смирновой. Встреча Гоголя в ее доме с гр. А. К. Толстым.

«Записки», II, стр. 231–234.

19 июня.

Гоголь и Максимович в имении И. В. Киреевского Долбино и в монастыре Оптиная пустынь.

Барсуков, XI, стр. 145.

20 июня.

Гоголь и Максимович в Петрищеве, у А. П. Елагиной.

«Записки», II, стр. 231.

24 июня.

Ночевка в Севске. Гоголь и Максимович слушают плач плакальщиц по умершей. Гоголь поражен «поэтичностью этого явления».

«Записки», II, стр. 237–238.

25 июня.

Расставшись в Глухове с Максимовичем,
Гоголь едет в Сварково к А. М. Марковичу.

«Записки», II, стр. 231; письмо № 180.

26-30 июня.

Гоголь приезжает в имение А. С. Данилевского Дубровное и, не застав там хозяина, едет к нему в Сорочинцы.

Письма №№ 181, 182.

1 июля.

Приезд Гоголя в Васильевку.

Письмо № 183.

Лето.

Гоголь производит под своим наблюдением ремонт дома в Васильевке.

О. В. Головня, стр. 49.

10-18 июля.

По совету А. О. Смирновой Гоголь пишет письмо, предназначая его либо министру внутренних дел, либо министру просвещения, либо шефу жандармов гр. А. Ф. Орлову, с просьбой о пенсione или единовременном пособии, а также о заграничном паспорте, для того, чтобы иметь возможность зимние месяцы проводить на юге, в Греции или на берегах Средиземного моря, укрепить свое

здоровье, закончить «Мертвые души» и задуманную географию России для детей. Это письмо пересылается к Смирновой через Н. П. Трушковского.

Письмо № 188; «Деловые бумаги» № 1.

9 августа.

Ехавший в Васильевку Максимович встречает Гоголя в Сорочинцах, у А. С. Данилевского.

Барсуков, XI, стр. 148.

10 августа.

Приезд Максимовича вместе с Гоголем в Васильевку, где Максимович гостит две недели.

Барсуков, XI, стр. 149–150.

20 августа.

Гоголь сообщает Смирновой, что «телом не очень здоров, но голова... вся сидит во 2 томе» <«Мертвых душ».>

Письмо № 191.

Август.

Гоголь получает от А. С. Стурдзы письмо «с дружелюбным зазывом в Одессу» и от Смирновой проекты двух официальных писем (на имя наследника и В. Д. Олсуфьева) с просьбой

о денежном пособии и заграничном паспорте, составленные А. К. Толстым на основе письма Гоголя (см. «Деловые бумаги» № 1). Однако эти письма остались не переписанными и не отправленными Гоголем.

Письма №№ 191 и 192; «Деловые бумаги» №№ 2 и 3.

Осень.

Заботы Гоголя о разведении дубового леска в Васильевке.

О. В. Головня, стр. 52–53.

1 октября.

На именинах матери Гоголь читает ей и сестрам страницы из второго тома «Мертвых душ».

«Материалы» Шенрока, IV, стр. 705.

Около 17 октября.

Отъезд Гоголя из Васильевки в Одессу.

А. И. Маркевич, стр. 15.

После 17 октября.

Встреча А. В. Марковича с Гоголем у В. А. Лукашевича, в с. Мехедовке Золотоношского уезда.

«Записки», II, стр. 241–242.

24 октября.

Гоголь приезжает в Одессу и останавливается в доме А. А. Трощинского. Обедает у Репниных.

Дневник неизвестной, стр. 543.

28 октября.

Заметка в «Одесском Вестнике», № 86, о приезде Гоголя в Одессу и о намерении его зимовать здесь.

7 ноября.

Гоголь сообщает С. П. Шевыреву о своем решении выпустить второе издание своих сочинений и продавать их по недорогой цене.

Письмо № 199.

13 ноября.

Книгоиздатель И. Т. Лисенков предлагает Гоголю продать права на новое издание его сочинений.

Письмо И. Т. Лисенкова к Гоголю от 13 ноября 1850 г. (ЛБ).

15 декабря.

Согласие Гоголя на предложение С. П. Шевырева использовать сумму, пожертвованную Гоголем нуждающимся студентам Московского университета, на издание памятников древней письменности, подготовляемых

к печати силами студентов, с оплатой их труда.

Письмо № 203.

16 декабря.

Гоголь сообщает Жуковскому, что работа его над вторым томом «Мертвых душ» «близка к окончанию».

Письмо № 204.

В течение 1850 г.

«Страшная месть» Гоголя издана на сербском языке в переводе Т. Илича («Српске Новине» 1850).

«Литературный Вестник» 1902, № 4, стр. 384.

«Тарас Бульба» издан на украинском и польском языках в переводе П. Гловацкого (Львов. 1850).

«Ученые Записки Юрьевского университета» 1904, № 5, стр. 135; «Литературный Вестник» 1902, кн. 1, стр. 18.

Издано на шведском языке собрание повестей Гоголя в переводе А. Лундаля (Гельсингфорс. 1850).

«Ученые Записки Юрьевского университета» 1904, № 5, стр. 150.

Зима 1850-51 г.

Гоголь часто бывает у Репниных (слушает у них пианиста Гартля) и кн. Д. И. Гагарина. Посещает А. С. Стурдзу, П. П. и Ю. М. Титовых, Л. С. Пушкина, Н. Г. Тройницкого, братьев Орлаев. Видится с Н. П. Ильиным, И. Г. Михневичем, А. И. Соколовым и др. Мягкая зима благоприятно влияет на его настроение и работоспособность.

Дневник неизвестной, стр. 545–554; А. П. Толченев, стр. 23–31; письма №№ 206, 208.

1851.

Начало января.

Знакомство Гоголя с актером одесской труппы А. П. Толченовым.

А. П. Толченев, стр. 23–25.

6 января.

Гоголь у Репниных читает комедию Мольера «Школа жен».

Дневник неизвестной, стр. 547.

9 января.

Встреча с Гоголем у А. И. Орлая одесского литератора Н. Д. Мизко. Гоголь в театре на бенефисе А. П. Толчелова.

«Записки», II, стр. 245–246; А. П. Толченев,

стр. 25.

11 января.

Н. Д. Мизко посещает Гоголя и подносит ему две своих книги: «Столетие русской словесности» и «Памятную записку» о жизни своего отца.

«Записки», II, стр. 246–247.

Через несколько дней после 11 января.

Гоголь отдает визит Н. Д. Мизко.

«Записки», II, стр. 247–248.

19 января.

С. Т. Аксаков со слов А. О. Смирновой сообщает И. С. Аксакову, что Гоголь в Одессе «много и успешно работает».

«Русская Мысль» 1915, № 8, стр. 128.

20 января.

Гоголь у Репниных читает вслух «Одиссею» в переводе Жуковского.

Дневник неизвестной, стр. 549.

27 января.

Гоголь слушает у Репниных чтение Н. П. Ильиным пьесы И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя».

Дневник неизвестной, стр. 552.

Январь.

Гоголь читает артистам одесского театра «Школу жен» Мольера и свою сцену «Лакейская». Присутствует на репетиции «Школы жен».

А. П. Толченев, стр. 25–27.

3 февраля.

Гоголь читает у Репниных «Бориса Годунова» Пушкина.

Дневник неизвестной, стр. 553.

Перед 27 марта.

Обед в честь отъезжающего Гоголя, устроенный кружком приятелей и почитателей его в ресторане Оттона. Среди участников — Л. С. Пушкин, Н. Г. Тройницкий, Н. П. Ильин.

А. П. Толченев, стр. 30–31; «Одесский Вестник» 1869, № 67.

26 марта.

Гоголю выданы херсонским гражданским губернатором две подорожные: от Одессы до Богуслава и от Одессы до Москвы. Гоголь обедают у Репниных и прощается с ними.

Подлинники подорожных (КИЛ); Дневник неизвестной, стр. 559.

27 марта.

Отъезд Гоголя из Одессы.

Дневник неизвестной, стр. 559.

Начало апреля.

Гоголь приезжает в Кагорлык, к А. А. Трощинскому, у которого гостит М. И. Гоголь со старшими дочерьми, и читает родным первую главу второго тома «Мертвых душ».

Барсуков, XI, стр. 541.

20 апреля.

Гоголь с матерью и сестрами возвращается из Кагорлыка в Васильевку.

«Исторический Вестник» 1886, № 12, стр. 492.

Начало мая.

В Васильевку приезжают А. С. Данилевский и его жена и остаются там до отъезда Гоголя.

«Материалы» Шенрока, IV, стр. 837.

15 мая.

Цензурное разрешение майской книжки (№ 9-10) «Москвитянина» с «драматической фантазией» Эраста Благонравова (Б. Н. Алмазова) «Сон по случаю одной комедии», содержащей высказывания действующих лиц о комедиях Гоголя.

22 мая.

Отъезд Гоголя из Васильевки вместе с провожавшими его матерью и сестрой Ольгой.

Г. П. Данилевский, стр. 492.

После 22 мая.

Остановка Гоголя в Полтаве, у В. А. и С. В. Скалонов. Известие о предложении, сделанном В. И. Быковым Е. В. Гоголь, и о согласии последней на брак. Отъезд Гоголя из Полтавы. По дороге — посещение двоюродной сестры, М. Н. Синельниковой, в деревне которой (с. Власовка Константиноградского уезда Полтавской губ.) Гоголь живет неделю вместе с матерью и сестрой.

О. В. Головня, стр. 54–55; письмо М. Н. Синельниковой к С. П. Шевыреву от 15 апреля 1852 г. (ПБЛ); письма №№ 222, 223.

29 мая.

Прощание с родственниками и отъезд Гоголя из Власовки.

Письмо М. Н. Синельниковой к С. П. Шевыреву от 15 апреля 1852 г. (ПБЛ).

5 июня.

Приезд Гоголя в Москву.

Барсуков, XI, стр. 518; письмо № 224.

Июнь.

Гоголь посещает Аксаковых в Абрамцеве.

«Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми», стр. 152.

Июнь — июль.

Гоголь около месяца гостит у А. О. Смирновой в ее подмосковной, с. Спасском. Смирнова заболевает и переезжает в Москву. Гоголь бывает у нее каждый вечер.

Л. И. Арнольди, стр. 90–91.

Июль — август.

Гоголь на даче у Шевырева. Под большим секретом читает С. П. Шевыреву новые главы «Мертвых душ» (всего прочитано им Шевыреву семь глав).

Н. В. Берг, стр. 126; «Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми», стр. 152; «Русская Старина» 1904, № 2, стр. 429; письмо № 232.

15 августа.

Гоголь вместе с М. П. Погодиным едет на Преображенское кладбище к старообрядцам, где присутствует на обеде с пением.

Барсуков, XI, стр. 521.

Лето.

Затруднения с получением цензурного разрешения на второе издание сочинений Го-

голя. Слухи о запрещении этого издания.

Письма №№ 230, 236; Г. П. Данилевский, стр. 495.

Середина сентября.

Получение Гоголем из Петербурга (от М. С. Скуридина) выписок о себе из вышедшей в Париже на французском языке брошюры А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», доставленной Николаю I префектом парижской полиции Карлье. Гоголь тяжело переживает брошенные ему Герценом обвинения в ренегатстве.

«Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 133–138 и 147; М. С. Щепкин. Записки его, письма и пр. П. 1914, стр. 373–374.

Около середины сентября.

Гоголь приезжает в Абрамцево и живет там несколько дней.

«Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми», стр. 152.

18 сентября.

Гоголь получает известие о болезни матери.

Письма №№ 241, 242.

22 сентября.

Гоголь едет из Москвы навестить больную мать и на свадьбу сестры, с намерением из Васильевки проехать в Крым и там зимовать.

«Записки», II, стр. 251.

25 сентября.

Доехав до Калуги и посетив Оптину пустынь, Гоголь почувствовал себя больным и, опасаясь расхвораться в дороге, решает возвратиться в Москву.

«Записки», II, стр. 250–251; письма №№ 246, 231.

После 25 сентября.

Гоголь в Москве и посещает О. М. Бодянского.

«Записки», II, стр. 250–251.

30 сентября.

Сообщение Гоголя С. П. Шевыреву о разрешении попечителем Московского учебного округа В. И. Назимовым издания всех сочинений Гоголя. Гоголь едет в Абрамцево.

Письмо № 248; «Записки», II, стр. 254.

3 октября.

День свадьбы сестры Гоголя, Е. В. Гоголь, с В. И. Быковым. Гоголь возвращается из Абрамцево в Москву.

«Записки», II, стр. 254.

10 октября.

Цензурное разрешение второго издания сочинений Гоголя.

Осень.

Гоголь читает кн. Д. А. Оболенскому и А. О. Россету первую главу второго тома «Мертвых душ». П. В. Анненков посещает Гоголя. Гоголь просит Анненкова защищать его перед своими друзьями, мнением которых он дорожит.

Д. А. Оболенский, стр. 943; П. В. Анненков. «Литературные воспоминания». СПб. 1909, стр. 266.

Около 13 октября.

Гоголь вместе с Л. И. Арнольди смотрит в театре «Ревизора» с Шумским в роли Хлестакова. Игрой артистов, за исключением Шумского, он остается недоволен.

Л. И. Арнольди, стр. 91–92.

20 октября.

М. С. Щепкин привозит к Гоголю И. С. Тургенева В разговоре Гоголь защищается от обвинений Герцена в отступничестве от прежних убеждений и для доказательства единства своих взглядов ссылается на «Арабески».

И. С. Тургенев, стр. 432–435.

Конец октября.

О. М. Бодянский привозит к Гоголю Г. П. Данилевского.

Г. П. Данилевский, стр. 474–480.

31 октября.

Гоголь на вечере у Аксаковых. Присутствуют О. М. Бодянский, Г. П. Данилевский и штаб-лекарь Погорецкий. Пение украинских народных песен. Рассказ Гоголя о том, как Пушкин дал ему сюжет «Ревизора».

Дневник Бодянского, стр. 133.

15 ноября н. ст.

В четвертом выпуске «Revue des Deux Mondes» напечатана статья П. Мериме с очень умеренной оценкой не понятого им творчества Гоголя.

5 ноября.

Чтение Гоголем в квартире А. П. Толстого «Ревизора» артистам. Среди слушателей — М. С. Щепкин, П. М. Садовский, С. В. Шумский, И. С. Тургенев, С. Т. и И. С. Аксаковы, Н. В. Берг, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Г. П. Данилевский.

И. С. Тургенев, стр. 435–437; Г. П. Данилевский, стр. 484–485.

15 ноября.

Цензурное разрешение второй ноябрьской книжки «Москвитянина», где помещена статья за подписью Е. Верской: «„Ревизор“ на сцене пермского театра», с положительной оценкой игры артистов.

12 и 19 декабря.

В газете «Северная Пчела» (№№ 277 и 283) напечатана статья Ф. Булгарина с хвалебным отзывом о статье П. Мериме в «Revue des Deux Mondes» и с злобными выпадами по адресу Гоголя.

19 декабря.

Цензурное разрешение второй декабрьской книжки «Москвитянина» с отрицательным отзывом (за подписью «Г.») о статье П. Мериме о Гоголе.

Декабрь.

Переведены и изданы на немецком языке (Лейпциг. 1851) «Шинель», «Старосветские помещики», «Страшная месть» и «Майская ночь» (последняя — в переводе Вольфсона).

«Литературный Вестник» 1902, № 4, стр. 374.

1852.

1 января.

Л. И Арнольди у Гоголя, который сообщает, что второй том «Мертвых душ» совершенно окончен.

Л. И. Арнольди, стр. 93.

4 января.

И. С. Аксаков пишет И. С. Тургеневу, что «Гоголь постоянно и много работает и печатает второе издание своих сочинений с прибавкою и 5-го, нового тома».

«Русское Обозрение» 1894, № 8, стр. 461.

Начало января.

Гоголь жалуется С. Т. Аксакову, что дело его (со вторым изданием сочинений) «идет крайне тупо».

Письмо № 276.

24 января.

О. М. Бодянский застаёт Гоголя за правкой корректуры нового издания его сочинений.

«Записки», II, стр. 258.

26 января.

Смерть Е. М. Хомяковой, сестры Н. М. Языкова, производит подавляющее впечатление на Гоголя.

«Материалы» Шенрока, IV, стр. 850.

27 января.

На первой панихиде по Хомяковой Гоголь заявляет, что для него всё кончено. Мучаясь страхом смерти, он начинает готовиться к ней.

Барсуков, XI, стр. 536.

После 26 января.

Приезд из Ржева к А. П. Толстому Матвея Константиновского. Беседы с ним, потрясшие Гоголя. Матвей требует от Гоголя отказа от писательской деятельности, отказа от Пушкина, как «грешника и язычника».

А. Т. Тарасенков, стр. 9-10; «Тверские Епархиальные Ведомости» 1902, № 5, стр. 137-141.

29 января.

Похороны Хомяковой, на которые Гоголь не явился.

«Из записной книжки В. С. Аксаковой», стр. 273.

30 января.

Гоголь посещает сестер В. С. и Н. С. Аксаковых.

«Из записной книжки В. С. Аксаковой», стр. 273.

31 января.

Гоголь занимается с Шевыревым чтением корректур первого и второго тома своих сочинений.

«Русская Старина» 1902, № 5, стр. 440.

1 февраля.

Гоголь посещает В. С. и Н. С. Аксаковых, к которым по ошибке принесли корректуру его сочинений.

«Из записной книжки В. С. Аксаковой», стр. 273.

2 февраля.

Гоголь в письме к матери жалуется на нездоровье. В тот же день пишет матери, В. А. Жуковскому, В. Н. и Е. П. Репниным и, возможно, И. И. Барановскому.

Письма №№ 277–281.

3 февраля.

Гоголь посещает сестер Аксаковых. Учит В. С. Аксакову правке корректуры. Рассказывает, что печатание его сочинений идет довольно медленно.

«Из записной книжки В. С. Аксаковой», стр. 276–277.

4 февраля.

Гоголь посещает сестер Аксаковых и С. П.

Шевырева.

«Из записной книжки В. С. Аксаковой», стр. 277–278; «Русская Старина» 1902, № 5, стр. 440.

5 февраля.

Шевырев у Гоголя. Гоголь провожает Матвея Константиновского на станцию железной дороги, после чего оставляет литературную работу и другие занятия и лишает себя сна и пищи.

«Русская Старина» 1902, № 5, стр. 441; А. Т. Тарасенков, стр. 10.

6 февраля.

Гоголь пишет письмо Матвею Константиновскому с просьбой простить нанесенное ему оскорбление. В тот же день посещает С. П. Шевырева.

Письмо № 282; «Русская Старина» 1902, № 5, стр. 441.

7 февраля.

Гоголь выполняет религиозные обряды исповеди и причащения. Его навещает С. П. Шевырев. Вечером Гоголь заезжает к М. П. Погдину, где его «нашли очень расстроенным».

А. Т. Тарасенков, стр. 10–11; «Русская Стари-

на» 1902, № 5, стр. 444.

9 февраля.

Гоголь посещает А. С. Хомякова и ласкает своего маленького крестника.

Барсуков, XI, стр. 536.

Около 10 февраля.

Гоголь пишет последнее письмо (матери).

Письмо № 283.

10 февраля.

Гоголь просит А. П. Толстого передать рукописи его сочинений митрополиту Филарету, чтобы тот отобрал, что нужно печатать и что следует уничтожить. А. П. Толстой отказывается это сделать, чтобы отогнать от Гоголя мысли о смерти.

Барсуков, XI, стр. 533.

Ночь с 11-го на 12 февраля.

Сожжение Гоголем рукописи подготовленного к печати второго тома «Мертвых душ».

А. Т. Тарасенков, стр. 12–13.

12 февраля.

Гоголь рассказывает А. П. Толстому, что по ошибке сжег совсем не те рукописи, которые отобрал для уничтожения.

Барсуков, XI, стр. 534.

13-18 февраля.

Гоголь, отказываясь от пищи и медицинской помощи, впадает в апатию и полное изнеможение. Силы его падают «быстро и необратимо».

А. Т. Тарасенков, стр. 16–17.

19 февраля.

Доктор Тарасенков застаёт переднюю комнату Гоголя наполненной знакомыми и почтителями писателя. Каждый из них, казалось, «готов был поплатиться своим здоровьем, чтоб восстановить здоровье Гоголя, возвратить отечеству его художника».

А. Т. Тарасенков, стр. 17.

20 февраля.

Консилиум врачей решает лечить Гоголя насильно. Однако кровопускание и применение других сильных средств не помогают, и Гоголь впадает в бессознательное состояние.

21 февраля, в 8 часов утра.

Смерть Гоголя.

25 февраля.

После отпевания в университетской церкви тело Гоголя было погребено в Даниловом монастыре. Проводы тела его превратились в

грандиозную народную демонстрацию.

Письма, 1848-1852

Жуковскому В. А., 10 января 1848 / 29 декабря 1847*

1. В. А. ЖУКОВСКОМУ. 1848. Генварь 10 Неаполь. 1847. Декабр<ь>29.

Винюват перед тобой, душа моя! Всякий день собираюсь писать — и непостижимая *неохота* удерживает. Перед мной опять Неаполь, Везувий и море! Дни бегут в занятиях, время летит так, что не знаешь, откуда взять лишний час. Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе. Но что рассказывать об этом! Хотелось бы поговорить о том, о чем с одним тобой могу говорить: о нашем милом *искусстве*, для которого живу и для которого учусь теперь, как школьник. Так как теперь предстоит мне путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи — здесь. Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша,

пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнился желаньем помочь будущему сподвижнику! Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Что нас свело неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что прежде, чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свиданья нашего оно уже стало *главным* и *первым* в моей жизни, а всё прочее *вторым*. Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давал себе отчета (да и мог ли тогда его дать?), что должно быть предметом[1] моего пера, а уже творческая

сила шевелилась и собственные обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Всё совершалось как бы независимо от моего собственного (свободного) произволения. Никогда, например, я не думал, что мне придется быть сатирическим писателем и смешить моих читателей. Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась к этому болезнь и хандра. И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, становил их в смешные положения — вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною еще сызмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть верными снимками с натуры. Еще одно обстоятельство: мой смех вначале был добродушен; я

совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. «Если сила смеха так велика, что ее[2] боятся, стало быть, ее не следует тратить непустому». Я решился собрать всё дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться — вот происхождение «Ревизора»! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представление «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатлен<ие>. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшего своего дела. Уже давно занимала меня мысль *большого со-*

чиненья, в котором бы предстало всё, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами виднейшее свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера. Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, — а способность творить всё не возвращалась. От напряжения болела голова. С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть «Мертвых душ», как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня вновь безблагодатное состояние. Изгрызлось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думал, что уже способность

писать просто отнялась от меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвав меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому,[3] к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему[4] над человеком и над душой человеческой. О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с тем, который один из всех, доселе бывших на земле, показал в себе полное познание души человеческой; божественность которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда сделается уже не слеп, а просто глуп. Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления.[5] С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен[6] и звучен, а слог окрепнет. И, может

быть, будущий уездный учитель словесности прочтет ученикам своим страницу будущей моей прозы непосредственно вослед за твоей, примолвивши:[7] «Оба писателя[8] правильно писали, хотя и не похожи друг на друга». Выпуск книги «Переписка с друзьями», с которою (от радости, что расписалось перо) я так поспешил,[9] не подумавши, что прежде, чем принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею с толку многих, пришелся в пользу мне самому.[10] На этой книге я увидел, где и в чем я перешел в то излишество, в которое, в эпоху нынешнего переходного состоянья общества, попадает почти всякий идущий вперед человек. Несмотря на пристрастие суждений об этой книге и разномыслие их, в итоге слышался общий голос, указавший мне место мое и границы, которых я, как писатель, не должен преступать. В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассужденьями. Я должен выставить *жизнь* лицом, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопрос: мог ли бы я без этого большого крюку сделаться достой-

ным производителем искусства? Могли бы вы выставить жизнь в ее глубине так, чтобы она пошла в поученье? Как изображать людей, если не узнал прежде, что такое душа человеческая? Писатель, если только он одарен творческой силою создавать собственные образы, воспитайсь прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет всё невпопад. Что пользы поразить позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен[11] в тебе самом идеал ему противоположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки и недостойность человеческое, если не задал[12] самому себе запроса: в чем же достоинство человека? и не дал на это себе сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Как осмеивать исключенья, если еще не узнал хорошо[13] те правила, из которых выставляешь на вид исключенья? Это будет значить разрушить старый дом прежде, чем иметь возможность выстроить на место его новый. Но искусство не разрушенье. В искусстве таятся семена создання, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена,[14] когда всё было неве-

жественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: «Искусство есть примиренье с жизнью». Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокаивающее и примирительное. Во время чтения душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движение негодованья противу брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату. И вообще[15] не устремляешься на *порицанье* действий другого, но на *созерцанье* самого себя. Если же создание поэта не имеет в себе этого свинства, то оно есть один только благородный, горячий порыв, плод временно-го состоянья автора. Оно останется, как примечательное явление, но не назовется созданием искусства. Поделом! Искусство есть примиренье с жизнью!

Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства. Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каж-

дый из нас почувствовал, что это *живые люди*, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные *народные* наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиваться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы[16] каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши *народные* качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить всё омрачающее благородство природы нашей. Тогда только и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначенье и внесет порядок и стройность в общество!

Итак, благословясь и помолясь, обратимся же сильней, чем когда-либо прежде, к нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши всё прочее на будущее время (когда бог удостоит быть достойным сколько-нибудь того), хочу заняться крепко

«Мерт<выми> душами». Съезжу в Иерусалим (чего стало даже и совестно не сделать), поблагодарю как сумею за всё бывшее. Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, [17] и с богом за дело. Очень, очень бы хотелось, чтобы привел бог нам опять пожить вместе, в Москве, [18] вблизи друг от друга. Перечитывать написанное и быть судьей друг другу теперь будет еще больше нужно, чем прежде. Затем от всей души поздравляю тебя с новым годом. Дай бог, чтоб был он нам обим очень, очень плодотворен, плодотворнее всех прошедших. Прощай, мой родной! Целую тебя и обнимаю крепко. Пиши ко мне. Твое письмо еще застанет меня в Неаполе. Раньше февраля я не думаю подняться.

Обнимаю всё твое милое семейство вместе с Рейтернами*.

Твой Г.

Если письмо это найдешь не без достоинств<ва>, то побереги его. Его можно будет при втором издании «Переписки» поставить впереди книги на место [19] «Завещания», имеющего выброситься, а заглавье дать ему: «*Искусство есть примирение с жизнью*».

Всё хочу спросить и всё позабываю: есть ли у тебя латинский надстрочный перевод «Одиссеи», напечатанный недавно в Париже вместе с подлинником. Весьма красивое издание. Весь Гомер в одном томе, в большую осьмушку. Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846*. Мне он показался весьма удовлетворительным и для тебя полезнейшим прочих.

Адрес мой: в Неаполь, *poste restante*, или, еще лучше, в *hôtel de Rome*, а чтобы не попало письмо в город Рим, слово Неаполь нужно выставить позаметней. *На обороте*: Francfort sur Main. Son excellence monsieur Basile de Joukowsky. Васил<и>ю Андреевичу Жук<овскому>. Francfort s/M. Sachsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

**Константиновскому М. А., 12 января
(н. ст.) 1848***

**2. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
Неаполь. Генваря 12 дня <н. ст.>
1848 г.**

Благодарю вас много за бесценные ваши строки*. Прочитал несколько раз ваше письмо. Прочитаю потом еще в минуты других расположений душевных. Смысл нам не вдруг открывается, а потому нужно повторять чтение того, что относится до души нашей. Я верю, что вы молились обо мне и просили у бога вразумленья сказать мне то, что для меня нужно, а потому, верно, после откроется мне в нем и больше. Хотя и теперь вы сказали много того, за что душа моя будет благодарить вас и в будущей и в здешней жизни. Всё, что говорите вы об учительстве, принял очень к сведению и вследствие этого, разумеется, взглянул пристальнее и на себя и на учительство. Не могу только решить того, действительно ли то дело, которое меня занимает и было предметом моего обдумывания с

давних пор, есть учительство. Мне оно кажется только долгом и обязанностью службы, которую я должен был сослужить моему отечеству, как воин, гражданский и всякий другой чиновник, если только он получил для этого способности. Я, точно, моей опрометчивой книгой (которую вы читали) показал какие-то исполинские замыслы на что-то вроде вселенского учительства. Но книга эта есть произведение моего переходного душевного состояния, временного, едва освободившегося от болезненного состояния. Опечаленный некоторыми неприятными происшествиями, у нас случающимися, и нехристианским направлением современной литературы, я опрометчиво поспешил с этой нерассудительной книгой и нечувствительно забрел туда, где мне неприлично. А диавол, который <тут> как тут, раздул до чудовищной преувеличенности даже и то, что было и без умысла учительствовать, что случается всегда с теми, которые понадеются несколько на свои силы и на свою *значительность* у бога. Дело в том, что книга эта не мой род. Но то, что меня издавна и продолжительнее занимало, это было

изобразить в большом сочинении добро и зло, какое есть в нашей русской земле, после которого русские читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у нас многие, даже чиновники и должностные, попадают в большие ошибки по случаю незнания коренных свойств русского человека и народного духа нашей земли. Я имел всегда свойства замечать все особенности каждого человека, от малых до больших, и потом изобразить его так перед глазами, что, по уверению моих читателей, что человек, мною изображенный, оставался, как гвоздь, в голове, и образ его так казался жив, что от него трудно было отделяться. Я думаю, что если я, с моим умением живо изображать характеры, узнаю получше многие вещи в России и то, что делается внутри ее, то я введу читателя в большее познание русского человека. А если я сам, по милости божией, проникнусь более познанием долга человека на земле и познанием истины, то от этого нечувствительно и в сочинении моем добрые русские характеры и свойства людей получат привлекательность, а нехорошие — такую непривлекательность, что чита-

тель не возлюбит их даже и в себе самом, если отыщет. Вот как я думал и поэтому узнавал всё, что ни относится до России, узнавал души людей и вообще душу человека, начиная со своей. Еще я не знал сам, как с этим слажу и как успею, а уже верил, что это будет мне возможно тогда, когда я сам сделаюсь лучшим. Вот в чем я полагаю мое писательство. Итак, учительство ли это? Я хотел представить только читателю замечательнейшие предметы русские в таком виде, чтобы он сам увидел и решил, что нужно взять ему, и, так сказать, сам бы поучил самого себя. Я не хотел даже выводить нравоучения; мне казалось (если я сам сделаюсь лучше), всё это нечувствительно, мимо меня, выведет сам читатель. Вот вам исповедь моего писательства. Бог весть, может быть, я в этом неправ, а потому вопрошу себя еще, стану наблюдать за собою, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Как молиться, если бог не захочет? Вижу так много в себе дурного, такую бездну *себялюбия* и *неуменья* пожертвовать земным *небесному*. Прежде мне казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно стал

лучше прежнего, в минуты слез и умилений, которые я ощущал во время чтения святых книг. Мне казалось, что я удостоивался уже милостей божиих, что эти сладкие ощущения есть уже свидетельство, что я стал ближе к небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, как бог не поразил меня и не стер с лица земли. О друг мой и самим богом данный мне исповедник! горю от стыда и не знаю, куда деться от несметного множества не подозреваемых во мне прежде слабостей и пороков. И вот вам моя исповедь уже не в писательстве. Исписал бы вам страницы во свидетельство моего малодушия, суеверия, боязни. Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился его необъятной мудрости и с некоторым страхом почувствовал, что невозможно земному человеку вместить ее в себе, изумился глубокому познанию его души человеческой, чувствуя, что так знать душу человека может только сам творец ее. Вот всё, но веры у меня нет. Хочу верить. И, несмотря на всё это, я дерзаю теперь идти поклониться

святому гробу. Этого мало: хочу молиться о всех и всём, что ни есть в русской земле и отечестве нашем. О, помолитесь обо мне, чтобы бог не поразил меня за мое недостойнство и удостоил бы об этом помолиться! Скажите мне: зачем мне, вместо того, чтобы молиться о прощеньи всех прежних грехов моих, хочется молиться о спасеньи русской земли, о водвореньи в ней мира, наместо смятения, и любви, наместо ненависти к брату? Зачем я помышляю об этом, наместо того, чтобы оплакивать собственные грехи мои? Зачем мне хочется молиться еще и о том, чтобы бог дал силы мне загладить новым, лучшим делом и подвигом мои прежние худые, даже и в деле писательства? О, молитесь обо мне, добрая душа моя! Молитесь, чтобы бог избавил меня от всякого духа искушения и дал бы мне уразуметь его истинную волю. Молитесь, молитесь крепко обо мне, и бог вам да поможет обо мне молиться! Порученье ваше исполняю, евангелие читаю и благодарю вас за это много.

Уведомьте меня двумя строками, получены ли вами из Петербурга деньги, 100 рублей серебром, на молебны <и> на бедных.

Адресуйте в Константинополь таким образом: A monsieur conseiller de la Mission Russe à Constantinople Jean de Chalczinsky (Ивану Дмитриевичу Халчинскому*) для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

Прощайте. О, если бы бог удостоил меня помолиться крепко о вас в благодарность за ваше благодеяние!

**Шереметевой Н. Н., 12 января (н. ст.)
1848***

**3. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. Неаполь.
Генварь 22 <12 н. ст. 1848>.**

Ваше письмо, добрейшая Надежда Николаевна, получил*. Благодарю вас много за то, что не забываете меня. Вследствие вашего наставления, я осмотрел[20] себя и спросил, не имею ли чего на сердце противу кого-либо, и мне показалось, что ни против кого ничего не имею. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я в силах бы был простить всякому за какое бы то ни было оскорбление. Трудней всего примириться с самим собой. Тем более, что видишь, как всему виной сам: не лю-

бят меня через меня же, сердятся и негодуют на меня потому, что собственным неразумным образом действий[21] заставил я на себя сердиться и негодовать. А неразумны мои действия оттого, что я не проникнулся святынею помыслов, как следует на земле человеку. И не умею исполнять в младенческой и чистой простоте сердца слова и законы того, кто их принес нам на землю. Собираюсь в путь, готовлюсь сесть на корабль ехать в святую землю, а между тем как мало похожу на человека, собирающегося в путь! Как много в душе мелочного, земных привязанностей, земных опасений! Как малодушна моя душа! Друг мой, молитесь обо мне, молитесь крепче, чем когда-либо прежде! Молитесь о том, чтобы бог дал силы мне помолиться так, как должен молиться ему на земле человек, им созданный и благодетельствованный. Поручите отслужить молебен[22] о благополучном моём путешествии такому священнику, о котором вы знаете, что он от всей души обо мне помолится. Я прилагаю при сем записочку* того, о чем бы я хотел, что<б> помолились<сь>, сверх того, что находится в обык<овенных>

молебнах.[23] Прощайте, друг мой! Бог да благословит вас и воздаст вам обильно за всё. Я к вам еще напишу несколько строк перед самым[24] отъездом.

Весь ваш Н. Г. На обороте: Moscou. Russie. Надежде Николаевне Шереметьевой. На Воздвиженке. В доме гр<афа> Шереметьева. В Москве.

Гоголь М. И., 15/3 января 1848*

4. М. И. ГОГОЛЬ. Неаполь. 1848, января 15/3.

Наконец я получил письмо ваше, почтеннейшая матушка. Вы, слава богу, здоровы, сестры тоже. Да хранит вас всех бог и впредь! Уведомляю вас, что я полагаю отправиться к святым местам в середине февраля здешнего штиля. Вы пишете о радости, которую принесет вам приезд мой. Не радуйтесь ничему заранее. Всё в руках того, кто располагает судьбой нашей. Как он повелит, так тому и быть. Молитесь и больше ничего. Не забывайте также и того, что мы все на земле странники и существованье наше здесь минутно. Если и

доставит нам бог минутное удовольствие пожить неделю или две вместе в вашей деревне Васильевке, то нужно поблагодарить только безмолвно в глубине души бога, а радостью своей мы можем только оскорбить его: не такое время, чтобы кому-либо теперь радоваться. Повсюду смущенья, повсюду беды, повсюду голос неудовольствий и вражда наместо любви. Нам остается только молиться и просить у бога, чтобы научил нас, как молиться ему о спасеньи нашем. Прошу вас отправить молебен и, если можно, даже не один (во всех местах, где умеют лучше молиться), о благополучном моем путешествии. Чувствую, что нет сил помолиться самому: силы мои как бы ослабели, сердце черство, малодушна душа. Я требую от вас всех помощи, как погибающий брат просит у братьев. Соедините ваши моления и помогите воскрылиться к богу моей молитве. За всё, что я вам когда-либо нанес неприятного, как вам, так и сестрам, прошу простить меня. Хотя я и знаю, что вы, по доброте душ ваших, простили, но всё об этом прилично в такую минуту напомнить еще раз. Перед отъездом, может быть, еще напи-

шу несколько строк. Сестре Ольге я просил выслать из Москвы деньги на молебны и на раздачу бедным*. Письмо мое со вложением письма к Анне* вы, без сомнения, получили тоже. Прилагаю здесь, на всякий случай, на особенной бумажке содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник, сверх содержания в обыкновенных молебнах, молился*. Вас всех прошу также, и в особенности сестру Ольгу (как более других имеющую время и досуг для молений), прочесть несколько раз в сердце своем эти строки, которыми хотелось бы мне от всей души помолиться.

Весь ваш Н. Гоголь.

Куда писать мне письма, я вас извещу. Покамест даю вам адрес следующий:

В Константинополь. A monsieur le conseiller de la Mission Russe à Constantinople Jean de Chalczinsky. Ивану Дмитриевичу Халчинскому для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

Когда будете писать, уведомляйте подробно обо всем. Мне будут больше, чем когда-либо, интересны и нужны вести из родины.

Иванову А. А., 18 января (н. ст.) 1848*

5. А. А. ИВАНОВУ. Неаполь. Генвар<я> 18 <н. ст. 1848>.

Чтобы не осталось чего-нибудь между нами, уведомляю вас, мой добрый Александр Андреевич, что в письме моем* я не имел никакого намерения упрекнуть вас. Напротив, я хотел только показать вам, что я ничуть не умнее вас во многих делах. Если вы прочтете еще раз мое письмо, то[25] почувствуете это сами. Бога ради, не будьте так подозрительны и не приписывайте простым словам какого-то сокровенного смысла, желанья[26] вас обидеть каким-то обидным заключением.[27] Этим подозрением вы, во-первых, обидите вас действительно любящего человека, а, во-вторых, себе самому нанесете много смущенья и всякого горя. Скажу вам истинно и откровенно, что я никогда в вас не подозревал никакой хитрости! Но было время, когда я нарочно хотел кольнуть вас и попрекнуть некоторыми письмами, желая вас заставить взять некоторую власть над самим собою и

устыдиться своего малодушия. Это было сделано неловко. Пожалуста, сожгите все мои письма. Я теперь вижу, как разны человеческие природы и как нельзя судить по себе о другом. Вы пишете о желании со мною увидеться, но для этого никак не будет времени. Как ни приятно мне тоже вас видеть, но чувствую, что ничего не могу теперь сказать вам нужного. Я занят теперь совершенно самим собой и столько вижу в себе самом достойного осуждения и упреков, что не в силах ни осудить кого бы то ни было, ни дать умного совета. Чувствую только, что прежде всего следует заняться душой своей, хотя и сам не знаю, как это сделать. Что же касается до житейских забот и обстоятельств, то они теперь у всех плохи, положение всех затруднительно. Всё это заставляет меня не полагаться на то, что будет, и ускорить отъезд мой в святую землю. Бог вас да благословит. Прощайте.

Весь ваш Н. Г.

Я полагаю выехать на днях, — тем более, что оставаться в Неаполе[28] не совсем весело. В городе беспокойно*: что будет, бог весть. *На обороте: Roma. Italia. <Al> signore signore*

Alessandro Iwanoff. Roma. Caffè Greco. Via Condotti, vicino <al>la piazza di Spagna.

Толстому А. П., 22 января (н. ст.) 1848*

6. А. П. ТОЛСТОМУ. Мальта, 22 <января н. ст. 1848>.

Пишу к вам по обещанью из Мальты, куда приехал в прах расклеившийся, хотя и не знаю, достигнет ли это письмо к вам. Может быть, вы уже оставили Неаполь. (А если не оставили, то сотворите благо, его оставивши). Дела короля совершенно плохи*: Мессина, Катания — всё восстало, и английские фрегаты повсюду, как у себя дома. Привезенную от короля индугенцию, говорят, мессинцы разорвали в куски, в виду его же гвард<ии>.[29] Что же касается <меня>, то всё еще не могу оправиться и очнуться от морской езды. Рвало меня таким образом, что все до единого возымели о мне жалость, сознаваясь, что не видывали, чтобы кто так страдал. Со страхом думаю о предстоящем четырехсуточном переезде. Молитесь, ради Христа, обо мне: невыносимо тяжело! В Мальте должен во всяком слу-

чае отдохнуть уже и потому, что пароход раньше 27, кажется, нейдет. Противу всякого чаянья, в Мальте почти вовсе нет всех тех комфорт, где англичане: двери с испорченными замками, мебели простоты гомеровской, и язык нивесть какой. Аглиц<кого> почти даже и не слышно. А губернатор острова вовсе не тот, который бывал у нас в церкви, но совершенно другой, хоть и назначен недавно. Граф же Риварола есть только полковник regimenta, проживавший[30] в Ливурне. Всё это сообщили мне в плохом[31] отелишке, в котором я остановился и который разве только после скверного парохода «Капри» может показаться приятным. Прощайте, добрейший мой Александр Петрович. Не знаю сам, что пишу, руки так окостенели, а в голове смутно. Обнимите за меня всех: вашу наидобрейшую сестрицу[32] Софью Петровну и ваших милых племянниц. Но они, верно, знают и сами, что всех очень, очень люблю[33] и буду молиться, как сумею, а вы, право, молитесь обо мне.

Весь ваш. Мальта, 22 генваря.

Мне адресуйте в Константинополь, на имя Титова, и, если будет время, прикажите ко-

миссионеру при нашем посольстве посылать все приходящие ко мне в Неаполь письма в Константинополь. Бог да хранит вас всех цело и невредимо. *На обороте*: Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy. Naple. Palazzo Ferandino.

**Вьельгорской А. М., 23 января (н. ст.)
1848***

7. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. 1848. Мальта. Генваря 23 <н. ст.>.

Я получил ваше письмецо*, моя добрейшая Анна Михайловна! Вероятно, в одно время и вы получили мое*. Благодарю вас за то, что меня не забываете. В Петербурге же, кажется, все прочие приятели меня позабыли. От Плетнева я четыре месяца уже не получаю ни строчки. От Александры Осиповны* тоже ничего. От любезного ее братца, Аркадия Осиповича, тоже ничего. Словом, точно как будто все сговорились не писать.[34] Отчасти я подозреваю и почты. Неаполь заел уже много мне нужных писем. Пишу к вам теперь из Мальты. Странствования мои по Средиземно-

му морю, как видите, уже начались. Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я полагал, разные политические смуты и бестолковщина, во время которых трудно находить<ся> иностранцу, любящему мир и тишину. При том пора и к святому гробу. Несмотря на то, что далеко не в том состоянии души, в каком бы хотелось быть для этого путешествия, несмотря на всю черствость и прозу души своей, я все-таки благодарю бога, что тронулся в дорогу, хотя не без ужаса помышляю о всех предстоящих затруднениях, впереди которых стоит *морская болезнь*, для меня ужаснейшая всего. До Мальты я в силу-силу добрался. Ни одна душа на всем корабле не страдала, а между тем время было, кажется, и не совсем[35] бурное. Если бы еще такого адского состоянья были одни сутки, меня бы не было на свете. Из письма графини Анны Егоров<ны> Толстой к своему мужу я узнал, что Александра Осиповна теперь с вами и всё еще продолжает страдать и болеть нервами. Скажите, что я <о> ней думаю ежедневно и буду просить всех людей, умеющих молиться, о ней помолиться. Скажите ей, чтобы она

хоть сколько-нибудь строчек мне написала, адресуя всё в Константинополь, на имя нашего посольства. Затем приношу вам благодарность всем, как вам самим, так и всему вашему роду и племени графов Вьельгорских, за вашу дружбу ко мне и приязнь, за ваши милые, добрые души, и да сохранит вас бог всех целых и невредимых, а Софью Михайловну* поцелуйте за меня от всей моей души.

Скажите всем моим приятелям, кто будет так добр и захочет писать ко мне, чтобы все письма адресовали в Константинополь.

Прощайте. Весь ваш

Н. Г. На обороте: S.-Pétersbourg. Russie. Ее сиятельству графине Анне Миха<й>ловне Вьельгорской. С. Петербург. На Миха<й>ловской площади, у Михайловского дворца. В доме графа Вьельгорского.

Шевыреву С. П., 23 января (н. ст.)
1848*

**8. С. П. ШЕВЫРЕВУ. 1848. Мальта.
Генварь 23 <н. ст.>.**

Я всё ожидал, не будет ли от кого-нибудь из вас мне писем, и[36] не дождался. От тебя, мой милый (и более всех прочих исправный и великодушный друг), мне бы, право, уже следовало иметь ответ хотя на одно из моих трех довольно длинных писем*. Но, может быть, гадкие[37] италийские почты, в эту минуту политической бестолковщины обестолковели еще более обыкновенного. Письма друзей и близких в это время[38] мне были нужны уже затем, чтобы видеть, не осталось ли у кого чего-нибудь в душе противу меня. Что касается до меня, то говорю тебе искренно и, пожалуста, передай это от меня всем, как близким друзьям, так и просто знакомым, что никакого неудовольствия ни против кого не питаю, что, напротив, рассматривая себя даже построже, вижу (так, по крайней мере, мне кажется), что любви у меня прибавилось ско-

рее, чем убавилось, что, наконец, обвинять не могу никого, даже и тех, которых бы, может быть, прежде в чем-нибудь обвинял, потому что виной всему сам, и на какую сторону ни переверочу дело,[39] всё вижу, что сам подал повод питать неудовольствие противу себя и ввел, стало быть, в грех других людей. Обними, пожалуста, покрепче всех любящих меня и поблагодари крепко за любовь. Прочих проси простить. Как бы то ни было, но нужно прощать всё тому человеку, который отправляется в дальний путь затем только, чтобы помолиться. Что тут помышлять о современных и тому подобных всяких вопросах? Без этого прощенья как я помолюсь, и без того не умеющий молиться? Как растопить мне мою душу, холодную,[40] черствую, не умеющую отделиться от земных, себялюбивых, низких помышлений и даже от тех недостатков, которые видит она сама и которых[41] сама ненавидит?

Поблагодари, пожалуста, добрую Надежду Николаевну* за то, что она не оставляла меня во всё это время и писала ко мне беспрестанно, несмотря на то, что отвечаю ли я или не

отвечаю на письма. Передай ей при сем записочку*. Проси всех и особенно доброго Сергея Тимофеевича*, совокупно с Конст<антином> Серге<евичем>* и всем семейством, писать ко мне в *Константинополь*, или просто на имя Титова, или же на имя советника посольства, моего соученика и однокашника, Халчинского Ивана Дмитриевича. Милого Погодина проси также: скажи ему, что мне будет особенно приятно получить от него письмецо. Затем бог да хранит тебя со всеми твоими цело и здраво как в душевном, так и в телесном здравии.[42] В Мальте я остаюсь немного дней, только затем, чтобы дожидаться парохода, идущего в Александрию. Морская болезнь измучила меня сильно. Это для меня зло, которого я боюсь больше всего в моем путешествии. Еще не было сильной бури, а уже меня привело в такое состояние непрерывной рвотой всякие десять минут, что я походил скорей на умирающего, чем на сохраняющего в себе залог жизни. До сих пор едва могу прийти в состояние мыслить и чувствовать и, как подумаю, что предстоят целые дни безостановочного пребывания на море без заездов на

твердую землю, — дух захватывает. О, если бы бог был ко мне милостив и дал бы мне всё перенести невредимо, хотя и стоило бы меня за многое наказать[43] всем этим! Но милосердие[44] так безмерно! Мне бы хотелось, чтобы ты заказал[45] два-три молебна о моем благополучном путешествии, в таких местах и церквях, где увидишь священников, усерднее других молящихся. Прощай, мой добрый. Обнимаю тебя крепко, хоть и заочно. Постараюсь писать к тебе, откуда и как смогу. Еще раз благодарю за всё.

Весь твой Н. Г.

Адрес мой во всяком случае один и тот же, то есть в Константинополь. Оттуда письма найдут меня повсюду. *На обороте*: Moscou. Russie. Г. профессору императорск<ого> Москов<ского> университета Степану Петровичу Шевыреву. В Москве. Близ Тверской, в Дегтярном переулке. В собственном доме.

**Шереметевой Н. Н., 23 января (н. ст.)
1848***

**9. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. 1848, Маль-
та. Генваря 23 <н. ст.>.**

Спешу написать к вам несколько строчек из Мальты. Вы видите, я уже в дороге. Хотя и далеко не таково состоянье души моей, како-го бы мне хотелось, хотя случилось[46] стра-дать немало моим слабым телом даже и во время этого небольшого морского переезда (в сравнении с предстоящими большими), но, слава богу, я еще жив, я еще могу надеяться, что бог приведет состоянье души моей в бо-лее благодатное состояние.[47] О если бы я приведен был в возможность[48] так помо-литься, как угодно богу, чтобы помолились ему люди! Не останавливайтесь молиться о благополучном моем путешествии, добрей-ший друг Надежда Никола<е>вна.

Весь ваш Н. Г.

Из Неаполя я уже отправил вам два пись-ма*. Ответ на последнее ваше письмо и заме-чание вы уже имеете*. Повторяю вам вновь,

что ни против кого в душе не имею никакого недовольствия. Напротив, всех люблю больше прежнего. Молитесь! *На обороте*: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Толстому А. П., 27 января (н. ст.) 1848*

**10. А. П. ТОЛСТОМУ. Мальта. Января
27 <н. ст. 1848>.**

Еще несколько строк к вам, милый друг. Сядя на пароход, как-то захотело<сь> сказать вам еще словечко, хотя и не знаю, что сказать. Разве только то, что я переменил дорогу и еду через Константинополь, желая избегнуть двадцатидневного карантина*. Погода хмурится, гремит гром и шумит дождь. Каково-то будет мое плавание? Спасет ли бог меня недостойного? Во всяком случае еще раз приношу вам благодарность за всё. Скажу вам также, что в ушах моих звучат сильнее прежнего слова из письма Матвея Александровича*. И дай бог, чтобы они не переставали звучать до самой Палестины. О! как велика тайна нашего искупленья! Да хранит вас бог. Прощайте. Пишите[49] в Константино-

ПОЛЬ.

Весь ваш Н. Гоголь.

**Жуковскому В. А., 28/16 февраля
1848***

**11. В. А. ЖУКОВСКОМУ. 1848. Иеру-
салим. Февраля 28/16.**

Пишу к тебе несколько строчек, бесценный друг. И я, по примеру многих других, удостоился видеть место и землю*, где совершилось дело искупленья нашего. Прибыл я сюда благополучно, без всяких затруднений, едва приметивши, что из Европы переступил в Азию, почти без всяких лишений и даже без утомленья. Уже успел произнести твое имя у гроба господня. О! да поможет нам бог, и тебе и мне, собрать все силы наши на произведение творений, нами лелеемых во глубине душ наших, в добро земли нашей, и да просветит нас светом разума святого евангелия своего! Я здесь не остаюсь долго, спеша возвратиться в Россию вместе с моим старым школьным товарищем, Базили*, с которым и прибыл сюда и который, будучи нашим генеральным кон-

сулом в Сирии, заведывает делами[50] Иерусалима. Итак, будь покоен на мой счет. Если бог не будет вопреки желанью, то увидимся в Москве и заживем вблизи друг от друга. Если захочется тебе написать несколько строк о себе (которых жажду) прежде июля, надпиши на пакете:[51] в Полтаву; если после июля, то в Москву, на имя Шевырева, в университете.

Обнимаю тебя крепко вместе с доброй твоей супругой и милыми малютками.

Рейтернам душевный поклон!

Весь твой Гоголь.

Базили просит передать тебе свой поклон. Он написал преудивительную вещь, которая покажет Европе[52] Восток в его настоящем виде, под заглавием: «Сирия и Палестина»*. Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края. *На обороте*: Francfort sur Main. Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky. Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

**Константиновскому М. А., 28/16
февраля 1848***

**12. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
Иерусалим. Февраля 28/16 <1848>.**

Пишу к вам с тем, чтобы сказать вам, что я здесь. Молитвами вашими, молитвами людей, угождающих богу, я прибыл сюда благополучно. У гроба господня я помянул ваше имя; молился как мог моим сердцем, не умеющим молиться. Молитва моя состояла только в одном слабом изъявлении благодарности богу за то, что послал мне вас, бесценный друг и богомолец мой. Ваши письма мне были очень нужны: они заставили меня лучше осмотреть себя и разобрать строже свои действия. Приемите же еще раз мою благодарность отсюда, из этого места, освященного стопами того, кто принес нам искупление наше. Рад буду несказанно, если в июле или в августе обниму вас лично. Прощайте.

Весь ваш Ник<олай> Г<оголь>. Не забывайте меня в молитвах ваших.

**Гоголь М. И., А. В., Е. В. и О. В., 29/17
февраля 1848***

**13. М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ.
1848. Иерусалим. Февраля 17/29.**

Несколько строк вам из Иерусалима. Благодаря бога, я прибыл сюда благополучно. Молился кое-как о себе, о вас же поручил молиться тем, которые умеют получше моего молиться. Пробуду здесь недолго и, если только благословит бог, то, может быть, в июне или июле месяце загляну к вам в Малороссию. А вы попрежнему не переставайте молиться обо мне. Напоминаю вам об этом потому, что теперь более, чем когда-либо, чувствую бессилие моей молитвы. Прощайте, почтенная матушка и любезные сестры.

*Весь ваш Н. Г. На обороте: Е<е> в<ысоко>
б<лагородию> Марии Ивановне Гоголь. В Полтаву, оттуда в д. Васильевку.*

Шереметевой Н. Н., 29/17 февраля
1848*

14. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. 1848. Иерусалим. Февраля 17.

Уведомляю вас, добрый друг Надежда Николаевна, что я прибыл сюда благополучно. Помянул у гроба господня ваше имя. Примите от меня отсюда, из этого святого места, благодарность за ваши молитвы.[53] Без этих молитв, которые, воссылали и воссылают обо мне люди, умеющие лучше меня молиться, я бы, вероятно, ни в чем не успел, — даже и в том, чтобы попристальнее обсмотреть самого себя и увидеть всё недостойнство свое. Молитесь теперь о благополучном моем возвращении в Россию и о деятельном вступлении на поприще[54] с освеженными и обновленными силами. Летнее время проведу в Малороссии, а в августе месяце, может быть, загляну в Москву. Прощайте, добрый друг мой.

Весь ваш Николай Гоголь. На обороте: Moscou. Russie. Надежде Николаевне Шереметевой. В Москве. На Воздвиженке. В доме гра-

Базили М. А., 18 февраля 1848*

**15. М. А. БАЗИЛИ. 18 февр<аля 1848.
Иерусалим>.**

Вам незнакомою рукою пишу к вам несколько строчек. Вы видите, какая скверная рука и притом ошибка на всяком слове, а между тем строки эти пишет человек вам знакомый,[55] вас искренно любивший и в прибавку ко всему прочему довольно известный[56] литератор. Всё совершенно обстоит благополучно. Ехали мы прекрасно, приехали и того лучше, собираемся ехать к вам тоже с наслажденьем. Супруг ваш здоров с головы до ног, но навьючен[57] депешами, донесеньями, отношеньями и всякими переписками, и я, обрадовавшись этому случаю, решился к вам написать, вместо него, сие маранье. Прощайте. Хотел распространиться, но Константин Михайлович[58] торопит. Бог да хранит вас здоровыми, до свиданья.

Весь ваш Н. Гоголь.

Шевыреву С. П., 18/30 марта 1848*

**16. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Байрут. Марта
18/30 <1848>.**

Со времени выезда из Неаполя я не имею <известий> ни от кого из России и не знаю, что в ней делается. Здоров ли ты и здоровы ли все близкие нам? Путешествие мое, благодаря бога, идет покуда довольно благополучно. С помощью генерального нашего консула в Сирии Базили, моего старого товарища по школе, путь в Иерусалим, через Сидон и древний Тир и Акру, а оттуда через Назарет, совершил. Жду здесь, в Байруте, только парохода, чтобы переехать в Константинополь через Смирну, где двенадцать дней буду в карантине. Пробывши несколько времени в Константинополе — в Одессу, из Одессы — в Малороссию, что придется, может быть, в конце июня. Лето проведу в Малороссии. В августе месяце хочется в Москву и в ней обнять вас. Пиши мне в Полтаву, прибавляя: «оттуда в деревню Васильевку». Твои письма мне будут лучший подарок, какой можно придумать. Уведоми

подробнее, сколько возможно, о себе и о всех наших знакомых, с извещеньем, кто куда переезжает на лето, а кто остается в Москве. Погодину скажи, что я жду с нетерпеньем известий обо всем, что он делает. Сергею Тимофеевичу дай при сем прилагаемую записочку*. Кто также ко мне напишет о себе, много обяжет. Я точно впотьмах и чувствую только одно алкание *знать*...

Если что вышло замечательного на днях из книг, пожалуста, пришли.

Скажи Малиновскому*, что я его очень благодарю за письма. Я перечел их в другой раз и, вследствие того, осмотрелся еще построже и на себя и на разные другие вещи. Я его прошу журнала не прерывать*. От этого обоюдная польза, и его и моя. Он меня очень обяжет, если пришлет еще несколько листков ко мне в Полтаву.

Плетневу П. А., 2 апреля 1848*

**17. П. А. ПЛЕТНЕВУ. 1848. Апреля 2.
Байрут.**

Уведомляю тебя, бесценный друг мой, что я, слава богу, жив и здоров, в удостоверение чего и посылаю тебе сие свидетельство, по которому ты можешь взять из казначейства остальные мои деньги* и держать их у себя до времени приезда моего на родину.[59] Покуда в путешествии[60] я в них не предвижу надобности; кажется, станет с тем, что при себе, возвратиться в Россию. Путешествие мое в Иерусалим совершил я благополучно. Отсюда отправляюсь в Константинополь чрез Смирну, где предстоит 12 дней карантина. Обозревши Константинополь и всё, что вблизи его, — в Одессу;[61] в середине лета — в Малороссию, где должен буду погостить[62] у матери. Осенью — в Москву, а там увижу, можно ли мне будет успеть съездить в Петербург обнять тебя и немногих близких нам или отложить до весны. Во всяком случае, ты меня уведоми о себе и о всем, что ни относится к тебе, и где

ты будешь летом, и где потом. Напиши, теперь же*, не отлагая времени, и адресуй письмо в Полтаву, присовокупя: «а оттуда в деревню Василевку». Доставь при сем следуемое письмецо Смирновой*. Обнимаю тебя от всей души, бесценный и добрый мой, и бог да хранит тебя здрава и невредима.

Твой Н. Г.

Усердная просьба: возьми у графа* сочинение[63] под названием «Анализы греческого языка»*, изданное на латинском языке в конце прошлого,[64] кажется, века французом Бодо или Будуа, большой том *in foglio**, и перешли его мне в Полтаву. Уведоми меня также, посланы[65] ли деньги, 100 р<ублей> серебром, ржевскому священнику*. А самое главное — ради бога, не забудь меня наделить известьями о себе. *На обороте*: S.-Pétersbourg. Russie. Его превосходительству г. ректору имп<ераторского> С.-Петербургск<ого> университета Петру Александровичу Плетневу. В С.-Петербурге. На Васильев<ском> острове. В Университете.

Смирновой А. О., 4 апреля 1848*

18. А. О. СМИРНОВОЙ. Байрут. Апрель 4 1848.

Уведомляю вас, добрый, бесценный[66] друг мой Александра Осиповна, что путешествие мое в Иерусалим я совершил благополучно и что летом надеюсь быть в России; прошу вас убедительно уведомить меня о себе подробно и обстоятельно, где и как мне вас найти. Адресуйте в Полтаву, а оттуда в Васильевку. Это деревенька моей матери, у которой[67] я должен буду прогостить конец лета. Напишите теперь же*, не откладывая. Мне хочется по приезде моем застать ваше письмо уже там. Затем бог да хранит вас. Жажду вас нетерпеливо обнять лично.

Весь ваш Г. На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

Жуковскому В. А., 6 апреля 1848*

19. В. А. ЖУКОВСКОМУ. 1848. Байрут. Апреля 6.

Пишу к тебе, бесценный и родной мой, несколько строчек из Байрута, за несколько часов до отъезда с пароходом в Смирну и Константинополь. Уже мне почти не верится, что и я был в Иерусалиме. А между тем я был точно, я говел и приобщался у самого гроба святого. Литургия совершалась на самом гробовом камне. Как это было поразительно! Ты уже знаешь, что пещерка[68] или вертеп, в котором лежит гробовая доска, не выше человеческого роста; в нее нужно входить, нагнувшись в пояс; больше трех поклонников в ней не может поместиться. Перед нею маленькое преддверие, кругленькая комнатка почти такой же величины[69] с небольшим столбиком посередине, покрытым камнем (на котором сидел ангел, возвестивший о воскресении). Это преддверие на это время превратилось в алтарь. Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершавший литургию.

Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших «господи, помилуй» и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходивш^{ее} из какой-нибудь другой области. Всё это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленья и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел*. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленья не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного... Вот тебе все мои впечатления из Иерусалима. Дай мне известия о себе и о всем, что тебя касается, скорей, как можно. Я не имею до сих пор еще ответа ни на длинное мое письмо из Неаполя, ни на письмо из Иерусалима*. Адресуй в Полтаву, для большей

же точности прибавь: а оттуда в село Васильевку. Это деревенька моей матери, где я приостановлюсь на лето. Рад буду несказанно, если уже застану там твое письмо.

Обнимаю вас крепко всех, от велика до мала.

Твой Н. Гоголь. На обороте: *Francfort sur Main. Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky (Василию Андреевичу Жуковскому). Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.*

Толстому А. П., 25/13 апреля 1848*

**20. А. П. ТОЛСТОМУ. Апреля 25/13
<1848. Константинополь>.**

Узнавши, что вы будете в Константинополе, оставляю вам несколько строчек, бесценный друг мой Александр Петрович. Я не писал к вам потому только из Иерусалима, что не знал, где вы. Путешествие свое совершил я благополучно. Я был здоров во всё время, — больше здоров, чем когда-либо прежде. Удостоился говеть и приобщиться св. тайн у самого святого гроба. Всё это свершилось си-

лою чьих-то молитв, чьих именно — не знаю; знаю только, что не моих. Мои же молитвы даже не в силах были вырваться из груди моей, не только взлететь, и никогда еще так ощутительно не виделась мне моя бесчувственность, черствость и деревянность. Приехавши в Константинополь, нашел я здесь письмо ко мне Матвея Александровича. Что вам сказать о нем? По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений, если только, нося их перед собой, буду входить больше в их силу.

Напишите мне о себе. Не позабудьте подробностей. Вы можете почувствовать сами, как мне хочется знать всё, что ни относится к вам: многое уже нас так связало... Адресуйте в Полтаву, а оттуда в деревню Васильевку. Это именице моей матери, где я приостановлюсь на лето. А между тем рекомендую вам моего сотоварища по школе, Халчинского. Он очень доброго сердца, благороден и весьма дельный человек. Софья Петровна*, кажется, его не узнала...

**Апраксиной С. П., около 25/13 апреля
1848***

**21. С. П. АПРАКСИНОЙ. <Около 25/13
апреля 1848. Константинополь.>**

В Константинополе нашел ваши два письма Меца*, добрейшая Софья Петровна. Благодарю вас за них много. Кое-как молился и о вас у гроба святого, то есть пролепетал и ваше имя вместе с другими именами, близкими моему сердцу. Не смущайтесь никакими событиями мира. Проезжайте с богом повсюду. Справляйтесь только при всяком поступке вашем с евангелием. Там сказано ясно, как нам быть с ближним нашим. Стало быть, сказано всё.[70] Что нам за дело до того, какими кто волнуем политическими мненьями или мыслями, исполним относительно к нему всё, что повелено нам исполнить в отнош<ении> к брату в евангельском смысле. Ведь мы для этих подвигов живем в мире, а не для каких-либо других. Очень меня порадуете уведомленьем,[71] куды вы и как. Передайте мой искренно-дружеский поклон моим добрым

приятельницам, Наталье Владимировне* и Марии Владимировне*. Не забудьте также и мисс Henriette*.

Весь ваш Н. Гоголь. На обороте: Софье Петровне Апраксиной.

Иванову А. А., 26/14 апреля 1848*

22. А. А. ИВАНОВУ. <1848. Константинополь. Апреля 14/26.>

Пишу к вам, добрейший мой Александр Андреевич, из Константинополя, за несколько часов до выезда отсюда в Одессу. Путешествие мое в Иерусалим совершилось, слава богу, благополучно. Уведомьте меня о себе. Я думаю, что вам теперь покойнее в Риме, чем было прежде. Я слышал, что вся римская молодежь выбралась в дорогу вместе с шумом и волнением, так тревожным для художника. Адресуйте мне в Полтаву, прибавляя: «а оттуда в деревню Василевку». Мне теперь более, чем когда-либо, интересно о вас узнать всё. Прощайте! От всей души вас обнимаю.

Весь ваш Н. Г.

1848. Константинополь. Апреля 14/26.

Поблагодарите Бейне за его доброе письмо* , которое получил я в Неаполе, перед самым выездом.[72] Братца вашего* обнимите. *На обороте*: Roma. Italia. Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo). Roma. Caffè Greco nella via Condotti, vicino alla piazza di Spagna.

Плетневу П. А., 26/14 апреля 1848*

23. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Константинополь>. Апреля 14/26 <1848>.

В Константинополе мне не разменяли векселя, который просрочен. В другие времена эта просрочка не значила бы ничего, и мне выдали бы даже с выгодой. Но теперь, при беспрестанных нынешних банкротствах, не выдают ни по какому векселю, не сделавши прежде предварительных исследований,[73] жив ли такой-то дом, на имя которого дается вексель. Посылаю тебе этот вексель и убедительно прошу переговорить с самим Штиглицем, изъяснив ему, что я долго скитался на Востоке, в таких странах,[74] нет банкиров, и потому акцентировать его не мог. А маленькие банкиры не что иное, как менялы, и по

векселям не выдают. Если деньги получишь, то две тысячи руб<лей> асс<игнациями> пришли мне в Полтаву, остальные держи при себе. Письмо мое из Байрута* ты, я думаю, уже получил вместе с свидетельством о жизни. Стало быть, маршрут мой знаешь. Жду с нетерпением от тебя известий. Обнимаю и целую тебя неисчетное множество раз. Ольге Петровне* передай мой дружеский поклон. Балабиным* и Александре Осип<овне> Ишимовой* также.

Весь твой Н. Г. На обороте: Его превосходительству ректору С.-Петербур<гского> императ<орского> университета Петру Александровичу Плетневу. С.-П. Бург. В Университет. Со вложением векселя.

Гоголь М. И., 21 апреля 1848*

24. М. И. ГОГОЛЬ. Одесса. Апреля 21
<1848>.

Я ступил на русский берег довольно благополучно. Пишу к вам из карантина, в котором просижу недели две, да недели две, может быть, проживу в Одессе.[75] Успел видеть<ся> два раза с нашим добрым Андрее<м> Андрее<вичем>*, который не позабыл навестить меня на другой день по прибытии. Вести меня встретили печальные. Беспрестанно узнаешь про смерть кого-нибудь из близких людей или же какие-нибудь[76] смуты. Не знаю еще наверно, проживу ли я у вас больше [77] двух недель. Мне нужно успеть в продолжен<ие> лета сделать многие нужные поездки. Времена настали такие, в которые нельзя думать о собственных удовольствиях и мирном провозждении времени; нужно покрепче молиться. Помолитесь о мире и соединении всех, а также и моем благополучном путешествии. Если не в конце мая, то, может быть, в июне могу быть в Полтаве. Покаместь я здо-

ров. Обнимаю вас всех мысленно.

Н. Гоголь. На обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне Марии Ивановне Гоголь. В Полтаве, оттуда в село Василевку.

**Константиновскому М. А., 21 апреля
1848***

**25. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
Одесса. 21 апреля <1848>.**

В Константинополе нашел я драгоценное для меня письмо ваше*; оно было для меня освежающим напутствием. Всякая строка его была как бы ответом на вопросы моего бедного, пребывающего в греховной тьме сердца. Но только как вы добры и как милосердны! Вы, сверх писем, за которые я в силах буду возблагодарить разве только там, а не здесь, положили себе молиться обо мне всякий день. Часто я думаю: за что бог так милует меня и так много дает мне вдруг, — и могу только объяснить себе это тем, что мое положение действительно всех опаснее, и мне трудней спастись, чем кому другому. Много мне бы хотелось сказать вам. Но это заняло бы страни-

цы и весьма легко перешло бы в многословие, может быть, даже в ложь... Дух-обольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставляя меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь и что покуда пребывает только в голове, а не в сердце. Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот весь результат. Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искушитель! Страшусь всего, видя ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово *любовь*. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде. Но бог знает, может быть, и это так только кажется; может быть, и здесь играет роль искушитель... Молитесь обо мне, великодушная душа! Вот всё, что может сказать вам мое сердце, и слезы, в эту минуту упавшие на

этот лист бумаги, просят вас о том же. Не забывайте меня иногда двумя-тремя строками письма. Ведь вам это легко; вам нечего думать над тем, что сказать мне: вы знаете, что вы сами по себе ничего не можете сделать и ничего не можете мне сказать кстати без бога, могущего направить всё мне кстати. Мой адрес теперь: в Полтаву, а оттуда в деревню Василевку. Это деревенька моей матери. Там я пробуду два летних месяца и потом в Москву. Бог да хранит вас.

Весь ваш Н. Г.

Шевыреву С. П., 21 апреля 1848*

26. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Одесса. 21 апреля <1848>.

Благодаря бога, достигнул я благополучно России. Пишу к тебе из карантина. Твое милое письмо от 16/28 февраля* получил я в Константинополе (большого письма твоего я не получил, хотя и оставил[78] в Неаполе свой адрес). Я вижу из письма твоего, что тебе было трудно и, может быть, даже очень трудно. Теперь ты, верно, успокоился. Я так подумал, пробежавши 4 номер «Москвитянина». В письме Жуковского*, бывшем для меня истинно приятною нечаянностью, есть столько утешительного. Оно, верно, сказало тебе много и ободрило. Я заметил уже силу и твердость в тех строках твоих*, которые успел пробежать в том же № журнала. Храни тебя бог. Я вижу, что ты не напрасно взялся за журнал*. Голос твой теперь нужен. Но, мне кажется, всем нам следует во всех своих действиях теперь больше, чем когда-либо прежде, умерять себя*, помня ежеминутно, что мы все нервически-неспокойны в нынешнюю эпоху. Очень было бы хорошо, если бы мы в печатных статьях наших,[79] обращенных противу кого-либо, исполняли тот простой долг в отношении к ближнему, который предписан нам в

простом быту нашем. Часто я думаю: неужели невозможно это литератору? Неужели нельзя во время писанья статьи своей поставить себя перед лицом того, которого законы и повеленья нам уже почти известны? Я думаю, что от этого всё бы у нас вылилось яснее и лучше. Душа была бы спокойнее. Что сказать тебе об этих сплетнях*, [80] в которые иногда впутываются люди, близкие нам? Я испытал эти положенья. Мне немало удавалось слышать о себе всяких сплетней; в этих сплетнях мне открывалось только несколько глубже человеческое сердце. А вывод я сделал себе тот, что нужно быть с людьми, [81] которые распустили про нас сплетни, так, как бы они о нас ничего не распускали. (Едва ли сплетни [82] есть произведение людское). Нужно входить всюду просто, с открытым лицом; нужно, чтобы уверились наконец люди, что ты такой человек, над которым сплетни не имеют никакой власти. Тогда, мне кажется, сплетни и всякие путанья исчезнут сами собою. Но я, кажется, заговорился, и письмо мое начинает отзываться нравоученьем. Прости, меня подвигнуло к тому желанье сказать тебе

что-нибудь утешительное на две грустные строки твоего письма. Я писал к тебе уже из Константинополя* и[83] уведомлял о моем адресе. Он остается, попрежнему: в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

Подпишись за меня на «Москвитянин» в конторе, мимо сведения Погодина. Даром мне бы не хотелось, тем более, что он должен высылаться на имя матери моей. Мне кажется, [84] что и все прочие приятели Погодина и «Москвитянина» должны бы поступить так же; оно, кажется, безделица, но[85] сделай это человек семь-восемь, да посоветуй[86] и другим то же, — от этого обстоятельства Погодина всё бы таки были лучше. Прощай! Обнимаю тебя крепко, так же, как и всех близких нам.

Скажи тем, которые усумнились во мне, что, каковы бы ни были обстоятельства и случаи и как бы кто ни переменялся относительно меня, всё это не имеет никакого совершенно влиян<ия> на степень и количество моей привязанности к ним. Все образы людей, с которыми я ни столкнулся в моей жизни, так стали теперь милы душе, даже и те, которые

не были очень близки, они так уже вошли в самое существо мое, что не могу их вырвать, даже если бы в минуту *глупости своей* и захотел это сделать. Без них было бы пустыней мое сердце. Прощай!

Мне кажется подчас, что всё то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и всё в свете, и что[87] об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть [88] истинно верная и доказанная *истина*. Кто проникнется ею, тот говори прямо обо всем: правда повеет от слов его. О! да поможет нам бог, и тебе и мне, возрастить эту любовь в сердцах наших.

Скажи Надежде Николаевне, что письма ее получены мною очень исправно в Константинополе и что я буду отвечать.[89]

Данилевскому А. С., 4 мая 1848*

**27. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Майя 4
<1848>. Одесса.**

Пишу к тебе, улуча есть уже свободную мигнуту, из Одессы. Приехал я сюда благополучно вместе с Базили, которого попал* на дороге в Россию. Полагаю завтра пуститься в Полтаву, а оттуда в д. Василевку, где располагаю пробыть с месяц, а, может быть, и более. Уведоми меня двумя словами, будешь ли ты в Полтаву и когда. Меня очень поразила весть о смерти Пащенко*. Кроме того, что это была добрейшая душа, он мне мог[90] сообщить сведенья,[91] которые мне особенно теперь нужны относительно многого, что делается в наших околотках. Он был умен и имел способность замечать. И ты и я лишились в нем товарища закадычного. Я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что его уже нет. Здесь я встретил многих знакомых и наших соучеников. Орлаи оба, Александр и Андрей*, прекрасные люди[92] и будут от души хлопотать о тебе*. Но обо всем об этом мы переговорим лич-

но. Прощай. Обнимаю тебя крепко вместе с супруг<ою> и малюткой. Если Максимович* в Киеве, то обними его.

Твой Н. Г.

Шевыреву С. П., 6 мая 1848*

**28. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Одесса. Мая
6. 1848.**

Пожалуйста, похлопочи об исправной высылке «Москвитянина» на сей 1848 год генерал-майору[93] Андрею Андреевичу Троицкому в Одессу, в доме княжны Гики*. Деньги 13 рублей серебром при сем прилагаются. Я завтра отсюда еду. Прощай.

Твой весь Н. Гоголь.

Данилевскому А. С., 16 мая 1848*

**29. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. 16 мая
<1848>. Василевка.**

Твое письмо принесло мне также много удовольствия. Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и всё. Подъехал я вечером. Деревья — одни разрослись и стали рощей, другие вырубались. Я отправился того же вечера один стеновой дорогой, позади церкви, ведущей в Яворивщину*, по которой любил ходить некогда, и почувствовал *сильно*, что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был бы в Тòлстом*, но Тòлстое пусто, и мне стало еще грустнее. Всё это было в день моих именин, 9 мая. Матушка и сестры, вероятно, были рады до *plus ultra** моему приезду, но наша братья, холодный мужеский пол, не скоро растапливается. Чувство непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое. Василия Ивановича* я, однако же, видел и у него плотного ремонтера средних лет, Николая Васи-

льевича*, которого прежде видел делающим микроскопические дрожечки вместе с братьями. Василий Василь<еви>ч* нашел меня в Одессе, изумив, разумеется, своим ростом.[94] Жаль очень, что не случилось тебе провести это лето здесь. Дай бог, чтобы поездка в Одессу и купанье было спасительно для Ульяны Григорьев<ны>*. Если бы я умел хорошо молиться, я бы помолился об этом так же, как она молилась о благополучном моем приезде. Через неделю времени думаю пуститься в Киев поглядеть на вас. Я слышал, что вы помещаетесь несколько тесненько, как всегда бывает на казенных квартирах. Если это правда, то устрой мне помещенье у Максимовича или у кого-нибудь другого из знакомых, хотя я, признаюсь, и не знаю, кто из моих знакомых теперь в Киеве. Затем обнимаю вас обоих. До свиданья.

Весь ваш Н. Гоголь.

Шереметевой Н. Н., 16 мая 1848*

30. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. Мая 16
<1848>. Деревня Васильевка.

Ваше письмо получил* с особенным удовольствием, мой друг добрый Надежда Николаевна. Благодаря бога, достигнул я земной родины благополучно; достигну ли благополучно небесной — вот вопрос, который должен бы меня занимать теперь всего. Но, к стыду моему, должен признаться, что я далеко сердцем от этого вопроса. Голова думает о нем, но сердце не растопилось, не пламенеет стремленьем к нему. У гроба господня я был как будто затем, чтобы *там*, на месте, почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия. Итак, *далеко* от меня то, что я полагал чуть не *близко*. При всем том меня живит еще луч надежды. Я и доселе также лепечу холодными устами и черствым сердцем ту же самую молитву, которую лепетал и прежде. Мысль о моем давнем труде, о сочинении моем*, меня не оставляет. Всё мне так же, как и прежде, хо-

чется так произвести его, чтоб оно имело доброе влияние, чтоб образумились многие и обратились бы к тому, что должно быть вечно и незыблемо. Друг мой, молитесь обо мне. Если бог, молитвами вашими и других ему угодных людей, спас меня и пронес благополучно сквозь все земли, то он властен также озарить меня мудростью, необходимой для совершенья труда моего. В деревне я полагаю прожить бóльшую часть лета. От Жуковского имею известия*: они сходные с теми, которые вы получили уже от Елагиной*. Мать и сестры вас помнят и вам кланяются.

Весь ваш Н. Гоголь.

Аксакову К. С., 3 июня 1848*

**31. К. С. АКСАКОВУ. Июнь 3 <1848>.
Васильевна.**

Откровенность прежде всего, Константин Сергеевич. Так как вы были откровенны и сказали в вашем письме всё, что было на языке, то и я должен сказать о тех ощущениях, которые были вызваны при чтении письма вашего. Во-первых, меня несколько удивило, что вы, наместо известий о себе, распространились о книге моей*, о которой я уже не полагал услышать что-либо по возврате моем на родину. Я думал, что о ней уже все толки кончились и она предана забвению. Я, однако же, прочел со вниманием три большие ваши страницы. Многое в них дало мне знать, что вы с тех пор, как мы с вами расстались, следили (историческим и философическим путем) существо природы русского человека и, вероятно, сделали не мало значительных выводов. Тем с бóльшим нетерпением жажду прочесть вашу драму*, которой покуда в руках еще не имею. Вот еще вам одна мысль, кото-

рая пришла мне в то время, когда я прочел слова письма вашего: *«Главный недостаток книги (моей) суть тот, что она — ложь»*. Вот что я подумал: да кто же из нас может так решительно выразиться, кроме разве того, который уверен, что он стоит на верху истины? Как может кто-либо (кроме говорящего разве святым духом) отличить, что ложь, а что истина? Как может человек, подобный другому, страстный, на всяком шагу заблуждающийся, изречь справедливый суд другому в таком смысле? Как может он, неопытный сердце-знатель, назвать ложью сплошь, с начала до конца, какую бы то ни было душевную исповедь, он, который и сам есть ложь, по слову апостола Павла? Неужели вы думаете, что в ваших суждениях о моей книге не может также закрасться ложь? В то время, когда я издавал мою книгу, мне казалось, что я ради одной истины издаю ее, а когда прошло несколько времени после издания, мне стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Разве не может случиться того и с вами? Разве и вы не человек? Как вы можете сказать, что ваш нынешний

взгляд непогрешителен и верен или что вы не измените его никогда, тогда как, идя по той же дороге исследований, вы можете найти новые стороны, дотоле вами не замеченные, вследствие чего и самый взгляд уже не будет совершенно тот и что казалось прежде *целым*, окажется только частью целого. Нет, Константин Сергеевич, есть дух обольщенья, дух-искуситель, который не дремлет и который так же хлопочет и около вас, как около меня, и увы! чаще всего бывает он возле нас в то время, когда думаем, что он далеко, что мы освободились от него и от лжи и что сама истина говорит нашими устами. Вот какие мысли пришли мне в то время, когда я читал приговор ваш книге, на которую до сих пор я не имею духу взглянуть. Скажу вам также, что мне становится теперь страшно всякий раз, когда слышу человека, возвещающего слишком утвердительно свой вывод, как непреложную, непогрешительную истину. Мне кажется, лучше говорить с меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательств*.

Драму вашу я прочту со вниманием и даю

вам слово не скрыть своего мнения. Она тем более для меня интересна, что, вероятно, в ней я отыщу яснейшее изложение всего того, о чем вы говорите в письме вашем несколько неопределенно и неясно. Прощайте, Константин Сергеевич! Бог вам в помощь! Когда-нибудь переговорим о многом лично, и это, вероятно, будет лучше всяких письменных рассуждений. Покуда не сердитесь на критики в журналах и не называйте их также следствиями вражды, зависти и тому подобного. Во всякой из них может быть та частица правды, которая только сначала колет в глаза, но если прочтешь несколько раз, она будет целительна и полезна.

Искренне желающий вам добра и любящий вас

Н. Г. На обороте: Константину Сергеевичу.

Аксакову С. Т., 8 июня 1848*

**32. С. Т. АКСАКОВУ. Июня 8 <1848>.
Василевка.**

Как вы меня обрадовали вашими строчками*, добрый друг Сергей Тимофеевич! Но меня печалит, что вы так часто хвораете. Ради бога, берегите себя. Не забывайте ни на час, что ваша натура, нервически-пылкая, склонна[95] более других к простудам. Теперь вечера очень опасны. Именно оттого, что дни невыносимо жарки и в воздухе засухи. Имейте всегда кого-нибудь при себе с плащом, который бы мог набросить его на вас в ту же минуту, как только станет холодеть. Теперь тысячами вокруг болеют и мрут. В Полтавской губернии свирепствует холера почти повсеместно, и в самой Полтаве. Бог да хранит вас! Драмы Константина Сергеевичу я еще не имею*; сегодня, однако, пришло объявление о посылке на рубль с половиной серебром. Вероятно, это она. Я ее прочту с любопытством уже и потому, что в ней должен заключаться вопрос[96], решением которого я серьезно те-

перь занят*, не менее самого Конст<антина> Сергеевича. Поблагодарите Ольгу Семеновну и милых дочерей ваших за то, что они не позабывали матушку и сестер.

Весь ваш Н. Г.

Плетневу П. А., 8 июня 1848*

**33. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Июня 8 <1848>.
Д<еревня> Василевка.**

Жаль векселя*, но так как в нынешнее время всем приходится нести потери и утраты имуществ, то почему ж не понести и мне. Разменяй 3-й билет[97] в 571 р. и пришли сюда, в Полтаву. Уведоми меня, поступил ли в число означенных тобою[98] четырех билетов тот вексель, который был послан мне Прокоповичем и препровожден, много год тому назад, ко мне. В это время пролетело столько событий всякого рода как мимо меня, так и внутри меня, что я начинаю позабывать совершенно порядок дел моих.[99] У тебя же всё это, по обыкновенью, в порядке, с означением, без сомненья, месяцев и дней, в какие что было ко мне отправлено. Если когда-ни-

будь в свободное время не побрезгаешь сделать об этом записочку (ее же выйдет пять-шесть строчек всего), то меня весьма обяжешь. Я еще ни за что не принимался. Покуда отдыхаю от дороги. Брался было за перо, но или жар утомляет меня,[100] или я всё еще не готов. А между тем чувствую, что, может, еще никогда не был так нужен труд,[101] составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время. Хоть что-нибудь вынести на свет и сохранить от этого всеобщего разрушенья — это уже есть подвиг всякого честного гражданина. Как мне скорбно, что бедная Смирнова так страдает! Передай ей это маленькое письмецо*. Я слышал, что муж ее назначен губернатором в Москву*. Правда ли это? Я пробуду здесь еще месяц.[102] Прощай, обнимаю тебя крепко.

Твой Гоголь.

Смирновой А. О., около 8 июня 1848*

**34. А. О. СМИРНОВОЙ. <Около 8
июня 1848. Васильевка.>**

Как мне грустно, что вы до сих пор еще так страждете, друг мой! Бодритесь и крепитесь духом или, лучше, сложите руки крестом и произносите: «Да будет воля твоя, господи!» Нервы — это такого рода болезнь, которая не оставит нас по тех пор, покуда весь не выболеешь и не наберется душа в этой болезни запасов на всю остальную жизнь. Не попробуете ли вы моря? Оно одно помогает нервам. Известите,[103] сколько времени вы остаетесь еще в Петербурге. Я слышал, что Никол<ай> Миха<й>л<ови>ч назначен губернатором в Москву. Это бы хорошо.[104] Мы бы тогда всю зиму были вместе. Жуковский также. Прощайте, обнимаю вас. Меня еще бог держит на свете, хотя вокруг повсюду холера и всякие болезни. Люди умирают толпами.

Весь ваш Н. Г. На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

**Вьельгорской А. М., перед 15 июня
1848***

**35. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. <Перед 15
июня 1848. Васильевка>.**

Где вы и что с вами, моя добрая Анна Михайловна? Напишите мне несколько строчек о себе, о графине Л<уизе> К<арловне>, о графе Мих<аиле> Юрьевиче и обо всем, что касается всех вас от мала до велика. Я еще существую и кое-как держусь на свете. Уцелею ли дальше среди множества вокруг меня болеющих и умирающих от холеры и всяких смертоносных недугов — это, разумеется, зависит от воли бога. Но если я не смущусь ничем и пребуду тверд среди явлений возмущающих и, не упавши духом, буду в силах, посреди потрясающей бестолковщины времени, удержаться[105] на своем мирном поприще литературном и быть певцом мира и тишины посреди брани*, то это будет истинное чудо, [106] милость божья, которой и надеяться не смею, но о которой просить все-таки хочется.

Вьельгорской А. М., 15 июня 1848*

**36. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Полтава.
1848. Июнь 15.**

Уведомьте меня несколькими строчками как о себе, так и <о> всем близком сердцу моему вашему семействе, добрейшая моя Анна Миха<й>ловна! Может быть, мне удастся на несколько деньков заглянуть к вам в Петербург около августа месяца. Хотя это и не совсем для меня удобно, но мне так хочется увидеть и обнять многих, что я, вероятно, употреблю с своей стороны все силы к тому, несмотря на повсеместные холеры, болезни и всякие бесчинства. А покуда, пожалуста, не позабывайте бедную Александру Осиповну, которая, как я вижу из маленького письма ее*, страдает тяжело и томительно. Не позабывайте навещать ее как можно почаще, просите также Мих<аила> и Матвея Юрьевича*[107] навещать ее. Софья Миха<й>ловна, верно (если она только в Петербурге), бывает у нее. [108] Уведомьте также о здоровье государя и государыни и часто ли вы их видите. Я почти

не имею ниоткуда никаких известий и, несмотря на то, что живу теперь в России, знаю и слышу меньше о России, чем сколько слышал[109] о ней, бывши за границей. Летом, как известно, у нас всё томится от жару и ни о чем никому не пишет. Адресуйте в Полтаву, около[110] которой невядалеке находится деревенька моей матери, где я на время приостановился. Письмо ваше я еще успею получить до отъезда моего в Москву. Прощайте, добрая Анна Миха<й>ловна. Поцелуйте за меня ручки вашей маминьк<и> и обнимите всех, начиная с Миха<и>ла Юрьевича. Как мне жаль будет, если[111] Софья Михайловна уедет в деревню и я ее не застапу в Петербурге.

Весь ваш Н. Г.

Жуковскому В. А., 15 июня 1848*

**37. В. А. ЖУКОВСКОМУ. Полтава.
Июнь 15. 1848.**

Твое милое письмецо, посланное из Франкфурта в Полтаву, получил*. Большое же, напечатанное в «Москвитяине»*, прочел еще в Одессе, на другой день после того, как ступил на русский берег. Оно очень, очень дельно, понравилось многим, а меня освежило. Никогда еще так верно и так прекрасно не было сказано о долге писателя. Никогда еще, может быть, не было так нужно сказать это, как в нынешнее время. Я покуда, слава богу, еще здравствую и живу, хотя время не весьма здоровое и вокруг везде болезни. Еще не принимался сурьезно ни за что и отдыхаю с дороги, но между тем внутренне молюсь и собираю силы на работу. Как ни возмутительны совершающиеся<ся> вокруг нас события, как ни способны они отнять мир и тишину, необходимые для дела, но тем не менее нужно быть верну главному поприщу; о прочем позаботится бог. Что мы можем выдумать теперь,

для нашего земного благосостояния или обеспечения себя или обеспечения близких нам, когда всё неверно и непрочно и за завтрашний день нельзя ручаться? Будем же исполнять то, для <чего> нам даны богом силы и способности и в истине чего залогом служат те сладкие минуты,[112] которые мы в жизни ощущали, после которых и лучше молилось, и лучше благодарилось, и лучше чувствовалось добро. Что нам до того, производят ли влиянье слова наши, слушают ли нас! Дело в том, остались ли мы сами верны прекрасному до конца дней наших, умели ли возлюбить его так, чтобы не смутиться ничем, вокруг нас происходящим, и чтобы петь ему безустанно песнь даже и в ту минуту, когда бы валился мир и всё земное разрушалось. Умереть с пеньем на устах — едва ли не таков же неотразимый долг[113] для поэта, как для воина умереть с оружием в руках. Еще с полмесяца я пробуду здесь, потом еду в Москву, из Москвы съезжу на месяц в Петербург, чтобы взглянуть на многое собственным глазом. По дороге зацеплю некоторые места и даже, может быть, сворочу несколько с дороги

вовнутрь Руси, чтобы освежить свою память и все-таки набраться кое-каких нужных материалов. О дальнейшем извещу. Письма адресуй мне всегда в Москву, на имя Шевырева. Обнимаю тебя крепко, крепко, обнимаю также и всех вас, от мала до велика.

Весь твой Н. Гоголь.

Шевыреву С. П., 15 июня 1848*

38. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Д<еревня> Василевка. Июня 15 <1848>.

Благодарю тебя за милое письмецо (от 17 мая). Вот уже месяц, как я на родине, где кажется мне покуда несколько пусто, хотя сам не знаю, отчего; ничего не мыслится и не пишется; голова тупа. Вокруг засухи и холера. В будущем [предстоит] голод и та же повсюдная[114] бестолковщина. Если бог не вмешается наконец сам в дело, люди погибнут от собственной глупости. Глупость делает в последнее время успехи невероятные, и кто кого глупее — это теперь неразрешаемая задача. [115] Чрез месяц или с небольшим, если бог даст, надеюсь быть с тобой. Ты, однако же, от-

зовись на это письмо и извести меня, где ты и как тебя найти. От Сергея Тим<офеевича> я получил письмо*, очень доброе и радужное. Если увидишь его, скажи, что я ему отвечал*, адресуя, по его же указанию, в Сергиевский посад. Я получил письмо и от Конст<антина> Серг<еевича>, более юношеское, нежели когда-либо прежде. Драму его я пробежал*, но так бегло, что, без сомненья, еще не могу дать никакого решительного своего сужденья. Покуда разве вот вопрос: отчего же она пробежалась бегло и не заставила втянуться в себя? И еще вопрос: отчего исторические драмы наши кажутся бледней и односторонней истории?

Прохладно ли сколько-нибудь в Сокольниках? Здесь такие жары повсюду, что не находишь места, куды укрыться. Я не помню в Италии такой томительной духоты даже во время широко.

Передай поклон мой Чертковой*, если она еще в Москве. Щепкина обними и скажи, что нетерпеливо желаю его видеть. Затем обними себя и всю дорогую семью, начиная с Софьи Борисовны и оканчивая лицом, может

быть, мне неизвестным, если только бог его тебе дал.

Весь твой Н. Г.

Шевыреву С. П., около 18 июня 1848*

39. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <Около 18 июня 1848. Васильевка>.

В письме моем к тебе*, отправленном назад тому три дни, я позабыл присовокупить маленькую просьбу, а именно: отыскать Маргарит<у> Алекс<андровну> Базили и отослать ей при сем приложенное письмецо*. Она остановилась в Москве у родных своих, князей Ипсиланти*. Я не знаю, в собственном ли доме живут князья Ипсиланти или в нанятом. Я думаю, ты найдешь пути разведать.[116] Они часто бывают у Строгановых* (граф<а> Серге<я>) и, кажется, знакомы с Чертковыми*.

Обнимаю тебя.

Твой Н. Г.

Базили М. А., 20 июня 1848*

**40. М. А. БАЗИЛИ. Д<еревня> Васи-
льевка. 1848, июнь 20.**

Где вы и что с вами, уведомьте меня хотя двумя словечками о себе, добрейшая моя Маргарита Александровна. Мне грустно не иметь никаких известий ни о вас, ни о близком моему сердцу вашем супруге*. Мне бы не хотелось не повидаться с вами обоими хотя на несколько минут прежде вашего отъезда. Не поленитесь прислать мне маршрут ваш, если он только уже вам известен. В конце июля или начале августа я буду в Москве. Рад буду очень, если вас еще застану. Здоровье мое хотя и не в таком благодатном состоянии, как было в Иерусалиме, Байруте и в дороге с вами, но, благодаря бога, всё еще кое-как держится.

Адресуйте мне в Полтаву.

Весь ваш Н. Гоголь.

Прокоповичу Н. Я., 20 июня 1848*

**41. Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ. Д<еревня>
Василевка. 1848. Июнь 20.**

Уведоми меня хотя двумя словечками о себе, жив ли ты, здоров, и как идет твое бытие. Я думал было приехать напрямик в Петербург и потому не писал к тебе, но дело поворотилось не так; мне придется еще с месяц прожить в деревне, потом в Москву.[117] В конце августа только надеюсь заглянуть в Петербург. Я, слава богу, кое-как еще держусь на свете, несмотря на болезни и холеры вокруг, хотя и не так свеж и бодр, как во время путешествия по Востоку и даже во время дороги в Россию. О прочем всё переговорим лично. [118] В письме не знаешь, с которого конца начать. Передай мой задушевный поклон супруге и погладь по головке деток. Жду отклика нетерпеливо.

Твой Н. Гоголь.

Между прочим, просьба: подпишись за меня на журнал Башуцкого «Иллюстрация»* за текущий 1848 год с пересылкою[119] в Полтаву

ву, на имя Марьи Ивановны Гоголь. Первые [120] номера, вышедшие доселе, от 1-го генваря до сего месяца, чтобы высланы были все рядом, а прочие исправно всякую неделю.

Мой адрес: в Полтаву.

Плетневу П. А., 7 июля 1848*

42. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Д<еревня> Василевка. Июля 7 <1848>.

Пишу к тебе больной, едва оправившийся от изнурительного поноса, который в три дни оставил от меня одну тень. Впрочем, это, слава богу, еще не холера, а просто понос от нестерпимых [121] жаров, томительнее которых, я думаю, не бывает в самой Африке. Никакого освеженья даже по ночам. Холера везде вокруг, и, я думаю, еще никогда не была она так повсеместно и скоро разносима. Маленькую доверенность (в рассуждении того, что она на осьмушке) при сем прилагаю. Если по ней еще нельзя будет взять вдруг, то обяжешь меня, если вышлешь мне из своих, [122] какие найдутся у тебя под рукой, хоть рублей 150 серебром. Я совсем на безденежь. Во-

круг — тоже ни у кого, начиная с моих родных, которым должен буду помочь. Голод грозит повсеместный. <Урожая> покуда еще нечего даже собирать. Всё не выросло и выжгло так, что не жнут, а вырывают руками по колоскам. Надежда есть еще кое-какая на поздние хлеба, особен<но> на гречу, если перепадет несколько дождей и засуха не будет так жестока. Я ничего не в силах ни делать, ни мыслить от жару. Не помню еще такого тяжелого времени. Деньги посылай по такому же адресу, как и письма: в Полтаву. Пришли две тысячи асс<игнациями>, а остаток, в виде пятого билета, примкни к прежним четырем. Если ж тебе почему-либо удержать при себе не захочется или будет хлопотливо возиться, то, пожалуй, пришли хоть и весь вексель, в два приема или в один.

Аксакову С. Т., 12 июля 1848*

43. С. Т. АКСАКОВУ. Июля 12 <1848>. Василевка.

И за письмо и за книги благодарю вас*, добрый Сергей Тимофеевич. Как ни слаб я после недуга, от которого еще не оправился как следует,[123] но не могу отказать себе написать к вам несколько строчек. Какое убийственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздух! Только три или четыре дни по приезде моем на родину я чувствовал себя хорошо. Потом непрерывные расстройства в желудке, в нервах и в голове от этой адской духоты, томительнее которой нет под тропиками. Всё переболело и болеет вокруг нас. Холера и все роды поносов не дают перевести дух. Тоска (еще более оттого, что никакое умственное занятие не идет в голову). Даже читать самого легкого чтенья не в силах. А потому не ждите от меня покуда никаких отчетов относительно впечатлений, произведенных присланными книгами. Я после напишу Константину Сергеевичу мое

мнение о его драме*. Статья его о современном споре* мне понравилась, может быть, оттого, что во время чтения голова моя была свежа и вниманья достало на небольшую статью. Ваш разбор драмы я бы желал нетерпеливо прочесть*, хотя по кусочкам. Мне кажется, вы сделаете очень нелишнее дело, если займетесь <им>, тем более, что самый предмет, о котором пойдет речь, так важен для всех нас, что и сама драма и сам сочинитель могут остаться почти в стороне. В драме постигнуто[124] *высшее свойство* нашего народа — вот ее главное достоинство! Недостаток — что, кроме этого высшего свойства, народ не слышен другими своими сторонами, не имеет грешного тела нашего, бестелесен. Зачем Конст<антин> Серг<еевич> выбрал форму драмы? Зачем не написал прямо историю этого времени? Странное дело: когда я разворачива<ю> историю нашу, мне в ней видится такая живая драма на каждой странице, так просторно открывается весь кругозор тогдашних действий и видятся все люди, и на первом и на втором плане, и действующие и молчащие. Когда же я читаю извлеченную из

нее нашу так называемую историческую драму, кругозор предо мно<ю> тесен, я вижу только те лица, которые выбрал сочинитель для доказанья любимой своей мысли. Полнота жизни от меня уходит; запаха свежести, первой весенней свежести, я не слышу. Наместо действия, я слышу словопрения, и мне кажется всё бледно. Не распространяю этих слов на драму Константина Сергеевича. В ней вялости нет, язык свеж, речь жива. Но зачем, не бывши драматургом, писать драму? Как будто свойства драматурга можно приобрести! Как будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко ценить, высоко судить и мыслить! Для этого нужно *осязательное, пластическое* творчество и ничто другое. Его ничем нельзя заменить. Без него история всегда останется выше всякого извлеченного из нее, сочинения.

Может быть, всё это, что я вам теперь говорю, есть плод нынешнего мутного состоянья моей головы, неспособной рассуждать отчетливо и ясно; может быть, в другой раз, когда прочту внимательней это сочинение, и притом в минуту более свежую, я выражусь ина-

че и лучше; но, мне кажется, я и тогда не соглашусь с Констант<ином> Сергеев<ичем>, будто драма есть художественное понимание истории в известную эпоху. Скорей разве можно сказать художественное *воспроизведе- нье* ее. Пониманья одного мало для драмы. Но обо всем этом потолкуем после. Сочиненьё, во всяком случае, *немаловажно* и всегда останется замечательно тою высокою задачей, которую оно задало нам и над которою стоит всякому истинно русскому поразмыслить и порассудить сурьезно. Прощайте, добрейший Сергей Тимофеевич. Обнимаю вас крепко. Не знаю, когда с вами увижусь. Хотел было ехать теперь, несмотря на болезненную слабость, но узнал, что дилижансы из Харькова в Москву уничтожились. Заводить свой экипаж нет средств и скука. Попутчика куда не отыскивается. Напишите мне слова два о Миха<и>ле Семеновиче*, не будет ли он в Харькове? Он, кажется, имеет обыкновенье заглядывать туда в августе, около ярмарки. Как бы мне было приятно прокатиться с ним! Пишите.

Весь ваш Н. Г.

Всем вашим дружеский поклон.

Шевыреву С. П., 26 июля 1848*

44. С. П. ШЕВЫРЕВУ. 26 июля <1848>. Ва<еильевка>.

Отвечаю тебе на твое письмоцо слабый, едва оправившийся от изнурительной болезни. Сил у меня так немного, что всякая болезнь для меня изнурительна и оставляет надолго след. Понос и рвота, продолжавшиеся дня три или четыре, которые для другого были бы ничего, для меня важная вещь. Три недели уже прошло, а я всё еще слаб. Время стоит здесь невыносимо знойное. Дождей ни капли. Жары удушают и несут болезни. Солнце и палящие ветры сожгли землю и весь хлеб. Никто не запомнит такого времени. В Москву не думаю, что выберусь раньше половины августа, тем более, что теперь прекратилось заведение дилижансов (от Харькова до Москвы), и я не знаю еще, как доберусь. Покупать экипаж затем, чтобы потом бросить и ехать одному, для меня неудобно и дорого. Попутчика покуда никого нет. Приехавши в Москву, я заеду прямо в Дегтярный переулок

и, если тебя там еще не будет, то зарасположусь там денька на четыре, если же ты уже переедешь, то отправлюсь к Погодину под Девичий, хотя это будет и далеко от всяких пунктов. Впрочем, теперь останусь я в Москве не более, как неделю. На месяц или на три недели нужно будет съездить в Петербург затем, чтобы после этого подольше пробыть с вами. Найди средство отдать при сем прилагаемое письмо Базили*. Я думаю, он уже приехал из Петерб<урга> и, может. быть, с тобою увиделся. Человек этот очень замечательн<ый> и умный и знает Восток в политическом, религиозном и всяком отношении, как никто. Если его еще нет в Москве, письмо отправь к жене его тем же путем, если только ты нашел его. Ожидая с нетерпением того благодатного времени, когда мы наговоримся наконец о всем, что близко душе, обнимаю тебя крепко и прошу за меня обнять всю семью свою.

Твой Г.

Базили К. М., 26 июля 1848*

45. К. М. БАЗИЛИ. Июля 26 <1848>, Васильевка.

Как жаль, что я хорошенько не расспросил Ку тебя при расставаньи нашем, как к тебе адресовать. Пишу через Шевырева, авось ты с ним увидишься или с кем-нибудь из знакомых ему, и через них он доберется до тебя и вручит тебе эти строки. Я писал уже этим путем, то есть через Шевырева, к Маргарите Александровне; не знаю, получила ли она или нет. А между тем я получил от нее весьма доброе письмоце*, за которое прошу тебя поблагодарить от меня много и много. Она меня порадовала известием, что твои дела, слава богу, идут хорошо, хотя я не знаю, как именно. Пожалуйста, уведоми двумя словами о том, каким образом всё устроилось и какой возымело оборот, а вследствие того и какой ныне твой маршрут. Мне бы очень хотелось с тобой повидаться еще раз прежде твоего отъезда. Я противу чаяния прожил в деревне гораздо более, чем думал: холера и всякие бо-

лезни вокруг, а наконец и моя собственная болезнь, от которой в силу доселе мог оправиться, задержали мой отъезд. В половине августа думаю, однако ж, подняться в Москву; авось даст бог в ней увидаться. Прощай! Обнимаю тебя крепко, хоть и заочно.

Твой Н. Г.

Маргарите Александровне душевный и братский поклон.

**Павлову Н. Ф., лето, до 24 августа,
1848***

46. Н. Ф. ПАВЛОВУ. <Лето, до 24 августа, 1848. Васильевна.>

Я читал со вниманием и несколько раз ваши письма, напечатанные в «Москов<ских> Введом<остях>». Возвратившись в Россию, я перечел их еще раз, над многим задумался. Многое отыскал в себе такое, чего не подозревал. Чего не отыщешь в себе, если только, победивши раздражитель<ность> самолюбия, поставишь <?>.[125] Но при всем том, победа гордость и самоуверенность, и теперь, как и прежде, должен сказать, что мно-

го<е> вы приняли не в том виде, многому приписали такой грубый смысл, что поныне стонут мои нервы и сердце содрогается.[126] Когда я пробежал сам свою книгу по возвращении, я был испуган ею, не мыслями и не идеею, но той чудовищностью и тем излишеством, с которым много<е> было выражено и которая, точно, представила в другом виде мои мысли многим и приписала многому такие цели и такие виды, от которых должно содрогнуться сердце благородного человека. Есть какой-то дар преувеличения, есть какое-то беспокойствие в нашем времени. Головы всех не на месте. Может быть, от этого самого и истина ищется более, чем прежде. Это переходное состояние, в котором находится настоящая эпоха, совершается и в каждом, человеке, особливо в том, который идет вперед. Со мною было то же от переходного моего состояния. Бог знает, может быть, оно продолжается, и его памятником моя книга. В продолжение многих лет, отделивши от моих собственных · · ·,[127] я стал следовать за душою человеческою и отдал себя всего этому исследованию с тех пор, как сам заболел ду-

шою. И вообразил я себе, что я достигнул высших степеней и открыл вещь неизвестную <?>, как святую обязанность, не могу снести до сих пор. · · [128] Возле меня не было в это время такого друга, который бы мог остановить меня; но я думаю, если бы даже в то время был около меня ближайший друг, я бы не послушался. Я так был уверен, что я стал на вершущке своего развития и вижу здраво вещи. Я не показал даже некоторых писем Жуковскому, который мог мне сделать возражение.[129]

Не знаю я, винить ли меня, если это состояние невольное, если оно объемлет всех. Взгляните пристально, и вы заметите это состояние у всех, которые стоят впереди, и между тем всякий уверен, что он уже выбрался из этого состояния, и дух самоослепления является <...> гордая уверенность. Удастся ли ему одну сторону истины открыть, он уже горд своим открытием...

Плетневу П. А., 1 сентября 1848*

**47. П. А. ПЛЕТНЕВУ. 1 сентября
<1848>. Черниговск<ая> губер<ния>,
с. Сварк<ово>.**

Деньги, 150 р. серебром, получил исправно. Здоровье мое, слава богу, немного лучше; выезжаю на днях, затем, чтобы пораньше приехать в Москву и оттуда иметь возможность заглянуть в Петербург. Поздо осенью и во время холодов ехать мне невозможно. Не согреваюсь в дороге вовсе, несмотря ни на какие шубы. После 15 сентября или около того, может быть, обниму тебя. Поговорить нам придется о многом. Прощай! Твой весь

Н. Гоголь.

Гоголь А. В., сентябрь 1848*

**48. А. В. ГОГОЛЬ. <Начало сентября
1848. Село Сварково.>**

Пишу к тебе слова два из Сваркова, куда прибыл благополучно. Завтра отсюда выезжаю весьма покойно в Орел, в экипаже А. М. Марковича*, а оттуда в Москву, с дилижансом, о чем ты можешь известить матушку. Когда приедет кочубейский лесовод, не позабудь спросить у него, когда именно он будет садить желуди у Кочубея*, и об этом меня уведоми, равно как и о том, как ты расправляешься с работами в саду, о чем, как ты сама знаешь, мне беседовать всегда приятно...

Данилевскому А. С., 5 сентября 1848*

**49. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Орел.
Воскресенье <5 сентября 1848>**

Добрался я до Орла благополучно. Но здесь, к величайшему моему изумленью, дилижанса не нашел. Они уничтожены так же, как и в Харькове.[130] Как жалею теперь, что не взял из дому человека! Уже хотел отправляться один[131] на так называемых вольных и на перекладных, но раздумал, вспомня хворость свою и недостаточную храбрость, и решился нахальным образом взять у тебя человека, а у добрейшего Александра Михайловича бричку до Москвы. В Москве же нанимаю надежного извозчика, который отвезет к вам и Прокофия* и бричку в исправности. Разница будет в лишней неделе. Прощай! Обними за меня Ульяну Григорьевну и передай душевный мой поклон ее милым сестрицам*. Александру Миха<й>ловичу засвидетельствуй мою и признательность и любовь. Не забывай и пиши. Еще раз выставляю тебе адрес: его высокородию Степану Петр<овичу> Ше-

выреву,[132] близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

Твой Н. Гоголь.

Это письмо тебе вручит извозчик мой Захар Москаренко, которому ты вручи за меня 1 целковый, за который я тебе пришлю из Москвы фунт конфект.

Дай извозчику еще один целковый.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Семеновичу Данилевскому. В Сварков, близ Глухова.[133]

**Данилевскому А. С., 12 сентября
1848***

**50. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Сентября
12 <1848>. Воскресенье <Москва>.**

Посылаю тебе булавку, 4 куса казанского мыла и конфект с желаньем, чтобы всё пришлось по вкусу. В Москве, кроме немногих знакомых, нет почти никого. Всё еще сидит по дачам и деревням. Россета* также нет; он, как сказывают, находится где-то в путешествиях в Харьковской губернии. Теперь я еду в Петербург. Первых чисел[134] октября пола-

гаю возвратиться в Москву. Адрес остается по-прежнему.

Твой Н. Гоголь.

Уведоми, в исправности ли всё пришло вместе с Прокофием, равно как и то, доставлена ли извозчиком (прежним) бричка.

Ульяне Григорьевне душевный и братский поклон. Александру Миха<й>ловичу также.

Извозчику, который везет Прокофия, всё заплачено и ничего ему не следует, даже на водку.

**Константиновскому М. А., 12
сентября 1848***

**51. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
Москва. Сентября 12 <1848>. Воскресенье.**

Пишу к вам несколько слов из Москвы, многоуважаемый мною брат и богомолец! Я, слава богу, приехал сюда цел и невредим. Может быть, чрез месяц приведет меня бог поблагодарить вас лично за всё. Покуда я читаю и перечитываю ваши письма; это чтение мне нужно, оно заставляяет меня вниматель-

но осматриваться на себя. В нынешнее опасное время это еще необходимее, чем когда-либо прежде. Не оставляйте меня попрежнему. Одна мысль о том, что вы обо мне возносите моления, уже освежает меня и бодрит.

Искренно признательный и благодарный
вам

Н. Гоголь.

Плетневу П. А., 16 сентября 1848*

**52. П. А. ПЛЕТНЕВУ. <16 сентября
1848. Петербург.>**

Был у тебя уже два раза. На дачу не мог по-пасть* и не попаду, может быть, ни сегодня, ни завтра. Тем не менее обнимаю тебя крепко в ожидании обнять лично. Я еду сейчас с Миха<и>л<ом> Юрьев<ичем> Виельгор<ским> в Павлино*, а оттуда в Павловск. По случаю торжественного фамильного их дня*, отказаться мне было невозможно.

Весь твой Н. Гоголь.

Гоголь М. И., 20 сентября 1848*

**53. М. И. ГОГОЛЬ. Сентября 20 <1848.
Петербург>.**

В Петербург я приеха<л> благополучно. Благодаря молитвам, может быть, вашим, почтенная и добрая моя матушка, я чувствую себя хорошо. Несмотря на многие грустные явления, которых свидетелями приходится нам быть ныне чаще, нежели в прежние времена, милость божия еще держит дух мой и доставляет мне случаи видеть многое утешительное. Будем же крепки, будем тверды нашей верой в того, кто один только может помочь всему. Обнимаю мысленно как вас, так и сестер.

Ваш признательный сын Н. Г.

Адресуйте письма в Москву, на имя Степана Петр<овича> Шевырева, близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

**Данилевскому А. С., 24 сентября
1848***

**54. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Пе-
терб<ург>. Сентября 24 <1848>.**

Письмо твое я получил* уже в Петербурге. Оно меня встревожило, во-первых, тем, что бричка не привезена, как видно, извозчиком, привезшим меня в Орел. Во-вторых, что я точно позабыл второпях дать от себя какой-нибудь удовлетворительный вид Прокофию. Теперь я в страхе и смущении. Извозчик, повезший Прокофия, кажется, честный человек, с пашпортом и за поручительством дворника двора, в котором стоял он в Москве. Он Орловской губернии, Мценского уезда, крестьянин сельца Бибикова, помещицы Ольги Николаев<ны> Руценовой. Имя ему Федор Ильин.[135] Всё это написано в его пашпорте. С ним послана также тебе золотая булавка, казанское мыло и конфеты, что всё должен тебе доставить Прокофий. Я не понимаю сам, как я одурел и распорядился так плохо. Из Орла тоже я не успел написать второго письма о

перемене намерения брать бричку, но на словах рассказал всё извозчику, чтобы он донес тебе, как это случилось. На него я понадеялся, как на человека из Глухова, известного в Сваркове всем людям. Ради бога, успокой меня скорейшим уведомленьем. В Петербурге я успел видеть Прокоповича, вокруг которого роща своей семьи, и Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Всё, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях*, — просто страх: совершенное разложение общества. Тем более это безотраднo, что никто не видит никакого исхода и выхода и отчаянно рвется в драку, затем, чтобы быть только убиту. Никто не в силах вынести страшной тоски этого рокового переходного времени.[136] И почти у всякого ночь и тьма вокруг. А между тем слово *молитва* до сих <пор> еще не раздалось ни на чьих устах. Ульяну Григорьевну благодар<ю> очень за письмо*. Обнимаю вас обоих, а Олиньке* поцелуй.

Весь твой Н. Г.

Адрес мой попрежнему: на имя Шевырева, в Дегтярном переулке, в собственном доме,

близ Тверской. Я здесь еще пробуду неделю с небольшим.

Шереметевой Н. Н., 25 сентября 1848*

55. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <25 сентября 1848. Петербург.>

Письмо ваше, добрый друг мой Надежда Николаевна, я получил уже в Петербурге. В Москве я ожидал вашего приезда или ответа от вас, потому что Шевырев посылал вам [137] дать знать о моем приезде. Мне было жалко выехать из Москвы, вас не видавши, но так как я надеялся чрез три недели возвратиться назад, то и не предпринимал поездки в Рузу* для свиданья с вами. Душевно благодарю вас за строки письма вашего, исполненные попрежнему любви и участия. Скоро надеюсь поблагодарить вас лично за всё.

Весь ваш Н. Гоголь. На конверте: Его высокородию Степану Петровичу Шевыреву. В Москве. Близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собств<енном> доме. Для передачи Надежде Никола<е>вне Шереметьевой.

**Халчинскому Ф. Л., сентябрь —
октябрь 1848***

**56. Ф. Л. ХАЛЧИНСКОМУ. <Вторая
половина сентября — начало октяб-
ря 1848. Петербург>.**

Гоголь весьма сожалеет, что не имел удо-
вольствия застать дома Федора Лаврентье-
вича* и передать лично поклон от Ивана
Дмитр<иевича>* из Константинополя.

Погодину М. П., октябрь 1848*

**57. М. П. ПОГОДИНУ. <Начало октяб-
ря 1848. Петербург>**

Вот тебе несколько строчек, мой добрый и
милый! Едва удосужился. Петербург берет
столько времени. Езжу и отыскиваю людей,
от которых можно сколько-нибудь узнать,
что такое делается на нашем грешном свете.
Всё так странно, так дико. Какая-то нечистая
сила ослепила глаза людям, и бог попустил
это ослепление. Я нахожусь точно в положе-
нии иностранца, приехавшего осматривать
новую, никогда дотоле невиданную землю:

его всё дивит, всё изумляет и на всяком шагу попадаетея какая-нибудь неожиданность. Но рассказов об этом не вместишь в письме. Через неделю, если[138] бог даст, увидимся лично и потолкуем обо всем. Я заеду прямо к тебе, и мы с месяц проживем вместе. Обнимаю и целую тебя крепко. Передай поцелуй всем домашним. Весь твой

Н. Гоголь.

Не позабудь[139] также обнять Шевырева, С. Т. Аксакова и всех, кто любит меня и помнит. Зеньков* у меня был. Из него выйдет славный человек. В живописи успеваает и уже почувствовал сам инстинктом почти всё то, что приготовлялся я ему посоветовать.

Смирновой А. О., 14 октября 1848*

**58. А. О. СМИРНОВОЙ. Москва. Ок-
тября 14 <1848>.**

Я вас ожидал, добрая моя Александра Осиповна, у Веневитиновых*. Я думал потом, авось-либо вы заедете в контору дилижансов. Но вас не было, и мне сгрустнулось. Мы с вами так немного виделись! Едва только что успели разговориться. Не оставляйте меня [140] хотя письмами и дайте надежду увидеть вас скоро в Москве. Здесь привольнее. Тут найдется более свободного, удобного времени для бесед наших, чем в беспутном Петербурге. [141] Еще одна просьба: не оставляйте Вьельгорских, особенно тех из них, которым вы можете быть нужнее. Ничего больше, как старайтесь только почаще видеться с графиней Л<уизой> К<арловной> и Анной Михайловной, хотя бы вам показалось, что они с своей стороны и не очень хотят этого. Мне, признаюсь вам, очень жалко [142] за Анну Михайловну. У ней было так много прекрасных материалов. Ее нынешнее состояние душевное, мне

кажется, должно более преклонить к участию в ней, чем к порицанию. От долговременной борьбы с собой или, лучше сказать, с хандрой своей, она утомилась и устала. Чувствуя это временное бессилие свое, она не борется, не действует и покорилась,[143] дала увлекать себя этому минутному развлеченью света, как покорились вы невинным временным развлеченьям, вроде игры в карты и т<ому> подобное. Тем не менее ее положение опасно: она — девица, наделена большим избытком воображенья. Ее слова меня испугали, когда она сказала мне: «Я хотела бы, чтобы меня что-нибудь схватило и увлекло; я не имею собствен<ных> сил». Старайтесь быть с ней как можно чаще. Не придумывайте ничего, чем помочь ей или развлечь. Все наши средства смешны и ничтожны. От нас требуется только одной любовной, исполненной участья беседы, а всё прочее обделывает и устроит бог. Говорите с ней больше всего о том, о чем мы с вами говорили, то есть о том, что ближе всего должно быть сердцу русского человека. Всё, что клонится к тому, чтобы узнать, в чем именно состоит[144] наше ис-

тинно русское добро, есть уже неистощимый предмет разговоров. Тут воспитывается твердыня нашего характера, и разум озаряется светом. Но боюсь много заговориться. Времени нет теперь писать больше. Обнимаю вас, моя добрая, и жду от вас с нетерпением ваших попрежнему близких душе моей строк. Прощайте. Адресуйте на имя его высокородия Степана Петровича Шевырева, близ Тверской, в Дегтярном переулке. Добрейшего Аркадия Осиповича обнимите. Весь ваш

Н. Г.

Шереметевой Н. Н., 26 октября 1848*

59. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <26 октября 1848. Москва.>

Я получил письмо ваше, добрый друг Надежда Николаевна. Благодарю вас. Голос ваш всегда мне отраден. Что же касается до молитв ваших, то за них, верно, будет благодарить душа моя вечно. Не надивлюсь милости провидения, которое, видя бессилие моих собственных молений, устроило так, чтобы обо мне молились другие.

Не позабудьте известить меня, когда вы будете в Москву. Мне бы очень хотелось променять нашу переписку на изустную беседу. Сделайте одолженье, передайте поклон мой вашему достойному сыну*, с которым мне очень желательно познакомиться. Бог да хранит вас!

Весь ваш Н. Г. На конверте: Милостивой государыне Надежде Николаевне Шереметьевой. В Рузу Московской губернии.

Вьельгорской А. М., 29 октября 1848*

**60. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Москва.
Октября 29 1848.**

Как вы? как здоровье ваше, добрейшая моя Анна Михайловна? Что до меня, я только что оправляюсь от бессонниц своих, которые продолжались даже и здесь, в Москве, и теперь только начинают прекращаться. Москва уединенна, покойна и благоприятна занятиям. Я еще не тружусь так, как бы хотел, чувствуется некоторая слабость, еще нет этого благодатного расположения духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чуует, и сердце исполнено трепетного ожидания этого желанного времени. Напишите мне несколько строчек о ваших занятиях и состоянии духа вашего. Я любопытен знать, как начались у вас[145] русские лекции. Покуда я еще не присылаю вам списка книг, долженствующих составить русское чтение в историческом отношении. Нужно много обнять и рассмотреть предварительно, чтобы уметь подать вам одно за другим в порядке, чтобы

не очутился суп после[146] соуса и пирожное прежде жаркого. Напишите, как распоряжается мой адъюнкт-профессор* и в каком порядке подает вам блюда. Я очень уверен, что он вам скажет очень много хорошего и нужного, и в то же самое время уверен, что и мне останется[147] место вставить свою речь и прибавить что-нибудь такого, чего он позабудет сказать. Это зависит не от того,[148] чтобы я больше его был начитан и учен, но от того, что всякий сколько-нибудь талантливый [149] человек имеет свое оригинальное, собственно ему принадлежащее, чутье, вследствие которого он видит целую сторону, другим не примеченную. Вот почему мне хотелось[150] бы сильно, чтобы наши лекции с вами начались 2-м томом «Мерт<вых> душ». После них легче и свободнее было бы душе моей говорить о многом. Много сторон русской жизни[151] еще доселе не обнаружено ни одним писателем. Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: «Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоин-

ство». Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочиненьях. Их не всякий заметил... Но в сторону это. Не позабудьте рядом с русскою историей читать историю русской церкви; без этого многое в нашей истории темно. Сочинение Филарета Рижского* теперь вышло целиком: пять книжек. Их можно переплести в один том. Книга эта есть, кажется, у Матвея Юрьевича*, которого при этом случае обнимите за меня крепко. О здоровье вновь вам инструкция: ради бога, не сидите на месте более полутора часа, не наклоняйтесь на стол: ваша грудь слаба, вы это должны знать. Старайтесь всеми мерами ложиться спать не позже 11 часов. Не танцуйте вовсе, в особенности бешеных танцев: они приводят кровь в волнение, но правильного движенья, нужного телу, не дают. Да и вам же совсем не к лицу танцы: ваша фигура не так стройна и легка. Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благо-

родное движенъе; видно, черты лица вашего затем уже устроены,[152] чтобы выразить благородство душевное; как скоро же[153] нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны.

Бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет. Вы видите, что свет вам ничего не доставил: вы искали в нем душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку[154] хотели пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость. Бросьте же его совсем. Есть в свете гадости, которые, как репейники, пристают к нам, как бы мы ни осматривались. К вам кое-что уже пристало; что именно, я покуда не скажу. Храни вас бог также от поползновений на так называемую светскую любезность. Сохраняйте простоту дитяти — это лучше всего. «Наблюдайте святыню со всеми!» Вот что мне сказал один раз один святой отшельник. Я тогда не понял этих слов, но чем далее вхожу в них, тем глубже слышу их мудрость. Если бы мы подходили ко всякому человеку, как к святине, то и собственное выраженъе лица нашего становилось бы лучше, и речь наша облеклась бы в

то приличие, ту любовную, родственную простоту, которая всем нравится и вызывает с их стороны тоже расположение к нам, так что не скажет нам тогда никто неприличного или дурного слова. Не пропускайте бесед с такими людьми, от которых вы можете многому поучиться, не смущайтесь тем, если[155] они имеют черствую наружность. Будьте только к ним внимательны, умейте их расспрашивать, и они с вами разговоятся. Помните, что вы должны сделаться действительно русскою, по душе, а не по имени. Кстати: не позабудьте, что вы мне обещали всякий раз, когда встретите Даля*, заставлять его рассказывать о быте крестьян в разных губерниях России. Между крестьянами особенно слышится оригинальность[156] нашего русского ума. Когда случится вам видеть Плетнева, не забывайте его расспрашивать о всех русских литераторах, с которыми он был в сношениях. Эти люди были более русские,[157] нежели люди других сословий, а потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека. Если будете видеться с Александрой Осиповной, го-

ворите с ней только о России: в последнее время она много увидела и узнала из того, что делается внутри России. Она также может вам назвать многих замечательных людей, с которыми разговор не бесполезен.[158] Словом, имейте теперь дело с теми людьми, которые уже не имеют дела со светом и знают то, чего не знает свет. Бог да хранит вас! Прощайте. Не забывайте меня и пишите чаще. Делайте мне такие же черствые и жесткие наставления, как и я вам, не скрывая дурного, [159] которое во мне заметили. Мы ведь это обещали друг другу.

Ваш весь Н. Гоголь.

Обеих сестриц, Ап<оллинарию> и Софью Мих<айловну>, обнимите крепко. В письмах мне покуда надписывайте так: на Тверской, в конторе «Москвитянина». Через неделю переезжаю и пришлю вам адрес новой квартиры.

Данилевскому А. С., 29 октября 1848*

**61. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Москва.
Октября 29 <1848>.**

По приезде из Петербурга нашел твое письмо*. Не отвечал на него вдруг потому, что хотел собрать для тебя какие-нибудь удовлетворительные сведения насчет службы в Москве*. Но до сих пор ничего утешительного не могу сказать. Из того, что перед моими глазами, вижу я только то, что[160] те благодатные места членов, которые приходят на ум тебе, подхвачены[161] повсюду, притом жалованье бездельное. Даже и нет таких, чтобы доходили до трех тысяч ассигнациями. Все прочие места, какие ни поглядишь, сопряжены с ответственностями и с тревогами, способными вывести из терпения даже и постоянного человека, не только тебя. Жизнь в Москве стала теперь гораздо дороже. С какими-нибудь тремя тысячами едва холостой человек теперь в силах прожить,[162] женатому [163] же без 8 тысяч трудно обойтись, — я понимаю — такому женатому, который бы вел

самую умеренную жизнь и наблюдал бы во всем строжайшую экономию. Почти все мои приятели сидят на безденежье, в расстроенных обстоятельствах, и не придумают, как их поправить. При деньгах одни только кулаки, пройдохи и всякого рода хапути. От этого и общество и жизнь в Москве стали как-то заметно скучнее. Я теперь сурьезно задумался о том, служить ли тебе, добиваться ли места в нынешнее время, когда всё так неверно, когда завтра же не знаешь, что будет. В деревне можно, по крайней мере, хоть не умереть с голоду. Скучно, может быть, пусто, но ведь это крест, который должно несть. А крест никогда не бывает легок. Ты очутился против желанья, может быть, против воли помещик. Что ж делать? Нужно принять это, как данную провиденьем обязанность,[164] глядеть на нее, как на должность, размерить день свой, отдать час или два всякое утро на хозяйство. Покуда не примиримся мы с мыслью, что жизнь — горечь, а не наслажденье, что все мы здесь поденщики и плату получаем только *там* за ревностное исполнение своего дела, — до тех пор не обратится нам жизнь в

наслаждение, и не почувствуем значенья слов: «Иго мое благо и бремя мое легко есть». Скука будет тебя преследовать[165] в городах еще более, чем в деревне, потому что многое так стало теперь грустно, как никогда доселе не бывало. Подумай обо всем этом хорошенько, не позабывши принять в соображенье свои склонности, свой характер и т. д. А я покуда буду забирать еще сведения, хотя и не предвижу ничего утешительного. Ты же сделал дурно,[166] что не заставил Алексея Васильевича Капниста* написать о тебе подробно Ивану Васильевичу*. Он все-таки более других может быть тебе полезен. Прощай. Обнимаю тебя крепко. Передай душевный дружеский поклон Ульяне Григорьев<не>. Поцелуй крошку-дочь и кланяйся от меня всем. Адрес остается попрежнему.

Твой Н. Г.

Гоголь М. И., 1 ноября 1848*

62. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. Ноябрь 1
<1848>.

Возвратившись из Петербурга, застал ваши письма*. Рад, что у вас покуда всё[167] благополучно. Отправьте доброму Андрею Андреевичу это письмецо*. Я собственно для себя не имею надобности в деньгах. Лишних денег желал бы разве только затем, чтобы уделить вам. Впрочем, вы можете обратиться к нему сами в случае, если бы пришла вам последняя крайность, от которой да бережет вас бог. Прощайте, покуда не имею досуга писать больше. Напишу,[168] когда буду посылать сестрам шнуровки, о которых за множеством дел позабыл было вовсе.

Ваш всегда признательный сын Н. Г.

**Константиновскому М. А., 9 ноября
1848***

**63. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
Москва. Ноября 9-го <1848>.**

Я к вам долго не писал, почтеннейший и близкий душе моей Матвей Александрович. Сначала я думал было скоро увидеться с вами лично. Потом, когда случилось так, что намерение мое ехать к вам отложилось до весны, я долго не мог взяться за перо, — может, по причине большого неудовольствия на самого себя. Я был недоволен состоянием души своей и теперь также. В ней бывает так черство! То, о чем бы следовало мне думать всякий час и всякую минуту, так редко бывает у меня в мыслях, и это самое редкое помышление о нем так бывает холодно, так без любви и одушевления, что в иное время становится даже страшно. Иногда кажется, как бы от всей души молюсь, то есть хочу молиться, но этой молитвы бывает одна, две минуты. Далее мысли мои расхищаются, приходят в голову незванные, непрошенные гости и уно-

сят помышленья бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться. Всё как-то делается не во-время: когда хочу думать об одном, думается о другом; когда думаю о другом, думается о прежнем. А между тем в теперешнее опасное время, когда отвсюду грозят беды человеку, может быть, только и нужно делать, что молиться, обратить всё существо свое в слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасение и молиться о всех. Всё это чувствуется и ничего не делается, и оттого еще страшнее всё вокруг, и слышишь одну необходимость повторять: «Господи, не введи меня во искушение и избави от лукавого!» Друг мой и богомолец, скажите мне какое-нибудь слово; может быть, оно мне придется.

Весь ваш Н. Гоголь.

Адресуйте мне так: его высокородию Степану Петровичу Шевыреву, в Москве, на Тверской, в Дегтярном переулке. Для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

Смирновой А. О., 18 ноября 1848*

**64. А. О. СМИРНОВОЙ. Ноября 18
<1848>. Москва.**

Виноват, что отвечаю вам не вдруг на ваше письмо, добрейшая моя Александра Осиповна. Есть на то причины: опять вожусь с собой, открываю в себе столько гадостей, что отлетает всякая мысль о других. Притом принимаюсь сурьезно обдумывать тот труд, для которого дал бог средства и силы, чтобы смерть, по крайней мере, застала за делом, а не за праздным бездельем. Всё это отвлекает меня от прочих дел и даже от писем. Ехать в Калугу не достало силы воли. Мне представилось, что я ничего не могу сказать полезного и нужного Николаю Михайловичу*. Если мне и удавалось на веку своем помочь кому-либо добрым советом в горе, так это тем, которые уже отыскиали себе высшего советника, и мне <не> оставалось ничего более, как только им напомнить,[169] к кому нужно обращаться за всеми надобностями. Вашим советом позаняться хандрящею девицею также не вос-

пользовался*. Я думаю, что обращаться с девушкой есть дело женщины, а не мужчины. Поверьте, девушка не способна почувствовать возвышенно-чистой дружбы к мужчине; непременно заронится инстинктивно другое [170] чувство, ей сродное, и [171] беда обрушится на несчастного доктора, который с истинно братским, а не другим каким чувством подносил ей лекарство. Женщина — другое дело: у нее уже есть обязанности. Притом она не ищет уже того, к чему девушка стремится всем существом. Всё, что я сделал, это было то, что я, вследствие письма вашего, постарался узнать, которая из дочерей Серг<ея> Тим<офеевича> называется Машинькой. Надобно вам сказать, что я был в приязни только со стариками да с детьми мужеского пола; что же до женского, то я знал имена только двух старших дочерей*, с остальными же только раскланивался, не говоря [172] ни слова. Не забывайте Вьельгорских. Видайтесь с ними как можно почаще. Говорите с ними о русском и о всем, что драгоценно русскому сердцу; теперь же кстати у них завелись русские лекции. От этого и они и вы будете в ба-

рышах. Светлая тишина воцарится в вашем духе. Нет ничего на свете лучше, как беседа с теми, у которых души прекрасны, и притом беседа о том, отчего становятся еще прекраснее прекрасные души. Прощайте.

Весь ваш Н. Г.

Не забывайте и пишите.

Плетневу П. А., 20 ноября 1848*

65. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Москва. 20 ноября <1848>.

Здоров ли ты, друг? От Шевырева я получил экземпляр «Одиссеи»*. Ее появление в нынешнее время необыкновенно значительно. Влияние ее на публику еще вдали; весьма может быть, что в пору нынешнего лихорадочного своего состоянья большая часть читающей публики[173] не только ее не разнюхает, но даже и не приметит. Но зато это суцья благодать и подарок всем тем, в душах которых не погасал священный огонь и у которых сердце приуныло от смут и тяжелых явлений современных. Ничего нельзя было придумать для них утешительнее. Как на знак божьей

милости к нам, должны мы глядеть на это явление, несущее ободренье и освеженье в наши души. О себе покуда могу сказать немного: соображаю, думаю и обдумываю второй том «М<ертвых> д<уш>». Читаю преимущественно[174] то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка. Как ты? Дай о себе словечко. Поклонись всем, кто любит меня и помнит.

Весь твой Н. Гоголь.

Между прочим, просьба. Пошли в Академию художеств по[175] художника Зенькова и, призвавши его к себе, вручи ему пятьдесят рублей ассигнациями на нововыстроенную обитель, для которой они работают иконостас. Деньги запиши на мне.

Нащокину П. В., октябрь — ноябрь
1848*

**66. П. В. НАЩОКИНУ. <Середина ок-
тября — ноябрь 1848. Москва.>**

На ваше письмецо* не отвечал потому, что хотел сам у вас быть. Ваш человек вовсе не переврал моих слов. Дело действительно так: граф* будет через месяц, а графиня* здесь и стоит в гостинице «Дрезден». Ваше письмецо мне было отдано на другой день человеком здешнего дома*, который, имея много дел, оставил его у себя в передней, а не у меня на столе. До свиданья.

Весь ваш Н. Г.

Дружеский поклон всем вашим. *На обороте:* Павлу Воиновичу Нащокину.

Гоголь М. И., 10 декабря 1848*

**67. М. И. ГОГОЛЬ. Декабрь 10 <1848.
Москва>.**

От вас уже давно не имею писем. Получили ли вы мое письмо*, пущенное в прошлом месяце с приложением письма к Андрею Андреевичу? Я покуда здоров. Посылаю сестрам, Анне и Елиз<авете>, шнуровки и по платью, Ольге 10 руб. денег в особом письме. Кольцо [176] Лизы исправлено и отправляется тоже по почте золотых дел мастером.

Затем будьте здоровы все, и бог да хранит вас! Прощайте, почтенная и добрая моя матушка!

Признательный ваш сын Н. Г.

Я к Марье Николаевне Синельниковой писал* и хотел бы знать, получила ли она письмо.

Сестру Анну благодарю много за дела по садоводству.

**Марковичу А. М., октябрь — декабрь
1848***

**68. А. М. МАРКОВИЧУ. <Середина ок-
тября — середина декабря 1848.
Москва.>**

Если вы желаете видеть редкий музей русских древностей* и почти всех замечательных московских литераторов и ученых, то приезжайте сегодня ввечеру ко мне и к Погодину, который вам будет сердечно рад. Приезжайте запросто, одевшись, как одеваетесь дома. Дам и модных людей не будет.

Весь ваш Н. Гоголь.

Вьельгорской А. М., 28 декабря 1848*

**69. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Де-
кабр<я> 28 <1848>. Москва.**

Мы перекинулись по письму, и потом оба замолкнули. У меня произошло это оттого, что хотелось дать вам утешительный ответ на ваши добрые, милые обо мне запросы. Но до сих пор всё как-то не устроивалось в порядок, ни здоровье, ни жизнь, ни труды и занятия. Впрочем, говорить так — может быть, уже неблагодарность. Всё же я не прикован к постели, но хожу и двигаюсь; всё же хоть и с трудом, но переносу мороз и холод; всё же хотя и медленно, но движется труд и занятия. Бог в помощь вам, добрый, близкий друг! Перед наступленьем нового года душа моя пожелала сказать вам: бог в помощь! Чего пожелать вам? Да водворится в наступающем году светлая, твердая тишина в душе вашей и вознесет вас выше всяких смущений. Да сопутствуют вам святые силы в прекрасном стремленьи вашем быть русскою, в *значеньи высшем* этого слова. Лучше этого я не знаю, чего

вам пожелать. Прощайте, обнимите крепко всех ваших, передайте им поздравленья[177] мое с новым <годом> и желанье, да будет он им[178] — высокое ликование духа! Откликнитесь!

Весь ваш Н. Гоголь.

Адресуйте: в дом Талызина, на Никитском бульваре.

**Константиновскому М. А., 28 декабря
1848***

**70. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ. 28
декабря <1848. Москва>.**

Не знаю, как благодарить вас, добрейший Матвей Александрович, за ваш поклон мне в письме к графу Александру Петровичу. Известие, что вы будете сюда, меня много обрадовало. Вы напрасно думали, что приезд ваш на праздник Рождества может быть не в пору. Александр Петр<ович> живет так уединенно и таким монастырем, что и я, любящий тоже тишину, переехал к нему на время пребывания моего в Москве. Он просит вас прямо взъехать на двор к нему, не останавливаясь в

трактире. Комната для вас готова. В надежде
скорого свидания

весь ваш

Н. Г.

Квартира гр<афа> Алек<сандра> Пет-
ров<ича> в доме Талызина, на Никитском бу-
леваре.

**Марковичу А. М., декабрь 1848 или
начало января 1849***

**71. А. М. МАРКОВИЧУ. <Конец декаб-
ря 1848 или начало января 1849.
Москва.>**

Очень вас благодарю и очень жалею, что не
могу воспользоваться вашим приглаше-
нием и билетом. Я не владелец завтрашнего
дня и утром и вечером. Поздравляю вас от
всей души с новым годом.

*Ваш Н. Г. На обороте: Александру Михайло-
вичу Маркевичу.*

Шереметевой Н. Н., январь 1849*

**72. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <Начало
января 1849. Москва.>**

Приветствую вас, бесценный друг! Два письма уже я послал вам в Рузу*. Получили вы их? Благодарю вас за поздравление с новым годом. От души молю бога, да пронесется он для вас прекрасно, в святых мыслях и светлых молитвах, как начался он для меня, за что возношу ему милосердому благодарения сердечные. Прощайте, да пребудет он с вами вечно, и не забывают меня попрежнему.

Ваш Г. На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Плетневу П. А., 20 января 1849*

73. П. А. ПЛЕТНЕВУ. 1849. Генваря 20.
Москва.

Письмецо твое получил*. От всей души и от всего сердца желаю тебе возможного счастья вместе с тою, которую избирает твое сердце в подруги; хотя, признаюсь в то же время, что я мало верю какому-нибудь счастью на земли. Тревоги начинаются именно в то время, когда мы думаем, что причалили к берегу и желанному спокойствию. Блажен тот, кто живет в *здесьней* жизни счастьем *нездешней* жизни. Ты называешь избранную свою существом нездешнего мира. Идите же оба к тому, кто един *путь* и *дорога* к нездешнему миру, без которого в мире идей еще больше можно запутаться, чем в прозаическом мире повседневных дел. Чем дале, тем яснее вижу, что в нынешнее время шатаний ни на час, ни на минуту не должно отлучаться от того, кто один ясен, как свет.[179] Время опасно. Все шаги наши опасны. Бог да спасет тебя и вразумит во всем. Поздравляю тебя с

новым годом от всей души и сердца. Передай это поздравление от меня и той, которая полюбила твою душу.

Весь твой Н. Г.

Данилевскому А. С., январь 1849*

74. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. <Январь 1849. Москва.>

Письмецо твое получил. Хотел было писать, не дожидаясь ответа, и известить, что Россет* предлагает тебе при себе место в 1000 р. серебр<ом>. Место, впрочем, не казенное. Но Россет внезапно уехал в Калугу и когда будет назад, не знаю. Если решишься ехать в Москву, не забудь повидаться с Алексеем Васильевичем Капнистом и взять от него письма к брату* и еще к кому-нибудь из служащих в деловых людей. Мои приятели, как нарочно, *единого прекрасного жрецы** и больших сношений с деловыми людьми не имею<т>. Впрочем, будем работать по силам. За глаза действовать нельзя, и потому тебе заглянуть сюда действительно не мешает. Писал я к тебе о занятии деревней не потому, чтобы пере-

менил точку воззренья на твое положенье. Но потому, что был разочарован безотрадно-стью всяких служебных поприщ. Если бы у тебя было хотя честолюбие и стремленье выйти в люди, тебе бы легче было на службе, ты бы имел сколько-нибудь духу перенести многое, что способно оскорбить благородное чувство. Но этой силы, стремящей вперед, у тебя нет, поэтому положенье твое будет в несколько раз труднее положенья другого человека. Всё пошло как-то вкривь, для взяточников есть поприще, для честных почти нет. Недавно имел случай узнать, как даже и те, которые занимают завидные места членом, подвергаются сильным взысканиям, если только плут-секретарь захочет упечь их. Осмотрительность и вниманье к читаемым делам нужно иметь необыкновенные. Если хочешь как-нибудь ужиться на службе и получить терпенье не бросить ее, то, пожалуйста, не обольщай себя вперед легкостью ее; напротив, рисуй лучше вперед себе всякие ожидающие неприятности. Мне сказывал один, что он потому только ужился на службе, что ему при самом вступлении некто

опытный человек дал следующий совет: не забывайте ни на минуту, что все ваши начальники мерзавцы, а потому не удивляйтесь никакому поступку с их стороны, принимайте его, как должное. Это одно только правило, которое я с тех пор держал неотлучно в голове своей, спасло меня, говорил он. Еще одно: напрасно ты имеешь уверенность, что тебе 6 тысяч достаточно на содержание в Москве. Это можешь только сказать тогда, когда проживешь здесь и узнаешь на месте цену всякой вещи. Я нашел, что всё стало почти вдвое дороже противу того, как было назад тому еще 7 лет. Не забывайте также и того, что ты не экономен и еще ни разу не сводил концы с концами. Жизнь небогатого семейного человека, я думаю, еще трудней в Москве, чем в Петербурге. Я это вижу по семействам, которые вижу. Но да вразумит тебя бог во всем и даст мудрость, как управлять трудную ладью жизни. О себе покуда могу сказать не много. Начинаю кое-как свыкаться с климатом, хотя не без простуд и насморков. Занятия мои еще как следует не установились, отчасти, может быть, и оттого, что всё, что ни вижу и что ни

слышу вокруг себя, неутешительно. Стараюсь казаться сколько возможно веселым и развлекаться, но в душе грусть: будущее страшно; всё неверно. Вполне спокойным может быть теперь только тот, кто стал выше тревог и волнений и уже ничего не ищет в мире, или же тот, кто просто бесчувствен сердцем и позабывается плотски. Прощай. Не огорчайся тем, что в письмах моих попадутся иной раз советы и тексты, даю их только потому, что сам их ищу. До сих пор все советы, от кого <бы> они ни были, даже от не весьма умных людей, были мне полезны. Если я и не следовал многим из них, то все-таки вследствие их оглядывался пристальнее на самого себя и вооружался большею осторожностью в поступках.

Твой весь Н. Г.

Ульяне Григорьевне душевный поклон и всем, кто меня помнит. Я подписался за тебя на «Москвитянин», который в этом году обещает быть хорошим журналом. Я прибавил безделицу к тем деньгам, которые тебе Погдин оставался должен. *На обороте:* Александру Семеновичу Данилевскому.

Аксакову С. Т., начало 1849*

**75. С. Т. АКСАКОВУ. <Начало 1849.
Москва.>**

Статья мне нужная* напечатана в С.-П<етер>бургск<их> сенат<ских> ведомостях 1848 № 66. — Попросите у Констан<тина> Сергеевича на несколько дней «Достопамятности Москвы» Снегирева* и препроводите с подателем записки, чем много обяжете.

Весь ваш Н. Гоголь.

Гоголь О. В., начало 1849*

**76. О. В. ГОГОЛЬ. <Начало 1849.
Москва.>**

Любезная сестра Ольга, благодарю тебя за письмо и поздравленья. Книжки, какой ты <просишь>*, не отыскал нигде. Она, верно, давно уже издана и вся выпродалась.[180] Пошлю тебе вместо того «Воскресные евангелия» с толкованьями и небольшими беседами в конце. Ты можешь прочесть всякий раз перед тем, как идти в церковь. Можешь даже и выписать на небольшую бумажку, это не

трудно. Из Евангелия читается не больше, как полстранички.

Распоряжения твои относительно лечения скота хороши. Продолжай тоже[181] попрежнему помогать страждущим, навещать их и особенно не пренебрегай разговором с ними. Посылаю тебе на лекарства и на вспоможение бедным пятнадцать рублей серебром. [182] Затем бог да хранит тебя и да поможет во всем.

Твой брат Н. Г.

Не позабывай уведомлять меня о лечениях как успешных, так и неуспешных, а также [183] и о том, что услышишь для тебя необыкновенного, о нуждающихся также. *На обороте: Ольге Васильевне Гого<ль>.*

Гоголь М. И., февраль 1849*

77. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. <Середине февраля 1849.>

Давно не писал, желая дать вам какие-нибудь сведения насчет герольдии, о которой вы мне уже два раза писали. Сколько я помню, то дело по этой части было окончено* совершенно и окончательно еще при покойном отце. Он говорил один раз при мне, что происхождение дворянства нашего записано в 6-ю книгу. Теперь нужно узнать, после ли записки оказалось сомнение. Отец мой доставил также грамоты и документы. Это я тоже помню. Теперь нужно узнать, не пропали ли эти грамоты или не затаскали ли их куда-нибудь в суде, что теперь и не вспомнят. Обо всем этом Иван Васильевич Капнист советует вам переговорить или с Любомирским*, который служил еще при нем и знает всё, или с кем-нибудь другим в Полтаве, долго служившим при дворянском собрании. Впрочем, насчет всего этого не советую вам особенно тревожиться. Всё это сущий вздор. Был бы кусок

хлеба, а что в том, столбовой ли дворянин или просто дворянин, в *шестую* ли книгу или *восьмую* записан. (Если не докажется происхождение от полковника Яна Гоголя*, то род будет записан в 8 книгу). Шестая книга, конечно, почетнее, но права почти те же. Итак, вы узнайте: было ли записано в 6-й или еще нет? О себе могу сказать только то, что здоровье мое пока покуда порядочно, хотя и нет еще такого расположения к трудам и занятиям, какого бы желал. Сестер моих Анну, Елисавету и Ольгу обнимаю от всей души. На письмо Елисаветы об Эмилии* скажу то, что ей следует поступить как лучше, как удобнее и возможнее. Если можно как-нибудь поместить в полтавский институт, то, конечно, это хорошо. Если же нельзя, то нужно будет ее прислать сюда в институт гувернанток, но для этого следует прислать вперед все нужные бумаги, по которым она может быть принята. То есть, во 1-х, метрическое свидетельство, потом, во 2-х, свидетельство от предводителя или губернатора о том, что она, точно, не имеет ничего и что у ней нет ни отца, ни матери. А если можно, то и копии с послуж-

ного списка отца; впрочем, последнее не к спеху. Для определения в принятии достаточно и двух первых. Прощайте, будьте здоровы. Прошу молитв ваших. Остаюсь всегда любящий сын

Николай Гоголь.

Данилевскому А. С., 25 февраля 1849

78. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Февраля 25 <1849. Москва>.

Прости меня, я, кажется, огорчил тебя моим прежним письмом. Сам не знаю, как это случилось. Знаю только то, что я и в мыслях не имел говорить проповеди. Что чувствовалось на ту пору в душе, то и написалось. Может быть, состояние хандры и некоторого уныния от всего того, что делается на свете, и даже от неудачи по твоему делу, может быть, болезнь, в которой я находился тогда (от которой еще не вполне освободился и теперь), ожесточила мои строки, — во всяком случае, прости! Радуюсь от всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный* был в боль-

шое утешение вам обоим. Насчет II тома «М<ертвых> д<уш>» могу сказать только то, <что> еще не скоро ему до печати. Кроме того, что сам автор не приготовил его к печати, не такое время, чтобы печатать что-либо, да я думаю, что и самые головы не в таком состоянии, чтобы уметь читать спокойное художественное творенье. Вижу по «Одиссее». Если Гомера встретили равнодушно, то чего же ожидать мне? Притом недуги мало дают мне возможности заниматься. В эту зиму я как-то разболелся. Суровый северный климат начинает допекать. Ничего не могу тебе сказать еще насчет того, где буду летом, а тем менее — буду ли в Малороссии, хоть бы и желалось поглядеть на тебя и на других близких. Адрес мой: в доме Талызина на Никитском бульваре. Впрочем, всячески адресованное письмо до меня в Москве доберется. Обними за меня Ульяну Григорьевну, перецеловавши деток, и передай поклон ее сестрицам*.

Твой весь Н. Гоголь.

Пиши ко мне и не забывай. Ты говоришь, что у вас много слухов на мой счет. Уведоми, какого рода, не скрывай, особенно дурных.

Последние[184] тем хороши, что заставляют лишний раз оглянуться на себя самого. А это мне особенно необходимо. Когда буду чувствовать себя лучше, распишусь, может быть, побольше.

Аксакову С. Т., 19 марта 1849*

**79. С. Т. АКСАКОВУ. <19 марта 1849.
Москва.>**

Любезный друг Сергей Тимофеевич, Имеют сегодня подвернуться вам к обе-ду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло.

Весь ваш Н. Гоголь. Суббота.

Вьельгорской А. М., 30 марта 1849*

**80. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Москва.
Марта 30 <1849>.**

Я получил милое письмецо ваше*, добрейшая Анна Миха<й>ловна. Оно меня порадовало тем, что вы не оставляете желанья вашего сделаться русскою. Бог в помощь! Нигде так не нужна его помощь, как в этом деле. Вы говорите, что и мое и ваше желанье исполнится, что *вы сделаетесь русской не только душой, но и языком и познанием России*. Я подчеркнул эти строки, потому что это ваши собственные слова. Знаете ли, однако же, что первое труднее последнего. Легче сделаться русскою языком и познанием России, чем русскою *душой*. Теперь в моде слова: *народность* и *национальность*, но это покуда еще одни крики,[185] которые кружат головы и ослепляют глаза. Что такое значит сделаться *русским* на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся[186] развивать наперерыв, сбрасывая всё ей чуждое, неприличное и

несвойственное? В чем она[187] состоит? Это нужно рассмотреть внимательно. Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена небесного сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; третьи — в терние, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва — русская восприимчивая природа. Хорошо возлеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере.[188] Итак,[189] для того, дабы сделаться русским, [190] нужно обратиться к источнику, прибегнуть к средству, без которого русский не станет русским в значении высшем этого слова. Может быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значение жизни. Правду слов этих может засвидетельствовать только тот, кто проникнет глубоко в нашу историю и ее

уразумевает вполне, отбросивши наперед всякие мудрования, предположенья, идеи, самоуверенность,[191] гордость и убежденье,[192] будто бы уже постигнул, в чем дело, тогда как едва только приступил к нему. Да. В истории нашего народа примечается[193] чудное явление. Разврат, беспорядки, смуты, темные порожденья невежества, равно как раздоры и всякие несогласия были у нас еще, быть может, в большем размере, чем где-либо. Они ярко выказываются на всех страницах наших летописей. Но зато в то же самое время светится свет в избранных сильнее, чем где-либо. Слышатся также повсюду в летописях следы сокровенной внутренней жизни, о которой подробной повести они нам не передали. Слышна возможность основанья гражданского на чистейших законах христианских. В последнее время стали отыскиваться[194] беспрестанно из пыли и хлама старины документы и рукописи вроде Сильвестрова *Домостроя**, где, как по развалинам Помпеи древний мир, обнаруживается с подробнейшей подробностью вся древняя жизнь России. Является уже не политическое устройство Рос-

сии, но частный семейный быт и в нем жизнь, освещенная тем светом, которым она должна освещаться. В наставлениях[195] и начертаньях, как вести дом свой, как быть с людьми, как соблюсти хозяйство земное и небесное, кроме живости подробных обычаев старины, поражают глубокая опытность жизни и полнота обнимания[196] всех обязанностей, как сохранить домоправителю образ благости божией в обращении со всеми. Как быть его жене и хозяйке дома с мужем, с детьми, с слугами и с хозяйством, как воспитать детей, как воспитать слуг, как устроить всё в доме, обшить, одеть, убрать, наполнить запасами кладовые, уметь смотреть за всем, и всё с подробностью[197] необыкновенной, с названьем вещей, которые тогда были в употреблении, с именами блюд, которые тогда готовились и елись.[198] Так и видишь перед глазами радушную старину, ее довольство, гостеприимство, радостное, умное обращенье с гостями с изумительным отсутствием скучного этикета, признанного необходимым нынешним веком. Словом, видим[199] соединенье Марфы и Марии вместе или, лучше, ви-

дим Марфу, не ропщущую на Марию, но согласившуюся в том, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это <придти?> в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным.

В последнее время стали беспрестанно открываться рукописи в этом роде. Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в броженьях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображенью, оболъщеньям самолюбивого ума[200] и всяким страстям. Но для вас эти книги покуда недоступны: во-первых, из них напечатана немногое; во-вторых, оно не переведено на нынешний русский язык. Вы древнего языка нашего не знаете.[201] Вот почему я медлил вам советовать, какие книги прежде читать. Всё, что больше всего может вас познакомить с Россией, остается на древнем языке. Остается одно

средство: вам нужно непременно выучиться по-славянски.[202] Легчайший путь к этому следующий: читайте Евангелие не на французском и не на русском языке, но на славянском. К французскому прибегайте только тогда, когда не поймете. Слова, которые позагадочнее, выпишите[203] на особую бумажку и покажите священнику. Он вам их объяснит. Если вы прочтете Евангелие, послание и прибавите к этому пять книг Моисеевых, вы будете знать по-славянски, при этом деле и душа выиграет немало. Когда же увидимся,[204] тогда я вам объясню в двух-трех лекциях все отмены, какие есть в нашем древнем языке от славянского. Вы его полюбите. Этот язык прост, выразителен и прекрасен. Но я, кажется, много заговорился, пора и перестать. Итак, бог в помощь! Будьте русской; вам следует быть ею. Но помните, что если богу не будет угодно, вы никогда не сделаетесь русскою. [205] К источнику всего русского, к нему самому, следует за этим обратиться.[206] Бог в помощь! Теперь о себе. Донесенье Соллогуба насчет моего здоровья и прекрасного расположения духа только наполовину справедливо.

Он меня видел в гостях. Нельзя же приносить в гости скуку. Волей или неволей, но должен если не быть, то по крайней мере казаться быть веселым. Сказать же правду, я был почти всё время недоволен собой. Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновенья. Наконец, я испытал в это время, как не проходит нам никогда безнаказанно, если мы хотя на миг отводим[207] глаза свои от того, к которому ежеминутно должны быть приподняты наши взоры, и увлечемся хотя на миг какими-нибудь желаньями земными, наместо небесных. Но бог был милостив и спас меня, как спасал уже не один раз. Что касается до поездки моей в Петербург, то, несмотря на всё желанье [208] видеть людей, близких моему сердцу, [209] она должна до времени быть отложена [210] по причине не так устроившихся моих обстоятельств. А не так устроились обстоятельства по причине предыдущей, то есть от не так удовлетворительного расположенья духа. Но бог лучше нашего знает, чему лучше быть. Тем более вы меня порадовали вестью, что, может быть, нынешним летом заглянете

в Москву. От всей души желаю, чтобы Москва оставила в душе вашей навсегда самое благодатное впечатленье. Прощайте, добрейшая моя Анна Миха<й>ловна. Передайте мой душевный поклон графине, расцеловавши ее ручки.

Весь ваш Н. Г.

Так как радостный праздник уже готовится наступить и [211] письмо придет к вам в светлый день, то посылаю вам заочно братское лобызанье со словами: Христос воскрес!

Софье Миха<й>ловне я пишу в одно время с вами. Аполлине Миха<й>л<овне> передайте поклон самый душевный.

Соллогуб С. М., 30 марта 1849*

81. С. М. СОЛЛОГУБ. Москва. 30 марта <1849>

От вас ни словечка, добрейшая, милая Софья Михайловна. Несмотря на то, в одно время с письмом к Анне Михайловне (которая благодаря доброте ее не забывает меня) пишу и к вам. Сделайте милость, уведомите меня, что вы делаете и как проводите ваше время. Что делает графиня Луиза Карловна и в каком расположении духа бывает чаще? Что делает Апол<л>ина Мих<айловна> и Анна Михайловна? С Анной Михайловной вы бываете, вероятно, чаще и потому о ней больше можете рассказать мне. Что вы нарисовали, что начитали и что наделали хорошего вообще за всю зиму? Вы сделаете мне этим подарок[212] на светлое воскресен<ье>, с наступленьем которого вас от всей души поздравляю. Дай бог, чтоб и в душе вашей пребывал неотлучно сам воскреснувший, радостно сияя и освещая собою еще более вашу душу.

Весь ваш Н. Г.

Переверотите на следующую стра<ницу>.

Попеняйте Александру Осиповну* за то, что она ко мне никогда ни полслова, ни четверть словечка. Сделайте ей сильно выговор, а потом поцелуйте и скажите ей от меня: Христос воскрес! С ней, как с близкой сестрой, христосуюсь я в этот день и, к сожаленью, так же, как с вами, всегда почти заочно.

Всех ваших малюток, булочек и хлебцев*, обнимаю и целую.

**Гоголь М. И., А. В., Е. В. и О. В., март
1849***

**82. М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ.
<Конец марта 1849. Москва.>**

Христос воскрес!

Наконец получил от вас письма*. Вы, слава богу, здоровы, но всё вокруг вас нездорово. Обстоятельства тяжелы. Нужно много молиться. Мы сами виноваты и по грехам терпим наказание божье. Своей неразумной, неосмотрительной жизнью мы навлекаем печальные следствия. Как ни рассмотрю и себя

самого и других, вижу, что все, а в том числе и я сам, живем далеко не так, как следует. Все мы живем, надеясь на благополучие в следующем году, всякий гонит от себя и мысль о том, что его может посетить злополучие еще тягчайшее, нежели в прошедшем году. От этого никто не думает о запасах. Ни в ком нет благоразумия Иосифова, все заботятся только о том, как бы получше провести сегодняшней день, подальше от работ тяжких, но полезных и дающих нам пропитание, поближе к работам легким, бесплодным, [213] дающим забвение всего нас окружающего. И так проходит вся жизнь наша. Счастливы мы еще тем, что бог поражает нас бичами несчастий и заставляет нас хотя по временам опомниться и оглянуться на себя. Без того мы бы не опомнились до последних дней Страшного суда. Всего ужаснее, когда из-за нас и виною нашею страждут невинные и от грехов и заблуждений наших терпят праведные. О, нужно нам теперь крепко молиться! Молиться о том, чтобы вразумил нас бог, как нужно вести жизнь, чтоб от неустройства и небреженья нашего не терпели другие. Прежде всего я прошу вас

помолиться обо мне ото всех сил, сколько станет общего, соединенного усердия вашего и любви ко мне, чтобы не отступался от меня бог и дал бы мне ум и силы исполнять свои обязанности, которые я позабываю ежеминутно. Посылаю пятьдесят рублей серебром в пользу страждущих. 25 рублей серебром поступят сестре Ольге на известное употребление, другие же двадцать пять сестре Анне на раздачу необходимого хлеба голодным.[214] Всего лучше, если бы эта раздача производилась в виде платы за работу в саду. Даром не должен человек получать, разве тогда уже, когда не станет сил работать. Благодарю от души сестру Анну за то, что она старается доказать на деле ко мне любовь исполнением просьб насчет работ в саду. Я уверен, что эти занятия доставят потом усладу и ей самой; благодарю также и племянника Колю* за то, что помогает ей. В самих же работах нужно руководствоваться возможностями и никак не отрывать для саду от других, важнейших работ. Особенно не занимать подвод, которые, по случаю скотского падежа, стали теперь дороги и редки. Нужно помнить, что

есть занятия, еще важнейшие в хозяйстве, которые (увы!) мы бросили, как скучные и ничего не говорящие душе. Много, много мы бросили душеспасительных трудов и, забываясь только о себе,[215] в то время, когда вся жизнь наша должна быть забота о других, потеряли свое. Оттого и труднее нам в нынешнее <время> спасти душу свою, чем когда-либо прежде. Помолитесь, добрейшая моя матушка, о бедной душе моей.[216] И вы также, милые сестры. Никогда еще не были мне так нужны молитвы.

Весь ваш Н. Гоголь. На обороте: Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь, Анне, Елисавете и Ольге Васильевнам.

Гоголь М. И., А. В. и Е. В. 3 апреля
1849*

**83. М. И., А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ. 3 апреля
ля <1849. Москва>.**

Христос воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью того, кто воскрешает всех, в него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться св. тайнам. За поздравление благодарю вас — и вас, почтеннейшая матушка, и вас, милые сестры, хотя и удивило меня то, что от одной сестры Ольги не было приписано ни строчки. Удивляюсь я также тому, отчего не получили вы письма моего, писанного месяца полтора тому назад, в котором есть кое-что по поводу запросов о герольдии*, документов дворянства и проч. и пр. Ваши беспокойства и мысли о том, что я могу в чем-либо нуждаться, напрас-

ны. Вы их гоните от себя подальше. Всё зависит от экономии. Я,[217] просто,[218] стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться какими-нибудь узами на земле. От этого будет легче и разлука с землей. Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем,[219] забудем, что есть на земле страдания, несчастья. Заплывет телом душа — и бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней. Вы мне ничего не пишете о хозяйстве и о том, какие начались работы. Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. Вас наиболее об этом прошу, милые сестры. Если не любите хозяйничать, по крайней мере взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя [220] их хлеб, не[221] хотим даже взглянуть на труды рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая нас даже и скуд-

ных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что[222] они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Всё тогда, весь мир идет наыворот — и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного. Передайте мой душевный поклон Андрею Андреевичу, а вместе с ним[223] и поздравленье с праздником, с моим искренним желанием ему так же, как и вам, наслаждаться отныне более, нежели когда-либо, высоким внутренним веселием душевным. Всех вас обнимаю.

Н. Г.

Гоголь О. В., 3 апреля 1849*

84. О. В. ГОГОЛЬ. <3 апреля 1849.
Москва.>

Христос воскрес!

Ты одна не написала ни строчки. Что с тобой? Здорова ли ты? Напиши, как идут дни твои: что делаешь, с кем выдаешься, с кем и о чем говоришь. Ты меня не уведомила также о получении денег 15 руб. серебром, посланных в одно время с толкованьем воскресных евангелий. Еще к тебе имею одну просьбу. Наблюдай иногда над Эмилией* и в свободное время, когда у ней нет урока, занимай ее беседами душеспасительными.[224] Проси также и сестру ее Сашиньку*, если она с тобой, наставлять и увещевать сестру свою, к ней привились кое-какие пороки. Придумай, нельзя ли ей дать какое-нибудь такое дело и занятие, которое бы для дитяти не было скучно, а между тем действовало бы нечувствительно на душу и на нравственность. Бог тебя вразумит, если ему помолишься. А ей это очень нужно. В ожиданьи от тебя вести остаюсь

твой брат Н. Г. На обороте: Ольге Васильевне.

Жуковскому В. А., 3 апреля 1849*

**85. В. А. ЖУКОВСКОМУ. 3 апреля
<1849. Москва>.**

Христос воскрес! Больше ничего не знаю сказать тебе. Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем. Может быть, оттого, что не стало наконец ничего любопытного на свете. Нет известий. Только и есть одно известие, которое ежеминутно мы должны сообщать друг другу: это, что Христос воскрес. Та же недвижность и в моих литературных занятиях. Я ничего не издал в свет и ничего не готовлю; что и приутоворяю, то идет медленно[225] и не может никак выйти скоро, и бог один знает, когда выйдет. Отчего, зачем нашло на меня такое оцепенение, этого не могу понять. Чувствуется только, что не без смысла. Время настало сумасшедшее. Умнейшие люди замирают и набалтывают кучи глупостей,[226] так что едва ли не должен теперь[227] всякий истин-

ный поэт и мыслитель думать прежде всего о воздержании, произнося: «Господи, положи хранение устом моим». Ты счастлив, подчинивши себя слепцу Гомеру. Он не увлечет тебя с дороги в омут, хоть и слепец. Свой же собственный ум, того и гляди, занесет куды-нибудь в овраг. Кстати об «Одиссее». Я уже было написал к тебе письмо собственно о ней, но письмо это осталось некончен<ным>. Оказалось, что по поводу этого предмета так много нужно говорить, что я испугался. Наговоримся[228] при свиданьи. Покуда передаю тебе всеобщее неудовольствие на *печать*, которое разделяю и я. Шрифт[229] так неудобен для чтения, что я, у которого глаза, слава богу, хороши, заикался и поперхивался[230] едва ли не на всякой строчке. По моему мнению, «Одиссею» следовало бы издать особо: разгони́сто, буквами крупными, формат книге дать большой. Словом, прилично важности труда. Но слава богу, что, во всяком случае, она[231] издана и ее читают. Чтение это вносит особенное спокойств<ие> в душу, беспрестанно возмущаемую мятежным временем. Я всю зиму прожил в Москве. Лето полагаю провести

также если не в самой Москве, то, по крайней мере, в окружности ее. Мне всё кажется, что хорошо бы тебе завести подмосковную. В деревне подле Москвы можно жить еще лучше, нежели в Москве, и еще уединеннее, чем где-либо. В деревню никто не заглянет, и чем она ближе к Москве, тем меньше в нее наведываются, это уже такой обычай. Так что представляются[232] две выгоды: от людей не убежал и в то же время не торчишь у них на глазах. Если,[233] в ответ на это мое письмо (которое, как ни коротко, но есть уже подвиг, принимая в соображение непостижимую лень и бездействие сил моих), наградишь меня, с обычной твоей благостью и кротостью снисхожденья, весточкой о себе, об «Одиссее», о миллом твоём доме и о том, когда ждать тебя и в какой уголок русского царства, то и сим, может быть, освежишь и дремлющую мою деятельность и силы.[234] Бог да хранит тебя и всё, что близко твоему сердцу. Да спасет от всего нечистого добрую душу твою. Передай мое поздравленье с праздником и братское заочное лобзанье супруге, деткам, всем Рейтернам*.

Христос воскрес!

Твой Н. Гоголь.

Мой адрес: Москва. На Никитском бульваре в доме Талызина.

Плетневу П. А., 3 апреля 1849*

**86. П. А. ПЛЕТНЕВУ. 3 апреля <1849.
Москва>.**

Христос воскрес!

От всей души поздравляю с светлым праздником и тебя и твою милую супругу, с которою желал бы душевно познакомиться. Напиши мне хоть что-нибудь из новой жизни своей. Что до меня, хоть и не так живу, как бы хотел, хоть и не так тружусь, как бы следовало, но спасибо богу и за то. Могло бы быть еще хуже. Бог да хранит вас. Будь здоров и телом и духом.

Весь твой Н. Г.

Ольге Александровне* передай мое поздравление, Александре Осиповне* тоже.

Иванову А. А., 7 апреля 1849*

87. А. А. ИВАНОВУ. <7 апреля 1849.
Москва.>

Христос воскрес!

Что с вами, милый и добрый Александр Андреевич? Я ничего о вас не знаю. Спрашивал у Чижова, он мне сказал о вас очень мало, почти ничего. Только и узнал, что вы, слава богу, еще живете, но как живете, как идут дела и работа — этого не знаю. Ради бога, уведомьте сколько-нибудь обстоятельнее обо всем. Здоровье мое кое-как живет. Дух хоть и не всегда бодр, но не спит — держусь и креплюсь. Больше не пишу ни о чем, потому что отсылаю письмо по старому адресу и не уверен, дойдет ли оно. Пора вам в Москву. Здесь так много открывается древностей и преимущественно по вашей части, что вы не обсмотрите и в целые годы.

Бог да хранит вас. Не медлите извещением. Весь ваш

Н. Гоголь Москва. Святая неделя. Апреля 7.
На обороте: *В Рим. В Италии. Al signore signore*

Alessandro Iwanoff. (Pittore russo). Roma, nell'antico Caffè Greco nella via Condotti, vicino alla piazza di Spagna.

Вьельгорской А. М., 16 апреля 1849*

88. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. <16 апреля 1849. Москва.>

Христос воскрес!

На мое длинное письмо вы ни словечка, Софья Миха<й>ловна тоже. А я писал и к вам и к ней* за три дни до светлого воскресенья. Если вы на меня за что-нибудь рассердились... Но нет, вы на меня не можете рассердиться,[235] добрейшая Анна Миха<й>ловна. За что вам на меня сердиться? Верно, это случилось так, само собою. Вам просто пришла лень, неохота писать, оттого и не написалось. Тем не менее и в этом письме, так же, как и в прежнем, повторяю[236] вам то же: не оставляйте вашего доброго желания быть русскою в значеньи высшем этого слова. Только одним этим путем можно достигнуть к выполнению долга своего на земле. Когда вы будете в Москве и взглянете на все ее святыни и уви-

дите в старинных церквях ее останки древнерусской жизни, — вы тогда поймете это. О многом придется поговорить тогда; теперь же боюсь вам наскучить и сказать что-нибудь непонятное.[237] Скажу вам покуда только то, что я убеждаюсь ежедневным опытом всякого часа и всякой минуты, что здесь, в этой жизни, должны мы работать *не для себя, но для бога*. Опасно и на миг упустить это из виду. Человечество нынешнего века свихнуло с пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать для себя, а не для бога. Даже и в минуты увеселений наших не должны мы отлучаться мыслью от того, который глядит на нас и в минуты увеселений наших. Не упускайте и вы этого из виду. Будем стараться,[238] чтобы все наши[239] занятия были устремлены на прославление имени его и вся жизнь наша была неумолкаемым ему гимном. Вы любите рисовать — рисуйте же всё то, что служит к украшению храма божья, а не наших комнат; изображайте светлые лики людей, ему угодивших. От этого и кисть ваша и мысли станут выше. Вы получите несравненно больше наслаждения, вам не нужен бу-

дет и учитель. Собственное чувство, возвысившись внутри вас, станет вашим учителем и поведет вас к совершенству в искусстве. В Москве будет вам много пищи. В древней[240] иконописи, украшающей старинные наши церкви, есть удивительные лики и на ликах удивительные выражения. В прежнем письме я просил вас особенно позаботиться о славянском языке. Он будет вам очень нужен. Чтение еван<гелия> и посланий апостольских на славян<ском> языке — лучший к тому путь. Посылаю вам покамест книгу, которую вы, может быть, не читали. Если ж и читали, то все-таки прочтите, потому что в ней много есть такого, что с первого разу не дается. Это книга Шевырева о древней русской словесности. Она послужит вам прологом к чтению тех книг, в которых раскроется вам вполне русская жизнь. Еще к вам усердная просьба. Посылаю вам деньги, на которые прошу вас приказать взять для меня в синодальной лавке «Христианское чтение» за прошлый 1848 год. Там помещена целиком, начиная с 1-го номера, церковная история Евсевия Кесарийского первых веков. Эту историю про-

читайте, она не только не скучна, но занимательна необыкновенно. Евсевий Кесарийский был сам почти современник описываемых происшествий, застал еще учеников апостолов. Прочитавши эту историю, вы узнаете в самом деле, что такое была жизнь древних христиан. Это вам также поможет много к знанию, что такое истинно русская жизнь. Книгу эту[241] можете удержать у себя сколько хотите, а в Москву привезите с собою. Но довольно. Бог в помощь, добрейшая Анна Миха<й>ловна! Расцелуйте и обнимите всех ваших, милых и близких моему сердцу.

Весь ваш Н. Гоголь. Апреля 16. 1849. На обороте: Ее сиятельству графине Анне Миха<й>ловне Вьельгорской. В С.-Петербурге. На Михайловской площади. В доме графа Вьельгорского.

Соллогуб С. М., 16 апреля 1849*

**89. С. М. СОЛЛОГУБ. <16 апреля
1849. Москва.>**

Христос воскрес!

Все-таки пишу к вам, добрейшая Софья Миха<й>ловна, хоть вы не хотели отвечать ни одной строчкой на письмо мое, писанное за три дни до светлого праздника; и на приветствие мое «Христос воскрес» не хотели отвечать: «Воистину воскрес». Анна Миха<й>ловна тоже не отвечала. О графине вашей маминьке ничего не говорю, она решила меня навсегда выбросить из памяти. Авось это письмо будет счастливее предыдущего, и вы меня уведомите о себе самой и обо всем том, о чем я задавал вам запрос, равно как и о том, где будете проводить лето. Утруждаю вас при сем случае маленькою просьбою. Вероятно, вы видите Чернышевых-Кругликовых*. Передайте им следующее при сем письмо Моллеру*. Затем обнимаю вас мысленно.

Весь ваш Н. Г.

Вьельгорской А. М., апрель 1849*

**90. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. <Вторая
половина апреля 1849. Москва.>**

В письме моем к вам (от 16-го апреля) я по-
забыл самое главное — попросить вас уве-
домить меня, когда именно вы будете в
Москве; означьте если не самый день и чис-
ло, то, по крайней мере, около какого време-
ни ждать вас. Спросите также у Смирновой,
когда она выезжает. Мне бы хотелось никого
из вас не пропустить, но всех увидеть.

Весь ваш Н. Г.

Смирновой А. О., май 1849*

91. А. О. СМИРНОВОЙ. <Начало мая
1849. Москва.>

Какие странные мне привез от вас Аксаков* слова: вы потому ко мне не пишете*, что не в силах принять от меня советов. Друг мой Александра Осиповна, если, бы <вы> знали, как я далек от того, чтобы суметь кому-либо дать умный совет! Я весь исстрадался. Я так болен и душой и телом, так расколебался весь, что одна состраждущая[242] строчка вашего доброго участия могла бы быть мне освежающей каплей. А вы вместо <того> приказали передать мне такие слова, точно как бы в насмешку надо мной. Добрый друг мой, я болен. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

Аксакову С. Т., 7 мая 1849*

92. С. Т. АКСАКОВУ. <7 мая 1849.
Москва.>

Мне хотелось бы, держась старины, послезавтра отобедать в кругу коротких приятелей в погодинском саду. Звать на именины самому неловко. Не можете ли вы дать знать или сами или через Константина Сергеевича Армфельду*, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно с Мельгуновым? Придумайте, как это сделать ловче, и дайте мне потом ответ. Если можно, заблаговременно.

Весь ваш Н. Гоголь. На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову. В Сивцов Вражек. Дом Пушкиевича.

Гоголь М. И., 12 мая 1849*

**93. М. И. ГОГОЛЬ. 12 мая <1849.
Москва>**

Посылаю,[243] добрая матушка, полтора ста рублией серебром не для вас собственно, но для раздачи тем бедным мужичкам нашим, которые больше всех других нуждаются, на обзаведение и возможность производить работу в текущем году, и особенно тем, у которых передох весь скот. Авось они помолятся обо мне. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болею не только телом, но и душою. Много нанес я оскорблений*. Ради бога, помолитесь обо мне. О, помолитесь также о примирении со мною тех, которых наиболее любит душа моя! На следующей неделе буду писать к вам.

Обнимаю всех вас мысленно, весь ваш.

Жуковскому В. А., 14 мая 1849*

**94. В. А. ЖУКОВСКОМУ. Мая 14
<1849>. Москва.**

Мне был передан упрек твой*. Виноват, но мне совсем. Я писал к тебе* немного дней спустя после того, как получил «Одиссею»*. Письмо адресовал в Баден; видно, не дошло. Я много исстрадался в это время. Много было слез. Бесплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она в силах была произвести что-либо. Жду нетерпеливо прочесть тебе всё, что среди колебаний и тревог удалось создать. Тревоги и колебанья не прошли и доныне, и сердце мое сильно болит. Но как отрадно мне было услышать, что «Одиссея» приближается к концу! О, это божья благодать и божье чудо: если среди возмущений, объемлющих всех и всех волнующих, посылает он кому-нибудь из нас силы исполнять на земле долг свой, то это верный знак его небесной милости. Лучшего счастья нельзя иметь на земле. О, помоги же он тебе, как верному рабу своему, всё сполна принести ему, ничего

не зарывши в землю! А я буду ждать тебя в Москве или там, где захочешь. Только уведоми об этом заранее хотя двумя словами. Бог да сохранит тебя со всеми милыми твоему сердцу всего здоровым, спокойным и невредимым.

Весь твой Н. Гоголь. На обороте: Son excellence monsieur Basile de Joukowsky. Baden-Baden.

Шереметевой Н. Н., 20 мая 1849*

**95. Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ. Мая 20
<1849. Москва**

Благодарю вас, добрейшая Надежда Николаевна, за ваше доброе письмо*. Здоровье мое, кажется, несколько лучше, временами я бываю спокоен, но зато находят опять такие волнения... Со страхом вижу, как далек я от покорности и от преданья всего себя воле божией. Попрежнему прошу вас не оставя<ть> меня вашими молитвами.

Весь ваш признательный вам Н. Гоголь. На конверте: Ее превосходительству милостивой государыне Надежде Николаевне Шереметевой. В Рузу Московской губернии.

Плетневу П. А., 24 мая 1849*

96. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Мая 24 <1849.
Москва>.

Ты позабыл меня, мой добрый друг. Обвинять тебя не могу. У тебя было много забот и вместе с ними много, без сомнения, таких счастливых минут, в которые позабывается всё. Дай бог, чтобы они длились до конца дней твоих и чтобы без усталости благословились в уста твоих святое имя виновника всего. А я всё это время был не в таком состоянии, в каком желал быть. Может быть, неблагодарность моя была виновницей всего. Я не снес покорно и безропотно бесплодного, черствого состояния, последовавшего скоро за минутами некоторой свежести, пророчившими вдохновенную работу, и сам произвел в себе опять тяжелое расстройство нервическое, которое еще более увеличилось от некоторых душевных огорчений. Я до того расколебался, и дух мой пришел в такое волнение, что никакие медицинские средства и утешения не могли действ<овать>. Уныние и ханд-

ра мною одолели снова. Но бог милостив. Мне кажется, как будто теперь легче. Чувствую слабость и расстройство физическое. Но дух как будто лучше. О, если бы всё это обратилось мне в пользу и вслед за этим недугом наступило то благодатное расположение духа, которое мне потребно! Прошу тебя взять из банка деньги по второму билету, то есть тому, который содержит в <себе> 650 р. серебром, со всякими процентами, какие выросли, [244] которые ты имеешь выслать мне на имя Шевырева, если в продолжение недели с половиною не получишь от меня письма, потому что я еще не знаю, может быть, мне придется ехать самому в Петербург, если только сколько-нибудь здоровье станет лучше. Хотелось бы хоть раз взглянуть на всех, близких моей душе. Здесь пронесся слух, что Жуковский возвращается на Петербург. Пожалуста, дай ответ на это хоть в двух строчках.

Будь добр и не поленись. Поцелуй за меня ручки у твоей, без сомнения, доброй и милой душою супруги. Замолись ей обо мне доброе слово. А мне объяви ее имя и отчество, которых по твоей милости я до сих пор не знаю.

Твой весь Н. Г.

Адресуй ответ на имя Шевырева.

Соллогуб С. М., 24 мая 1849*

**97. С. М. СОЛЛОГУБ. Маия 24 <1849.
Москва>.**

Как вы меня обрадовали вашими строчками! Да наградит вас за них бог. День 22 мая, в который я получил ваше письмо*, был один из радостнейших дней, каких я мог только ожидать в нынешнее скорбное мое время. Если бы вы видели, в каком страшном положении была до получения его душа моя, вы бы это поняли. Приехал я в Москву с тем, чтобы засесть за «Мерт<вые> души», с окончанием которых у меня соединено было всё и даже средства моего существованья. Сначала работа шла хорошо, часть зимы провелась отлично, потом опять отупела голова; не стало благодатного настроения и высокого размягчения душевного, во время которого вдохновенно совершается работа. И всё во мне вдруг ожесточилось, сердце очерствело. Я впал в досаду, в хандру, чуть не в злость. Не было близ-

ких моему сердцу людей, которых бы в это время я не обидел и не оскорбил в припадке какой-то холодной бесчувственности сердца. Я действовал таким образом, как может только действовать в состоянии[245] безумия человек, и воображая в то же время, что действую умно. Но бог милосерд. Он меня наказал нервическим сильным расстройством, начавшимся с приходом весны, болезнью, которая для меня страшнее всех болезней, после которой, однако же, если я выносил ее покорно и смирялся, наступало почти всегда благодатное расположение. Внезапно растопившаяся моя душа заняла от страшной жестокости моего сердца. С ужасом вижу[246] я, что в нем лежит один эгоизм, что, несмотря на умение ценить высокие чувства, я их не вмещаю в себе вовсе, становлюсь хуже, характер мой портится, и всякий мой поступок уже есть кому-нибудь оскорбление. Мне страшно теперь за себя так, как никогда доселе. Скажу вам, что не один раз в это время я молил заочно и мысленно Анну Миха<й>ловну и вас молиться за меня крепко и крепко. Не знаю, слышали ли это ваши сердца. Но всякий раз, когда я

представлял себе мысленно вас обоих, молящихся обо мне, мне становилось легче, и надежда на милосердие божье во мне пробуждалась. Вы спрашиваете меня, что буду делать с собою и куда двинусь. Сам не знаю. Передо мною одно[247] безбрежное море. Чувствую только, что мне нужно куда-нибудь ехать, потому что дорога была бы полезна для нерв моих, куда — не знаю. Не оставляйте меня, добрая моя Софья Михайловна. Одна небольшая весточка о том, что вы делаете теперь все в Павлине, одно описание дня вашего принесет мне много, много утешенья. Если бы вы знали, как вы все до единого стали теперь ближе моему сердцу, чем когда-либо прежде, и когда я вообразу себе только, как мы снова увидимся все вместе и я прочту вам, мои «Мертвые» души», дух захватывает у меня в груди от радости. Нервическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить.

Расцелуйте бесценные, добрые, милостивые ручки у графини и у Анны Миха<й>ловны.

Бог да сохранит невредимыми всех вас.
Ваш весь Н. Г.

Владимира Александровича я видел. Как только узнал что он в Москве, тот же час, несмотря на хворость свою поспешил к нему. Кроме того, что мне приятно было собственно его видеть, я бы обрадовался всякому человеку, от которого мог что-нибудь о вас узнать. Ради Христа, не забывайте меня! Как я бессилен, как слаб и как мне нужна теперь помощь!

Обнимите Веневитиновых*. Я их смутил неуместным письмом*. Что ж делать, утопающий хватается за всё.

Смирновой А. О., 27 мая 1849*

**98. А. О. СМИРНОВОЙ. Мая 27 <1849.
Москва>.**

Благодарю вас за доброе и милое ваше письмо. Много бы я заплатил за то, чтобы успокоились ваши нервы и вы бы отдохнули хотя на время. Мое здоровье лучше. Зиму я провел хорошо. В конце ее только пришла хандра, которую я старался всячески побеждать. Но с приближеньем весны не устоял. Нервы расшатали меня всего, ввергнули в та-

кое уныние, в такую нерешимость, в такую тоску от собственной нерешимости, что я весь истомился. Скажите Софье Миха<й>ловне, что письмецо ее произвело надо мной чудо. С того же самого дни или, лучше, с той минуты, как получил его, я стал себя чувствовать лучше. Теперь с каждым днем укрепляюсь заметно. Во время болезни моей сильно молились обо мне некоторые добрые души. Бог внял их молитвам. Куды ехать, не решился.[248] Предполагал уже было снова в Иерусалим. Если бы вы ехали теперь же, я бы с удовольствием поехал с вами в Калугу. Может быть, мы бы снова прожили вместе с обоюдною душевною пользой. Дайте об этом мне весточку. Бог да хранит вас. Прощайте!

Весь ваш Н. Гоголь.

Адрес мой: на Никитском бульваре, в доме Талызина.

Мне сказывал Муханов*, что у вас есть подмосковная* весьма удобная для жительства, и что он на вашем месте предпочел бы ее обитанью в Калуге. Не зная ни подмосковной, ни Калуги, не могу судить, прав ли он или нет.

Шереметевой Н. Н., май 1849*

**99. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <Май 1849.
Москва>.**

Благодарю вас за письмо и в нем особенно за желание, чтоб бог благословил труд мой на пользу ближнего. Ничего бы так не хотелось, как этого. О, если бы бог, не глядя на мерзость и недостойность мое, но вняв единственно молитвам добрых душ, обо мне молящихся, удостоил бы меня счастья этого и не отлучался бы от меня во всё время моей жизни, несмотря на всю мою низость и неблагодарность! Вероятно, вы уже удостоились приобщиться святых тайн. От всей души вас поздравляю.

Доброго Ивана Алекс<андровича> Фон-Визина* я имел удовольствие видеть два раза и вам благодарен от души за это знакомство.

**Гоголь М. И., весна 1849 («Я получил
ваше большое и весьма
обстоятельное письмо...»)***

**100. М. И. ГОГОЛЬ. <Весна 1849.
Москва.>**

Я получил ваше большое и весьма обстоя-
тельное письмо, почтеннейшая и добрей-
шая матушка. Весьма за него благодарю, еще
больше за ваши молитвы. Здоровье мое, сла-
ва богу, лучше, но климат, может быть, при-
дется переменить. Впрочем, ничего еще на
этот счет верного не могу сказать. Положение
бедного А<ндрея> А<ндреевича> меня искрен-
но трогает. Пошли ему бог дни утешений в
остальное время его жизни! Передайте от ме-
ня поклон добрейшей Софье Васильевне Ска-
лон*. Любите всех вас любящих, и храни вас
бог подозревать кого-либо в нелюбви к себе,
это же и не в вашем характере. Вы способны
любить даже и нелюбящих,[249] даже[250] и
недобрых. Как же можно подозревать в чем-
либо добрых? С этим можно впасть в боль-
шие недоразумения. Отчего вам кажется, буд-

то А<ндрей> А<ндреевич> должен мне помочь? Во-первых, я не нуждаюсь; во-вторых, у него родственники есть ближе меня; в-третьих, он сам в таком положении, что ему нужна помощь; в-четвертых, наконец,[251] скажу вам откровенно, мне бы было очень тяжело что-нибудь от него получить. Слава богу, что он так благоразумен и это понимает сам. Еще я не понимаю, отчего вы так заботитесь о приобретениях для детей ваших в нынешнее время, когда всё так шатко и неверно и когда имеющий имущество в несколько раз больше беспокоен бедняка. Слава богу! Бог сам пристраивает детей ваших: ни я не женился, ни сестры мои не вступили в брак, стало быть, меньше забот и хлопот. И в этом великая милость божия. Как посмотришь вокруг, сколько несчастных родителей, не знающих, куда деть своих детей! Сердце дрожит, [252] когда подумаешь, какая страшная участь грозит им посреди их ожидающего разврата. А непристроенные семейства умножаются с каждым годом всё больше и больше, а прихоти всё растут, и каждому хочется жить так же, как живет его сосед. Жить по-

просту, как должен жить человек, никто не хочет. Удерживать, умерять себя никто не умеет, потому что никто не занят истинным делом,[253] а в праздности много приходит человеку тех прихотей, о которых бы он и не подумал, если бы был, точно, занят. Сестру Анну благодарю за приписку и прошу ее позаботиться о насажденьи свежих[254] дерев на место усохнувших и не принявших<ся> вместе с племянником. Может быть, пришлю ей семян огородных овощей. А на приглашенье приехать самому скажу, что от моего приезда немного было бы толку, если бы и можно было приехать. Всё делается не без воли божией. Может, притом надобно сказать и то, что издали как-то любитя лучше, а вблизи, как увидишь то да другое, то и это не так, — еще и поссоришься. Издали, например, сестры мне кажутся[255] умными, занятыми, трудящимися<ся>, полезными и в собственном домоводстве и в отношеньи[256] к другим, а вблизи кажутся проводящими время в праздности, ездящими по гостям, читающими пустые книжки или занят<ыми> рукодельями для пустых украшений. Очень может быть, что я

не прав, но тем не менее какая-то грусть проникает мне душу, и мне становится тяжело. Вдали же я совершенно мирюсь со всеми и вижу, что я меньше всех исполняю долг свой, [257] принимая в соображение то, что мне больше других [258] бог дал способностей и сил к произведению дел полезных. Сестра Елисавета ничего мне не написала — доказательство, что она меня мало любит, а я хоть с ней и ссорюсь, но люблю ее много. Обнимая мысленно вас всех и желая вам от души всего, что нужно для души, остаюсь

всегда признательный сын Н. Г.

**Гоголь М. И., весна 1849 («Посылаю
вам, маминька...»)***

**101. М. И. ГОГОЛЬ. <Весна 1849.
Москва.>**

Посылаю вам, маминька, банку горчицы, что же касается до семян, то Иван Осипович Петрашевск<ий>* их обещался доставить вам. Теперь не случилось.

Прощайте и будьте здоровы.

Гоголь О. В., весна 1849*

**102. О. В. ГОГОЛЬ. <Весна 1849.
Москва.>**

Благодарю тебя за письмецо*, милая сестра Ольга! Я уже думал, давно не получая от тебя известия, не больна ли ты, но слава богу, ты, кажется, здорова, во всяком случае, верно, чувствуешь себя теперь лучше, нежели зимою. С деньгами, которые теперь у тебя в руках, пожалуйста, распорядись по своему усмотрению — что найдешь нужным, то и покупай, это тебе лучше знать, чем мне, живущему далеко, поэтому купи и аптекарские

вески, но только или в аптеке, или через аптекаря, чтобы они были верны и чтобы тебе изъяснил название всякой вещи. Я посылаю с полдесятка книг, в числе их для тебя беседы об отношении церкви, которую по прочтении дай прочитать и сестрам. Книга эта очень хорошо написана и верно понравится не только тебе, но и другим. Пожалуйста, не забывай меня и пиши, не дожидаясь почты, всякий раз, когда улучишь свободное время: с кем виделась, что читала, что понравилось, когда было весело и когда скучно, — всем этим меня обяжешь.

Твой брат Н. Г.

Вьельгорской А. М., 3 июня 1849*

**103. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Июня 3
<1849>. Москва.**

Наконец, письмоцо и от вас*! От всей души благодарю вас за него, добрейшая Анна Миха<й>ловна. Очень обрадовался, что глазам вашим лучше. Ради бога, берегите их. Как ни любите вы рисовать, но благоразумие требует от вас меньше заниматься рисованьем, а больше двигаться на воздухе. Понимаю, что прогулки без цели скучны. Вот отчего мне казалось, что жизнь в деревне могла бы больше доставить пищи душе вашей, нежели на даче. Сделать четыре, пять[259] верст в день затем, чтобы взглянуть на труд и работы поселян, какие производятся в разных местах имения, совсем не то, что наша обыкновенная прогулка. Там невольно можно ознакомиться с бытом тех людей, с которыми так тесно связано наше собственное существование, и чрез то прийти в возможность помогать им.

Но тот, кто устроит всё, знает лучше, что нам полезней и лучше. Нужно покориться. Не

удалось намерение быть в том месте — нужно осмотреться, как нам быть на этом. Обязанности человека везде. Они могут быть также и в Павлине. Около вас теперь куча племянников и племянниц. Сколько прекрасного можно передать в молодые души путем любви! Можно сызмала навеять на восприимчивое детское любопытство[260] познание своей родины и ее[261] историю, и разнообразие ее местностей, и образ жизни ее обитателей во всех углах ее, и даже пламенное желание быть ей полезным. Можно и в отроческое время дать человеку идею о том, как должны быть святы отношения между людьми. И тогда он счастлив на всю жизнь, потому что в остальное время жизни будет уже сам заботиться о дальнейшем своем течении по указанном<у> пути, о приведении себя в большую и большую возможность приносить пользу и благодетельствовать. О! как бы мы теперь все были подвижны, во сколько меньше было бы у нас лени, бездействия и спячки, если бы приобрели то в юности, что принуждены приобретать теперь! Как на беду, первое наше воспитание отдаляет нас вдруг от того,

что вокруг нас. С первых же дней набивают нас предметами, переносящими нас в другие земли, а не в свою. Оттого мы и не годимся для земли своей. О себе ничего не могу вам сказать положительного. Я только что оправился от сильной болезни нервической, которая с приходом весны вдруг было меня потрясла и расколебала всего. Я имел, точно, намерение проездиться по северо-восточным губерниям России, мало мне знакомым, но как и когда приведу это в исполнение — не знаю. Собою я был крайне недоволен во всё это время. И только дивлюсь божьей милости, не наказавшей меня столько, сколько я того стоил. Не оставляйте меня, добрейшая Анна Михайловна, вашими строчками. Описание вашего дня и препровождения времени в Павлине будет для меня подарком. Бог да хранит вас!

Перецелуйте бесценные ручки вашей маминьки.

Весь ваш Н. Гоголь.

Базили К. М., 5 июня 1849*

**104. К. М. БАЗИЛИ. 5 июня 1849 г.
<Москва>.**

Милый друг Константин Миха<й>лович!
Всё собирался писать к тебе, как вдруг поразила меня весть о горе*, тебя поразившем. Мысль писать в бессилии остановилась. Я измерял пред собою великость твоей утраты и видел, что никакое[262] слово мое, никакое участие кого бы то ни было, кроме разве того, кто посетил тебя, не в силах было принести утешения. Близость твоя от святых мест меня успокоивала много. Теперь, как только представился случай к отправлению письма в Константинополь, пишу к тебе. Теперь горе твое немного утихло. Теперь ты больше расположен внимать словам участия, но и теперь ничего не умею сказать, кроме того, что утрата твоя велика и что по этой самой причине вечно следует благодарить бога за мгновенное владение утраченным даяньем.[263] Воспоминая о нем остается нам в украшение всей последующей жизни. В немногие

дни нашего пребывания в Байруте я искренно полюбил покойницу. И мне казалось, что лучшей подруги тебе нельзя было избрать в мире. Никто, кроме ее, не мог быть тебе так нужен и необходим в этом крае, где не всякой европейской обитательнице захотелось бы жить. Милый друг! Вся жизнь наша должна быть благодарность. Благодарность, а не другое что. Тогда вся жизнь наша будет прекрасна. Ты меня много, много обяжешь, если напишешь о себе, о состояньи души своей. Хотел бы я еще просить тебя, просить описать* [264] мне последние минуты ее. Но не знаю, будет ли это возможно, [265] не наполнит [266] ли это тебя грустью, не опечалит ли сердца! О себе особенно замечательного [267] не могу покуда ничего сказать, кроме того, что зиму провел довольно хорошо. Весной заболел, но теперь опять поправляюсь. Голова еще не в таком состоянии, чтоб светло заняться делом, но времени не пропускаю, от дела не бегаю и запасуюсь материалами для будущей работы. Теперь нужно быть очень умным и осмотрительным, чтобы быть в состояньи сказать даже и не весьма умное слово. Время беспутное

и сумасшедшее. То и дело, что щупаешь собственную голову, не рехнулся ли сам. Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный свой фундамент. Разномыслие и несогласие во всей силе. Соединяются только проповедники[268] *разрушения*. Где только дело касается создання и *устройства*, там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать того, кто один строитель порядка!

Прощай! Обнимаю тебя крепко!

Твой весь Н. Гоголь.

Плетневу П. А., 6 июня 1849*

105. П. А. ПЛЕТНЕВУ. 6 июня <1849>. Москва.

Благодарю тебя за письмо и за вести о своем жите-бытье, близком сердцу моему. Очень благодарен также за то, что познакомил меня заочно с Александр<ой> Васильев-ной. Да не находит на тебя грусть оттого, что ты не всегда с нею. В нынешнее время быть у одра страждущего* есть лучшее положение, какое может быть для человека. Тут не приходит в мысли то, что теперь крутит и обольщает головы. Тут молитва, смирение и покорность. Стало быть, всё то, что воспитывает душу, блюдет и хранит ее. Начать таким образом жизнь свою надежнее и лучше, нежели днями первых упоений и так называемыми медовыми месяцами, после которых, как после похмелья, смутно просыпается человек, чувствуя, что он спал, а не жил. Я думал было наведаться в Петербург, но приходится отложить эту <поездку>, по крайней мере, до осени. Деньги вышли по второму билету, то есть

тому, который заключает в себе сумму 650 р. серебром с процентами, какие накопились. Пришли на имя Шевырева.

Твой весь Н. Г.

Передай мой душевный поклон Александре Васильевне и Ольге Петровне и не забывай меня хоть изредка письмами. Обнимаю тебя крепко.

Смирновой А. О., 15 июня 1849*

**106. А. О. СМИРНОВОЙ. Июня 15
<1849. Москва>.**

Да, я точно в Москве, добрейш<ий> друг Александра Осиповна, и очень желаю вас видеть и замедлил к вам приездом только потому, чтоб не разминуться с Аркадием Осипо<вичем>, а он, сказывают, будет на днях. От него надеюсь узнать, между прочим, и о том, каким путем к вам добраться, [269] доселе же сведения, на этот счет собираемые, крайне темны. Прискорбно мне узнать из вашего письма, что вы недомогаете, но бог милостив: всё строит и обращает нам в пользу. Граф и графиня Т<олстые>* очень вас благодарят и

кланяются. До свиданья!

Ваш весь Н. Г.

Передайте душевный мой поклон Аркадию Осиповичу.

Марковичу А. М., 1 июля 1849*

**107. А. М. МАРКОВИЧУ. <1 июля 1849.
Москва.>**

Благодарю вас много, почтеннейший Александр Михайлович, за известие о себе. Ваши строчки тем более меня порадовали, что я начинал уже было думать, что вы, занявшись делами хозяйства, забудете обо мне вовсе. Но так как этого не случилось, то (подстрекаемый добротой вашей и расположеньем делать приятное приятелям) беспокою вас следующею убедительною просьбою: составьте для <меня> маленький сельский календарь годовых работ*, как они производятся у вас в Черниговской губернии. По дням, т. е. с какого святого какая начинается работа, как она и с какими обрядами производится и какие существуют по этому поводу народные поговорки и замечания, обратившиеся в правила и

руководства. В образец прилагаю вам отрывок из календаря одной из северных губерний: Месяц май. (Травень).

1) *Еремия-запрягальник*. Посев. *Поговорка*: «Сей неделю до Иеремии и неделю после».

3) *Тимофея и Мавры* — зеленые щи.

4) *Ирины-рассадницы*. Сеянье капусты.

6) *Иова-Горошника*. Сеянье гороха.

8) Зажиточные поселяне пекут пироги. Старик выходит с пирогом на дорогу угощать первого встречного.

9) Установленье дорог. Георгий с полувозом, Никола с возом. Поспеванье корма. «Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин травой».

Выгон лошадей на *ночнину* с празднованьем холостых ребят всего села; всю ночь игра. Пекутся для этого пироги с гречневой кашей.

Приметы: с Николы еще 12 морозов остается; если не случатся все весной, то остальные исполнять до Симеона Столпника, т. е. до 1 сентября.

10) Начало сеянья пшеницы. Сей пшеницу, когда зацветет черемуха. *Поговорка*: «Сей

рожь в золу, а пшеницу в грязь».

11) *Мокия Мокрого*. Если в этот день идет дождь, то все лето будет мокрое.

13) *Гликерьи-комарницы*. Появление комаров.

14) *Сидора-Сиверка*. Холодная погода в этот день означает холодное лето.

15) *Пахомия Тепло*. Теплая погода предвещает теплое лето.

21) Сеять лен и садить огурцы.

25) Сеется пшеница, если погода помешала прежде. *Поговорка*: «Если лист на дереве полон, то и сеять полно».

29) *Феодосии-колосяницы*. Рожь начинает колоситься. Старики говорят: «Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливают, две недели подсыхает».

30) Змеи делаются злы. По словам поселян, они в этот день идут поездом на свою свадьбу.

Примечания общие. В этом месяце почти все весенние хороводы — троицкие, семицкие. В хороводах воспеваются сеянье проса, овса, ячменя, гороха и маку. Следует поименова-

ные песней, какие поются, и описание обрядов.

В таком виде и все прочие месяцы. Если вы пожертвуете несколькими часами в неделю на составление таким образом черниговского календаря, то сим меня много, много обяжете. Не оставьте меня извещеньем о том, что делаете сами и как проводите ваше время. Я располагаю поехать по губерниям в окрестностях Москвы, посетить кое-кого из знакомых и поглядеть на Русь в тех местах, где ее не знаю. Сначала хотел было сделать это в большем размере, но, увидя, что чем дальше в лес, тем больше дров, ограничиваюсь малым. Месяца через два полагаю возвратиться снова в Москву. Письма же адресуйте по-прежнему. В одно время с письмом к вам пишу и к Александру*. Желая от всей души всех возможных вам благ, остаюсь

весь ваш Н. Г. На конверте: Его высококордию милостивому государю Александру Михаловичу Маркевичу. В Глухов Черниговской губернии, а оттуда в с. Сварков.

Данилевскому А. С., 1 июля 1849*

**108. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Июля 1
<1849. Москва>.**

Извини меня, мой добрый Алексан<др>, перед собой и перед Ульяной Григорьевной, что не пишу. Думается о вас часто. А писать не пишется. Леню ли это или сознание ничтожности писанья или что другое — право, не знаю. Может быть, это просто притупление способностей и сил. Но от этого да избавит нас бог — и тебя, и меня, и всех добрых людей. Странное дело: я теперь меньше тружусь, чем когда-либо прежде, меньше занимаюсь, а между тем всё мне мешает. Время летит так, что не успеваешь оглянуться, и всё еще почти ничего не сделано. Меньше, чем когда-либо прежде, я развлечен; более, чем когда-либо, веду жизнь уединенную, и при всем том никогда еще так мало не делал, как теперь. И от этого находят досадные расположения духа. Я не в силах бываю писать, отвечать на письма. Не в силах исполнять всех тех обязанностей, которых исполнение при-

носило прежде удовольствие душе моей. Вот тебе в коротких словах вся моя душевная история. По твоему делу до сих пор не сделал ровно ничего, хотя, признаюсь тебе искренно, мне часто желалось перетащить вас обоих в Москву и даже устроить вместе хозяйство и жительство. Клементия Россети до сих пор здесь не было. Он всё еще в Петербурге. Я сам собираюсь в дорогу. Располагаю посетить губернии в окружности Москвы, повидаться с некоторыми знакомыми и поглядеть на Русь, сколько ее можно увидеть на большой дороге. Где проведу зиму, не знаю. А ты не оставляй меня извещеньем о себе. Я очень желаю знать, как у тебя идет[270] лето. Прошу убедительно Ульяну Григорьевну написать об этом также. Как здоровье обоих вас и как ведет себя единородная дочь*, которую мысленно, совокупно с вами, целую и обнимаю.

Твой весь Н. Г.

Так как из Москвы всё уже уехало, то письма адресуй мне на имя одного знакомого, проживающего в Калуге, таким образом: его превосходительству Николаю Миха<й>ловичу Смирнову для передачи Ник<олаю> Вас<илье-

вичу> Гоголю. А он перешлет ко мне туды, где буду находиться.

Гоголь М. И., Москва. 4 июля 1849*

**109. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. Июль 4
<1849>.**

Письмо ваше от 5 июня получил, так же как и другое, писанное перед тем в мае. Обо мне напрасно вы беспокоитесь, так же как и о том, что меня не так ценят, как следует. Это участь всех людей. Никого не ценят так, как следует. Для того, чтобы ценить человека, нужно видеть его со всех сторон, а видеть со всех сторон человека может один только бог.

Отложите также всякие мысли о воздаяниях в этой жизни. В нынешнее время особенно, когда редко кого ожидает веселая будущность, дай бог не лишиться только того, что уже имеем. На потребу дня немного нужно. Вы давно уже не уведомляли меня об Андрее Андреевиче. Получаете ли от него письма и здоров ли он? Передайте при сем следующее ему письмецо*.[271] Я намерен сделать маленькую поездку по некоторым губерниям

вокруг Москвы, а[272] так как все мои знакомые разъехались тоже по деревням, то письма адресуйте в Калугу[273] на имя Смирнова. Он мне перешлет их туда, где буду находиться. Адрес выставляйте так: его превосходительству Николаю Михайловичу Смирнову в Калугу для передачи Н. В. Гоголю. А с сентября месяца вновь по-старому, на имя Шевырева. Посылаю вам несколько книг, какие накопились. Из них для вас особенно: «О скорбях и белезнях». «Поученья к прихожанам» Путяты* пригодятся и для ваших крестьян. Вы дайте их прочесть священникам.[274] Вероятно, они из них выберут кое-что для прочтения в праздничные дни. Во многих церквах и по городам читают из этой книги. Прощайте. Сестер обнимаю. Племянника Колю также. Скажите ему, чтобы он пересчитал, сколько деревьев числом принялось из тех, которые насадила тетушка его Анна Васильевна, а сколько нет, и об этом мне бы написал, также[275] и о занятиях своих. А к ней самой надеюсь скоро писать,[276] Лизе также. Прощайте.

Ваш сын Н. Г.

Вьельгорской А. М., июль 1849*

**110. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. <Начало
июля 1849. Москва.>**

Узнавши, что вы занимаетесь ботаникою, посылаю вам изображение растений русской земли, лучшее, какое у нас есть. В нем собраны все общеупотребительнейшие виды нашей флоры, с отчетливым[277] изображением признаков.

Весь ваш Н. Г.

Бог да хранит вас всех, милых и близких моему сердцу. *На обороте:* Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской. В С. П. бург. На Мих<айловской> площади, в доме графа Вьельгорского.

Смирновой А. О., 29 июля 1849*

**111. А. О. СМИРНОВОЙ. Москва.
Июля 29 <1849>.**

Так как Лев Иваныч* не отыскал для вас «Домостроя», то посылаю вам своей экземпляр. Книга называется «Временник», а «Домострой» помещен в ней посередине. Можете его, вырвавши, переплести особо. Мне очень грустно было отъезжать от вас. Я жалею, что приехал к вам рано. Нужно было мне приехать месяц спустя,[278] чтобы вы <в> Калуге хорошенько обжились. Я бы тогда[279] прожил дольше, может быть. Напишите строчки три. Я всё еще просыпаюсь с мыслью, что я в Калуге, и всё мне кажется, что обедать буду с вами, но вместо Кристофора* является с приглашением к обеду Иван* и тем напоминает мне, что я в Москве. Адресуйте письма по-старому в дом Талызина на Никитском бульваре. Хотя я и поеду через недели полторы колесить снова, но письмо найдет меня. Прощайте, старый, закадычный друг Александра Осиповна.

Ваш весь Н. Г.

Кланяется вам Тентетников*. Обнимите всех домочадцев. *На обороте:* Александре Осиповне Смирновой.

Гоголь М. И., 30 июля 1849*

**112. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. Июль 30
<1849>.**

По возвращеньи в Москву получи<л> ваши письма от 12 июля*. Очень жалел, что дожди у вас так сильны и мешали до сих пор хлебной уборке. Уведомьте, как теперь: удалось ли собрать и спасти хотя половину? Адресуйте письма по-старому в Москву. Я хоть и поеду еще кое-куда в окрестности, но не надолго. Здоровье покуда порядочно. Прощайте!

Н. Г.

Вьельгорской А. М., 30 июля 1849*

**113. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Москва.
Июля 30 <1849>.**

Я ездил взглянуть на некоторые губернии вблизи Москвы, был в Калуге, где прогостил несколько дней у Александры Осиповны; возвратился снова на короткое время в свою уединенную комнатку в Москве и увидел на столе письмо*. С радостью узнал, что оно было от вас, а еще с большею, что подарок мой пришелся кстати. Не удивляйтесь тому, что вам никто не мог указать на сочинение, которое я вам послал. Русские никогда не знают, что существует на русском языке. Обращайтесь с расспросами по этой части ко мне, а не к кому другому. Нынешняя книга оказалась [280] более нужною сестрицам вашим. Но, может быть, прочие будут нужны для вас. Так как Софья Миха<й>ловна и Аполлина Миха<й>ловна занимаются собираньем <произведений?> петербургской почвы, то им, сверх полученных вами тетрадей, нужно будет еще одно сочинение, которое при сем

получит Софья Михайловна. Передайте ей письмецо*. [281] Книга послана особо на ее имя. Не думайте, что я разоряюсь на книги. Я дарю [282] из своей собственной библиотеки, которая составила у меня давно. Я люблю из нее дарить друзьям моим. Мне тогда кажется, как будто книга [283] совершенно пристроена и поступила в достойное ее книгохранилище. Мне можно так поступать. Я вас богаче и имею больше вашего возможности заводитьсь книгами потому именно, что на другое ничто не издерживаюсь. За содержание свое и житие не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Приеду и к вам тоже и проживу у вас, не заплатя вам за это ни копейки. Прощайте, добрый друг Анна Михайловна. Целую мысленно добрые ручки ваши. А вы перецелуйте за меня покрепче ручки графини.

Ваш весь.

Адрес мой остается по-прежнему.

Соллогуб С. М., 30 июля 1849*

114. С. М. СОЛЛОГУБ. Москва. Июля
30 <1849>.

Я очень был рад, узнавши, что книга, по-
сланная* Анне Миха<й>ловне, оказалась
полезною и для вас. Так как вы уже собираете
травник, то вам нужно иметь сверх того еще
подробное поименование всех растений, рас-
тущих около Петербурга. Посылаю вам Петер-
бургскую флору, которая будет вам полезна
уже потому, что, кроме названия всякого рас-
тения, вмещает обстоятельное[284] описание,
применение на пользу и указание, в каких
именно местах около Петербурга растет. Если
же вы захотите потом когда-нибудь узнать
вполне *применение растений на пользу* чело-
века, то рекомендую вам сочинение, которое
вас вполне удовлетворит. Это «Хозяйственная
ботаника» проф. Щеглова*. По моему мнению,
сочинение это разве одними рисунками усту-
пит иностранным, но текстом и полнотою со-
держания их далеко превосходит. Оно состо-
ит из пяти больших отделений. В первом от-

делении рассмотрены все растения, употребляемые в пищу: все роды хлебов, овощей, корней и огородных злаков. Во втором отделении все роды кормовых трав для скота с показанием, какие для них вредны и почему. *Третье* отделение рассматривает растения, употребляемые на краски и на всякие технологические производства на фабриках и заводах. *Четвертое* вмещает все лекарственные растения, [285] *пятое* — все ядовитые. Сочинение в большую четвертку с раскрытыми изображениями, 5 томов. Растения рассмотрены только растущие в России или такие, которые могут расти в России. Если вам захочется иметь это сочинение, то напишите, и я вам его вышлю. У меня оно есть. Если вы не захотите его у себя вовсе оставить, то можете держать все-таки у себя, как принадлежащее мне. Уведомите меня, сколько вы уже доселе собрали в свой травник произведений петербургской почвы. Где именно и в каких местах посчастливилось вам их больше найти и хорошо ли они у вас высушены. Затем обнимаю вас вместе с вашими булочками и хлебцами*.

Ваш весь Н. Г.

Передайте душевный поклон Аполлине Миха<й>ловне и расцелуйте ручки графини.
На обороте: Софье Миха<й>ловне.

Толстому А. П., июль 1849*

**115. А. П. ТОЛСТОМУ. <Конец июля
1849. Москва.>**

Мне было очень приятно узнать от графини*, что вы обо мне вспоминаете. Я вспоминаю о вас часто. Хотелось бы сильно провести спасов пост с вами. Есть в душе желанье исполнить лучше то, что доселе исполнялось небрежно или, лучше, не исполнялось вовсе, но есть также и уверенность, что без братской помощи сам не в силах. Вы меня подвижней, воздержней, терпеливей. Вы теперь, кажется, больше можете подействовать на мою леность. Передайте душевный мой поклон Софье Петровне и Наталии Владимиров<не>. Скажите, что много ценю благосклонное, дружеское их расположение ко мне. Я уверен, что кто к кому расположен, тот о том и помолится. А что может быть выше молитвы? Если я держусь на свете, если я еще

не до конца погряз в беззакониях, если я еще не весь с ног до головы гниющий труп, то это благодаря молитвам молившихся обо мне. Если вы кого-нибудь встретите неленостного в молитвах, попросите его, как брат просит брата, обо мне молиться, чтобы дал бог мне силы, немощному, бессильному, повести лучшую жизнь. Помолитесь также вы обо мне, бесценный друг. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

О себе в прочих отношениях ничего не умею сказать, кроме того, что скучны все житейские заботы. Аще не господь созиждет дом, всеу все попеченья. Пробыл две недели у Смирновой, которая была очень больна. Приехал сюда, чтобы забрать извест<ия> о вас, но, видя, что вы раньше двух недель, вероятно, не выедете, поеду[286] еще на недельку в окрестности Москвы. Обнимите от всей души Скурыдина*, Бурачка* и всех, кто только помнит меня. *На обороте*: Графу Александру Петровичу.

Гоголь М. И., 4 сентября 1849*

116. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. Сентябрь
4 <1849>.

Письмо от августа 1-го получил. Рад, что у вас хлеба гораздо лучше прошлого, и удивляюсь только тому, что такая засуха.[287] Здесь[288] повсюду дожди; продолжались они до 1 сентября и не давали убирать до сих пор хлеба. С сентябрем началась только ясная погода. Советую вам держать хлеб и не продавать его. Цены становятся очень низки. Продадите за бесценок, а потом сами будете покупать. Душевно меня огорчает разрушающееся здоровье Андрея Андреевича. Любезной сестре моей Елисавете Васильевне замечу здесь, что она крайне неаккуратна. Эмилия уже давно бы, может быть, была помещена, если бы она потрудилась выслать все те бумаги, о которых я писал, а именно: 1-е, свидетельство о том, что она сирота,[289] не имеет ни отца, ни матери и никакого имущества; 2-е, послужной список ее отца и, наконец, 3-е, метрическое свидетельство. Вместо всего этого я полу-

чил одно только метрическое свидетельство и ничего больше, даже изъяснения, почему нельзя было выслать прочего. Этак нельзя делать. Здоровье мое покамест не в дурном состоянии, хотя и нет свежести крепких юношеских лет. Передайте поклон всем тем, которые прислали мне его от себя в ваших письмах. Бог да сохранит вас всех здоровыми и невредимыми от всех зол. Прощайте.

Ваш Н. Г.

Смирновой А. О., 15 сентября 1849*

**117. А. О. СМИРНОВОЙ. Москва. Сент-
тябр<я> 15 <1849>.**

Что с вами, бесценный друг Алексан<дра> Осиповна? Зачем вы ни строчкой не отвечали на письмо мое*? Я слышал, что вам много хлопот и даже неприятностей, но все-таки хоть два слова. Хоть одно слово. С меня довольно и коротенького здравствуй.

Бог да хранит вас. Весь ваш

Н. Г.

**Путяте Н. В., 14–18 августа или 21–27
сентября 1849***

**118. Н. В. ПУТЯТЕ. <14–18 августа или
21–27 сентября 1849. Абрамцево.>**

Сделайте милость, уведомьте, Николай Васильевич*, у вас или не у вас Клементий Осипович*. Я был в Троице и, к изумленью, его там не увидел. Княжна Цицианова* сказывала, что и она не видала его и что он оттоле куда-то уехал вдруг. Из сего я вижу, что человек, которому поручен был ответ, изустно донес его не в том виде. Встретивши его в поле, подъезжавши к деревне и поленившись возвратиться с ним для написанья записки (а карандаша в кармане тоже не было), я ему объяснил, что мы, дескать, с стариком Аксаковым собирались всё утро к Николаю Васильевичу, но мешал дождь. Теперь же, видя, что Клементий Осипович переменял намерение [290] и хочет ехать с вами (или идти пешком к Троице, как сказано в записке), то в таком случае будь по его. Мы все поедем тоже в Троицу. Там встретимся и устроим насчет возвра-

та в город. Но всё, как видно, спуталось и перепуталось. Известите меня как о Клементин Осиповиче,[291] так равно и о себе, будете ли вы дома сегодня и завтра. Потому что если не сегодня, то завтра я и старик Аксаков, сгорающий нетерпением с вами познакомиться, едем к вам. Поехали бы и сию минуту, но ждем еще известья из Троицы, где у меня есть небольшое дело.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте душевный поклон супруге и сестрице*. *На обороте:* Николаю Васильевичу Путяте от Гоголя.

Смирновой А. О., 20 октября 1849*

119. А. О. СМИРНОВОЙ. Октябр<я> 20
<1849>. Москва.

Я о вас часто думаю, Александра Осиповна. Вероятно, и вы тоже иногда обо мне вспоминаете, но всё же этого мало. Нужно иногда перекинуться письмецом. Я, слава богу, не чувствую, что я хвор, время летит в занятиях, так что некогда подумать о болезни. Больше читаю, чем пишу. Вижу, что много нужно еще приготовиться, нужно[292] внимател<ьно>, и даже очень внимательно, прочесть всё то, что знакомит нас с краем нашим, нами позабытым. Вижу мало кого, потому что просто не имею времени видеть. Графиню Соллогуб*, которая здесь, еще не видал ни разу. Здоровье ее, говорят, хорошо. Видал вскользь Андрея Карамзина* с супругою*, возвратившегося из путешествия по заводам и обширным демидовским землям, вскользь видел Соллогуба, неизменного и того же. Александр Петро<вич> Толст<ой> возвратился из Петербурга здоров и вам кланяется. Напишите же, что

делаете вы и как живется. Ведь описывать немного: верно, строк пять-шесть всего. поклонитесь тем, кто помнит меня в Калуге, и пришлите мне пакет, посланный на ваше имя мне в Калугу[293] графиней Толстой. Он [294] заключает в себе два письма,[295] одно из которых мне очень нужно. Да и все-таки, мне кажется, этому пакету приличнее быть у меня, чем оставаться где-нибудь в конторе Жулева. В ожидании ваших добрых дружеских строк (всегда отрадных моей душе), остаюсь ваш весь

Н. Гоголь.

**Соллогуб С. М. и Вьельгорской А. М.,
20 октября 1849***

**120. С. М. СОЛЛОГУБ и А. М. ВЬЕЛЬ-
ГОРСКОЙ. Москва. Октябрь 20
<1849>.**

Милые и добрые друзья, Софья Ми-
ха<й>ловна и Анна Михайловна! От всей
души поздравляю вас с принятием в семей-
ный круг ваш нового гостя. Разумею новорож-
денное существо*, которое досталось одной из
вас в дочери, а другой в племянницы. Возвра-
тившись в Москву, я застал здесь Владимира
Александр<овича> и от него узнал о вашей се-
мейной радости. Дай бог, чтобы радость ваша
сделалась еще большей,[296] когда дитя до-
стигнет возраста, поймет и оценит жизнь
лучше нашего нынешнего поколения, бес-
смысленно ее растратившего[297] на пустые
развлечения. Нынешняя поездка моя не была
велика: всё почти в окрестност<ях> Москвы и
в сопредельных с нею губерниях. Дальнейшее
путешествие отложил до другого года, потому
что на всяком шагу останавливаем собствен-

ным невежеством. Нужно сильно запастись предуготовительными сведениями затем, чтобы узнать, на какие предметы преимущественно следует обратить внимание. Иначе, подобно посылаемым чиновникам и ревизорам, проедешь всю Россию и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь все книги, сколько-нибудь знакомящие с нашей землей, большею частью такие, которых теперь никто не читает.[298] С грустью удостаиваюсь, что прежде, во время Екатерины, больше было дельных сочинений о России. Путешествия были предпринимаемы учеными смиренно, с целью узнать точно Россию. Теперь всё щелкоперно. Нынешние путешественники, охотники до комфорта и трактиров, с больш<их> дорог не сворачивают и стараются пролететь как можно скорее. При полном незнании земли своей утвердилась у всех гордая уверенность, будто знают ее. А между тем какую бездну нужно прочесть даже для <того> только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии путешествовать по России, как следует, смиренно, с желанием знать ее. Всё время мое отдано работе, часу

[299] нет свободного. Время летит быстро, неприметно. О, как спасительна работа и как глубока первая заповедь, данная человеку по изгнанию его из рая: в поте и труде снискивать хлеб свой! Стоит только на миг оторваться от работы, как уже невольно очутишься во власти всяких искушений. А у меня было их так много в нынешний мой приезд в Россию! Избегаю встреч даже с знакомыми людьми от страха, чтобы как-нибудь не оторваться от работы своей. Выхожу из дому только для прогулки и возвращаюсь сызнова работать. Бог да хранит вас, добрые, близкие моей душе! Не оставляйте меня уведомлять о себе. С удовольствием помышляю, как весело увижусь с вами, когда кончу свою работу. Перецелуйте ручки у графини вашей маминьки. Обнимите Михаила и Матвея Юрьевича, Веневитиновых* и всю вашу вечно близкую моему сердцу семью.

Ваш весь Н. Г.

Адрес мой по-старому.

Гоголь М. И., до 28 ноября 1849*

121. М. И. ГОГОЛЬ. 1849. Москва. Ноябрь <до 28-го>.

Не писал к вам долго потому, что всё ожидал ваших писем, которые, по случаю отлучки моей из Москвы, гонялись за мною повсюду и до сих пор еще не пришли сюда. Я ожидал их всякий день и прождал целый месяц. Опасаюсь, чтобы они вовсе не пропали. Здоровье мое, слава богу, кое-как идет. Понемногу занимаюсь, понемногу прогуливаюсь, пользуясь урывками хорошей погоды, которая, однако же, начала портиться, а зимы всё нет. Напишите мне, сделаны ли были какие посадки дерев в саду; я полагаю, что все те деревья, которые пропали в прошлом году, замещены теперь новыми. За этим дела немного, и потому не думаю, чтобы сестры поленились. Сейчас получил ваши письма. Из одного из них вижу, что его должен был доставить Аполл<он> И<льич> Ознобишин* весьма,[300] сожалею, что не удалось видеть его. Рад, если вы поедете в Кагорл<ык> к Андрею Андрееви-

чу, но нахожу неблагоприятным, если никого совершенно не останется дома. На приказчика, ни на кого[301] нельзя положиться. Вы уже сколько раз испытали, что приказчик сначала хорош, а потом портится. Портится же он всего пуще тогда, когда господа в отлучке. Если остане<тся>, по крайней мере, сестра Ольга (которой, в самом деле, нечего делать в Кагорлыке), всё[302] будет лучше, нежели никого. Передайте Софье Васильевне и супругу ее благодарность за воспоминанье и поклон. А почтенному Андрею Андреевичу засвидетельствуйте мою искреннюю признательность, если его увидите. Не позабудьте также передать дружеский братский поклон Дмитрию Андреевичу*. Затем да хранит вас бог всех здраво и невредимо!

Ваш Н. Г.

Гоголь М. И., 28 ноября 1849*

122. М. И. ГОГОЛЬ. 28 ноябр<я 1849>
Москва.

Я получил ваши письма из Полтавы и из Кагорлыка. Душевно пожалел о том, что наш достойнейший и добрейший Андрей Андрее<вич> на старости лет своих должен испытывать столько неприятностей, но при всем том не потерял и не теряю надежды, что бог вознаградит за всё. Не могу думать, чтобы сын его был в такой степени безнадежен. Мне, напротив, в нем показалось что-то доброе. Он несчастлив только тем, что попал в это жалкое время, когда воспитанье всей молодежи производилось особенно дурно. Он не один, много, много других так воспиталось. Но это мгновенное общее опьянение века, которое долго не может продолжиться. Многие из молодых людей видят теперь и сами, на каком шатком очутились пути, и начинают искать дороги, с которой сбились. Это время должно непременно наступить и для него, тем более, что он, как мне сказывал в Одессе

сам духовник, вовсе не так дурен в душе своей, как о нем говорят. Я сам начинаю думать, не старается ли кто-нибудь нарочно очернить сына пред отцом, от чего да сохранит бог. Тут всего лучше терпенье, надежда на милосердье бога и молитва. Передайте Андрею Андреевичу мой душевный поклон и чувство, исполненное самой признательной любви к нему, в чем, я уверен, он не сомневается. Бумаги об Эмилии я получил и буду стараться. Только не знаю, как вы ее доставите в случае принятия ее. Что же касается насчет ваших ожиданий моего приезда, то я вам опять повто<рю> то, что всегда говорю. Слова я не даю никогда.[303] Обещать — не обещаю тоже. [304] Говорю: может быть, приеду, а может быть, и не приеду, разумея всегда возможность и устройство обстояте<льств>. Я не так богат, чтобы для одного удовольствия свидания бросать по 1000 рублей на переезд, и не так досужен, чтобы жертвовать временем, которое у меня дорого. Мне так нужно много видеть мест, еще не виданных мною, что не знаю, успею ли и их осмотреть. Приехать к вам я имел намерение только тогда, если б

[305] мне удалось к этому времени окончить мой труд и напечатать его и управиться совершенно со всеми хлопотами.[306] У меня, напротив, вот какой обычай обещать: я к вам приеду, может быть, через год, а может бы<ть>, через пятнадцать лет. Так я гово<рю> всем, зная, что всё зависит не от моей воли, а от устройства обстоятел<ьств>. А обстоятельство устроит бог.[307] Мы все на земле поденщики и работники. Прежде всего должны думать о работе своей, а потом уже об удовольствии свидан<ия>. О просьбе вашей насчет Олимпиады Федоровны* никак не умею приложить ума и никак[308] не знаю, чем я могу помочь. Вы даже не объяснили мне, к кому должно обратиться, чтобы отыскать ее сына. Мир велик. Губернатора нашего* я не видал. Он был в Москве тогда, как меня еще здесь не было. Душевно желаю, чтобы пребыванье ваше в Кагорлыке было приятно и для вас и для Андрея Андреев<ича>.

Ваш любящий сын Н. Г.

Смирновой А. О., 28 ноября 1849*

123. А. О. СМИРНОВОЙ. Ноябрь<я> 28
<1849>. Москва.

Иногда так хочется вас видеть, что много бы дал за то, чтобы один час побыть с вами[309] и поболтать, а примусь за письмо — не пишется, и не знаю, что сказать вам. Лень ли это, или, в самом деле, все предметы стали не стоящими письма? Решите сами. Всё, однако же, я думаю, у вас есть больше о чем сказать мне, чем мне вам. У вас есть хоть, по крайней мере, сенатор Давыдов* и всякие ре-визионные гадости. А у меня всё лениво и сонно. Работа движется медленно, а неумолимое, невозвратное время летит и летит так быстро, что иногда страх врывается в сонную душу.

Ваш весь Н. Г.

Обнимите ваших малюток и передайте поклон Николаю Михайловичу. Мисс Овербек* не позабудьте также. Граф Толстой благодарит вас много за память, супруга его также.

Аксакову С. Т., ноябрь 1849*

**124. С. Т. АКСАКОВУ. <Ноябрь 1849.
Москва.>**

Посылаю вам 1-й том и желаю, чтобы доставил вам развлечение. Ради бога, берегите здоровье и делайте всё с умеренностью. Это большая добродетель. Жалко, если до весны не увидимся. Известие о кончине Панова* меня опечалило. Всё позабывается, что чем далее, тем более с каждым годом должны убывать и отходить все близкие сердцу, а не прибывать. Бог да хранит вас и да поможет благодарить его благодарно[310] за всё.

Весь ваш Н. Г.

Вяземскому П. А., осень 1849*

**125. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. <Осень
1849. Москва.>**

От всей души благодарю вас за сообщение письма от Жуковского. Оно меня больше чем успокоило на его счет. Среди всех этих бурь бог помог ему не только избежать их, но даже произвести такое дело, которое и во время тишины невозможно произвести с такой быстротой, — это знак милости небесной! С благодарностью возвращаю вам обрадовавшее меня письмо и постараюсь поблагодарить лично.

Весь ваш Н. Гоголь.

Жуковскому В. А., осень 1849*

**126. В. А. ЖУКОВСКОМУ. <Осень
1849. Москва.>**

Миллион поцелуев и ничего больше! Из-
вестие об оконченной и напечатанной
«Одиссее» отняло язык. Скотина Чичиков ед-
ва добрался до половины своего странствова-
ния. Может быть, оттого, что русскому герою
с русским народом нужно быть несравненно
увертливей, нежели греческому с греками.
Может быть, и оттого, что автору[311]
«Мерт<вых> д<уш>» нужно быть гораздо луч-
ше душой, нежели скотина Чичиков. Письмо
напишу — и будет длинное.

*Твой Н. Гоголь. На обороте: Василию Андре-
евичу Жуковскому.*

Маркову К. И., 3 декабря 1849*

127. К. И. МАРКОВУ. Четверг <3 декабря 1849. Москва>.

Очень вам благодарен за ваше письмо*. На прежнее не отвечал* по незнанию вашего адреса. Что же касается до II тома «Мертвых душ», то я не имел в виду собственно *героя добродетелей**. Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры *значительнее* прежних и что намеренье[312] автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с *одной* какой-либо *стороны*. О прочих пунктах письма вашего переговорим когда-нибудь лично; мы же, кажется, соседи.

*Искренн<e> благодарный за ваши заметки
Н. Гоголь. На обороте: Константину Ивановичу Маркову*. У Арбатских ворот. В доме Загряжской.*

Марковичу А. М., 6 декабря 1849*

128. А. М. МАРКОВИЧУ. 6 декабря
<1849>. Москва.

Очень благодарю и за известия об вас и за календарь*. Рад, что у вас обстоит всё благополучно: в нынешние времена это не совсем обыкновенная вещь. Я кое-как перебиваюсь. Здоровье, слава богу, еще держится. По-прежнему сижу за делом, а делается мало. Время летит так быстро, что нападает страх. Поездки мои были маловажны. Но всё же они оживили начинающую тупеть память. Много современное заставило вспомнить с грустью о *прежнем*, невозвратно минувшем. Много завелось повсюду бесхарактерности, бессилия, смущения в головах и пустоты в сердцах. Об утонченностях разврата уже и не говорю. Покуда я еще ничего не готовлю к печати, во-первых, потому, что сам не готов, а, во-вторых, потому, что и время не такое: авось отрезвятся сколько-нибудь опьяневшие головы. Не позабывайте писать хотя изредка. Известия о вас и о всем, что вас окружает,

мне всегда приятны. Передайте при сем письмеца Александру Сем<еновичу>. Я не знаю, где он на нынешнюю пору находится. Может быть, с вами. Передайте поклон мой почтенной вашей сестрице* и всем милым вашим племянницам*.

Ваш весь Н. Г. На обороте: Его высокородию Александру Михайловичу Марковичу. В Глухов Черниговской губернии, оттуда в село Сварков.

Смирновой А. О., 6 декабря 1849*

129. А. О. СМИРНОВОЙ. Декабря 6 <1849>. Москва.

Только что отправил к вам письмо, как, два часа спустя, пришло ваше. Гадостей, как видно, около вас немало. Но как же быть? Не будь их, не достигнуть нам и царствия небесного. Как раз забудет человек, что он здесь затем, чтобы нести крест. Что же касается до сплетней, то не позабывайте, что их распускает чорт, а не люди, затем, чтобы смутить и низвести с того высокого спокойствия, которое нам необходимо[313] для жития жизнью

высшей, стало быть, той, какой следует жить человеку. Эта длиннохвостая бестия как только приметит, что человек стал осторожен и неподатлив на большие соблазны, тотчас спрячет свое рыло и начинает заезжать с *мелочей*, очень хорошо зная, что и бесстрашный лев наконец должен взреветь, когда нападут на него бессильные комары со всех сторон и кучею. Лев ревет оттого, что он животное, а если бы он мог соображать, как человек, что от комаров, блох и прочего не умирают, что с наступленьем холодов всё это сгинет, что кусанья эти, может быть, и нужны, как отнимающие лишнюю кровь, то, может, и у него достало бы великодушия всё это перенести терпеливо. Я совершенно убедился в том, что сплетня плетется чортом, а не человеком. Человек от праздности и часто сглупа брякнет слово без смысла, которого бы и не хотел сказать. Это слово пойдет гулять; по поводу его другой отпустит в праздности другое, и мало-помалу сплетется сама собою история без ведома всех. Настоящего автора ее безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь. Не обвиняйте также и домашних никого; вы бу-

дете несправедливы. Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле. Чтобы не обмануться в людях, нужно видеть их так, как велит нам видеть их Христос. В чем да поможет вам бог! Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будут наши действия ревизовать не сенатор, а тот, кого ничем не подкупишь и у которого совершенно другой взгляд на всё.

Гр<аф> Толстой очень благодарит вас за память. С Назимовым* я мало знаком: виделся с ним раза два, отзывают<ся> же о нем другие хорошо. Если вам имеется в нем надобность, может быть, насчет Билевича*, то посоветуйте ему обратиться к Гинтовту*, который с ним еще недавно служил вместе. Здоровье мое кое-как плетется, хотя и не совсем так, как нужно для произведенья моей поденной работы. Бог да хранит вас! Прощайте.

Весь ваш Н. Г.

Если Николай Михайлович сегодня именинник, то передайте ему мое поздравленье. Детушек перецелуйте.

Жуковскому В. А., 14 декабря 1849*

130. В. А. ЖУКОВСКОМУ. Москва.
1849, декабря 14.

Прежде всего благодарность за милые строки*, хоть в них и упрек. Сам я не знаю, виноват ли я или не виноват. Все на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что в них видно одно: *нехотение* [314] *писать*. Это правда. Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? старость [315] или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствование хуже сна? Полтора года моего пребывания в России пронеслось, как быстрый миг, [316] и ни одного такого события, которое бы освежило меня, после которого, как бы после ушата холодной воды, почувствовал [317] бы, что действую трезво и точно действую. Только и кажется мне трезвым действием поездка в Иерусалим. Творчество мое лениво. Стараюсь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не от<о>двигаю бумаги, не вы-

пускаю пера — но строки лепятся вяло,[318] а время летит невозвратно. Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость, или так следует, чтобы мои «Мертвые души» не выходили в это мутное[319] время, когда, не успевши отрезвиться, общество еще находится в чаду и люди еще не пришли в состояние читать книгу как следует, то есть прилично, не держа ее вверх ногами? Здесь всё, и молодежь и стар<ость>, до того запуталось в понятиях, что не может само себе дать отчета. Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые жеваки. Другие изблевают свое собственное несваренье. Редкие, очень, очень редкие слышат и ценят то, что в самом деле составляет нашу *силу*. Можно сказать, что только одна церковь и есть среди нас еще здоровое тело. Появление «Одиссеи» было не для настоящего времени. Ее приветствовали уже отходящие люди, радуясь и за себя самих, что еще могут чувствовать вечные красоты Гомера, и за внуков своих, что им есть чтение светлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые несколько раз сряду прочли «Одиссею» с полной признательно-

стью и глубокой благодарностью к переводчику. Но таких (увы!) немного. Никакое время не было еще так бедно читателями хороших книг, как наступившее. Шевырев пишет рецензию*; вероятно, он скажет в ней много хорошего, но никакие рецензии не в силах[320] засадить нынешнее поколение, обмороченное политическими брожениями, за чтение светлое и успокаивающее душу. Временами мне кажется, что II-й том «Мерт<вых> душ» мог бы послужить для русских читателей некоторою ступенью к чтенью Гомера. Временами приходит такое желанье прочесть из них что-нибудь тебе, и кажется, что это прочтенье[321] освежило бы и подтолкнуло меня — но... Когда это будет? когда мы увидимся? Вот тебе всё, что в силах сказать. Прости великодушно, если и это письмо неудовлетворительно. По крайней мере, я хотел, чтобы оно было удовлетворительно. Обнимаю от всей души и тебя и всё, что к тебе близко.

Твой весь Н. Гоголь. На обороте: Василию Андреевичу Жуковскому.

Плетневу П. А., 15 декабря 1849*

131. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Декабрь 15
<1849>. Москва.

Мы давно уже не переписывались. И ты замолчал, и я замолчал. Я не писал к тебе отчасти потому,[322] что сам хотел быть в Петербург, а отчасти, и потому, что нашло на меня *неписательное* расположение. Все кругом на меня жалуются, что не пишу. При всем том, мне кажется, виноват не я, но умственная спячка, меня одолевшая. «Мертв<ые> души»[323] тоже тянутся лениво. Может быть, так оно и следует, чтобы им не выходить теперь. Дело в том, что время еще содомное. Люди, доселе не отрезвившиеся от утару,[324] не годятся в читатели, не способны[325] ни к чему художественному[326] и спокойному. Сужу об этом по приему «Одиссеи». Два-три человека обрадовались ей, и то люди уже отходящего[327] века. Никогда не было еще заметно такого умственного бессилия в обществе. Чувство художественное почти умерло. Но ты и сам, без сомнения, свидетель много-

го.[328] Пожалуста, отправь это письмецо к Гроту* и сообщи мне его точный адрес. Передай также мой душевный поклон Балабиным и скажи им, что я всегда о них помню. Затем, обнимая мысленно с тобой вместе всех близких твоему сердцу, остаюсь

твой весь Н. Г. Адрес мой: в доме Талызина на Никитском бульваре.

Об «Одиссее» не говорю. Что сказать о ней? Ты, верно, наслаждаешься каждым словом и каждой строчкой. Благословен бог, посылающий нам так много добра посреди зол!

Гроту Я. К., декабрь 1849*

132. Я. К. ГРОТУ. <Середина декабря 1849. Москва.>

Очень благодарю вас за ваше доброе письмо*, которое нашел по приезде в Москву. Мне самому очень жалко, что не удалось с вами еще повидаться. Благодарю вперед за предстоящее знакомство с Протопоповым*, которого я непременно отыщу. Его замечания о русском народе, приложенные в вашем письме, совершенно верны, отзываются большой

опытностью, а с тем вместе и ясностью головы. Прощайте и не забывайте меня.

Ваш весь Гоголь.

Вьельгорской А. М., 26 декабря 1849*

**133. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Декабря
26 <1849>. Москва.**

Здоровы ли вы, добрейшая Анна Миха^йловна? Я уже давно не имею от вас известия. Как вам живется, как веселится, как скучается? — уведоьте меня хоть строчкой. Что же касается до меня, еще живу, еще мыслю, еще двигаюсь, хоть и говорят, будто бы значительно худею. Труда своего никак не оставляю, и хоть не всегда бывают свежие минуты, но не унываю. Благодарить нужно бога за всё — и за дождливый и за солнечный день. Поздравляю вас с наступающим годом и от всей души желаю, чтобы пожилось вам как в нем и так и в следующих годах прекрасной, светлой жизнью, какой способны жить одни только прекрасные души.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте поздравление мое Софье Ми-

ха<й>ловне и всем вашим, близким, близким
моему сердцу.

Шереметевой Н. Н., декабрь 1849*

**134. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <Конец
декабря 1849. Москва.>**

Благодарю вас много, добрый друг Надежда
Николаевна, за вашу записочку. Поздрав-
ляю вас также с наступающим годом. Дай бог,
чтобы он был глубоко благоприятен нам обо-
им в высоком внутреннем отношении.

*Весь ваш Н. Гоголь. На обороте: Надежде
Николаевне Шереметьевой.*

Шереметевой Н. Н., 1849. Москва
(«Очень вас благодарю...»)*

135. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <1849.
Москва.>

Очень вас благодарю. Да поможет бог и вам и мне без него не обходиться ни на минуту.

Ваш Н. Г. На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Шереметевой Н. Н., 1849. Москва
(«Когда вам угодно...»)*

136. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <1849.
Москва.>

Когда вам угодно. Мне всегда приятно на вас взглянуть. Берегите только свое здоровье и не выезжайте, когда погода дурна.

Весь ваш Н. Г. На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Шереметевой Н. Н., 1849. Москва
(«Очень сожалею...»)*

137. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <1849.
Москва.>

Очень сожалею, что не видал вас. Когда вы были у меня, тогда я был у обедни, не думая, что вы приедете в такое время. Во всяком случае, позвольте от всего сердца поблагодарить вас за то, что не оставляете меня. Бог да воздаст вам за ваши молитвы обо мне и о том, что близко душе моей. Прощайте. Не забывайте меня по-прежнему ни дружескими письмами, ни молитвами.

Ваш весь. На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Плетневу П. А., 21 января 1850*

138. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Москва. Генваря 21. 1850.

Не могу понять, что со мною делается. От преклонного ли возраста, действующего в нас вяло и лениво, от изнурительного ли болезненного[329] состояния, от климата ли, производящего его, но я просто не успеваю ничего делать. Время летит так, как еще никогда не помню. Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не впускаю, откладывая на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким, — и при всем том так немного из меня выходит строк! Кажется, просидел за работой не больше, как час, смотрю на часы — уже время обедать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вот тебе вся моя история. Конец делу еще не скоро, т. е. разумею конец «Мертвых» душ». Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как *набросаны*; собственно написанных две-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно худож-

ническое произведение. Это разве может только один бог, у которого всё под рукой: и разум и слово с ним. А человеку нужно за словом ходить в карман, а разума доискиваться. — У Смирновой я, точно, прогостил осенью. Не писал о ней потому, что полагал тебя знающим насчет ее через Аркадия Ос<иповича> Росseta, которому при сей верной оказии передай мой душевный поклон. Она вначале более тосковала и больше хворала. В последнее же время, как мне показалось, она чувствовала себя лучше. Всего больше меня порадовало то, что она принялась именно за то дело, за которое всякая женщина, по-моему, должна бы приняться с самого начала, то есть за хозяйство и всякие экономические заботы по имению. Теперь я слышу, что она их продолжа<ет> и за ними не скучает. От этого и самое здоровье ее, говорят, лучше. Так мне о ней рассказывали видевшие ее еще недавно в Калуге. Дочери у ней* вышли очень миленькие, обе почти невесты, вторая[330] даже красавица. Воспитываются хорошо благодаря гувернантке, мисс Овербек, уединенью и близости от жизни деревенской. Как живешь ты? с

кем выдаешься и о чем разговариваешь чаще? Передай поклон милой супруге своей и милой дочери. На меня не сердись и люби, потому что я также тебя люблю, а письмо — дрянь. Оно никогда не может выразить и десятой доли человека. Поэтому-то я никогда не сержусь на друга, если он напишет письмо коротенькое и не так обстоятельно, как бы хотелось. У меня правило всякое письмо считать подарком, а дареному коню в зубы не смотрят. Прощай. Хотел было просить тебя взять[331] из ломбарда последний куш денег. Но раздумал. Пусть их лежат, авось как-нибудь изворочусь. Впрочем, уведоми, можно ли брать по частям или нет.

Твой весь Н. Г.

**Максимовичу М. А., январь-февраль
1850***

139. М. А. МАКСИМОВИЧУ. <Январь — февраль 1850. Москва.>

Жаль. Тем более, что мороз сегодня не велик. Письма не оказалось у меня никакого. Вероятно, ты позабыл его где-нибудь в другом месте. Будь здоров.

Твой весь Н. Г. На обороте: Михаилу Александровичу Максимовичу.

**Шереметевой Н. Н., перед 11
февраля 1850***

**140. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <Перед 11
февраля 1850. Москва.>**

Немножко прихворнул, но, кажется, бо-
лезнь незначительная, и теперь чувствую
<себя>, слава богу, несколько лучше. Ваш весь

Н. Г. На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Вьельгорской А. М., 11 февраля 1850*

**141. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. Москва.
11 <февраля> 1850 года.**

За что же мне бранить вас, добрейшая Анна
Миха<й>ловна? За ваше доброе, милое
письмо? За то, что вы не забываете меня? По-
спорю только с вами насчет того, что вам ка-
жется прекрасною участь писателя, будто бы
владеющего сердцами и умами и чрез то мо-
гущего иметь обширное влияние. Я думаю,
что мы все в этом мире не что другое, как по-
денщики. Мы должны честно, прилежно тру-
диться, работать теми способностями, кото-
рые нам дал бог, работать ему, ожидая платы
не здесь, а там. А какое именно влияние про-
изведет наш труд на людей, как велико или
обширно это влияние — это совершенно во
власти того, кто располагает делами мира.

[332] Часто тот, кто задумает произвести добро, производит зло; мы сеем и сами не знаем, что именно сеем. Один бог возвращает плод, дает ему вид и форму. Как нам знать, кто больший из нас, кто лучший, когда первые будут последними, а последние первыми? Иногда бывает и то, что не блестящий труд труженика, никем не оцененного, всеми позабытого, вдруг чрез несколько веков, попавшись в руки какому-нибудь не совсем обыкновенному человеку, наводит его на гениальную мысль, на великое и благодетельное дело. Дело изумляет мир, а первоначальный творец его не изумил им даже и небольшой круг людей, его знавших. Не грустите же о том, что вам нет поприща или что поприще ваше тесно. Только молитесь постоянно богу, [333] чтобы он удостоил вас послужить ему честно, добросовестно, прилежно, [334] всеми своими способностями, не зарывая в землю ни одного своего таланта. Нельзя, чтобы постоянная усердная молитва, сопровождаемая слезами, не ударила наконец в двери небесные и ум наш не озарился бы вразумлением свыше, как нам быть и что делать. Что ска-

зять вам о себе? Временами бываю свеж мыслями, временами хвораю и тогда бываю малодушен, хандрю и грущу. Работа прекращается, как и теперь. Сижу больной, нервы страдают, и всё во мне страдает. И так бывает тяжело, что не знаешь, куда деться, как позабыть себя. Праздно вращается на устах бескрылая молитва... Но храни вас бог и да соделает вам легким то, что для других трудно, сподобивши вас быть во всем ему угодной. А меня не забывайте в молитвах.

Ваш весь Н. Г.

Перецелуйте всех ваших.

Гоголь М. И., 11 февраля 1850*

142. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. 11 <февраля>. 1850.

Давно не получал от вас писем, почтеннейшая матушка. Здоровы ли вы и как у вас? Я не знаю до сих пор, благополучно ли вы возвратились из Кагорлыка в Василевку. Я кое-как живу, но прихварываю больше эту зиму, чем прежнюю. Как видно, холодный климат меня прижимает. А может быть, и оттого, что сам не живешь и не молишься, как следует. Я получил много от бога и должен бы быть лучше вас всех, но ежеминутно убеждаюсь, что я хуже вас всех. А потому нужно терпеливо нести болезни, как должное и праведное наказание. Молитесь обо мне все вместе и будьте здоровы.

Ваш весь Н. Г.

Ничего еще не могу сказать верного насчет помещенья Эмилии. Любезному племяннику хотел было писать, но отлагаю до следующего раза. Покуда обнимаю заочно всех вас.

Смирновой А. О., 11 февраля 1850*

**143. А. О. СМИРНОВОЙ. Москва. 11
<февраля> 1850 года.**

В какое время пришло ко мне милое письмо Ваше! Сам болен, изнемогаю духом, сам требую молитв и утешения и не нахожу нигде. О, как трудно быть тому, кто не умеет быть в боге![335] Чувству<ю> это во всей силе на себе. С болезнью моей соединилось такое нервическое волнение, что ни минуту не посидит мысль моя на одном месте и мечется, бедная, беспокойней самого больного. Верю только тому, что бог милосерд и что строит всегда лучше того, как замышляем мы.[336] О, не смущайтесь, что могут нанести вам всякие неприятности жизни! Путь наш должен быть пред богом, а не пред людьми. Если мы чисты, если правы пред богом, кто может из людей опорочить нас, заклеить пятном наше имя? А скорби? Но если уже сам спаситель сказал, что только ими очищается душа, как же быть без них? Где же человеку показать величие души, как не в минуты невзгоды?

Всюду скорби; на кого ни погляжу, всякий скорбит; я сам так скорблю, что не в силах и молиться. Твержу ваше имя всякий день, но что это за молитва бескрылая! О, спаси вас бог, спаси, покрый, осени[337] святым щитом своим, проведи сквозь эту ничтожную, пугающую тревогу здраво, цело, со внесением богатых сокровищ в вашу испытанную бедами душу! Прощайте! Да не смущается сердце ваше!

Ваш весь Н. Г.

Болезнь отнимает силы думать теперь о приезде; но если станет лучше и доктор позволит... Впрочем, говоря откровенно, не знаю, чем могу быть вам нужен теперь. Думаю даже, не повредил бы чем-нибудь мой приезд; пойдут еще новые какие-нибудь нелепые слухи. Верьте, однако ж, тому, что сердцу было бы очень сладко, если бы бог сподобил меня быть каким-нибудь орудием к вашему утешенью. Зачем же не обратиться нам прямо к тому, кто сам просит нас и увещевает к нему обращаться? С богом же снова в путь ваш! Смотрите твердо кверху и да не смущается ваше сердце! Всё нечистое пронесется мимо!

Шереметевой Н. Н., 11 февраля 1850*

**144. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. 11
февр<аля> 1850 <Москва>.**

Мне сегодня опять как-то не весьма хорошо, прошу вас покрепче обо мне помолиться.

Весь ваш Н. Г. На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Аксакову К. С., февраль 1850*

145. К. С. АКСАКОВУ. <Первая половина февраля 1850. Москва.>

Зайдите ко мне, любезнейший Константин Сергеевич, я прихворнул и не выхожу. Известить больного все-таки доброе дело.

Ваш весь Н. Г. На обороте: Константину Сергеевичу Аксакову. Филипповск<ий> переулоч, в доме Высоцкого.

Аксакову С. Т., февраль 1850*

**146. С. Т. АКСАКОВУ. <Середина
февраля 1850. Москва.>**

Чувствую лучше. Простуда и жар в голове
уменьшается. Овер* одобрил всё, сделан-
ное моим доктором. Надеюсь если не сегодня,
то завтра выйти на воздух. Рад, что вы также
чувствуете лучше. За всё слава богу.

*Ваш весь Н. Г. На обороте: Сергею Тимофее-
вичу Аксакову.*

Марковичу А. М., февраль 1850*

**147. А. М. МАРКОВИЧУ. <Середина
февраля 1850. Москва.>**

Вашу фамилию мне переврали. Я сижу боль-
ной и не могу видеть многих, но вас бы
принял и с удовольствием побеседовал бы.
Итак, не будете ли так добры, чтобы наве-
стить больного, вам искренно преданного и
вас искренно любящего.

*Н. Гоголь. На обороте: Александру Михайло-
вичу Маркевичу.*

Жуковскому В. А., 28 февраля 1850*

148. В. А. ЖУКОВСКОМУ. 28 февраля <1850>. Москва.

Почувствовав облегчение от болезни, в которой пробыл недели полторы, принимаюсь отвечать.[338] Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее местными красками в таком виде, чтобы они могли послужить в пользу твоему «Вечному Жиду»*. Знаешь ли, какую тяжелую ты мне задал задачу? Что[339] могу сказать я, чего бы не сказали уже другие? Какие краски, какие черты представлю,[340] когда всё уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями? Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие евангельское и без того уже обстанавливается в уме христианина[341] такими окрестностями, которые гораздо[342] ближе дают чувствовать *минувшее* время, чем все ныне[343] видимые местности, обнаженные, мертвые? Что могут сказать, например, ныне места,[344] по которым прошел *скорбный путь* спасителя ко кресту, которые

все теперь собраны под одну крышу храма, так что и св. гроб, и Голгофа, и место, где спаситель показан был Пилатом народу, и жилище архиерея, к которому он был проводим, и место нахождения животворного креста — всё очутилось вместе? Что могут все эти места, которые привыкли мы мерять расстояниями, произвести другого, как разве только сбить с толку любопытного[345] наблюдателя, если только они уже не врезались заблаговременно и прежде в его сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными его очами? Что может сказать поэту-живописцу нынешний вид всей Иудеи с ее однообразными горами, похожими на бесконечные серые волны взбугрившегося моря? Всё это, верно,[346] было живописно во времена спасителя, когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им насажденного дерева, но теперь, когда редко-редко где встретишь пять-шесть олив на всей покатости горы, цветом зелени своей так же сероватых и пыльных, как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленеют посреди этого

обнаженного, неровного поля каменьев[347], да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадетя где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняный горшок, печурку, звериную нору, чем на жилище человека, как узнать в таком виде землю млека и меда?[348] Представь же себе посреди такого опустения Иерусалим, Вифлеем и все восточные города, похожие на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей; представь себе Иордан, тощий посреди обнаженных гористых окрестностей, кое-где осененный небольшими кустиками ив; представь себе посреди такого же опустения у ног Иерусалима долину Иосафатову с несколькими камнями и гротами, будто бы гробницами иудейских царей. Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звезды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских[349] страшный день крестной смерти при помраченьи всего вокруг и землетрясеньи или светлый день воскресенья, от блеска которого помрачится всё окружающее, и нынешнее и минув-

шее? Право, не знаю,[350] что могу сообщить тебе такого о Палестине, что бы навело тебя на благодатные мысли и побудило бы тебя вдохновенно принять<ся> за перо и свою поэму. Я думаю, что вместо меня всякий простой человек, даже русский мужичок, если только он[351] с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку святой земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно. Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у гроба спасителя, я удостоился приобщиться от святых тайн, стоявших на самом гробе вместо алтаря, — и при всем том я не стал лучшим, тогда как всё земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное. Что могут доставить тебе мои сонные впечатления?* Видел я как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восхожденья солнца, садились мы на мулов и лошадей в сопровожденьи и пеших и конных провожатых; гусем шел длинный поезд через малую

пустыню по мокрому берегу[352] или дну моря, так что[353] с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные[354] копыта,[355] а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище,[356] осененное двумя-тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на полчаса и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть пальм и вместе с ними прорезающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этаким путем до самого Иерусалима. Как сквозь сон, видится мне самый Иерусалим с Элеонской горы, — одно место, где он кажется[357] обширным и великолепным: поднимаясь вместе с горою, как бы на поднятой доске, он выказывается весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленными куполами, которые, отделяясь резко своей белизной от необычно-

венно синего неба, представляют вместе с острями минаретов какой-то играющий вид. Помню, что на этой Элеонской горе видел я след ноги вознесшегося, чудесно вдавленный в твердом камне, как бы в мягком воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты.[358] Еще помню вид, открывшийся мне вдруг* посреди однообразных серых возвышений,[359] когда, выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я[360] уже не ждал ничего [361] — вдруг с одного холма, вдали, в голубом свете, огромным полукружьем предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного, высунувшего<ся> углом блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. Бока его были голубовато-красноватого цвета, дно голубовато-зеленоватого. Никогда не видал я таких странных гор. Без пик и остроконечий, они сливались верьхами в одну ровную линию, составляя повсюду ровной высоты исполинский берег[362] над морем. По ним не было заметно[363] ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливавших

разными оттенками сквозь общий мгlistый голубовато-красноватый цвет. Это вулканическое произведение — нагроможденный вал бесплодных камней[364] — сияло издали красотой несказанной. Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла сонная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни, позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России, на станции. Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая), были действительно землей млека и меда. По всем горам высечены уступы — следы[365] некогда бывших виноградников,[366] и теперь даже стоит только бросить одну горсть земли на эти обнаженные камни, чтобы показались на ней вдруг сотни растений и цветов: столько влажности, необходимой для прозябенья, заключено в этих бесплодных камнях! Но никто из нынешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, переходящими, только на время скитающимися в

сей пораженной богом стране. Только в Яффе небольшое количество деревьев[367] ломится от тягости[368] плодов, поражая красотой своего роста.

Друг, сообразил ли ты, чего просишь, прося от меня картин и впечатлений для той повести, которая должна быть вместе[369] и внутренней[370] историей твоей собственной души? Нет, все эти святые места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие — и все святые окрестности восстанут пред тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать. Какую великолепную окрестность поднимает вокруг себя всякое слово в евангелии! Как беден перед этим неизмеримым кругозором,[371] открывающимся живой душе, тот узкий кругозор, который озирается[372] мертвыми очами ученого исследователя! Не вознегодуй же на меня, если ничего больше не сумел тебе сказать, кроме этой малой толики.[373] Мне кажется, если бы ты сделал то же с библией, что с евангелием, то есть всякий день переводил бы из нее по главе, то святая земля неминуемо бы

предстала бы тебе благословенной богом и украшенной именно так, как была *древле*.

Шевыреву я передал и твой поклон и твою просьбу. Теперь он загроможден делами по университету, которых навалили на него кучу. Но «Одиссеей» он займется непременно, как только сколько-нибудь удосужится. Тем более, что это занятие его много занимает. Что же мне написать тебе об «Одиссее»? Сказавши в первом письме, что много есть в России людей, тебе особенно за нее благодарных, и что она совершенство, я сказал всё. Да и что сказать о труде, в котором все части приведены в такую стройность и согласие? Если бы что-нибудь выступало сильнее другого или было обработано лучше или же отстало, тогда бы нашлись речи. А теперь вся оценка[374] сливается в одно слово: прекрасно! Притом, если даже и хвалить[375] картины, то похвалы все достанутся Гомеру, а не тебе. Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла. Во II томе[376] «Одиссеи» это еще более поразительно, чем в первом. Но прощай. Да поможет тебе тот, кто

один только может быть вдохновителем в труде твоём! Обнимаю тебя всею мыслью, крепко. Бог в помощь!

Твой весь Н. Гоголь.

Обними за меня всё близкое твоему сердцу. Мой адрес: на Никитском бульваре в доме Талызина.

Максимович просит убедительно стихов для альманаха «Киевлянин»*. Хоть двух строчек.

**Черновая редакция окончания
письма к Жуковскому В. А., 28
февраля 1850***

**ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ ОКОНЧА-
НИЯ ПИСЬМА № 148 К В. А. ЖУКОВ-
СКОМУ.**

Сделай с библией то же, что с евангелием: всякое утро переводи по главе, и древняя Палестина, верно, предстанет тебе, как живая, еще прежде, чем доберешься до половины библии.

Друг, не гневайся, если [377] сказанного мною для тебя мало. [378] Я хотел сказать мно-

го — видит бог! Я хотел бы[379] подать тебе братски руку и быть тебе хоть на полпути вожатым.[380] Но вижу, что вожатый один и что к нему прямо нужно обратиться. Он же и приведет.

Обнимаю тебя всюю душою и всех милых твоему сердцу обнимаю также. Не забывай меня. И<...>

Ничего[381] о II части «Одиссеи», [382] право, не знаю, что сказать тебе, [383] сказавши в первом письме, что за нее благодарят все, у кого еще бьется эстетическое чувство. Я всё сказал[384] о труде, который есть совершенство и <в котором> всё приведено в согласие и стройность.[385] Ничего не говорят.[386] Прекрасно, да и только! Если бы одна какая-нибудь часть выступала сильнее другой и была обработана лучше, чем третья,[387] перед друг<ой>, тогда бы еще другое дело. Но когда всё обработано с равной любовью,[388] когда и то, и другое, и третье хоро<шо>, что тут говорить?[389] Все похвалы обращаются[390] к Гомеру. Переводчик поступил так, что его не видишь.[391] Он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется нет стекла.[392]

Во II томе видно это еще ощутительнее, чем [393] в первом. Это ты знаешь и сам.

Всею душой и мыслью обнимаю тебя. Да поможет тебе творец всего прекра<сного> в душах наших!

Твой весь.

**Константиновскому М. А., 28
февраля 1850***

**149. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
28 февраля <1850>. Москва.**

Как вы доехали? Как нашли всё по приезде
вашем во Ржев? О вас нет никаких изве-
стий, и граф Александр Петрович, и я, и все
ваши вам близкие о вас беспокоятся. Дайте
нам о себе одну только строчку. Я между тем,
по желанью вашему, обратился к Шереметье-
вой* с просьбою о девочке вашей. Она была
так добра, что поехала тот же час хлопотать,
и привезла ответ благоприятный: ее можно
поместить, привезя ее в дом Шереметьева к
Варваре Сергеевне Шереметьевой*. Впрочем,
вот записочка от нее самой; ее здесь же при-
лагаю. Уведомьте, пришлась ли по вкусу ва-

шему сыну «Всеобщая история»* и не нужно ли вам еще каких книг? Прощайте, добрейший, близкий сердцу моему Матвей Александрович. Не позабывайте меня грешного в молитвах ваших.

*Вам весь ваш признательный
Николай Гоголь.*

**Соллогубу В. А., 10 февраля 1849 или
2 марта 1850***

**150. В. А. СОЛЛОГУБУ. <Четверг, 10
февраля 1849 или 2 марта 1850.
Москва.>**

Завтра, т. е. в пятницу, около 5 часов, гр<аф>
Толстой ждет вас к блинам. А с ним вместе
и я.

Н. Гоголь. На обороте: Его сиятельству графу В<ладимир>у Александрови<чу> <Солло>губу.[394]

**Шереметевой Н. Н., после 11 марта
1849 или 1850***

**151. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <После 11
марта 1849 или 1850. Москва.>**

Поздравляю вас от всей души! Весьма рад
буду видеть вас завтра, если только вам
свободно. Весь ваш

Н. Г. На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

**Шереметевой Н. Н., после 19 марта
1849 или 1850***

**152. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <После 19
марта 1849 или 1850. Москва.>**

Благодарю вас много. Вашим советом поста-
влюсь воспользоваться. Буду молиться,
просить высокого спокойствия душевного,
[395] без которого не двинется и самая рабо-
та, а вы молитесь, чтобы я умел как следует
молиться и жить. Прощайте. Христос с вами!

Искренно признательный вам
Н. Г.

Не оставляйте уведомлять о себе. *На оборо-*

те: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Булгакову А. Я., 24 марта 1850*

**153. А. Я. БУЛГАКОВУ. Марта 24
<1850. Москва>.**

Несказанно обязан за письмо Жуковского, которое при сем возвращаю с чувствительнейшею благодарностью. Что общий друг наш разгневался на немцев, в том нет ничего удивительного. Но я очень рад, что немецкие стенографические протоколы франкфуртских заседаний* подействовали, как он выражается, благотельно на низшие регионы его телесного состава и на п< · · · > к< · · · >. От этого у него голова становится обыкновенно светлей, и мы можем ожидать из нее выхода еще многого добра.

Ваш весь Н. Гоголь.

**Константиновскому М. А., 24 марта
1850***

**154. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
1850 г. Марта 24. Москва.**

Медлил отсылкою к вам книг по той причине, что нигде не нашел еврейской грамматики на русском или латинском языке. Решился наконец взять на немецком, хоть, может быть, этот язык вам и не так знаком. Впрочем, мне показалось, что в лексиконе есть почти все грамматические принадлежности и объяснения. Если же нет, то вы меня уведомьте; я могу послать в Петербург, куда я уже и послал за грамматикой еврейской, некогда изданной Павским*, которой здесь в Москве нигде не отыскалось. Искренно и от всей души желаю я вам успехов в священном языке, утешаю себя мыслию, что, отыскивая какое-нибудь слово в лексиконе, вы помолитесь и обо мне, грешном, чтобы бог спас мою душу, несмотря на всю мою леность в делах спасения. Несказанно благодарю вас за уведомления о себе и о домашних. Не пере-

ставайте хотя изредка давать о себе весть.
Граф и графиня посылают вам поклон.

Весь ваш Н. Гоголь.

Прокоповичу Н. Я., 29 марта 1850*

**155. Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ. Март 29
<1850>. Москва.**

На твое письмо не отвечал в ожиданьи лучшего расположения духа. С нового года напали на меня всякого рода недуги. Всё болею и болею; климат допекает; куды убежать от него, еще не знаю; пока не решился ни на что. Рад, что ты здоров и твое семейство также. По-настоящему следует позабывать свою хандру, когда видишь, что друзья и близкие еще, слава богу, здравствуют. Впрочем, и то сказать: надобно знать честь. Мы с тобой, слава богу, перешли сорок лет и во всё это время ничего не знали, кроме хорошего, тогда как иных вся жизнь — одно страдание. Да будет же прежде всего на устах наших благодарность. Болезни приостановили мои занятия «Мертв<ыми> душам<и>», которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а мо-

жет быть, и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не поднимаются руки. Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какого-нибудь переходного современной минуты,[396] а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие. Уведоми меня о себе. Всё же и в твоей жизни, как дни ее, по-видимому, ни похожи один на другой, случится что-нибудь не ежедневное: или прочтется что-нибудь, или услышится, или само собой, как подарок с неба, почувствуется такая минута, что хотел бы благодарить за нее долго и быть вечно свежим и новым в своей благодарности. Адресуй по-прежнему: в дом Талызина на Никитском бульваре. Супругу и деток обними.

Твой весь Н. Гоголь.

Жуковскому В. А., март 1850*

**156. В. А. ЖУКОВСКОМУ. <Март
1850. Москва.>**

В дополнение к письму моему о местностях Палестины, ознаменованных стопами спасителя, посылаю тебе при сем прилагаемую замечатель<ную> книжку:[397] «Иисус Христос на Голгофе»*. Автор ее скрыл свое имя, не скрывши только того, что он много перечел по этому предмету и еще более, может быть, перечувствовал. От души буду рад, если книжка придется по душе. Всё в Москве тебе кланяется.

Твой весь Н. Г. На обороте: Василию Андреевичу Жуковскому.

Гоголь Е. В., март-апрель 1850*

157. Е. В. ГОГОЛЬ. <Март — апрель
1850. Москва.>

Хоть ты и пишешь, милая сестра Елисавета, что у тебя, куча занятий, но все-таки будет недурно, если ты сверх этой кучи возьмешь на себя хоть одну грядочку и сама своими руками разведешь для меня хоть репы на соус. [398] Ты жалуешься, что тебя никто не любит, но какое нам дело, любит ли нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы? Умеем ли мы любить? А платит ли нам кто за любовь любовью; это не наше дело, за это взыщет бог, наше дело любить. Только мне кажется, [399] любовь всегда взаимна. Если только мы стараемся делать что-нибудь угодное и приятное тому, кого любим, ничего от него не требуя, ничего не прося в награду, то наконец полюбит и он нас. Стало быть, размысли об этом, моя добрая и временами весьма неглупая сестра, не в тебе ли самой причина. Над собой нужно бодрствовать ежеминутно. Надо стараться всех любить, а не то в сердце явит-

ся такая сухость, такая черствость, такое озлобленье, что потом хоть бы и хотел кого полюбить, но уже не допустит к тому сухость черствая, поселившаяся в сердце и не дающая места в нем для любви. И натура наша делается только раздражительная, но не любящая. Брату твоей доброй подруги — будущему архитектору — книгу с рисунками церковей пришлю. Я не забыл.

Твой Н. Г.

Насчет помещенья Эмилии, кажется, нет никакой надежды. На что, признаюсь, не очень горюю. Общественные женские[400] заведения вообще дурны, а теперь стали еще хуже. Тому, что всего нужней, везде учат плохо. Вижу и удостоверяюсь всё более, что женщина воспитывается только в семье. *На обороте:* Елисавете Васильевне.

**Марковичу А. М., апрель 1849 или
1850***

**158. А. М. МАРКОВИЧУ. <Апрель 1849
или 1850. Москва.>**

Христос воскрес!

Обнимаю вас крепко и поздравляю, а порученья не исполнил. Во-первых, потому, что домой возвратился поздно ввечеру и доселе не видался ни с кем из приятелей, посредством которого можно б достать билет. Ни с кем из нынешних театральных служащих я не в сношении. Через Щепкина я мог достать билет в его бенефис. Очень жалко, что не могу на этот раз прислужиться. Прощайте. Впрочем, надеюсь если не сегодня, так завтра с вами повидаться.

Весь ваш Н. Г. На конверте: Александру Михайловичу Маркевичу.

**Шереметевой Н. Н., апрель 1849 или
1850***

**159. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <Апрель
1849 или 1850. Москва.>**

Воистину воскрес!

Благодарю вас много за память обо мне, за молитвы и за поздравление.

Н. Г. На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Гоголь М. И., апрель 1850*

**160. М. И. ГОГОЛЬ. <Апрель 1850.
Москва.>**

Христос воскрес!

Поздравляю вас, почтеннейшая и многолюбимая матушка, с радостнейшим для всех нас праздником! Письма, и ваше и сестер, получил. Посылок, пожалуста, никаких не присылайте. Варенья и в Москве довольно. Вместо того, посылаю вам семян для огорода и конфетов.[401] Тут же и книжка с полным наставленьем, как обходиться с посевом всякой зелени и кореньев. Анне Васильевне и

Николаю Павловичу* поручаю особенно заняться этой частью. Бог да хранит вас! Будьте здоровы!

Ваш сын Н. Г.

Иванову А. А., апрель 1850*

**161. А. А. ИВАНОВУ. Москва. 1850.
Апрель.**

Христос воскрес!

Что вы, бесценный, добрый Александр Андреевич, позабыли меня вовсе? Вот уже скоро год, как я не имею о вас ни слуху, ни духу. На последнее мое письмо вы не отвечали*. Может быть, оно не дошло к вам. Напишите мне[402] слова два о намереньях ваших, не встретимся ли мы с вами где-нибудь хоть на Востоке, если вы не располагаете[403] приехать скоро в Россию. Пронеслись слухи о вашей картине*, что она будто бы совершен<но> окончена. В таком случае вы ее, верно, отправите в Петербург, а, может быть, и сами лично поспешите вслед за нею. Мне будет очень жаль, если как-нибудь с вами разъедусь. Адресуйте ко мне в Москву или на имя Шевыре-

ва в университет, или на квартиру мою в доме Талызина на Никитском бульваре.

Ваш весь Н. Г.

Моллеру*, пожалуйста, передайте мой душевный поклон и скажите ему, что я прошу и молю его написать хоть строчку. Уведомьте также о том, спокойно ли теперь в Риме и не мешают ли вам заниматься.

Плетневу П. А., апрель 1850*

162. П. А. ПЛЕТНЕВУ. <Вторая половина апреля 1850. Москва.>

Христос воскрес!

Поздравляю тебя с наступившим радостным днем! От тебя давно нет вести. Последнее письмо было мое. Если ты опять за что-нибудь сердит на меня, то, ради Христа воскресшего, истреби в сердце своем всякое неудовольствие на человека, всё время болевшего, страдавшего много и душевно и телесно и теперь едва только кое-как поднявшегося на ноги. Обнимаю тебя от души вместе со всеми милыми твоему сердцу и еще раз говорю: Христос воскрес! Собирался было

ехать к тебе в Петербург кое о чем поговорить, кое-что прочесть из того, что написано среди болезней и всяких тревог. Но теперь не знаю, как это будет. Дела матери моей и сестер от неурожаев и голодов пришли в такое расстройство, и они сами очутились в такой крайности, что я принужден собрать всё, какое у меня еще осталось имущество, и спешить сам к ним на помощь. Потрудись взять из ломбарда последний оставш~~ийся~~ мой билет на 1168 руб. серебром со всеми накопившимися в это время (трех, кажется, лет) процентами и перешли их к Шевыреву. Как только всё сколько-нибудь устроится, увидимся, братски обнимемся. Христос посреди нас устроит души наши к радостной встрече. Бог тебя да хранит.

Твой весь Н. Гоголь.

**Константиновскому М. А., апрель
1850***

**163. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
<Конец апреля 1850. Москва.>**

Христос воскрес!

Благодарю вас, бесценнейший, добрейший Матвей Александрович, за ваше поздравление с светлым праздником. Не сомневаюсь, что если приобрела что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и других угождающих богу подвижников. О, если бы он не оставил меня ни на минуту и сказал бы мне путь мой! Как бы хотелось сердцу поведать славу божию! Но никогда еще не чувствовал так бессилья своего и немоци. Так много есть, о чем сказать, а примешься за перо — не подымается. Жду, как манны, орошающего орошенья свыше, все бы мои силы от него двигнулись. Видит бог, ничего бы не хотелось сказать, кроме того, что служит к прославлению его святого имени. Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнью,

как игрушкой, что жизнь — не игрушка. И всё, кажется, обдуманно и готово, но — перо не подымается. Нужной свежести для работы нет. И (не скрою перед вами) это бывает предметом тайных страданий, чем-то вроде креста. Впрочем, может быть, всё это происходит от изнуренья телесного, силы физические мои ослабели. Я всю зиму был болен; не уживается с нашим холодным климатом мой холоднокровный, несогревающийся темперамент; ему нужен юг. Думаю опять с богом пуститься в дорогу, в странствие, на Восток, под благодатнейший климат, навеваемый окрестностями святых мест. Дорога всегда действовала на меня освежительно: и на тело и на дух. О, если бы и теперь всемилосердый бог явил надо мною свое безграничное милосердие, столько раз уже явленное надо мною, когда я уже думал, что не воскреснут мой силы, и не было, казалось, возможности физической им воскреснуть! Но силы воскресали, и свежесть появлялась вновь в мою душу. Помолитесь обо мне крепко, крепко, бесценнейший Матвей Александрович, и напишите два словца ваших.

*Ваш вечно вам признательный
Н. Гоголь.*

Максимовичу М. А., апрель 1850*

**164. М. А. МАКСИМОВИЧУ. <Конец
апреля 1850. Москва.>**

Христос воскрес!

Всеконечно, у Аксаковых сегодня. Завтра же мы приглашены с тобой к Погодину.

Твой весь Н. Г. На обороте: Михаилу Александровичу Максимовичу.

**Шереметевой Н. Н., май-июнь 1849
или май 1850***

**165. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ. <Май —
июнь 1849 или начало мая 1850.
Москва.>**

Слава богу, здоровье кое-как идет. Весьма буду рад вас увидеть снова.

Ваш весь Н. Г.

Я пробуду в Москве недолго.

**Неустановленному лицу, после 9 мая
1850***

**166. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ.
<После 9 мая 1850. Москва.>**

Очень жалею, что опять не застал вас дома. Я думал, что вы заглянете навестить больного и по старине провесть денек вместе в погодинском саду, куды я, несмотря на хворость, потащился в надежде обнять всех, привыкших проводить вместе со мной этот день. Но вас и многих других не было. Я еще не уезжаю из Москвы и надеюсь у вас побывать на днях.

Н. Гоголь.

Данилевским А. С. и У. Г., 14 мая
1850*

**167. А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ. 14
мая <1850. Москва>.**

Милые друзья мои, я не писал к вам потому, что мне хотел<ось> сказать вам что-нибудь доброе и утешительное, но покуда его не было*. Я не писал к вам еще потому, что много скорбел и страдал как душевно, так и телесно. И до сих пор не выбрал<ся> из этого состояния. И[404] принимаюсь за перо с тем только, чтобы сказать вам, что теперь не в силах писать. Но если будет мне лучше, напишу к вам на будущей неделе.

Весь ваш Н. Гоголь.

Адрес попрежнему: дом Талызина на Никитск<ом> булева<ре>.

Гоголь М. И., 15 мая 1850*

**168. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. 1850. Мая
15.**

Спеша отправить вам посылку с семенами, которую, вероятно, вы уже получили, я позабыл сказать многое насчет вашего дома. Из писем сестер я узнал, что вы все в нем очень зябли в продолжение зимы. Этому горю следует помочь. Дом надобно весь снова запаковать, выщекотурить, а многое и вновь переделать. Разумеется, это можно сделать только при мне, иначе вновь выдет дурно, потому что ни на каких работников нельзя полагаться. Если мне случится ехать в Константинополь, тогда[405] я могу пробыть с месяц у вас и устроить так, чтобы при мне всё было кончено, а до того времени прошу вас заблаговременно приискивать плотников, щекотурщиков и хороших печников. Отчасти могут вам в этом помочь Тимченковы*, которые еще недавно выстроили дом и кое-что, без сомнения, о них знают. Можете также разузнать в Полтаве от строивших дома. Понадобится

также лес, сухой, давно срубленный. Как жалко, что строенье бывшей фабрики* вами продано в Полтаву: теперь оно было бы весьма кстати. Узнайте, нет ли у кого из соседей готового сруба или амбара из крепких брусьев не совсем старого дерева, которые можно бы приобрести было покупкою, а также хорошего сухого дерева, годного на столярн<ую> работу, на двери и проч., потому что многое придется переменить, а другое прибавить. Всё это имейте в виду, а иное можете и купить, с рассрочкой денег до моего приезде, если недорого и случай может быть пропущен [406], — особенно досок. Обо всем напишите. Желая вам душевно всякого здоровья и ожидая с нетерпеньем известия о том, [407] как [408] началась у вас весна и каковы обещают-ся урожаи, остаюсь ваш многолюбящий сын

Н. Г.

Константиновскому М. А., май 1850*

169. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

<Середина мая 1850. Москва.>

К вам моя сильная просьба, бесценнейший Матвей Александрович: добрая старушка Надежда Николаевна Шереметьева, которую вы встретили у меня и которая с такой готовностью бросилась исполнить просьбу вашу о помещенья девочки в Шереметьевское заведение, после 74-х лет[409] жизни, исполненной добрых дел, скончалась 11-го мая. Она меня любила, как сына, хотя я не сделал ничего, достойного любви ее, и не был к ней даже вполовину так внимателен, как она ко мне. Помолитесь о ней, добрейшая душа, и за себя и за меня. Отслужите по ней панихиду и не позабывайте упомянуть ее имя в то время, когда поминаете имена усопших рабов божиих, вами чаще[410] поминаемых.

Вечно вам признательный и всегда просящий молитв ваших

Н. Гоголь.

Гр<аф> Ал<ександр> П<етрович> Толстой и

графиня вам кланяются.

Гоголь М. И., 24 мая 1850*

**170. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. 1850, мая
24.**

Благодарю вас, добрейшая матушка, за поздравление с протекшими именинами. Радуюсь, что вы были в это время в Диканьке, равно как и встрече вашей с добрым нашим губернатором* и его племянницей.[411] Опечалило меня только известие, что через нашу деревню хотят пролагать дорогу. От этого только новые повинности, новые заботы и разврат, присутствующий[412] всегда в деревнях, находящихся при больших дорогах. Всякая проезжая сволочь будет подуцать и развращать мужиков, которые, слава богу, до сих пор всё еще нравственней других. Доселе деревенька наша, если заманивала меня, так это только тем, что она в стороне от большой дороги. Теперь и эта прелесть для меня готовится исчезнуть. Не предавайтесь также мечтам, будто вы от этого выиграете относительно доходов. Выиграют только торгаши да пе-

реторжники, да жидаы, да содержатели кабаков и постоялых дворов, которые настроятся вокруг вас во множестве и с которыми у вас еще заведутся дела по судам, от чего да сохранит вас бог! Употребите лучше все меры и все силы, чтобы всё то, что вы рассказали губернатору о пользе дороги через нашу деревню, не имело бы никакого действия и осталось бы так только в предположении. Поверьте, что если б даже и случилось выиграть какой-нибудь рубль лишней, то он не выкупит разврата крестьян, за которых вы дадите ответ богу. Лучше думать о том, что есть, хранить то, что есть, благодарить бога за то, чем пользуемся; тогда и взгляд наш будет яснее, и душа покойнее, и хозяйство нечувствительно станет идти лучше. А все эти предположенья в будущем только распаляют воображенье, повергают человека в состоянье вечной тревоги и потемняют взгляд на вещи. Ради Христа, берегите себя от этого тревожно-нервического состояния, которого начала у вас уже есть! Вот и теперь, уже при одной вести о посылке, вам пришла мысль, что это непременно должно быть продолженье моего сочиненья, и вы уже

поспешили предаться радости, и всё позабыто, — позабыто, что я еще в прежнем письме обещал сестрам прислать огородных семян. Лучше,[413] вместо всех этих обманчивых ожиданий, молиться с тихой покорностью и полной доверенностью богу, не покидая своей обычной поденной работы. *«Довлеет дню злора его»*. [414] Этого ни вам, ни мне да и никому не должно забывать.

Вы ничего мне не сказали насчет того, какова у вас стоит погода и каковы удались посева. Это важно тем более, что опасаются во многих местах засухи. Уведомьте также, сколько в этом году высеяно всякого хлеба и на каких местах. В прежнем письме моем, которое, вероятно, вы уже получили, я говорил о потребности перестроить или, лучше, перечинить и обконопатить потеплее[415] дом, чтобы вам можно было в нем проводить сноснее зиму. Я просил для этого иметь в виду сколько-нибудь хорошо высушенного дерева и даже приискать у кого-нибудь из соседей готовый сруб или амбар (с сырого леса никак нельзя) и чтобы сруб состоял из бревен крепкого и прочного леса. На заплату я кое-что

сберег, и если он не дорог, то станет денег и печникам и даже штукатурикам, потому что некоторые комнатки нужно будет, для большей теплоты, внутри выштукатурить. Я просил в том же письме хлопотать о печниках заранее, забрав сведение от тех, которые недавно строили себе дома и были своими печниками довольн<ы>, также позаботиться и об отысканьи плотников, которые, сверх уменья мостить полы, умели бы плотно делать двери и всякую столярную работу около дома. Ожидаю обо всем этом от вас уведомления.

Слухи насчет болезни бывшего харьковского архиер<ея>*, о которых вы пишете, ложны. Он недавно проехал через Москву, и хотя я его не видал, но те, которые его видели, говорят, что он здоров совершенно.

Что же до дурных слухов вообще, то они распространяются теперь обо всех в таком изобилии, как никогда доселе. Теперь время лжей и слухов. И о себе я слышал такие слухи, что волосы могли бы подняться на голове, если б я ими покрепче смущался, — в чем отчасти я виноват: зачем приехал на родину! Мне

больше, чем кому-либо другому, нужно было держаться вдали.

Андрею Андреевичу, когда будете писать, передайте мой душевный, искренний поклон и скажите ему, что нет дня, в который бы я не вспоминал о нем. Дай бог, чтоб дела его устроились хорошо. За его доброту к вам и ко мне я много ему признателен.

Прощайте. Бог да сохранит вас.

Ваш всегда признательный сын Н. Г.

Соллогуб С. М., 29 мая 1850*

171. С. М. СОЛЛОГУБ. Москва. 29 мая <1850>

Слышал и скорбел о посетившем вас горе, добрый друг София Миха<й>ловна! Тот же час принялся за перо, написал всё, что могла сказать на ту пору утешительного вам душа моя. Но письмо замедлило на почту. Я его распечатал, прочел и не отправил. Всё показалось мне в нем слабым и неуместным. О, как ничтожны все утешенья наши в тех сильных скорбях, где утешителем может быть только один утолитель всех скорбей Христос! О, да

воздаст он стократно за вашу скорбь высокими внутренними утешениями! Я слышу, что отложили свой план ехать в Москву; как ни жалко мне не увидеть вас в этот раз, но если Ревель вам лучше и полезней, пусть будет, как богу угодно. Там, по крайней мере, вы встретите Жуковского. Его присутствие, верно, вам будет теперь усладительней, чем когда-либо прежде. Эта и прежде прекрасная душа глубоко созрела в последнее время от скорбей и тех тяжелых испытаний, которыми угодно было богу еще более просветлять ее и возносить к небу. Что касается до меня, то, прохворавши всю зиму в Москве, должен снова пуститься в отдаленное странствие, чтобы провести предстоящую зиму на каких-нибудь островах Средиземного моря, хоть еще и не знаю, какими средствами и как совершу это путешествие. Не для здоровья, но единственно для доставленья себе возможности работать и кончить свою работу. Вижу только, что в России мне не следовало заживаться. Нужно было, не останавливаясь нигде долго, всю ее проехать вдоль и поперек, а зиму провести вдали ее на юге, где голова моя способнее к

работе. Тогда бы и дорога мне сделала пользу и временный отдых на теплой станции. О, как опасно тому, чей удел быть на земле странником, остановиться где-нибудь долее следуемого, сколько искушений, сколько соблазнов воздвигнется вокруг него! Как вдруг готова ворваться в сердце его мерзость запустенья! Мерзость запустенья на том месте, которое должно быть свято! Друг добрый и скорбящий Софья Миха<й>ловна, ваше сердце берегает сам спаситель от всего, что может опозорить его святыню, помолитесь обо мне, не забываящем никого из вас в моих грешных молитвах. Всех перецелуйте. Влад<имиру> Александр<овичу> передайте мое искреннее участие в его утрате. Бог да сохранит вас. Если успеете, напишите хоть две строчки в ответ, адресуя в Москву в дом Талызина на Никитском бульваре.

Ваш весь Н. Г.

Еще раз прошу вас перецеловать ручки обеих графинь, Луизы Карловны и Анны Миха<й>ловны.

Армфельду А. О., май — июнь 1850*

172. А. О. АРМФЕЛЬДУ. <Май — начало июня 1850. Москва.>

Многочтимый Александр Осипович*.

Так как благодеяний о помещении сиротки не совершилось, то благоволите облагодетельствовать присылкой метрического о ней свидетельства. Хоть это и неважное, положим, благодеяние, но всё же без него девочка, что корнет без эполет — то есть не только без доброго имени, но даже вовсе без имени.

Ваш весь Н. Г.

Аксакову К. С., май — июнь 1850*

173. К. С. АКСАКОВУ. <Конец мая — начало июня 1850. Москва.>

Оказывается, что вам очень недурно съездить в Киев, Константин Сергеевич: во-первых, чтобы не обидеть первопрестольной столицы, а во-вторых, чтобы, задавши работу ногам, освежить голову, совершая путь пополам с подседом на телегу и с напуском[416] пехондачка, совокупно с нами, оттопавши [417] дорогу до Глухова, откуда Киев уже под носом, и потом, по благоусмотрению, можете устроить возврат.

Вьельгорской А. М., весна 1850*

**174. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ. <Весна
1850. Москва.>**

Мне казалось необходимым написать вам хотя часть моей исповеди. Принимаясь писать ее, я молил бога только о том, чтобы сказать в ней одну сущую правду. Писал, поправлял, марал, вновь начинал писать и увидел, что нужно изорвать написанное. Нужна ли вам, точно, моя исповедь? Вы взглянете, может быть, холодно на то, что лежит у самого сердца моего, или же с иной точки, и тогда может всё показаться в другом виде, и что писано было затем, чтобы объяснить дело, может только потемнить его. Совершенно откровенная исповедь должна принадлежать богу. Скажу вам из этой исповеди одно только то: я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл весь душой, и состоянье мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать. Оно было еще тяжелее оттого, что мне некому было его объяснить, не у кого было испросить совета

или участия. Ближайшему другу я не мог его поверить, потому что сюда замешались отношения к вашему семейству; всё же, что относится до вашего дома, для меня святыня. Грех вам, если вы станете продолжать сердиться на меня за то, что я окружил вас мутными облаками недоразумений. Тут было что-то чудное, и как оно случилось, я до сих пор не умею вам объяснить. Думаю, всё случилось оттого, что мы еще не довольно друг друга узнали и на многое *очень важное* взглянули легко, по крайней мере гораздо легче, чем следовало. Вы бы все меня лучше узнали, если бы случилось нам прожить подольше где-нибудь вместе не праздно, но за делом. Зачем, в самом деле, не поживете вы в подмосковной вашей деревне? Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это безделица: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже через двадцать лет взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе. Право, это было бы хорошо и для здоровья и веселей, чем обыкновенная бессмыс-

ленная жизнь на дачах. А если бы при этом каждый помолился покрепче богу о том, чтобы помог ему исполнить долг свой, — мы бы, верно, все стали чрез несколько времени в такие отношенья друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, чем я должен быть относительно вас. Чем-нибудь да должен же я быть относительно вас: бог не даром сталкивает так чудно людей. Может быть, я должен быть не что другое в отношении <вас>, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же; вы видите, что отношенья наши хотя и возмутились на время каким-то налётным возмущеньем, но всё же они не таковы, чтобы глядеть на меня как на чужого человека, от которого должны вы таить даже и то, что в минуты огорченья хотело бы выговорить оскорбленное сердце. Бог да хранит вас. Прощайте. Обнимите крепко всех ваших.

Весь ваш до гроба

Н. Гоголь.

Данилевскому А. С., 5 июня 1850*

175. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Москва.
Июня 5 <1850>.

Ты[418] ни полсловечка не отвечал[419] мне, милый друг,[420] на мое письмо*, ни ты, ни Ульяна Григорьевна.[421] Что с вами, здоровы ли вы? Я всё время болел и вследствие того провел праздну всю зиму, что для меня во всех отношеньях, было тяжело и действовало^{<ало>} обратно[422] на расстройство моего здоровья. Опять перебираюсь на юг, на Средиземное море. Дорогу хочу сделать на Малороссию, чтобы еще повидаться с вами. Так как экипажем заводиться скучно, да и расходно по моим обстоятельствам, то я присоединился к Максимовичу, который едет отсюда в Глухов. Итак, если ты будешь в это время близ Глухова, то сделаешь большое одолжение, и себя показавши и меня подвезши. Если же тебя не случится, то обращусь с просьбой к Александру Миха<й>л<ови>чу Маркевичу, авось у него случится как<ая>-нибудь бричонка, а не то пущусь и «на теле-

графе», по выраженью одного станционного зрителя, не обращая вниманья на хворые бока. Прощай. Обнимаю тебя от всей души в ожидан<ии> обнять лично. Около 20 июня, я полагаю, мы уже будем в Глухове.

Твой весь Н. Г.

Стурдзе А. С., 6 июня 1850*

**176. А. С. СТУРДЗЕ. Июня 6 <1850>.
Москва.**

Уже прошло два года с тех пор, как увидались мы в Одессе. Мы виделись мало: час с небольшим. Только прошлись по саду вашего уютного обиталища да едва тронулись в разговоре таких вопросов, о которых хотелось бы душе поговорить подольше. Но, несмотря на то, этот час и эта прогулка остались в памяти моей, как что-то очень отрадное. Может быть, бог приведет меня опять к вам в Одессу. Мои увеличившиеся недуги заставляют меня выехать снова куда-нибудь на юг. Не столько побуждает меня к этому самое сохранение здоровья, сколько желание найти место, где бы можно мне кончить свою работу. Голове

потребно то благодатное освежение, какое бывает у меня только под небом благорастворенного климата. Нынешнюю зиму я провел в Москве очень дурно и ничего не мог работать. Благодаря[423] милосердью божье, конечно, и это дурное время было не без пользы, но как подума<ю> о том усыпленьи и бездействии сил, в какие повергают меня холод и стужа зимы, — заране<е> пробирает[424] страх. Хочу провести три зимние месяца[425] где-нибудь в Греции или на островах Средиземного моря. Где именно — на счет этот решусь, может быть, только в Одессе. Очень меня обрадуете, если несколькими строчками уведомите о себе, адресуя[426] в Полтаву, в деревню моей матери Василевку, где я пробуду, может быть, июль и весь август. Передайте душевный мой поклон Титовым*. Если Репнины* там, то очень меня обяжете, уведомивши словечком о них и передавши им также мой душевный поклон.

Весь ваш, искренно вас уважающий и любящий много

Н. Гоголь.

Гоголь М. И., 9 июня 1850*

177. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. 9 июня
<1850>.

Письмо ваше от 27 мая получил*. Говоря о переделке в доме, я вовсе не разумел совершенную его перестройку, но поправку, переборку полов, перестановку некоторых печей, перемену некоторых дверей и окон, иначе устроить сени и, наконец, щекотурку внутри. Словом, устроить дом так, чтобы вы могли в нем провести эту зиму. Хочу произвести работу при себе потому, что женщины многих вещей никак не сумеют сделать и вовсе не знают, как быть с мастеравыми и чего именно от них требовать. Для этого я занял не какую-либо большую сумму, но рублей 700, не больше, ассигн<ациями>. Можно даже употребить и до 1000. Хотелось мне именно в это лето, потому что есть у меня теперь свободное время. В будущем же году у меня будет много забот других. Если я пробуду в Малороссии, то дня три, не больше, проездом; стало быть, тогда мне не до того. Поэтому прошу

похлопотать только о том, чтобы достать наемных плотников и человека два столяра, для того, чтобы в скорости произвести все те вещи внутри дома, которые я придумал для теплоты, да щекотурщиков. Расспросите только о том, как можно достать досок. Если не иначе, как из Кременчуга, то что будут стоить двухвершковые и полуторные с доставкой продающего, ибо нам высылать своих людей нельзя. Всё нужно сделать руками наемными. Хороший печник будет также нужен, но нужно, чтобы он был испытанный и действительно хороший печник. Конечно, было бы недурно [427] переделать хотя с одной стороны (с северной) пристройку[428] так, чтобы вышла лишняя комната: от этой было бы потеплей всему дому. Впрочем, это еще посмотрим при свидании, которое, если бог даст, может быть в начале будущего месяца, то есть июля.

Аксакову С. Т., 13 июня 1850 1850*

**178. С. Т. АКСАКОВУ. <13 июня 1850.
Москва.>**

Мы с Максимовичем заедем к вам на дороге, то есть перед самым отъездом, часу во втором, стало быть, во время вашего завтрака, чтобы и самим у вас чего-нибудь перехватить: одного блюда, не больше, или котлет, или, пожалуй, вареников, и запить бульоном.

Весь ваш Н. Г.

Иеромонаху Филарету, 19 июня 1850*

**179. ИЕРОМОНАХУ ФИЛАРЕТУ. <19
июня 1850. Село Долбино.>**

Ради самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи божией не может двинуться мое перо, и силы мои не

только ничтожны, но их нет без освеженья
свыше. Говорю вам об этом неложно. Ради
Христа, обо мне молитесь. Покажите эту запи-
сочку мою отцу игумену и умоляйте его воз-
нести свои мольбы обо мне грешном, чтобы
удостоил бог меня недостойного поведать
славу имени его, не посморя на то, что я всех
грешнейший и недостойнейший. Он силен,
милосердый, сделать всё и меня, черного, как
уголь, убелить и возвести до той чистоты, до
которой должен достигнуть писатель, дерза-
ющий говорить о святом и прекрасном. Ради
самого Христа, молитесь. Мне нужно ежеми-
нутно, говорю вам, быть мыслями выше жи-
тейского дрязгу и на всяком месте своего
странствия быть в Оптинской пустыне. Бог да
воздаст вам всем сторицею за ваше доброе де-
ло.

Ваш всею душою

*Николай Гоголь. На обороте: Отцу Филаре-
ту, иеромонаху в Оптинской пустыне.*

Марковичу А. М., 25 июня 1850*

**180. А. М. МАРКОВИЧУ. <25 июня
1850. Глухов>.**

Уведомляю вас, почтеннейший Александр Михайлович, что я прибыл в Глухов благополучно и стораю нетерпеньем вас видеть, но так как товарищ мой, с которым я приехал, не имеет часу времени и торопится отправиться далее, то я вас прошу прислать за мною какой-нибудь экипажец, вроде брички для помещения меня вместе с двумя небольшими чемоданами. В ожиданьи чего остаюсь ваш весь

искренно вам преданный

Н. Гоголь. На обороте: Его высокородию Александру Михайловичу Маркевичу. Н. Гоголь. В Сварков.

Данилевскому А. С., 26–30 июня 1850

*

**181. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. <26–30
июня 1850. Дубровное.>**

Сейчас приехал в Дубровное*. Сижу у окна и люблюсь видом на деревню соседа, напрасно желая хотя сим вознаградить <себя> за неудачный приезд в пустой дом. А подъезжая, так живо воображалась встреча, и вот вместо распахнувшихся дверей и объятий — глиняная стена и закрытые окна, запоры и затворы на всем. Пожалуста, пришли за мной экипаж и лошадей в Березовую-Луку или попроси у Трахимовского*. Я совершенно на безэкипажьи. До тебя доехал, взявши бричку и лошадей у дяди твоего Александра Михай<лови>ча*. Устрой так, чтобы, если мож<но>, отправить лошадей вслед за подателем, так чтобы я мог из Березовой-Луки выехать утром же. Твой, весь сгорающий нетерпением тебя видеть

Н. Гоголь.

Передай душевный поклон[429] и заочный

поцелуй Ульяне Григорьевне и деткам. Трахимовским также.

Марковичу А. М., 27–30 июня 1850*

182. А. М. МАРКОВИЧУ. <27–30 июня 1850. Березовая-Лука.>

Очень вас благодарю за бричку, коней и доброту души. Александра Семеновича не застал в Дубровной, он с супругой в Сорочинцах, а потому, переночевавши, я решился сделать на ваших лошадях еще двадцать верст до места, откуда из Сорочинец должна прибыть подстава. Еще раз приношу благодарность. Люди, лошади и сама бричка вели себя в исправности. Душевный поклон милым и добрым вашим племянницам.

Ваш весь Н. Г.

Гоголь Е. В., 30 июня 1850*

183. Е. В. ГОГОЛЬ. <30 июня 1850. Сорочинцы.>

Я приехал в Сорочинцы благополучно, но в чужом экипаже. Пожалуста, не сказывая матушке, вели заложить коляску и завтра же, т. е. в субботу, пораньше, прежде чем станет светать, часа в 3, выехать за мною, так чтобы в часов в 7 она была здесь. Матушке можешь сказать на другой день поутру: иначе она не будет спать...

Смирновой А. О., 10 июля 1850*

184. А. О. СМИРНОВОЙ. Д<еревня> Василевка. Июля 10 <1850>.

Два бесценные письмеца ваши, добрый друг Александра Осиповна, получил*. Благодарю вас от всей души и от всего сердца за всё. Советами воспользуюсь*. Всё приму в соображение и примусь за написание такого письма, которое бы только[430] изобразило открыто и чистосердечно мое положение и ничего больше. Я думаю, что если только богу

угодно, то всё обделается само собою. Вы сами помните, что я вовсе не просил о том пенсионе, который мне был пожалован неожиданно на время пребывания моего за границей для леченья. Я даже вам не заикался об этом. Но богу угодно было, чтобы вам в одно время вдруг сгрустнулось о моем положении. Он дал вам на то время силу и настойчивость, государю милостивое вниманье ко мне, министру просвещенья* участие и желанье споспешествовать — и всё обделалось. Недели через две вы получите от меня то, что внушит мне мой рассудо<к> и сердце. А их да вразумит бог! О сем молитесь и вы. А насчет чортика и всяких лезущих в голову посторонних гостей скажу вам: просто плюньте на них! Скажите: мне некогда, у меня есть теперь много забот поважнее, в том числе, положим, и дело Гоголя. А еще лучше скажите: у меня есть другие, высшие обязанности: мне нужно благодарить бога за то, что сохранил меня до сих пор, что я еще живу на свете, что жизнь моя еще нужна для добрых дел. Некогда, некогда, сатана, убирайся[431] себе в свою преисподнюю! Он,[432] скотина, убежит, поджавши хвост. Прощайте

до первой оказии. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

Толстому А. П., 10 июля 1850*

185. А. П. ТОЛСТОМУ. Село Васильевка, близ Полтавы. 10 июля <1850>

Спешу написать вам несколько строк. Ехал я, слава богу, благополучно. Небольшие кое-какие неудобства не стоят того, чтобы быть замеченными посреди неисчетного множества благодеяний, которыми дождит на нас неустояющий в даяниях бог. И, право, мне кажется, человеку не о чем помышлять, как только о том, чтобы превратиться в благодарственный гимн и в неумолкаемую песнь ему. Я заезжал на дороге в Оптинскую пустынь* и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует всё небесное. Я не распра-

шивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами всё. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхожденья; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: всё становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители; не забудьте также заглянуть в Малом Ярославце, который вам будет по дороге, к тамошнему игумену, который родной брат оптинскому игумену и славится также своей жизнью; третий их брат игуменом Соровской обители* и тоже, говорят, очень достойный настоятель. Я уверен, что эта обитель оставит у вас, как и у меня, одно из приятнейших воспоминаний.

Если вы еще в Петербурге, то передайте мои душевные поклоны Софье Петровне и обеим вашим искренно мной любимым племянницам Наталье и Марье Владимировнам Апраксиным. Дай бог, чтобы они все были здоровы и преуспевали во всем, что возвышает душу человека. Скурыдину и Бурачку пере-

дайте также мои заочные поклоны. Не позабудьте и преосвященного Евсевия*, которого, вероятно, вы иногда видаете, и напишите хоть строчку, в каком бы расположении духа она ни написалась.

Спросите у Натальи или Марьи Владимировны, не оставил ли я у них в Неаполе трех тетрадей с видами Палестины. Если на случай они в Петербурге, то я бы попросил их переслать мне в Полтаву.

На днях буду писать к вам, может быть, больше и обстоятельней, а особливо если получу что-нибудь от вас.

Шевыреву С. П., 10 июля 1850*

**186. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Д<еревня>
Василевка. Июля 10 <1850>.**

Я прибыл в деревню матушки довольно благополучно и спешу к тебе написать несколько строчек, добрый друг. Зейдлицкие порошки получил, хотя слуга твой не догадался заключить их в деревянный ящик, без чего всё, как известно, на почте истирается в прах, что случилось и с ними. Впрочем, покуда, слава богу, нет в них надобности. Недели через две после этого письма предстанет к тебе племянник мой Трушковский. Он, узнав, как теперь трудно приютиться*, желает идти по восточным языкам и ехать в Казань. Поэтому прошу тебя убедительно снабдить его письмами к тамошним профессорам. Если[433] кто-нибудь из московских в сношении с ними, то проси его. Может быть, Погодин замолвит также от себя. Словом, употреби свою обычную благодетельную доброту к открытию ему пути и не оставь в то же время напутственным своим совет<ом>, как ему быть

в студентском бытии. С ним напишу тебе больше, а теперь обнимаю тебя заочно всюю силою души.

Твой весь Н. Г.

Софии Борисовне* душевный братский поклон. Всех целую заочно.

Григорову П. А., 18 июля 1850*

**187. П. А. ГРИГОРОВУ. 1850. Июля 18.
<Васильевка>.**

Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье. Окажите, почтеннейший и добрейший отец Петр*, такое же расположение и к подателю письма сего, юноше, слава богу, еще самых добрых наклонностей, племяннику моему, едущему оканчивать ученье свое по части восточных языков в Казанский университет, Николаю Павл<овичу> Трушковскому. Покажите ему всё в вашей обители. Мне бы хотелось, чтобы она и в нем оставила самое благодатное воспоминанье, чтобы он помнил, что есть берег, куда можно пристать и быть безопасну от са-

мых сильных кораблекрушений. Передайте от меня радушный поклон всей братии, начиная с достойнейшего отца игумена, и попросите молиться их всех о мне.

Весь ваш Н. Гоголь.

Прилагаю при сем 10 р. серебром на молебствие о благополучном моем путешествии и о благополучном окончании сочинения моего, на истинную пользу другим и на спасенье собственной души моей. Об этом попрошу вас попросить всех преуспевших в молитвах и в особенности отца игумена.

Смирновой А. О., 18 июля 1850*

**188. А. О. СМИРНОВОЙ. Июль 18
<1850>. Д<еревня> Василевка близ
Полтавы.**

Посылаю вам всё, что мог придумать. Письмо это доставит вам племянник мой Трушковский, юноша, едуций в Казанский университет продолжать там свое учение по факультету восточных языков. Дело вот в чем: я нахожусь в каком-то нравственном бессилии. Пробовал писать к наследнику, но

так стало совестно всё просить и просить, всё забирать вперед, не сделавши ничего, что перо не поднялось. Писать официальную просьбу к министру о пашпорте с присоединением свидетельства от врачебной управы мне неприлично*: я человек не служащий и этим формам не подлежу. Притом же я в России все-таки известнее какого-нибудь инспектора врачебной управы, которого подкупное свидетельство большему подвержено сомнению, чем мое собственное. Дело в том, что так как уже самое положение мое несколько необыкновенно и не похоже на положенье других людей, то и поступить я должен несколько необыкновенно. Я написал письмо* к министру внутр<енних> дел*. Если же найдете его более приличным министру просвещения*, то пусть оно будет к министру просвещения. Если ж Орлову*, то пусть будет к Орлову. Я выставил только сиятельство. Они все трое сиятельные. Если ж никому нейдет оно в особенности, то дайте каждому из них по копии, сказавши, что Гоголь, совершенно не зная, к кому из них обратиться, по причине несколько необыкновенной своей просьбы, выходя-

щей из предела установленных порядков, заботился только о том, чтобы изложить обстоятельно и откровенно свое положение, в уверенности, что они как истинно благородной души люди,[434] любящие добро земли своей, не откажут в покровительстве тому, который также от всей души хотел бы принести ей дань и от себя по мере небольших сил своих. А, может быть, недурно будет и так: посоветовавшись прежде с гр<афом> Толст<ым>*, с которым вы обо мне уже совещались (которому передайте душевный поклон), обратить это письмо к наследнику, сделавши такой приступ: «Ваше импер<аторское> высочество! Все мне присоветовали принять смелость обратиться прямо к вам и чистосердечно изъяснить свое полож<ение>», и вслед за этим всё как есть письмо, выбросивши только то, что неприлично. Я думаю, что редакцию этого [435] может по расположенью своему ко мне сделать наилучшим образом гр<аф> Т<олстой>. Я же не знаю ни полного титла, ни форменных условий пись<ма>, а что самое главное, ничего не могу написать начисто, ошибаюсь беспрестан<но>, пропускаю, не дописы-

ваю, приписываю, надписываю сверху, испорчу десть бумаги и ничего не сделаю. Я думаю, что мое дело только изобразить свое положение и сделать его очевидным другом. Остальное всё управит бог. Он, верно, внушит и вам, и Т<олстому>, и всякому другому, с кем бы вы нашли нужным обо мне посоветоваться, именно то, что нужно. Тогда я могу написать от себя небольшую вроде официальной просьбу только к министру внутр<енних> дел. Впрочем, уведомьте меня об этом двумя-тремя небольшими[436] строчками. Ваш
весь

всегда вас любящий всюю силою души своей
Н. Гоголь.

Шевыреву С. П., 18 июля 1850*

**189. С. П. ШЕВЫРЕВУ. 18 июля <1850.
Васильевка>.**

Податель этого письма — племянник мой Николай Трушковский, о котором я уже тебе писал в прошлом письме моем. Снабди его, добрый друг, какими можешь рекомендациями и письмами к казанским профессорам по факультету восточных языков, к которым он возымел охоту. Этим ты сделаешь истинное добро, потому что юноша чистой души и самых хороших расположений. Я еще сижу в Малороссии и поднимаюсь на юг не раньше, как через полтора месяца: жары невыносимые. Нет сил ни работать, ни даже лечиться; одно, что решаюсь употреблять, — это купанье. Я думаю, ты им также пользуешься. Засухи непомерны, но при всем том бог спас от полного неурожая. Чьими-то святыми молитвами вызванный дождь вдруг пошел назад тому недели полторы, продолжался всего полдня и спас весь край. Нужно жить с землей и видеть здесь на месте, как достается хлеб,

чтобы выучиться хоть сколько-нибудь благодарить бога. Но боже, боже! как мало мы достойны благодеяний, как скоро привыкаешь ко всему, как склонен к неблагодарной бесчувственности бедный человек. Как нечувствительно он отдаляется, от бога даже и тогда, когда еще думает, будто с ним. О, храни нас святая сила! и тебя, и меня, и весь дом твой! Передай душевный братский поклон Софии Борисовне и обними за меня деток.

Твой весь Н. Г.

Репниной Е. П., 1 августа 1850*

190. Е. П. РЕПНИНОЙ. 1 августа 1850>. Деревня Васильевка близ Полтавы.

Берусь за перо напомнить вам о своем существовании, добрейшая княгиня Елисавета Петровна*. Удрученный снова всякого рода недугами, я, может быть, приеду в Одессу с тем, чтобы оттоле пуститься в климаты теплейшие. А, может быть, придется пробыть в Одессе и часть зимы. Во всяком случае, я бы хотел знать, остаетесь ли вы эту зиму в Одес-

се, равномерно и княгиня, ваша маминька*, и княжна Варвара Николаевна (которым всем прошу передать мой душевный поклон, князя* обнимите). Известите меня об этом двумя-тремя строчками, адресуя в Полтаву. Без вас Одесса представляется мне крайне пустынной, и нет никакого позова ехать.

Весь ваш Н. Гоголь.

Смирновой А. О., 20 августа 1850*

191. А. О. СМИРНОВОЙ. Августа 20 <1850>. Д<еревня> Василевка.

Письмо ваше, добрый, бесценный друг Александра Осиповна, получил вместе с двумя проектами официальных писем*. Мне кажется, что и вы и Толстой* совершенно правы. Хочу поступить совершенно так, как вы придумали, хоть и не знаю, даст ли мне это исполнить какая-то непостижимая лень и неохота писанья. Вы сами знаете, как гадко хлопотать о самом себе и особенно просить, [437] когда со всех сторон все просят денег, точно нищие, и кругом обируют государя. Просто не подымается рука. И кажется, ка-

кой-то голос говорит: «Тебе бы не следовало об этом хлопотать. Тебе бы хоть одному следовало бы сделать свое дело честно, не забывая вперед платы». Впрочем, чтобы не считали меня капризным, я употреблю все силы переписать оба письма, смягчивши требования[438] вспоможенья и напирая только на то, чтобы стало ясно мое положение; препровожу оба письма к Плетневу, чтобы он передал их Олсуфьеву*, хоть это всё и будет уже поздно, потому что наследник, вероятно, уже будет в это время в дороге. Нужней всего мне теперь просто хлопотать о пашпорте, потому что за этими письмами прошло много времени и боюсь крайне опоздать. Мне нужно непременно эту зиму хорошенько поработать в ненатопленном тепле, с благодатными прогулками на воздухе[439] благорастворенного юга. И если только милосердный бог приведет мои силы в состоянье полного вдохновения, то второй том эту же зиму будет готов. Вы сами знаете, что бывают времена, когда в один день больше делается, чем в месяцы. От Стурдзы я получил на днях из Одессы весьма милое письмо с дружелюбным зазывом в

Одессу*. Если бы Одесса сделалась хоть на этот год Коринфом или Байрутом, с какой бы я радостью остался в России! Весной увидался бы с вами раньше обыкновенного, май — в Москве, июнь, июль и август устроили бы где-нибудь на морских водах близ Реве<ля> или Риги в совокупности с Жуковс<ким> с присоединением Плетнева. Там прочитали бы совокупно написанное, а сентябрь и октябрь — в Петербурге, для печатанья и окончательного устроенья дел. В Одессу я выезжаю не раньше 15-го сентября, стало быть, вы еще можете дать о себе весточку в Полтаву, а после[440] этого числа адресуйте, для лучшей верности, к Стурдзе. Репнины также в Одессе и, кажется, остаются там всю зиму.

Прощайте! Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

Напишите, чем занимаетесь. Вразуми, вас бог найти занятие и физическим силам: какую-нибудь рукопашную работу на вольном воздухе. Я телом не очень здоров, но голова, слава богу, вся сидит во 2 томе.

Толстому А. П., август 20 1850*

192. А. П. ТОЛСТОМУ. Август 20
<1850>. Д<еревня> Василевка.

Благодарю вас много, добрейший Алексан<др> Петрович, за ваше обстоятельное и любопытное письмо. Все известия, вами сообщенные, были для меня очень интересны. Очень бы я хотел взглянуть на сочинение Neale*. Стыд, однако же, нашему духовенству, если оно не будет скоро переведено на русский язык. Исторические разысканья о таком важном предмете особенно полезны молодым священникам, заставляя их нечувствительно пристращаться к своему делу, прежде чем собственные душевные бури и события заставят почувствовать всю святость своего званья. Книгу эту следовало бы даже издать великолепно, так, чтобы и самые гаеры почувствовали, что это должно быть что-то важное. Очень жалею, что не попало мне также в руки русское сочинение *о служении и чиноположен<ии> правосл<авной> церкви с планами*. Не знаю, отыщу ли ее в Одессе. Жаль, если

Пальмер* не напишет своего путешествия по Востоку.[441] Это была бы нужная книга. Под этим именем можно многое сказать в уши тем, которые не читают книг под другими заглавиями. 2-го тома Святогорцев я также не имею* и надеюсь отыскать в Одессе. От Стурдзы я получил на днях весьма милое и дружеское письмо с гостеприимным зазывом в Одессу. Если бы Одесса была хоть сколько-нибудь похожа климатом на Неаполь, разумеется, я и не подумал бы о выезде за границу. Но голове и телу моему необходим, и особенно во время работы, благорастворенный воздух и ненатопленное тепло. А мне нужно всю эту зиму поработать хорошо, чтобы приготовить 2 том к печати, приведя его окончательно [442] к концу. Покуда, слава богу, дело идет еще недурно. Когда я перед отъездом из Москвы прочел[443] некоторым из тех, которым знакомы были, как и вам, две первые главы, оказалось,[444] что последующие сильнее первых и *жизнь* раскрывается, чем дале, глубже. Стало быть, несмотря на то, что старею и хирею телом, силы умственные, слава богу, еще свежи. А при всем никак не могу быть

уверен за работу. Если не поможет бог, ничего не выйдет. Никогда еще не чувствовал так ясно, как теперь, что за всякой строкой следует взывать: Господи, помилуй и помоги! Если паче чаяния не выеду из Одессы за границу, а поворочу в южный Крым, то увидимся раньше. Но во всяком случае вернее то, что в Москве буду весной.[445] Впрочем, всё будет так, как распорядится бог. До 15 числа сентября адресуйте в Полтаву, а после в Одессу. Затем

ваш весь Н. Гоголь. На обороте: Графу Александру Петровичу.

Толстой А. Г., 30 августа 1850*

**193. А. Г. ТОЛСТОЙ. 30 август<а
1850>. Д<еревня> Василевка.**

Перед выездом моим в Одессу спешу написать вам несколько строчек, добрейшая графиня. Граф пишет ко мне, чтобы между прочим известить его о времени моего прибытия в Москву. На юге буду стараться пробыть сколько возможно менее времени, но всё не думаю, чтобы раньше весны мог[446] доставить себе приятность свиданья с вами. Вас хочется видеть как можно скорее — вот всё. Прочее устроит бог. Будьте так добры: препроводите одно письмо к графу, а другое к Скурыдину. Я сам не знаю, как адресовать. Тот и другой, обрадовавши меня самыми приятными письмами*, а своих адресов оба не сказали. О графе знаю только, что он был на пункте выехать из Петербурга, но где теперь с вами или опять отправился в дорогу, этого не знаю. Очень обрадуете меня, если хоть несколькими строчками известите и о себе, и о нем, и о всем, что вам близко. Князю*, если

увидите его, передайте мой глубочайший поклон. Затем бог да хранит вас. Не забывайте меня и прощайте.

Ваш весь Н. Гоголь.

Адресуйте в Одессу *Poste restante* или[447] на имя его превосходительства Александра Скарлатовича Стурдзы, или, еще лучше, на имя княжны Варвары Николаевны Репниной (Стурдза, кажется, теперь в отлучке).

Стурдзе А. С., 15 сентября 1850*

**194. А. С. СТУРДЗЕ. Сентября 15
<1850. Васильевка>.**

После разных странствований приехавши в Полтаву, нашел я там бесценнейшее письмо ваше, добрейший и почтеннейший Александр Скарлатович. Не говорю вам о том, как получить его мне было отрадно. Хотел было тот же час вам отвечать и благодарить за дружелюбное ваше расположение, но, перечтя в другой раз, увидел, что ответ пролежит в Одессе даром по причине отлучки вашей (как пишете, до самого октября). Вследствие этого отложил и пишу теперь. Свиданье с вами ме-

ня радуется много. Благословенны те чистые стремленья к святому, вследствие которых люди становятся родными и близкими друг другу! Как надежны, как неразрывны становятся тогда наши[448] связи! Не нужно и стараться тогда быть милым другому; сам собою становится мил человек человеку. Душевно бы хотел прожить сколько можно доле[449] в Одессе и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе. Кроме свойства[450] родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной. Но на беду пребыванье в ней зимою вредно для моего здоровья. Не столько я хлопочу и грущу о здоровье, сколько о том, что в это время бываю неспособен к работе. Последняя зима в Москве у меня почти пропала вся даром. Между тем вижу, что окончанье сочиненья моего нужно и могло бы принести пользу.[451] Много, много, как сами знаете, есть того, что позабыто, но не должно позабы-

ваться, что нужно выставить в живых, говорящих примерах — словом, много того, о чем нужно напомнить нынешнему современному человеку и что принимается ушами многих только тогда, когда скажется в высоком настроении поэтической силы. А сила эта не подымается, когда болезненна[452] голова. Обыкновенно работается у меня там, где находится ненатопленное тепло, где я могу утреннее утруждение головы развеять и рассеять послеобедним пребыванием и прогулками на благорастворенном теплом[453] воздухе; без того у меня голова на другой день не свежа и не годится к делу. Но верю, что бог властен сделать всё, и его милосердию нет границ: может и под суровым воздухом Черного моря, в[454] самой Одессе, всё еще холодной для меня, найти свежее расположение духа — и тогда, разумеется, я ни за что не выеду за границу, с[455] радостью проведу несколько месяцев с вами, в ожидании чего

ваш весь Н. Гоголь.

Благодарю много добрейшего Неводчикова* за его милую приписочку в вашем письме. Нет, я его не позабыл и помню: такое радуш-

ное участие и такое доброе расположение не позабываются. Прошу вас также передать преосвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастырское благословенье. Благословенье пастыря есть уже само по себе благодатный подарок, а соединенное с тем любовным чувством сердечного участия, с каким верно оно соединилось у него, вдвойне благодатно. Не забудьте также передать поклон мой о. М. Павловскому* и всем, кто меня помнит.

Если поможет бог, то первых чисел октября полагаю быть в Одессе.

Минстер П. Ф., 23 сентября 1850*

**195. П. Ф. МИНСТЕР. 23 сентября
1850 <Васильевка>.**

От всей души и от всего сердца поздравляю вас с днем вашего ангела. Хоть и не удалось мне присутствовать лично на вашем празднике, на который, как я слышал, съедутся подруги-институтки, но весело и заочно участвовать в вашем веселии. Знаю по опыту, что нет торжественней того торжества, когда собираются школьные друзья-товарищи провести день вместе. Дни эти — дни молодости нестареющей. Храните же свято, неизменно и до конца дней чистое пламя дружбы, какое бы ни встретили вы охлаждение, как бы вам ни показалось, что изменились к вам отношения других людей; пребудьте сами неизменны, и вы с избытком будете награждены потом от них же, а жизнь ваша украсится многими прекрасными днями. Всё здесь тленно, всё пройдет — одни только милые узы, связывавшие нас с людьми, унесутся с нами в вечность. Ни на одну минуту не следует нам

здесь позабывать того, что жизнь нам дана для любви и что мы сами — творенье божьей любви к нам. Желая от души поболее в этот день веселиться, остаюсь ваш всегда

Н. Гоголь. На обороте: Поликсене Федоровне Минстер. От Гоголя.*

Смирновой А. О., 26 октября 1850*

196. А. О. СМИРНОВОЙ. Одесса. 26 октября <1850>.

Приехавши в Одессу, сию же минуту, не откладывая дела в долгий ящик, пишу к вам*. Ваше письмо получил* еще в Малороссии, перед самым моим выездом. Хоть и говорите вы, что оно писано в вялом и пошлом расположении духа, но оно мне было так же приятно и отрадно, как все ваши письма. Великое дело, когда душа сродни душе: в каком бы растрепанном и неопрятном виде ни вышел, хоть и при нужде бывают строки, все-таки увидишь в них того же человека, которого любишь. Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособ<ий> и выезда*. Точно, я плохо распорядился. Такая находит

лень по этой части, что просто не могу с со- бой сладить, хоть и силюсь давать себе шпю- ры и понукан<ья>. Может быть, придется остаться в Одессе и всю зиму, хоть и страшат меня здешние ветры, которые, говорят, зимой невыносимо суровы, но сила моря была так полезна моим нервам.[456] Авань-либо и Чер- ное море хоть сколько-нибудь будет похоже на Средиземное. Что бы вам прожить зиму в Одессе! Мы бы опять трягнули стариной, вспомя Ниццу и всякие приятные встречи, после долгих скитаний. Беда только, что вре- мя становится позднее и дороги гадки. Я успел уже видеть Стурдзу, хоть и на весьма короткое время. У него кучи новостей о Восто- ке и обо всем, для нас интересном, но выслу- шиванье я отложил до другого врем<ени>, желая поскорей вам нацарапать несколько строк. Не взыщите за царапанье. Прощайте и не забывайте меня.

Весь ваш Н. Гоголь.

Гоголь М. И., 28 октября 1850*

197. М. И. ГОГОЛЬ. 28 окт<ября 1850.
Одесса>.

С большим трудом добрался я или, лучше сказать, доплыл до Одессы. Проливной дождь сопровождал меня всю[457] дорогу. Дорога невыносимая. Ровно неделю я тащился, придерживая одной рукой разбухнувшие дверцы коляски, а другой расстегиваемый ветром плащ, и в это время убедился еще более в том, что нужно держаться раз принятого правила: выезжать до 15 октября, а с 15-го сидеть на месте и не отваживаться в дорогу. С 15 октября решительно все дни *критические*. Если и покажется несколько теплых дней, то они уже не в состоянии поправить раз испортившуюся<ся> дорогу. Еще не могу вам сказать ничего решительно относительно[458] отъезда.[459] Из Константинополя пришедшие вести, что там не так спокойно, заставля<ют> меня призадуматься, ехать ли в этом году. С другой стороны, оставаться в Одессе тоже не весьма заманчиво для моего некрепкого здо-

ровья. Климат здешний, как я вижу, суров и с непривычки кажется суровой московского. Я же, в уверенности, что еду в жаркий климат, оставил свою шубу в Москве. Но, положим, от внешнего холода можно защититься, как защититься от того, который в здешних продувных домах? Боюсь этого потому, что это имеет большое влиянье на мои занятия. Вообще в этом году я весьма поздно распорядился со всеми моими делами, и причиною этому лень, одолевшая мною в Малороссии. Нечувствительно[460] я выучился откладывать до завтрашнего дня, чего у меня прежде никогда не было. Это самая скверная и губительная привычка. Замечанье это для сестер, которые, пока молоды, еще не могут чувствовать всю ее гадость. Особенно не нужно отлагать исправленья себя в чем-либо уже замеченном, но нужно начинать его с сегодняшнего дня, а не с завтрашнего. Человек нечувствительно с летами набирает столько гадостей, что сам не ловит себя заблаговременно на всех мелочах. Можно сделаться нечувствительно из доброго несносным для всех. Уведомьте меня, говорили ли вы Юркевичу* за лес, который возле

Черныша*, пришло ли разрешение продавать его? Хорошо бы воспользоваться перевозкой в то время, когда дороги еще хороши. Прощайте. Прилагаю при сем два письмеца* — к Андрею Андреевичу и Дмитрию Анд<реевичу>. Передайте поклон мой отцу Антону*, Ивану Григор<ьевичу> Крикуневичу* и Немченко*. Обнимаю вас всех.

Гоголь А. В., октябрь — ноябрь 1850*

198. А. В. ГОГОЛЬ. <Конец октября — начало ноября 1850. Одесса.>

Я не сержусь на тебя и даже не удивляюсь твоему отъезду потому что ты еще ни одного разу меня не послушалась. Я вовсе не забочусь о том, чтобы мои советы исполнялись, уверенный, что бог всё строит к лучшему. Так и теперь могут тебе представиться многие обязанности, важнейшие тех, которые были бы дома. Но я только прошу тебя, ради бога, обрати сама внимание на самую себя. В твоём характере, незаметно от тебя самой, вырастает строптивый дух своеволия и непокорства. Покорись хоть себе, если

не хочешь никому покориться. Говорю тебе, что, если не приобретешь той милой кротости, того радушного желанья всем служить, всем угождать, думать о других, позабывши себя, которые одни только придают неизъяснимую прелесть всем движен<ьям> женщины и на лицо кладут постоянную ясность, — ты никому не понравишься и не исполнишь тем обязанностей, о которых помышляешь. Я заметил в этот приезд, что все тебя гораздо менее стали любить, чем прежде; да и я сам не без болезненного чувства приметил, что и вид твой и все движенья и ухватки стали черствей, неприятней и начали более отзываться чем-то ухарским. Повторяю тебе: ради Христа, о себе уже не говорю (не говорю: «ради меня», это можно сказать только тому, кто искренно и сильно нас любит), но ради Христа, обрати вниманье на самую себя. Может быть, после будет поздно. Выбросивши из себя эгоизм, только умеющий <строить> всякие воздушные замки в будущем для самой себя, гляди на себя так, как бы ты рождена была служить другим, всем, всем, теперь же, в нынешнюю минуту, всем, хоть бы это служенье

состояло в том, чтобы подать прежде всех стакан воды или поднять платок. Ты взяла себе престранную методу, чтоб не дать над собой власти другому или кто тебя пониже, перечить, не уступать. Этим только против себя вооружишь и самую себя испортишь. Мне не нравилось твое обращение ни с сестрами, ни даже со слугами. Бей всех лаской и любовью, если хочешь их себе покорить, и как бы кто ни поступал с тобой, употребляй все силы, чтобы в лице тво*ем* выражалось постоянно ласковое и любовное к нему расположение, как бы ты даже и не заметила, что он тебя обидел. Бог тебя да вразумит; прибегай к нему самому теперь за советом, мне отныне уж нечего тебе говорить, да <и> не о чем больше. Молю тебя, вот и всё. Молись и ты обо мне.

Твой брат Н. На обороте: Любезной сестре Анне.

Шевыреву С. П., 7 ноября 1850[461]*

199. С. П. ШЕВЫРЕВУ. 7-го ноября
<1850>. Одесса.

Благодарю тебя много и много, бесценный друг, за твои заботы о моем племяннике. Поблагодари также и Погодина. Он устроился в Казани, очень хорошо и, кажется, им остались все довольны. Денег ему покуда еще не нужно. Да и лучше, если молодой человек будет знать заранее, что *всякая копейка алтынным* гвоздем прибита; он, точно, снабжен всем необходимым. Я теперь, как видишь, сижу в Одессе. Приехал сюда затем, чтобы отсюда двинуться в теплые края, но это, кажется, не состоится по неимению еще пашпорта. Я поленился хлопотать о нем пораньше. Получить его могу или в конце декабря, или в начале января, стало быть, выезжать поздно. Весной же мне нужно быть в Москве и в Петербурге.[462] Боюсь и суровости зимы, которая далась мне знать[463] в прошлом году, боюсь и разлучаться с друзьями и близкими. Здешняя зима по забранным сведениям мало

чем лучше московской, так что если бы не
страшили меня совершенно испортив-
шиеся дороги и невыгода зимнего пути, со-
вершенно невыносимого для моего брэнного
тела, я бы потащился снова в Москву обнять
сызнава вас всех и тебя в особенности. Насчет
печатанья сочинений: напиши мне, что
стоит бумага, на которой печатается «Москви-
тянин». И можно ли ее заготовить достаточ-
но на 2-е издание моих сочинений. Я бы же-
лал листы ее перегнуть в 12-ю долю. Они ве-
лики, и двенадцатая доля будет почти рав-
няться прежней осьмушке. Мне бы хотелось,
чтоб издание продава<лось> дешевле:[464] за
5 томов пять, шесть целковых, не больше.
Нужно необходимо, чтобы к выходу II-го тома
«Мертвых душ» подоспело издание сочи-
нений, которых, вероятно, потребуется тогда
вдруг много. Уведоми меня также, что возь-
мут типографщики за лист смирдинского из-
дания русских писателей*, которое тоже в две-
надцатую долю и которых рамка страниц та-
кая,[465] как потребна моим сочинениям. С
той только разницей, что мне хотелось бы пу-
стить поля вокруг пошире,[466] и потому бу-

магу форматом побольше. Живу я в Одессе покуда слава богу. Общество у меня весьма приятное: добрейший Стурдза, с которым вижусь [467] довольно часто, семейство кн. Репниных, тебе тоже знакомое. Из здешних професс<оров> Павловский, преподаватель богословия, и философии — Михневич*, Мурзакевич*, потом несколько добрых товарищей еще по Нежинскому лицею*. Словом, со стороны приятного препровождения грех пожаловаться. Дай бог только, чтобы не подгадило здоровье. Поместился я тоже таким образом, что мне покойно и никто не может мне мешать, в доме родственника моего, которого, впрочем, самого в Одессе нет, так что мне даже очень просторно и подчас весьма[468] пустынно. Уведоми о себе, о добрейшей Софье Борисовне, о детках и, словом, обо всем, что до вас относится. Я уже давно не имею вестей из Москвы. Да, есть ли у тебя экземпляр*, чтобы отдать в цензуру, и какому цензору? Я думаю, лучше Лешкову*. Им Погодин был всегда доволен. Если же какие-нибудь вздумает цензор изменения противу первого издания, в таком случае лучше в Петербург. Нужно просить

Плетнева. Приложенное при сем письмецо*, пожалуста, пошли Аксакову. Не позабудь слова два написать о погоде: когда в Москве началась зима и выпал первый снег. Здесь его выпало во множестве третьего дни, и с одного разу сделалась санная дорога: диво, доселе, говорят, невиданное. Вообще климат Одессы я нахожу мало чем лучше московского.

Обнимаю тебя несколько раз. Прощай, не забывай и пиши.

Твой весь Н. Г.

Адрес: в Одессу, в дом генерал-майора Трощинского.

Аксакову С. Т., 7 ноября 1850*

**200. С. Т. АКСАКОВУ. 7 ноября
<1850>. Одесса.**

Уведомляю вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, что я в Одессе и, может быть, останусь здесь всю зиму, хоть, признаюсь, здешняя зима мало чем лучше московской. Но нечего делать: с пашпортом я опоздал. А отсюда подыматься на[469] север тоже поздно. Видел я Казначеева*, который мне показался весьма добрым человеком. Часто выдаюсь со Стурдзой, с кн. Репниными, Титовыми и со многими старыми товарищами по школе; но чувствую, что вас недостает. Пожалуста, уведомьте меня о себе, о всех ваших и о всем, что до вас относится, о сем прошу и Конст<антина> Сергеевича. Продолжаете ли записки*? Смотрите, чтобы нам, как увидимся, было не стыдно друг перед другом и было бы что прочесть. Константину и Ивану Сергеевичам также.

Пишите: В Одессу. В доме генерал-майора Трощинского.

Весь ваш Н. Г.

Душевный поклон Ольге Семеновне, Вере Сергеевне и всему дому! *На обороте*: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Трахимовскому А. М., ноябрь 1850*

201. А. М. ТРАХИМОВСКОМУ. <Ноябрь 1850. Одесса.>

Думал было еще с вами повидаться, добрейший Алексей Михайлович*, — и не удалось. А между тем имею к вам убедительнейшую просьбу: дело вот в чем. Не следует нам, миргородским дворянам, выпустить из нашего уезда молодого Трощинского, которого переманивают в Киевскую губернию и с которым советую вам познакомиться, как с юношей, подающим добрые надежды. Говорю это не вследствие каких-нибудь родственных отношений, но потому что это в самом деле мне так кажется. Нам такие дворяне нужны. Употребите все усилия и сами собою и через знакомых и чрез Лукьяновича* (которому передайте мой искренний и душевный поклон вместе с большим сожалением, что не уда-

лось мне побывать у него лично, перед отъездом); словом, употребите все добрые движения души вашей и все от вас зависящие способы, чтобы в наступающие выборы избрать его в депутаты по Миргородскому уезду или иную должность по выборам, ему приличную, не связанную с большими хлопотами и разъездами, чтобы ему иметь возможность быть хотя вначале при больном отце; он и сам желает лучше причислиться к миргородскому дворянству. И, мне кажется, всем нам, дворянам, следует уважить это доброе желание юноши, который, как бы то ни было, внука того знаменитого мужа*, которому много обязана Полтавская губерния, по крайней мере в трудное время 12-го года, когда дворянству нужно было сильное предстательство, он не отказался принять на себя звание губернского предводителя, несмотря на то, что, находясь в должности министра, обременен был кучей дел и обязанностей. По этому самому и нам уже следует споспешествовать всеми мерами его внуку в благородном желании служить по выборам. Придает еще шпоры моей просьбе и неприятный отзыв о Миргородском

уезде, который случилось мне услышать дорогою от дворянства других уездов, будто бы они глуше и невежественней всех прочих в Полтавской губернии. Что уездный наш город Миргород плох, мы это знаем сами и над ним смеемся. Но пустынность уездного города и непроцветание его скорее показывает то, что дворяне сидят по местам и заняты делом, а не баклушничают по городам. Дворяне других уездов уже и позабыли, что лучшие губернские предводители, и притом более других пребывавшие в этом звании, были все из Миргородского уезда. Во всяком случае, наша общая польза и выгода в том, если должности по выборам будут заняты нашими лучшими фамилиями. Переговорите обо всем этом с Лукьяновичем, подумайте сами и дайте мне ответ в Одессу.

Весь ваш Н. Го<голь>.

Плетневу П. А., 2 декабря 1850*

**202. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Декабря 2.
1850. Одесса.**

Пишу, как видишь, из Одессы, куда убежал от суровости зимы. Последняя зима, проведенная мною в Москве, далась мне знать сильно. Думал было, что укрепился и запасаюсь здоровьем на юге надолго,[470] но не тут-то было. Зима третьего года кое-как перекочилась, но прошлого едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время (во время их) пропало даром, а время мне дорого. Работа — моя жизнь. Не работается — не живется, хоть покуда это и не видно другим. Отныне хочу устроиться так, чтобы три зимние месяца в году проводить вне России, под самым благоприятнейшим климатом, имеющим свойство весны и осени в зимнее время, то есть свойство,[471] благотворное моей голове во время работы. Я уже испытал, что дело идет у меня как следует только тогда, когда всё утруждение, нанесенное голове поутру, разве-

ется в остальное время дня прогулкой и добрым движеньем на благорастворенном воздухе (а здесь в прошлом году мне нельзя было даже выходить из комн<аты>). Если это не [472] делается, голова на другой день тяжела, не способна[473] к[474] работе. И никакие движенья в комнате (сколько их ни выдумывал) не могут помочь. Слабая натура моя так уже устроилась, что чувствует жизненность только там, где тепло *ненатопленное*. Следовало бы и теперь выехать хоть в Грецию; затем, признаюсь, и приехал в Одессу, но такая одолела лень, так стало жалко разлучаться и на короткое время с православной Русью, что решился остаться здесь, понадеявшись на русский авось: то есть, авось-либо русская зима в Одессе будет сколько-нибудь милостивей московской. Разумеется, при этом случае стало представляться, что и вонь, накуренная последними политическими событиями в Европе, еще не совершенно прошла, и — просьба о пашпорте, которую хотел было отправить к тебе, осталась у меня в портфеле. Впрочем, уже и поздно: к весне, во всяком случае, не нужно бы возвращаться в Россию. Намере-

нья мои теперь вот какого рода: в конце весны или в начале лета предполагаю быть в Петербурге, затем, чтобы, во-первых, повидаться с тобой и с Жуковским и перечесть вместе всё то, что хочется вам прочитать, а, во-вторых, если будет божья воля, то и приступить к печатанью. Время, кажется, уже несколько угломонилось, головы хоть, может быть, и не совсем, но по крайней мере уже, верно, отрезвились настолько, чтобы иметь терпенье и хладнокровье выслушать, в чем дело, а до сих пор, право, не подымались даже и руки к изданию чего-либо.[475] Уведоми меня теперь же, какие у тебя планы на лето. Как бы устроиться нам так, чтобы провести его где-нибудь на морских водах, в Ревеле или в ином месте? Я думаю, что взаимные беседы нам будут теперь нужней чем когда-либо прежде. Не поленись, напиши теперь же, присообща к этому хоть два слова о своем житье и о милых — близких твоему сердцу, которым всем передай душевный мой поклон.

Твой Н. Гоголь.

Адрес: В Одессе. 1-й части 1-го квартала. В доме Трощинского.

Р. С. С недавнего времени книгопродавцы стали меня осаждать письмами. Пожалуста, пошли человека в дом Пажеск<ого> корпуса сказать Лисенкову*, который надоедает более других, что я буду сам в Петербурге.

Шевыреву С. П., 15 декабря 1850*

**203. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Одесса. 1850.
Декабря 15.**

Пользуюсь оказией и отвечаю тебе на твое письмо через Николая Никифоров<ича> Мурзакевича, который к Рождеству, вероятно, уже будет в Москве. Благодарю тебя много за всё. Всякое письмо[476] к тебе начинается, как видишь, благодарень<ем>. Так уж, видно, определено свыше. Относительно распоряженья твоего насчет 1000 руб. сереб<ром> из благотворительной* суммы совершенно согласен, и мне кажется самому, что это будет полезнее прочего. Сочинения можешь отдать в цензуру, но если бы к чему привязался цензор, то отвоюй, переговорив с попечителем*. [477] Что же до отпуска всех экземпляров «М<ертвых> д<уш>» одному книгопродавцу,

то, мне кажется, лучше этого не делать, потому что от этого выгоды мне никакой, а бедному покупщику вред. Забравши остальные книги, книгопродавец делается тотчас монополистом и дерет жидовские цены. Письма Базили не ищи*, не отыщешь; оно давно в моих руках, ты его отправил тот же час ко мне, как получил. Обнимаю тебя. Поздравляю вперед с грядущим 1851-м годом, от всей души желая, чтобы он был тебе благотворнейшим из всех, доселе тобой встречаемых. Бог да хранит тебя, как зеницу ока, вместе со всем твоим семейством!

Твой Н. Гоголь. На обороте: Степану Петровичу Шевыреву. В Москве, на Тверской, в Дегтярном переулке, в собственном доме.

Жуковскому В. А., 16 декабря 1850*

204. В. А. ЖУКОВСКОМУ. <16 декабря 1850. Одесса.>

Поздравляю тебя с наступающим новым годом:[478] бог в помощь, добрый друг! Везде, где бы ты ни был, где бы ни нашло тебя письмо мое, за какой бы работой ты ни сидел и каким бы делом и мыслью ни был занят — бог в помощь! Мы давно друг к другу не писали; не писали, потому что не писалось, но, верно, мы думали часто друг о друге. Предмет, связавший тесней прежнего нас, близок равно сердцам нашим, и, мысля о нем, нельзя, чтобы мы не вспоминали друг о друге. Милосердый бог меня еще хранит, силы еще не слабеют, несмотря на слабость здоровья; работа идет с прежним постоянством и хоть еще не кончена, но уже близка к окончанию. Что ж делать? Покуда человек молод, он — поэт, даже и тогда, когда не писатель; когда же он созреет,[479] он должен вспомнить, [480] что он — человек, даже и тогда, когда писатель. А что человек? Его значение высо-

ко: ему определено стать выше ангела небесного, любовью пострадавшего за нас Христа. Покуда писатель молод, он пишет много и скоро. Воображение подталкивает его беспрерывно. Он творит, строит очаровательные воздушные себе замки, и немудрено, что писанью,[481] как и замкам, нет конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметом и дело касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь в ее высшем достоинстве, в каком она должна быть и может быть на земле и в каком она есть покуда в немногих избранных и лучших, тут воображение немного подвигнет писателя; нужно добывать с боя всякую черту. Хотелось бы очень прочесть тебе всё, что написалось. Если бог благословит возврат твой в Россию будущим летом, то хорошо бы нам съехаться хоть на месяц туда, где расположишься ты на летнее пребывание, будет ли это в Ревеле, Риге или где инде. Мы туда бы выписали Плетнева, Смирнову и еще кого-нибудь и провели бы прекрасно это время. Уведоми меня, мой добрый, близкий, близкий моему сердцу. Пиши в Одессу, куда я убежал от суровости зимы,[482] подействовавшей бы-

ло на меня довольно разрушительно в
Москве, но, слава богу, в этом году она благо-
склонней. Жду с нетерпеньем от тебя двух
слов и, обнимая тебя, повторяю: бог в помощь
и тебе и всем близким твоему сердцу.

Твой Н. Гоголь.

Адрес: В Одессе 1 части 1-го квартала. В до-
ме генерал-майора Трощинского.

16 декабря русского стиля.

Иванову А. А., 16 декабря 1850*

**205. А. А. ИВАНОВУ. 16 декабря
<1850>. Одесса.**

Поздравляю вас <с> новым годом, Алек-
сандр Андреевич! От всей души желаю,
чтобы он был плодотворен для вашей работы
и чтобы картина ваша в продолжение его на-
конец, окончилась, и окончание ее, венчаю-
щее дело, было бы достославно. Пора нако-
нец. Не всё же продолжаться этим, безотрад-
ным явлениям суматох и беспорядков; пора
наконец показаться на свет плодам мира,
[483] обдуманых во глубине души мыслей и
высоких созерцаний, совершившихся в тиши-

не. Хорошо бы было, если бы и ваша картина и моя поэма явились вместе. Я нынешнюю зиму провожу в Одессе. Петербургская и московская зима выносятся плохо моим, слабым телом. Впрочем, весной полагаю быть в Москве, а летом, может быть, в Петербурге. До самого конца марта адресуйте мне в Одессу (1 части 1 квартала, в доме генерал-майора Троцинского). Уведомьте хоть несколькими словами, как проводите время, кто теперь с вами в Риме и есть ли с кем перемолвить дружеское слово. Если с вами Моллер, обнимите его покрепче и поздравьте от меня с новым годом. Бог да хранит вас невредимо!

Ваш весь Н. Гоголь.

Аксакову С. Т., 23 декабря 1850*

**206. С. Т. АКСАКОВУ. Одесса. Декаб-
ря 23 <1850>.**

Очень обрадовали меня вашим письмецом*, добрый друг Сергей Тимофеевич. Слава богу,[484] вы здравствуете, хоть и не так, может быть, как хотелось бы, но... за всё слава богу! Если будем довольствоваться малым, дастся и больше. Меня тоже бог милует и хранит: зима здешняя благоприятна мне. Занятия мои потихоньку идут. Весной хочется быть в Москве, повидаться с вами и с Москвой. Очень рад, что драма Конст<антина> Сергеевича* попала на сцену.[485] Весьма меня обяжете, если уведомите, как она шла, каково общее впечатление и что говорят о ней порознь. Затем обнимаю вас от всей души и поздравляю совокупно[486] со всем милым вашим семейством всех с новым наступающим годом. Дай бог, <чтоб> он каждому из вас принес в душу много радостей таких, за которые беспрерывно хочется благодарить бога.

Ваш весь Н. Гоголь.

Смирновой А. О., 23 декабря 1850*

207. А. О. СМИРНОВОЙ. Декабря 23
<1850. Одесса>.

Письмо ваше от 24 ноября получил*, добрый друг Александра Осиповна. Всё правда, что вы в нем ни пишете. Много развевается холодного, безнравствен<ного> по белу свету. Много порывает<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми бог, без воли коего не падет волос с главы, что он превосходит всё неизмеримостью своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, он — высший разум, превыше всех наших ежеминут<но> ошибающихся<ся> умозаключений, — так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодарить<ть>. Молиться за всех, благодарить за всё. С псалмопевцем в руках то стремиться к нему воплем души о водворении посреди нас правды, то славосло-

вить его так же неумолкаемо, как он его славословит. Дай бог и вам и мне такого препровожденья жизни, тогда никакое мирское смущенье не смутит нас. О себе покуда скажу, что бог хранит, дает силу работать и трудиться. Утро постоянно проходит в занятиях, не тороплюсь и осматриваюсь.[487] Художественное создание и в слове то же, что и в живописи, то же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить к ней, смотреть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь резкое и не нарушается ли нестройным криком всеобщего согласия. Зима здесь в этом году особенно благоприятна. Временами солнце глянет так радостно, так по-южному! так вдруг и напомнимся кусочек Ниццы! Не прожить ли[488] следующую зиму в Крыму? Ведь Крым отталкивает только тем, что нет людей. Но если соберемся человека два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, этого будет довольно. Мы ведь люди уже старые, что нам за руты? Ведь старики, по-настоящему, должны только глядеть друг на друга да благодарить бога за всё, — за то, что прожили до этих пор и что глядят друг на друга. Поздравляю вас с

наступающим новым годом. Дай бог, что<бы> в нем вам много было и здоровья, и сил, и всяких милостей божьих.

Ваш весь Н. Гоголь.

Адресуйте: Одесса. 1-й части 1 квартала, в доме генерал-майора Трощинского.

**Константиновскому М. А., 30 декабря
1850***

**208. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
1850. Одесса. Декабря 30.**

Пишу к вам несколько строчек, добрейший Матвей Александрович, только затем, чтобы напомнить вам о себе, только затем, чтобы вновь повторить ту же просьбу: молитесь обо мне, добрая душа! Намерение мое ехать в теплые отдаленные края, для поправленья хилого моего здоровья, не состоялось. Я остался здесь, в Одессе, и этому рад. По великой милости божией, зима здесь в этом году вовсе не похожа на суровые зимы предыдущие: она тепла и благоприятна моему здоровью. Что же касается до душевного состояния... но что говорить? Может быть, вам душа моя извест-

на больше, чем мне самому. Молюсь, чтобы бог превратил меня всего в один *благодарный гимн* ему, которым бы должно быть всякое творенье, а тем более *словесное*, чтобы, очистивши меня от всех моих скверн, не помянувши всего недостойнства моего, сподобил бы он меня, недостойного и грешного, превратиться в одну благодарную песнь ему. Молюсь, молюсь и, видя бессилие своих молитв, вопию о помощи: молитесь, добрая душа!

Ваш весь Н. Г.

Адрес мой: Николаю Васильевичу Гоголю в Одессу, 1 части 1 квартала, в доме Троцинского.

Не знаете ли вы чего об гр<афе> Александре Петровиче? Я давно уже не имею о нем известий. От всей души поздравляю вас с наступающим новым годом. Бог да хранит вас и да воздаст вам сторицей за ваши молитвы.

Гоголь М. И., 20 января 1851*

209. М. И. ГОГОЛЬ. Генваря 20. 1851.
Одесса.

От вас что-то давно нет писем, почтеннейшая матушка. Здоровы ли вы? На последнее мое письмо я еще не имел до сих пор от вас отзыва. Что же до меня, то здоровье мое несколько было опять поиспортилось. Весь декабрь (т. е. покуда было тепло) я чувствовал себя очень хорошо. Но с началом генваря и с наступлением холодов опять пошли недуги. Впрочем, теперь, слава богу, они несколько утомонились. Сестре Анне Васильевне скажите, что я отсюда, нот ей не посылаю, потому что и дороги и ничего нет нового, да и с пересылкой возня и продавцы народ продувной. А вместо того я решил написать к Шевыреву, чтобы он выслал из Москвы что есть поновее и получше. Тамошние книгопродавцы или нотопродавцы гораздо лучше снабжены здешних. Уведомьте меня о здоровьи вас всех, начиная с Андрея Андреевича, и какова стоит в Кагорлыке зима, и какова она также в Васи-

льевке, и что там делается.

Ваш признательный вам сын

Н. Г.

Плетневу П. А., 25 января 1851*

210. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Одесса. Генварь 25. 1851.

Благодарю тебя много за обстоятельное и
милое твое: письмо. От всей души поздравляю тебя с замужеством милой дочери* и прошу также от меня передать ей поздравление. Рад, что здоровье твое укрепилось от холодного лечения. Я тоже имел от него пользу. Но нам всем, русским, нужно помнить и твердить себе беспрестанно: «Ничего не доводи до излишества!». В наши с тобой лета совершенно переламывать привычки и прежний обычай жизни опасно, а понемногу оставлять их, трезвиться телом и духом очень, недурно и даже непременно следует. Иначе потеряешь как раз равновесие между телом и духом. Я уже давно веду образ жизни регулярный или, лучше, необходимый слабому моему здоровью: занимаюсь только поутру, в одиннадца-

том часу вечера уже в постеле. стакан холодной воды натощак и ввечеру. Но большое употребл<ение> холодной воды и обливаний вредит, производя во мне слишком большую испарину. В Одессе полагаю пробыть до апреля. Приезд Жуковского в Москву, может быть, несколько изменит мой маршрут, и вместо весны придется, может, быть в Петербурге осенью. Впрочем, это еще впереди. Покуда будь здоров, не забывай меня. А мне хочется очень с тобой, по старине, запершись в кабинете, в виду книжных полок, на которых стоят друзья наши, уже ныне отшедшие, потолковать, и почитать, вспомнив старину. Но это не могло и не может <быть>, покуда не готово [489] то, о чем нужно говорить. Будет готово — разговоримся так, что и языка не уйдем. Ведь старость болтлива, а мы, благодаря бога, уже у врат ее. Будь здоров.

Твой весь Н. Г.

Я писал тебе еще с Мурзакевичем, ехавшим отсюда[490] к вам. Если вздумается порадовать строчкой, адресуй к Шевыреву в Москву.

Шевыреву С. П., февраль 1853*

211. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Одесса. [Февраль] 1851.

От тебя давно нет известий, бесценный друг. Здоров ли ты? Уведоми хоть двумя строчками. Я писал к тебе с Мурзакевичем*, получил ли ты это письмо? А между тем мне сгрустнулось по тебе и так хотелось бы взглянуть на тебя... В мае первых чисел или в середине его, если бог поможет, буду в Москве. Здешняя зима была еще довольно сносна, и голова моя была свежее, чем в Москве, будет о чем потолковать и что прочитать. Приступил ли ты к печатанью моих сочинений? Недавно мне попало в руки Смир<дина> изд<ание>* русских авторов, и я увидел, что шрифт[491] уж чересчур густ и уборист (что не годится для моих сочинений: книжки выдут очень тоненькие и притом читать трудно). Рамку можно взять такую же или хоть и больше, но строки непременно пореже и буквы крупнее. Если можно, такой величины, как напечатана твоя поездка*, и бумагу нуж-

но бы выбрать плотнее, так, чтобы строки не сквозили. Все эти обстоятельства так важны, что если, паче чаянья, уже несколько листов [492] отпечатано, то можно их бросить и начать печатать снова. Уведоми также, во скольких типографиях печатается и около какого времени книга выдет.

Твой весь Н. Г.

Душевный поклон Софии Борисовне. Мамлюток поцелуй.

**Гоголь М. И., А. В., Е. В. и О. В., 4
марта 1851***

**212. М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ.
Одесса. 1851. 4 марта.**

От всей души поздравляю и вас, добрейшая матушка, и вас, милые сестры, с наступившим великим постом. От всей души желаю вам того же, чего и себе, т. е. провести его, как следует христианину. О, если бы мы сумели хоть время поста отдать *всецело* богу! О, если бы хоть в это святое время провели мы жизнь, сообразуясь с тем, что скажет о нас бог, а не люди! Как бы тогда разумней потекло

всё прочее время года, а с ним и все наши хозяйственные и всякие дела, по слову божию: «Ищите *прежде* правды и царствия божия — и *сия* вся приложатся вам». А мы глядим беспрестанно на то, что скажут *люди*. Оттого и беспокойно у нас в душе, и имение в расстройстве, и издержки за издержками, и голова идет кругом от хлопот, и раскаянье гложет при виде, как на всяком шагу делается нами опрометчивая издержка, тогда как деньги нужны были на гораздо нужнейшее. Например, и в теперешнем письме вы говорите, что деньги употреблены на шубу, — лучше бы употребить на посуду для шинков и кое-что нужнейшее для хозяйства. А что было виной? Старшая сестра моя по своей обычной опрометчивости имела неблагоприятное шепнуть вам: «Люди будут говорить: вы похожи на просительницу». И этих слов было достаточно. Вот что значит слово: люди! Позабыты, вдруг все соображенья, отнялось предвиденье в даль, взоры на будущее, что всякую минуту нужно ожидать повестки, требованья от казны и проч. и проч. О, пусть погибнет эта обманчивая, заводящая человека в бездну и в

погибель философия: *соображаться с тем, что скажут люди!* С нею и людям не угодишь и бога потеряешь навеки. Счастливец же, соображающий свою жизнь с тем, что скажет бог, сделается потом неминуемо любезен всем людям. Ради самого Христа, пострадавшего за нас, прошу и умоляю, не пропустите нынешнего поста и воспользуйтесь им. И вы, добрейшая матушка, и вы, милые сестры, молитесь богу о том, чтобы вразумил всех нас. О, как нужно нам всем вразумленье свыше! Я знаю это по себе. Как только было у меня что-нибудь сделано без божьего вразумленья — всегда выходила такая глупость, что я краснел и не знал, куда деться от стыда пред самим собой.

Пора, пора нам приняться наконец за главное дело и, бросив всякие наружные украшения, каких требуют люди, позаботиться не в шутку об украшении душ. Вспомните, что мы все уже в зрелых летах и что прожили уже больше, чем остается нам жить. Пора, пора за дело! Не всё быть детьми. Другую, другую жизнь нужно повести, — простую, простую, какую ведет уже человек, думающий о боге.

Для: этой жизни немного нужно. Для жизни евангельской, какую любит Христос, немного издержек. Говорю вам это потому, что невольно обнимается душа ужасом, видя, как с каждым днем мы отдаляемся всё больше и больше от жизни, предписанной нам Христом. А смерть подходит между тем к нам всё ближе и ближе... Боже, спаси и помоги! Но и бог не может помочь, если мы не хотим устроить жизнь нашу сообразно с тем, что написано в евангелии. Ни к чему не послужит то, что мы только сохраняем в теории, а не воплощаем тут же в дело. Говорю вам еще и потому, что по соображенью наших государственных обстоятельств и увеличивающихся<ся> потребностей предвижу большое увеличение казенных податей и повинностей в наступающих годах; оно уже и началось во многих местах теперь. Этому не радуйтесь, что уменьшены пошлины на заграничные, бакалейные и всякие товары. По мне, лучше бы вовсе запечатать эти бакалейные и всякие лавки; туды спровадили помещики все деньги, следуемые на уплату податей и казенных повинностей. Повидимому, кажется, неболь-

шая вещь издерживать[493] по десяткам рублей. А как подведешь в год итог, видишь, что помещик тысячи две в год посадил[494] на эти сыры да селедки. Тогда как, по-настоящему, не следовало бы и покупать того, чего не производит собственная земля: и этого достаточно для того, чтобы не только наесться, но даже и *объесться*. Удивляться ли тому, что милосердый бог, видя такое неустроенье нашей жизни, насылает нам наконец тяжелые времена, неурожаи, увеличение податей?.. Он, милосердный, хочет нас заставить насильно вспомнить о том, что[495] нужно повести другую жизнь, насильно хочет нас спасти, позабывших святое его слово, что узкий только путь ведет в царствие небесное, а широкий вводит в пагубу. Помыслим же об этом не в шутку в нынешнее благоприятное время поста. Храни нас бог думать, что слова Христовы говорятся так, лишь бы только, чтобы только постращать, напугать нас, — нет, он сам сказал про непреложность слов своих: «Небо и земля прейдут, а словеса мои не прейдут». Еще раз желая вам от всей души и провести пост и говеть благодатно, прошу мо-

литв и о себе грешном, да поможет бог и вам и мне. А вам особенно советую, мои сестры, читать в это время наиболее такие книги, которые обличают и поражают душу, никак ее не щадя, но выказывая всю некрасоту ее. У всех просите себе обличенья и указанья всех ваших недостатков. А сами всех прощайте, в том числе и меня.

Ваш весь Н. Гоголь.

О моем выезде наверно еще ничего не могу сказать. Всё будет зависеть от погоды и как установится дорога. По дурной дороге отваживаться нельзя в не весьма крепкой колясочке, и без того уже пострадавшей в распутную осеннюю дорогу прошлого года. Во всяком случае буду стараться приехать к праздникам.

Григорову П. А., 6 марта 1851*

213. П. А. ГРИГОРОВУ. 1851. Одесса.
Марта 6.

Много благодарю вас и за письмо и за книгу «Затворника». Как она пришлась мне кстати в наступивший великий пост! Много и много уже обязан я и вам и вашей обители и думаю теперь о том, как бы и чем мне показать вам мою признательность. Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами.

Не оставляйте же и не забываюте меня.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте душевный мой поклон настоятелю, отцу Филарету и всей братии.

Погодину М. П., 7 марта 1851*

214. М. П. ПОГОДИНУ. Март 7. Одесса. — 1851.

Благодарю тебя, друг, за доброе твое письмо. Прискорбно было узнать из него об утрате твоей. Добрая мать*, так тебя любившая, уже теперь не молится за тебя здесь на земле, она уже там... Она завещает теперь тебе молиться о ней. Не позабывай по ней панихид. Панихиды по близким душе успокаивают много нашу собственную душу. Да и самим мыслям становится после того как-то и способнее и удобнее стремиться туда, куда им предписан закон стремиться, и самые кандалы на ногах, на которые ты жалуешься, и которые у всякого человека на земле, становятся тогда неслышной и легче. Прощай! Если даст бог, увидимся в мае.

Твой весь Н. Гоголь.

Иванову А. А., Одесса. 18 марта 1851*

215. А. А. ИВАНОВУ. Одесса. Марта
18 <1851>.

Не велико ваше письмоце*, но спасибо и за то; по крайней мере, я знаю, что вы, слава богу, здравствуете. Вы называете меня прекрасным теоретическим человеком. Не думаю, чтоб это было правда. Мне кажется, я плохой теоретический человек, да и практический также. Изо всей моей жизни я вывел только ту истину, что если бог захочет — всё будет, не захочет — ничего не будет. Как умо- лить бога помогать нам, для этого у всякого своя дорога, и он как сам знай, так и добирай- ся. Но на мне, по крайней ме<ре>, вы должны научиться снисходительности к людям. Если я, человек, долго близ вас живший и притом все-таки понимающий, хоть, положим, теоре- тически, художество, так. еще далек от того, чтобы понимать вещи и обстоятельства в на- стоящем виде, то как же можно требовать от начальства, состоящего из чиновников, чтоб понят<н>ы[496] были им внутренние требо-

вания оригинального, не похожего на других, художника? Поверьте, никто не может понять нас даже и так, как мы себя понимаем. И счастлив тот, кто, всё это сообразя вперед, прокладывает сам себе дорогу, не опираясь ни на кого, кроме — на бога.

Письма адресуйте всегда на имя Шевырева в Москву, близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собственном доме. Он доставит мне всюду, где ни буду.

Что бы вам написать хоть что-нибудь о вашем житье-бытье, не о том, которое проходит взаперти, в студии, но о движущемся на улице,[497] в прекрасных окрестностях Рима, под благодатным воздухом и небом! Где вы обедаете, куда ходите, на что смотрите, о чем говорите? В иной раз много бы дал за то, чтобы побеседовать вновь так же радушно, как беседовали мы некогда у Фалькона*. Не будьте скупы и напишите о себе не как о художнике, погруженном в созерцанье, но как о добром, милом моему сердцу человеке, развеселившемся от воспоминаний о прежнем. С вами теперь, как я слышал, Брюллов* — как вы с ним ладите? и что делает брат ваш* (которому передайте по-

КЛОН МОЙ)?

Ваш весь Н. Гоголь. На обороте: Rome. Italie. Al signore Alessandro Iwanoff. Pittore e academico russo. Roma, nella via Condotti, vicina alla piazza di Spania. Caffè Greco.

Шевыреву С. П., 18 марта 1851*

216. С. П. ШЕВЫРЕВУ. Одесса. Марта 18 <1851>.

Наконец от тебя письмо*. Слава богу, ты здоров. Благодарю за труды и все твои добрые о мне попечения. На днях выезжаю из Одессы. Недели три проживу у родных, а там обниму тебя, если всё устроит бог благополучно. Очень меня обяжешь, если возьмешь в синодальной лавке и перешлешь тот же час ко мне в Полтаву «Общую Минею» (большая книга, в лист) и «Четыи Минеи» (в 12 книгах, в осьмушку). К этому присовокупи два экземпляра евангелия (библейского издания). Разумеется, вез это в переплете (каком-нибудь).

С деньгами, полученными за проданные экземпляры «М<ертвых> д<уш>», распределись так: тысячу руб<лей> с<еребром> в банк

(если найдешь нужным), 150 р. с<еребром> перешли мне в Полтаву, а остальные держи у себя до моего приезда. Впрочем, можно в банк положить даже и полторы тысячи: я думаю, что будет достаточ<но> для прожитья в год находящихся у тебя прежних. Но прощай! В ожиданья личного свиданья посылаю тебе покуда заочный поцелуй.

Твой весь Н. Г.

Шевыреву С. П., после 18 марта 1851*

217. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <После 18 марта 1851. Одесса.>

Прошу тебя присоединить к прежде сказанным книгам еще ноты церковного пения* под названием: Партитурное собрание с предложением на фортепиано, музыка Бортнянского* и других сочинителей, книга 1, СПб., [498] 1843 года, и прислать вместе в Полтаву.

Твой весь Н. Г.

Гоголь М. И., 21 марта 1851*

218. М. И. ГОГОЛЬ. Одесса. Марта 21
<1851>.

Вчера приехал Димит<рий> Андреевич. С ним приехало и письмо ваше. Я полага<ю> выехать на будущей неделе, так, чтобы к страстной быть в Кагорлык*. Если поможет бог совершить путь благополучно, то или в субботу, или в воскре<сенье> доберусь до Кагорлыка. За лошадьми лучше пошлите домой, тем более, что Дм<итрий> Анд<реевич>, как я заметил, хочет тоже в одно время с нами ехать в Кибенцы. Да и во всяком случае, по моему, нужно всячески избегать жить на счет других, хотя бы даже и весьма близких нам людей. Выеду я, может быть,[499] или раньше, или позже Дм<итрия> Андре<евича>, затем, чтобы не мешать друг другу на станциях. Потому что лошадей трудно доставать и на один экипаж, а как будут два, то придется посидеть и по дню на станции и все-таки разрозниться. Затем, желая вам от всей души провести благодатно остальное время поста,

прося вас передать это же самое жела<ние> и
весьма уважаемому мной Андрею Андрееви-
чу, остаюсь

признательный сын

Н. Г.

Смирновой А. О., март 1851*

**219. А. О. СМИРНОВОЙ. <Конец мар-
та 1851. Одесса.>**

Христос воскрес!

Спешу поздравить вас, добрый друг, с
радостным днем светлого воскресенья. Дай
бог и вам и мне того же: радоваться о Христе,
любить всех о Христе, позабыть себя со всем
черствым окружением собственных забот и,
дорожа всякой минутой, спешить благода-
рить за <н>ее бога, живя[500] подобно птицам
небесн<ым>, не сея, не собирая в житницы,
радуясь о том только, что[501] совершается
его божья воля. О, пошли нам бог, и вам и
мне, силу любить всех! В ней потонет всё
грустное. Еще раз: Христос воскрес!

Ваш весь Н. Г.

Плетневу П. А., 6 мая 1851*

220. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Полтава. Маия
6 <1851>

Милое, доброе твое письмо получил* уже здесь, в деревне моей матушки. Из Одессы выслали его мне довольно поздно; видно, в наказанье за то, что я свое отправил к тебе довольно поздно. Всё действительно случилось так, как ты предположил: ровно через месяц после того, как оно было написано, запечатано и, казалось, как бы даже и отправлено на почту, нашлось оно в моем письменном столе. Что прикажешь делать? Видно, горбатого могила исправит. Кажется, как бы я преуспеваю со дня на день в этой добродетели. Зато тем признательнее принял и прочел я знак твоего непамятозлобия, твое милое и милующее письмо. На замечанье только твое о моей молодости скажу: «Увы! Два года, как уже пошел мне пятый десяток, а стал ли я умней, бог весть один». Знать, что прежде не был умен, еще не значит поумнеть. Что второй том «Мертвых душ» умнее первого —

это могу сказать, как человек, имеющий вкус и притом умеющий смотреть на себя, как на чужого человека, так что, может быть, Смирнова отчасти и права; но как рассмотрю весь процесс, как творилось и производилось его создание, вижу, что умен только тот, кто творит и зиждет всё, употребляя нас всех вместо кирпичей для стройки по тому фасаду и плану, которого он один истинно разумный зодчий. С тобою всячески постараюсь увидеться. Теперь еду в Москву. Всякие письма и замечания, какие были тебе присланы насчет «М<ертвых> д<уш>», запечатавши в один пакет, пошли ко мне, адресуя на имя Шевырева, а если присоедилишь к этому две-три строчки собственно<го> письмеца, — вперед посылаю тебе самое душевное спасибо. Всем тебе близким братский поклон!

Твой весь Н. Гоголь.

Аксакову С. Т., 14 мая 1851*

**221. С. Т. АКСАКОВУ. Мая 14 <1851>.
Д<еревня> Василевка.**

Милое ваше письмо, добрый друг Сергей Тимофеевич, получил уже здесь в Малороссии и благодарю вас за поздр<авление> с днем рожденья моего, и вас, и Ольгу Семеновну,[502] и Константина Сергеевича, и всю семью. На днях выезжаю в Москву. Вероятно, вы уже будете в вашей подмосковной, но постараюсь заглянуть к вам и туда. О Максимовиче не имею никаких вестей, слышал только, что был он болен, и ничего больше. Весна здесь так благоприятна, как давно не было. Обнимаю вас — до свиданья!

Ваш Н. Гоголь.

Гоголь А. В., после 22 мая 1851*

222. А. В. ГОГОЛЬ. <После 22 мая
1851. Полтава.>

Любезная сестра Анна!

Во всем божья воля; ничего не совершается без воли божьей. Так говорят — одни потому, что в этом убеждены, другие потому, что слышат, как это говорят другие. Вижу и я в нынешнем событии божью волю. Но всё, однако ж, не знаю, правы ли были вы вместе с сестрой, уладивши это дело в секрете, без предварительного совещанья с матерью или хоть даже и со мною. Уверенность в благоразумии своих поступков вредит нам много даже и в малых вещах, а дело нынешнее очень важно, так что, признаюсь, я и не могу понять, отчего ты предалась такому восторгу. Я здесь не вижу, чему еще радоваться: ни он, ни она не имеют ничего. Конечно, бедность еще бы не беда, если бы сестра[503] моя Елисавета была приучена к деятельной, трудолюбивой жизни, если бы она умела терпеть, переносить, если бы наконец имела ту безоблачную,

ясную ровность характера, с которою человек счастлив везде, куда бы его ни бросила судьба, но при неимении этого... что ни говори — страшно. Конечно, я могу утешаться тем, что ни в счастье, ни в несчастье сестры я не виноват: совета моего не спрашивали, но тем не менее сердце мое болит, я не могу предаться радости, не видя залогов будущего счастья. Он всем нам мало известен. В два-три раза, в которые я его видел, я могу только сказать, что я не заметил в нем ничего дурного; вы не судьи: какой же жених не будет стараться показаться своей хорошей стороной тем,[504] у которых заискивает? — Итак, в будущем покуда потьма и неизвестность! А как вспомню при этом, сколько у Лизы всяких мелких капризов, которые я хорошего человека обратят к ней своей дурной стороной, сердце скорбит пуще. Нет, вместо всяких восторгов лучше смиренно прибегнуть всем нам к молитве. Отправляйтесь пешком теперь же в Диканьку испросить, вымолить у бога, чтобы супружество это было счастливо. Чтобы во всю дорогу на устах ваших была одна молитва и никаких пустых речей или спора, чтобы только одно

стремле<нье> к богу было в сердцах ваших. Умерь свою привычку строить фантазии и планы для будущего в уверенности, что всё потечет такую дорогою, какую ты[505] в голове своей[506] предпишешь.[507] Лучше вместо того, от всех сил своих и со слезами, помолись о своей сестре, чтобы милосердный бог внушил ей помышленья непрерывное истреблять[508] из своей души все те качества и свойства, которыми мы наносим неприятности, оскорблен<ия> другому. Ответ капитану* матушка мне прочла. Он, по-моему, очень благоразумен. Она пишет, что предложенье его приятно и ей и дочери, но что она считает долгом предупредить его, что состоянья у ней нет теперь никакого, и потому советует сообразить с этим род жизни заблаговременно и обо всем передумать. Мне же писать письмо к нему неприлично.[509] Я больше вашего опытен и знаю больше вашего свет. Письмо от меня было бы тогда у места, если бы он отнесся ко мне, тогда обыкновенно благодарят за честь и рассыпаются во всяких комплиментах, но письмо адресовано к матушке и притом так холодно-официально, что

я бы даже и не нашелся как отвечать, точно как бы он не от своей воли, а по какому-то принуждению делает это предложение. Впрочем,[510] это всё стороннее. Дело не в этих пустяках. Чему быть, того[511] не миновать, а суженого конем не объедешь. Уж если что случилось, то верно случилось потому, что так угодно было богу. Дай только бог, что<бы> случившее<ся> случил<ось> не как наказание, а как награждение. Зная, что счастливые супружества бывают уделом только тех, над которыми почивало неотлучное благословение родителей, которые не огорчали их ни поперечным словом, ни поперечным поступком, я должен вас молить, чтобы хоть в продолжении месяца или двух недель глядеть на мать свою, как на святую, исполняя малейшие ее желанья, не прекословля ей ни в малейшей безделушке, чтобы получить[512] истинное растроганно-признательное благословение, исполненное слез и благодаренья богу за детей своих, тогда[513] я бы не боялся ни за какое бы ни было супружество.[514] Бог да вразумит тебя и наставит во всем, как и чем быть полезной своей сестре.

Твой любящий тебя брат Николай.

Гоголь Е. В., после 22 мая 1851*

**223. Е. В. ГОГОЛЬ. <После 22 мая
1851. Полтава.>**

Любезная сестра Елисавета!

Письмо твое меня смутило.[515] Молись богу ото всех сил души, сколько их в тебе достанет. Шаг твой страшен: он ведет тебя либо к счастью, либо в пропасть. Впереди всё неизвестно; известно только то, что половина несчастья от нас самих. Молись, отправься пешком к Николаю Чудотворцу, припади к стопам угодника, моли его о предстательстве, сама взывай ото всех сил ко Христу, спасителю нашему, чтобы супружество это, замышленное без совещания с матерью, без помышленья о будущем и о всей важности такого-поступка, было бы счастливо. Что касается до меня, от всей души желаю, чтоб оно было счастливо, но желанья моего мало, счастье зависит от тебя самой.

Говей, исповедайся, принеси чистое покаянье господу во всем. Рассмотря строго всю

свою жизнь. Ни в чем себя не оправдывай, но лучше обвини во всем. Много есть в нас таких качеств и свойств, которыми наносим мы неприятности и вред другому и которые, покуда еще не связана с нами судьба другого, сами по себе еще не так важны, но в супружестве бывают[516] причиной полного несчастья обоих. Вспомни сама, что не было человека, с которым бы ты не поссорилась, и не было приятельницы, с которою бы, прожив несколько времени вместе, не произошло между вами какой-нибудь размолвки, — а ведь с мужем нужно прожить весь век. Не почитай ничтожными вещами все эти, по-видимому, мелкие капризы и упорства, старайся от них всеми силами избавиться заблаговременно, теперь же, потому что <они> бывают причиной охлаждений друг к другу, страданий непрерывных и наконец вечных разрывов. Ты в радости — я дрожу за тебя. Одна мысль о том, как тебе трудно сделаться хорошей женой, которая вся должна быть одно послушанье и небесная кротость, вводит страх неизъяснимый в мою душу, особенно, когда подумаю о том, что тебе даже неизвестна эта

добродетель,[517] что ты не слушала меня ни в чем, что я тебе советовал для твоей же пользы, и[518] что в то время, когда сестры твои по мере сил старались исполнить хотя десятую долю моих советов,[519] тебя никакими убеждениями и просьбами нельзя было заставить даже попробовать своих сил. Как вспомню это — не могу не бояться, не могу радоваться счастьем,[520] которого я еще не вижу. О, да спасет тебя бог, вразумит, наставит во всем.[521] Молись, ничего другого не умею и не могу тебе сказать.

Твой от всей души желающий тебе счастья
брат

Н. Г.

Гоголь М. И., 5 июня 1851*

**224. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. Июня 5
<1851>.**

Спешу уведомить вас, почтеннейшая и добрейшая матушка, что приехал я в Москву благополучно. Только за вас, признаюсь, мое сердце было беспокойно. Как вспомню, что вам трудов и забот теперь и всяких, может быть, огорчений! Вы же теперь всё так близко принимаете к сердцу. О, спаси вас бог за ваши беспрестанные молитвы о нас недостойных, спаси вас бог от всяких смущений и да будут все ваши годы до поздней старости исполнены одним только выраженьем признательности к вам детей ваших! Не думайте, чтобы я был против вступленья в замужество сестер. Напротив, по мне, хоть бы даже и самая последняя, более других устроенная для жизни безбрачной, вздумала[522] пожертвовать безмятежьем ее на это мятежное состоянье, я бы сказал:[523] с богом! если бы возможны были теперь счастливые браки. Но брак не есть теперь пристроенье к месту, нет: расстройство

разве; ряд новых нужд, новых тревог, убивающих, изнуряющих забот. Только и слышишь теперь раздоры между родителями и детьми, только и слышишь вопли о том, что нечем вскормить, не на что воспитать и некуда пристроить детей. И как вспомнишь, сколько в последнее время дотоле хороших людей сделались ворами, грабителями, угнетателями несчастных из-за того только, чтобы доставить воспитанье и средства жить детям, и вся Россия наполнилась разоряющими ее чиновниками. И пусть бы уж эти дети доставили им утешенье — и этого нет. Только и слышишь жало<бы> родителей на детей. Вот почему сердце мое так беспокойно за сестер. Неопытные, они[524] жаждут только перемены. Они создали мысль, что нынешнее положение их невыносимо и что всякое другое сноснее. Не приученные к терпенью, они думают, что могут лучше распорядиться на том поприще, которое всё состоять будет из одного терпенья. Как вспомню о бедной сестре Елисавете, которая уже от<того> только, что недоставало сахару для гостей, издавала вопли отчаянья, — что же будет с нею потом,

когда пойдут недостатки поважней недоста-
чи сахара для гостей? Вот почему я так про-
сил вас всех молиться. Сестер убеждал даже
отправиться пешком в Диканьку, а вас ехать.
Я думаю, кучер Левко передал вам мою изуст-
ную просьбу, как[525] себя приберечь в до-
роге, и если пройтись, то разве очень
немного, потому что излишнее движенье вол-
нует кровь и вам вредно. Всего лучше молит-
ва. А к сестрам моя теперь просьба. Если же-
лают, чтобы супружество это было счастливо,
то[526] лучше не составлять вперед никаких
радужных планов. Лучше заранее приуготов-
лять себя ко всему печальному и рисовать се-
бе в будущем все трудности, недостатки, ли-
шения и нужды — тогда, может быть, супру-
жество и будет счастливо, потому что и ум,
привыкнув к осмотрительности заранее, об-
ратит вниманье на то, на что нужно обра-
щать вниманье сначала. О, счастлив тот, кто
мирится с своими настоящими обстоятель-
ствами! Будущее неверно. Вот и теперь сму-
щает меня одно печальное событие, случив-
шееся, говорят, во Владимире 21 мая. Во вре-
мя хода церковного проломился мост, так что

перешли одни священники, несшие иконы, а весь народ обрушился в реку. Дай бог, чтобы капитана миновала эта опасность. Не помните вы, от которого числа писал он свое письмо и когда думал он выехать в Киев?

Посылаю вам деньги, занятые мною у вас в Кагорлыке, Васильевке и по дороге, при разных случаях. По моему расчету их набралось на 10 р. сереб<ром>. Остальные 15 р. с<еребром> должны остаться в капитале для произведения из них уплаты в свое время столяру по мере изготовленья вещей. Передайте их сестре Анне или сестре Ольге. Другие же 25 р. на лекарства и церковь Ольге.

Жду с нетерпеньем известий о всех вас.

Многолюбящий вас сын Н. Г.

Гоголь О. В., 5 июня 1851*

225. О. В. ГОГОЛЬ. <5 июня 1851.
Москва.>

Любезная сестра Ольга!

Посылаю тебе денег, сколько собралось, 25 р. сер<ебром>, на лекарства, просфоры и прочее, что к церкви. Хорошо бы завести участникам на запиванье бутылку меду, но не отдавать ее в руки понамарю, а стоять самой при раздаче просфор и остаток забирать себе. Прошу тебя обратить особенное вниманье на родильниц и отложить несколько денег, чтобы нанять[527] работницу на то время, когда родившая должна пролежать в постели; для этого нужно непременно навестись самой, чтобы удостовериться, точно ли больная лежит в постели и точно ли работа<ет> за нее другая. В распределеньи денег я пропустил Наума Дзюба, которому дай тоже целковый. Он при мне работа<л> хорошо, и я был им. доволен, что можешь ему и объявить.[528] Обо всем, что случилось, как вы доехали*, как нашли всё дома и что произошло без меня, уве-

ДОМИ.

Твой любящий брат Н. Г.

Гоголь А. В. и Е. В., 5 июня 1851*

**226. А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ. <5 июня
1851. Москва.>**

Милые сестры Анна и Елисавета! Теперь вам не пишу за неимением времени, но скоро буду. Ради бога, не скучайте моими письмами, теперь они вам очень, очень нужны. Примите просто, прямо на веру, что их диктует вам одна, любовь, а не что другое, и вы хоть сколько-нибудь, может быть, поймете тогда и меня самого.

Весь ваш

многолюбящий брат Н. Г.

Старайтесь пребывать всё это время в самом почтительном отношении к матушке и в любви ко всем.

Гоголь М. И., 14 июля 1851*

227. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. 14 июля
<1851>.

Странно мне, что вы еще не получили письма моего* со вложением денег работникам и сестре Ольге. Я писал скоро по приезде моем в Москву. На нынешнее письмо ваше отвечаю несколько поздно, потому что был в отлучке и третьего дни только приехал в город. Прошу вас и умоляю, добрейшая матушка, еще раз не хлопотать и не заботиться ни о чем. Вы видите, всё строит бог. Право, нам только нужно повторять: да будет святая воля божья во всем! Не знаю, удастся ли мне приехать на свадьбу сестры, хоть и желал бы очень. Обстоятел<ьства> мои трудненьки. Но пусть будет так, как устроит бог. Отправьте одно письмо Владимир<у> Ивановичу Быкову в Киев, потому что я не знаю, как адресовать, а другое сестре Елизавете*.

Ваш истинно любящий вас сын Николай.
Молитесь обо мне!

Быкову В. И., 14 июля 1851*

**228. В. И. БЫКОВУ. Москва. Июля 14
<1851>.**

Душевно рад иметь вас как родного и близкого человека. Сестра моя Елисавета не без качеств, могущих составить счастье мужа, если только будет постоянно о том молиться богу. В письме своем к моей матушке пишете вы, что узнали нужду и уже привыкли к неприхотливой жизни. Ради бога, не оставляйте такой жизни никогда, но, напротив, полюбите более, чем когда-либо прежде, бедность и поведите жену свою таким же образом с первых же дней замужества. Ковать железо нужно, покуда горячо: жена в первый год замужества — гибкий воск, с которым [529] можно сделать всё. Пропустите — будет поздно! Счастлив тот, кто с первых же дней после бракосочетан<ия> установит у себя в доме правильное распределение времени и часов и для себя и для жены, так, чтобы и минуты не оставалось пропадающей даром, и чтобы таким образом ко времени, когда им

сходиться друг с другом, накопилось бы у обоих о чем пересказать другому, и предмет для разговора никогда бы не истощивался. Такими, по-видимому, неважными вещами надолго скрепляется связь. Я видел много на веку своем всяких супружеств: счастливей из них были те, когда тот и друг<ой>, т. е. муж и жена, соединялись затем, чтобы вести истинно деятельную, отданную трудам жизнь.[530] Бог вас благослови и вразуми во всем! Буду стараться приехать к вам на свадьбу, хоть и не знаю, дадут ли на это возможность, покуда несколько затруднительные мои обстоятельства.

Ваш весь Н. Гоголь. На обороте: Владимиру Ивановичу Быкову.*

Гоголь Е. В., 14 июля 1851*

229. Е. В. ГОГОЛЬ. Москва. Июля 14
<1851>.

Милая сестра моя Елисавета! Письмецо твое с известием, об обручении получил. От всей души желаю, чтобы супружество ваше было счастливо *вполне*. Молился об этом, несмотря на бессилье молитв моих; просил твоего прежнего духовника, отца Сергия (Тарновск<ого>*), молиться о тебе. Он — человек истинно благочестивый и молящийся, может быть, бог вонмет его молитвам, но повторяю тебе — всего этого мало. Нужно тебе самой молиться (и молиться беспрестанно), чтобы вразумил тебя бог, как быть в этом новом звании, как сбросить с себя, как искоренить в себе все эти (увы! мы их называем незначительными мелочами), которыми наносим мы несчастье связанным с нами людям и, стало быть, себе самим. Бог тебя да наставит! О прочем не заботься. Пожалуста, уговаривай всех в доме не делать никаких сборов и приготовлений к твоей свадьбе. Они будут для тебя, по

доброте своей, лезть изо всех сил и жертвовать всем, чтобы накопить тебе всякого тряпья, но всякий сундук будет тебе в тягость: ты — женщина походная, твой муж военный, у которого квартира не должна быть велика, а потому не следует стеснять ее и загромождать жениным дрязгом. Толкуй, пожалуйста, всем[531] это. Я видел и графинь, выходявших замуж за военных и у которых, кроме узелка и небольшой шкатулки, ничего не было. В этом случае можешь[532] не послушать старшей сестры, которая несколько-заражена страстью ко всему парадному. Придумать какую-то кочь-карету — это, пожалуй,[533] было бы даже вроде великодушного движения[534] со стороны того, кто бы сам купил ее на свои деньги. Но делать предписание мне, [535] не сообразя, есть ли какая-нибудь на это возможность,[536] не рассудивши притом, что в один месяц не делается никакой экипаж, и который [и не берется] мастер здесь в Москве сделать [иначе как] в год... Грустно [537] бывает, когда с опрометчивостью соединяется еще и безболезность к положенью[538] близкого человека. Друг мой сестра! Неужели

ты думаешь, что я пожалел бы помочь тебе? Но войди в мое положение: говорю тебе, что если я умру, то не на что будет, может быть, похоронить меня, вот какого рода мои обстоятельства. Я думал было, приехавши в Москву, поправить житейские дела свои, но встретил препятствия на всяком шагу. Денежные обстоятельства мои плохи. Видно, богу угодно, чтобы мы оставались в бедности. Да и признаюсь, полная бедность гораздо лучше средственного состояния. В средственном состоянии приходят на ум всякие замашки свыше состояния: и кочь-каре́та, и досада на то, что не в силах ее сделать, и мало ли чего на каждом шагу. А когда беден, тогда говоришь: «я этого не могу» — и спокоен. Милая сестра моя, люби бедность. Тайна великая скрыта в этом слове. Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат. Истину говорю тебе и чем дале живу, тем более ее чувствую. Недаром бог не хочет, чтобы иные[539] люди были богаты: трудно богатому спастись. Сказавши тебе всё это, буду, однако ж, всячески стараться достать хоть сколько-нибудь денег, чтобы купить для вас маленькую подержанную коля-

сочку, иногда они достаются дешево, и если будет возможность и средства, приеду, может быть, в ней сам, но ничего не могу обещать, наверно, как бы ни желалось мне обнять тебя лично, поздравить и пожелать всякого добра, добра истинного, прекрасного, а не ложного и обманчивого, за которым так гонятся люди.

Твой весь брат Николай.

Напиши мне, в какой день сентября назначена ваша свадьба. *На обороте:* Милой сестре моей Елисавете.

Плетневу П. А., 15 июля 1851*

230. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Москва. 15 июля <1851>.

Пишу к тебе из Москвы, усталый, изнеможенный от жару и пыли. Поспешил сюда с тем, чтобы заняться делами по части приготовления к печати «М<ертвых> д<уш>» второго тома, и до того изнемог, что едва в силах водить пером, чтобы написать несколько строчек записки, а не то, что поправлять или даже переписать то, что нужно переписать. Гораздо лучше просидеть было лето дома и не

торопиться, но желанье повидаться с тобой и с Жуковским было причиной тоже моего нетерпенья. А между тем здесь цензура из рук вон. Ее действия до того загадочны, что поневоле начнешь предполагать ее в каком-то злоумышлении и заговоре против тех самых положений и того самого направления,[540] которые она будто бы (по словам ее) признает. Ради бога, пожертвуй своим экземпляром сочинений моих и устрой так, чтобы он был подписан в Петербурге. Здешние бабы-цензора отказываются даже и от напечатанных книг, особливо если они цензурованы петербургским цензором. А второе издание моих сочинений нужно уже и потому, что книгопродавцы делают разные мерзости с покупателями, требуют по сту рублей за экземпляр и распускают под рукой вести, что теперь всё запрещено. В случае, если и в Петербурге какие-нибудь придирки насчет, может, каких-нибудь фраз, то Смирнова мне сказала, что велик<ая> княгиня Марья Никол<аевна> просила ее сказать мне, чтобы в случае чего обратиться прямо к ней. Это она говорила о втором томе «М<ертвых> д<уш>». Нельзя ли

этим воспользоваться и при 2 издании сочинений? Прежде хотел было вместить некоторые прибавления и перемены, но теперь не хочу: пусть всё остается в том виде, как было в 1 издании. Еще пойдет новая возня с цензорами. Бог с ними! Писал бы еще кое о чем, но в силу вожу пером. Весь расклеился. Передай душевный поклон мой достойной твоей супруге, о которой кое-что слышал от Смирн<овой>. Балабиным, если увидишь, также мой душевный поклон. Получил пересланное тобой описание филармонического* [541] быта в большом свете, по поводу «М<ертвых> д<уш>». Две страницы пробежал: правописание не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь. Ради бога, передай, что знаешь о Жуковском, да и о себе также. Письма адресуй по-прежнему на имя Шевырева.

Твой весь Н. Гоголь.

Правда ли, что кн. Вяземский в сильной хандре?

Архимандриту Моисею, июль 1851*

**231. АРХИМАНДРИТУ МОИСЕЮ.
<Середина июля 1851. Москва.>**

Так как всякий дар и лепта вдовы прием-
лется, примите[542] и от меня небольшое
приношение по мере малых средств моих
(двадцать пять рублей сер<ебром>). Употреби-
те их по усмотрению вашему на строитель-
ство обители вашей, о которой приятное вос-
помянанье храню всегда в сердце своем.
Очень признателен вам за ваше дружеское
гостеприимство и усердно прошу молитв ва-
ших о мне грешном. Неотступно прошу, чув-
ствуя в них сильную надобность.

Много благодарный вам

Николай Гоголь.

Покорнейше прошу передать при сем при-
ложенное письмецо достойному отцу Мака-
рию*. Если пожелает он узнать мой адрес, то
вот он:

Ник<олаю> Васильев<ичу> Гоголю в Моск-
ву, в дом Талызина на Никитском бульваре.

Шевыреву С. П., 25–26 июля 1851*

232. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <25–26 июля 1851. Москва.>

Убедительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанном, ни даже называть мелких сцен и лиц героев. Случились истории. Очень рад, что две последние главы, кроме тебя, никому неизвестны. Ради бога, никому.

Обнимаю тебя. Твой весь.

Гоголь А. В. и Е. В., июль 1851*

233. А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ. Москва. Июль <1851>.

Осуете вы хлопчете, сестры. Никто ничего от вас не требует — так давай самим задавать себе и выдумывать хлопоты! Жених — человек неглупый: просит и молит о том только, чтобы ничего не готовить, так давай самим. Не спорю, что хорошо бы и то и другое, да если нет, так что тут хлопотать? На нет и суда нет. Тут хоть тресни, а из ничего и сваришь ничего. Тут как пусть себе ни досадует

сестра Анна (которая любит вперед сочинить план, не спро-сясь с карманом, а потом выходить из себя, когда план не выходит, как ей хочется) — не даст[543] бог возможности, ничего не сделаешь. А мой совет — свадьбу поскорей да и без всяких приглашений и затей: обыкновенный обед в семье, как делается [544] это и между теми, которые нас гораздо побогаче, — да и всё тут. А какой-нибудь щебетунье-соседке, любящей потолковать о приданом, сказать, что это не всё, что обещал, мол, брат выслать белья и всего из Москвы через месяц — и ни слова больше. Хотел бы очень приехать если не к свадьбе, то через недели две после свадьбы — но плохи мои обстоятельства.[545] Не устроил дел своих так, чтобы иметь средства прожить эту зиму в Крыму ([546] проезд не по карману, платить за квартиру и стол тоже не по силам), и поневоле должен остаться в Москве. Последняя зима была здесь для меня очень тяжела. Боюсь, чтобы не проболеть опять, потому что суровый климат действует на меня с каждым годом вредоносней, и не хотелось бы мне очень здесь остаться. Но наше дело — покорность, а

не ропот. Сложить руки крестом и говорить: *да будет воля твоя, господи!* а не *сделай так, как я хочу!*

Посылаю тебе, сестра Елисавета, просимые тобою евангелие и библию, желаю от всей души заниматься более внутренним духом их, чем наружностью и переплетом. А тебе, сестра Анна, — *Лавсаик**, золотую книгу, если только ты ее раскусишь и будешь беспрестанно молиться молитвой Ефрема Сирина*: «Дух же терпения, смирения, любви даруй мне!» О, если бы тебе хоть сколько-нибудь терпенья и покорности — душа бы твоя сияла, как голубка. Даже и самое лицо светлеет, когда в душе обитает покорность, точно так же, как безобразно свирепеет оно, когда бес нетерпенья колеблет душу. О, настави и вразуми всех нас, боже! Молитесь обо мне: я сильно изнемог и устал от всего.

Любящий ваш брат Николай Г.

Что мне не дадите адреса Владимира Ивановича*? Ведь мне ж придется отвечать на письмо*. *На обороте:* Любезным моим сестрам Анне и Елисавете.

Репниной Е. П., 3 августа 1851*

234. Е. П. РЕПНИНОЙ. Москва. Август <a> 3 <1851>.

Соскучился без вестей о вас, добрейшая княгиня Елисавета Петровна. Откликнитесь двумя строчками, где вы, что вы и как вы. Я в Москве и о вас вспоминаю часто. Передайте от меня также душевный поклон княгине и княжне; скажите им и себе и князю, супругу вашему, что я вам всем обязан много за мое минувшее приятное пребыванье в Одессе. Сколько пробуду времени в Москве, не знаю. Куда на зиму и остаюсь ли здесь — тоже покамест мне неизвестно: всё зависит от устройства обстоятельств литературных и всяких. Адрес мой: на Никитском бульваре, в доме Талызина.

Ваш весь всюю душою Н. Гоголь.

Блудовой А. Д., лето 1851*

**235. А. Д. БЛУДОВОЙ. <Лето 1851.
Москва.>**

Душевно рад; а в какой степени и будет ли
удовлетворено ваше нетерпенье — это по-
куда вестъ бог. Условие было — сказать во
всяком случае всё, что на душе.

*Ваш весь Н. Гоголь. На обороте: Ее сиятель-
ству графине Антонине Дмитриевне Блудо-
вой*.*

Лешкову В. Н., лето 1851*

**236. В. Н. ЛЕШКОВУ. <Лето 1851.
Москва.>**

М^{<илостивый>} г^{<осударь>} В^{<асилий>}
Н^{<иколаевич>*}!

Узнавши, что в цензуре есть новые запрещения, вследствие которых не только все новые сочинения, но и старые, прежде отпечатан^{<ные>}, подвергаются сызнова строгому пересмотру, я прибегаю к вам с просьбой спасти доселе отпечатанные мои сочинения от уничтожений, от измене^{<ний>}, переправок и пробелов и ^{<дать>} возможн^{<ость>} изданья их в том виде, как изданы они д^{<о>} с^{<их>} п^{<ор>}. Образ мыслей моих совершенно известен и государю императору и государю наследнику. В сочинениях моих насмешки ^{<не>} над правит^{<ельством>}, но над людьми, злоупотребляющими, употребляющими во зло доверие правительст^{<ва>}, не над постановления^{<ми>}, [547] но над злоупотреблениями их.[548] Всё это у недалновидного цензора часто смешивае^{<тся>}[549] в поняти^{<и>} и заставл^{<яет>} е^{<го>} с боязнью смотреть ^{<на>} невинную, сколько-нибудь резкую фра^{<зу>}, ^{<как на>} вредную[550] и недостойную русского ^{<1 нрзб.>}, заставляя смотреть подозрительно ^{<1 нрзб.>}. [551] Я прошу вас об этом уже и потому, что

книгопродавцы для своих собственны<х> вы-
год уже начинают распускать слух, что сочи-
нения мои будут ценз<урой> запрещены, и
берут, а люди покупают, вшестеро большую
цену за немногие ныне оставшиеся экземпля-
ры. Уничтожение каких-нибудь двух-трех
резких фраз и выражений, конечно, для меня
ничего <?> с <2 нрзб.>, это не послужило <бы>
тем, <кто> сочинения мои знает наизусть: их
непропущение мысленно будет вноситься чи-
тателем с той только разницей, что станет
[подозревать в] приписываемом, чего даж<е>,
такой смысл, какого ни я <3 нрзб.>, может
быть, сама цензура или[552] сами [знаете, ка-
кой].

С соверше<нным> по<чтением>

Гоголь М. И., 2 сентября 1851*

**237. М. И. ГОГОЛЬ. Москва. Сентября
2. 1851.**

Очень понимаю, почтеннейшая и добрейшая матушка, что прискорбно вашему материнскому сердцу выдать дочь, не наделивши ее всем, чем бы вам хотелось, но поймите также, что прискорбно мне видеть, как чрез это положенье ваше и всех вас станет еще тягостней и затруднительней. Эти бедные браки, заключаемые с займами денег на самую свадьбу, тем уже тяжелы, что новому дому помощи никакой, а старый до последнего разоряется. «Будем жить собственными трудами!» Этих слов не вправе сказать даже и те, которые умеют трудиться. Думал и я, что буду всегда трудиться, а пришли недуги — отказалась голова. Рад бы лететь к вам, со страхом думаю о зиме. Крым мне нужен. Здоровье мое сызнова не так хорошо, и, кажется, я сам причиною. Желая хоть что-нибудь приготовить к печати, я усилил труды и чрез это не только не ускорил дела, но и отдалил еще года, может быть,

на два. Бедная моя голова! Доктора говорят, что надо ее оставить в покое. Вижу и знаю, что работа, при моем болезненном организме, тяжела; это не то, что работа рук или на воздухе и даже обыкновенная письменная. Головная работа такого рода, как моя, всех тяжелей. Молитесь обо мне, добрейшая моя матушка. На ваши теплые, на ваши близкие моему сердцу молитвы много у меня надежды. Трудно, трудно бывает мне!.. Скажите сестре Анне, что стыдно ей до сих пор быть ребенком. Ее оскорбило мое замечание, что она большую цену дает всяким приличиям, и она плакала. Может быть, и меня тронуло ее жестокосердие, когда, зная затруднительное мое положение, написала она мне купить на свои деньги коляску, но я не плакал. Замечанье во все не было сделано с тем, чтобы оскорбить ее. Ведь это ж, если оскорбляться замечаньями старшего и притом любящего нас человека, тогда можно до того воспитать строптивость своего характера, что уж не в силах будешь перенести и малейшего противоречия. Замечанья мои я говорю *очень не даром*, и почему знать, если бы их смиренно принять,

вместо того, чтобы раздражаться, может быть, в них открылся бы другой смысл. Много я говорю, соображая и будущее, и настоящее, и, наконец, такие обстоятельства, относящиеся к положению всего государства и нашего края, которые покуда известны только мне да тем, которые присматривают<ся> лучше к тому, что делается в нашем отечестве. И вот вам говорю, что <с> каждым годом будет затруднительней достать место, трудней пристроивать детей, бедственней всем, имеющим семейства. Правительство, видя, что размножились чиновники до того, что нужно для содержания их отягощать новыми налогами государство, старается значительно уменьшить места*, да и много есть такого теперь, о чем много говорить, что если дворяне не оставят своих привычек и всех этих будто бы необходимых приличий, — их участь будет самая плачевная и горестная. Стало быть, замечанья мои были очень не даром. Но знаю и то, что если трудно уметь давать умные советы, то еще труднее уметь их выслушать и воспользоваться. Это дело или очень умного, или очень смиренного человека,[553] а пото-

му и не удивляюсь, что сестры мои прежде, чем вникнуть в дух моих слов, ищут, нет ли в них чего-нибудь оскорбляющего их личное самолюбие и достоинство. «Чего поищешь, то и найдешь», говорит пословица. Бог да вразумит их и наставит во всем. О, как нужно всем нам вразумление свыше! Но если недостает в сердцах наших полного смирения, то как нам вразумиться свыше? Молитесь обо мне, добрейшая моя, родная душе моей матушка. Часто мне бывает трудно, очень, очень трудно. Дела[554] так много, а сил так мало! О, да подаст бог вашими материнскими, угодными ему молитвами здоровье и силу на труд и святое вразумление для него свыше!

Весь ваш, всею душою любящий вас и признательный сын

Н. Г.

На поездку мою в Крым мало имею надежды. Один было мой знакомый хотел подвезти в своем экипаже и на своих издержках, но теперь оказывается, что он едет день и ночь, спешит так, что, если бы я вас и увидал, то на две минуты.

Объясните, почему вы все-таки не присы-

лаете адреса Влад<имира> Ивановича?[555]

Гоголь Е. В., 2 сентября 1851*

**238. Е. В. ГОГОЛЬ. Сентября 2 <1851.
Москва>.**

Душевно восскорбел я об утрате нашего добрейшего соседа Гаврила Семеновича*, о которой ты извещаешь меня, любезная сестра! Мир душе его! Молился и молюсь о нем. Передай мое душевное участие Надежде Гавриловне. Я не сомневаюсь в том, что вы обе при ней теперь неотлучно. В это время[556] нужно всё позабыть свое и думать о другом. Не благодари еще покуда меня за подарок, хоть мне и очень бы хотелось его сделать тебе. Ты, кажется, нехорошо прочла[557] мое письмо, там столько было всяких условий. Если поеду в Крым, если достану денег и если отыщу поддержанную дешевую колясочку. Видишь ли, сколько всяких *если*. Что ж делать, нужно снизойти и к моему затруднительному положению и быть терпеливу. Покуда не сделал ничего, но бог милостив: не теперь — позже, авось как-нибудь, но обещать наверно — не

обещаю и ничего и не могу. Бог тебя да хранит, наделивши кротостью и небесной красотой терпенья, так необходимых в предстоящем тебе новом звании.

Твой искренно любящий тебя брат. *На обороте:* Сестре Елисавете.

**Данилевским А. С. и У. Г., июль —
сентябрь 1851***

**239. А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ.
<Июль — до 18 сентября 1851.
Москва.>**

Много, много вас благодарю, милые, добрые кум и кума, за ваши строчки. Душевно бы рад был обнять вас обоих лично, но не знаю, как это сделать, позволят ли всякие обстоятельства приехать в Малороссию.[558] С одной стороны, здоровье (которое опять стало плохо) требует переезда хоть в Крым, с другой — есть много причин, не дающих сделать этот переезд. Душевно сожалею, друг и кум. Александр Семеныч, что и твое также здоровье, говорят, не в большом порядке. Но, видно, уж так следует, нужно терпеть да молить-

ся. «Денег нет перед деньгами», — говорит по-
словица. Так, может быть, и здоровье. По
край<ней> мере, от всей души прошу его и те-
бе и себе, чтобы на старости лет распить ко-
гда-нибудь бутылку старого вина и вспом-
нить всё пройденное время и благодарно,
признательно поблагодарить бога за жизнь.

Твой весь Н.

Бог да хранит вас обоих с детками.
Алек<сандру> Михалыч<у>, если увидите, ду-
шевный поклон. *На обороте:* Александру Се-
меновичу Данилевскому.

Быкову В. И., 2-18 сентября 1851*

**240. В. И. БЫКОВУ. <2-18 сентября
1851. Москва.>**

Не знаю, буду ли к вам на свадьбу, как ис-
кренно и душевно того ни желаю. Во вся-
ком случае, поступите, по-моему, благоразум-
но, если, не дожидаясь меня, поспешите со
свадьбой. Матушка и сестры мечутся теперь
всюду, как угорелые кошки, чтобы накопить
побол<ее> для невесты всякого белья и тря-
пья. На это они усадят много денег, если толь-

ко их где-нибудь достанут,[559] а вам с этим тряпьем будет только возня. Пожалуста, уверьте, что ваша жизнь бивуачная и что вам некуда девать этот сор, а что лучше, если они могут это исполнить потом. Не торопясь, они изготовят это постепенно к какому-нибудь другому времени. Словом, чем-нибудь отклоните их и скажите, что вам так хочется исполнить мою просьбу поспешить с бракосочетанием.

Гоголь М. И., 18 сентября 1851*

**241. М. И. ГОГОЛЬ. 18 сентября 1851
<Москва>.**

Сейчас только что получил письмо ваше, бесценнейшая моя матушка. Обстоятельства мои, может быть, еще так устроятся, что я попаду к вам 1-го октября, проездом в Крым. Очень меня только тревожит, что вы не так здоровы. Бог да восстановит и укрепит вас! Ради бога, ничем не смущайтесь и молитесь. Всё бог устроит к наилучшему. Дал бы он только силы мне окончить свое дело.

Ваш всегда любящий сын Николай.

Скалон С. В., 18 сентября 1851*

**242. С. В. СКАЛОН. <18 сентября
1851. Москва.>**

Сейчас получил письмо от матушки. Она не так здорова. Не от хлопот ли? Ради бога, будьте при ней и утешьте ее. Я сам надеюсь приехать вслед за вами и, может быть, на днях выезжаю.

Ваш весь Н. Гоголь.

Аксакову С. Т., 20 сентября 1851*

**243. С. Т. АКСАКОВУ. Москва. 20
сен<тября 1851.>**

От всей души и от всего сердца поздравляю вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, со днем вашего рождения. Весьма жалею, что не с вами сижу за кулебякой, но тем не менее и душой и мыслями с вами. Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своих птиц*, а[560] я приготовлю вам душ, пожелайте только, чтобы они были живые, так же, как живы ваши птицы. Всех обнимаю, всех вас до единого целую мысленно и прошу не забывать меня в

МОЛИТВАХ.

Ваш весь Н. Г.

Пишите ко мне в Полтаву, а потом в Симферополь, на имя Княжевича*. *На обороте:* Бесценному другу Сергею Тимофеевичу.

Аксакову С. Т., 21 сентября 1851*

244. С. Т. АКСАКОВУ. <21 сентября 1851. Москва.>

Перед выездом захотелось мне еще раз поздравить вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, и со днем рожденья и с наступающим днем именин. Вспомните обо мне, а я о вас, и мысленно помолимся друг о друге, чтобы дал господь сил. А Ольга Семеновна и милые ваши детки, может быть, помолятся и у самого Сергия.

Ваш весь Н. Г.

Пожалуйста, не позабывайте писать. *На обороте:* Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Гоголь М. И., 22 сентября 1851*

245. М. И. ГОГОЛЬ. Сентября 22
<1851. Москва>.

Еще пишу к вам несколько строчек, почтеннейшая матушка. Последнее[561] письмо с известием, что вы нездоровы,[562] меня много огорчило. Вероятно, нездоровье ваше от множества хлопот по случаю свадьбы сестры. Но если думать обо всем, то конца не будет хлопотам. Я, чтоб и вас утешить, решился ехать сам, но вы никак не останавливайтесь с днем свадьбы и меня не ждите. Мне нельзя скоро ехать. Нервы мои так расколебались от нерешительности, ехать или не ехать, что езда моя будет нескорая;[563] даже опасаясь, чтобы она не расстроила меня еще более. Притом я на вас только взгляну и поскорее в Крым, а потому вы, пожалуста, меня не удерживайте. В Малороссии остаться зиму для меня еще тяжелей, чем в Москве. Я[564] захандрю и впаду в ипохондрию. Мне необходим такой климат, где бы я мог всякий день прогуливат<ься>. В Москве, по крайней мере, теп-

лы и велики дома, есть тротуары и улицы. Расстройство же нынешнее моего здоровья произошло от беспокойств^{ва} и волнения и в то же время от сильного жару, какой был во всё это время, который[565] так же, как и[566] холод, раздражает сильно мои нервы, особенно если дух неспокоен, а виной этого неспокойства был я сам, как и всегда мы сами бываем творцы своего беспокойства, именно оттого, что слишком много даем цены мелочным, нестоющим вещам. Бог да хранит ваше здоровье, так нужное нам! Поверьте, что ваши молитвы о нас гораздо полезнее ваших беспокойств. Ваши теплые материнские молитвы гораздо лучше устроят обстоятельства всех нас, чем ваши хлопоты и заботы. И я верю, что если в тихом настроении умиленного духа будете молиться обо мне, то бог мне даст силы исполнить свое дело и труд честно и добросовестно и притом без изнуренья здоровья.

Ваш весь многолюбящий сын Николай.

**Иеросхимонаху Макарию, 25
сентября 1851***

246. ИЕРОСХИМОНАХУ МАКАРИЮ.

<25 сентября 1851. Оптиная пустынь.>

Еще одно слово, душе и сердцу близкий
Отец Макарий. После первого решения, ко-
торое имел я в душе, подъезжая к обители,
было на сердце спокойно и тишина. После
второго как-то неловко и смутно и душа
неспокойна. Отчего вы, прощаясь со мной,
сказали: в последний раз? Может быть, всё
это происходит оттого, что нервы мои взвол-
нованы, в таком случае боюсь сильно, чтобы
дорога меня не расколебала. Очутиться боль-
ным посреди далекой дороги меня несколь-
ко страшит. Особенно, когда будет съедать
мысль, что оставил Москву, где бы[567] меня
не оставили в хандре.

Ваш весь.

Скажите, не говорит ли вам сердце, что
мне бы лучше было не выезжать из Москвы?

Аксакову С. Т., 30 сентября 1851*

247. С. Т. АКСАКОВУ. <30 сентября 1851. Москва.>

Сегодня, может быть, буду у вас. А слухам
никаким не верьте*. Слухи для того уже и
существуют на свете, чтобы им быть слухами.
Пропущены или не пропущены, стоит ли это
того, чтобы предаваться ребяческой радости
[568] или печалиться.

Шевыреву С. П., 30 сентября 1851*

248. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <30 сентября 1851. Москва.>

Очень жалею, что тебя не дождался. Я ждал
до 12 ч<асов>. Попечитель* на другой день
после моего отъезда, 23-го окт<ября>*, приез-
жал с известием, что он пропускает всё и что
нужно обыкновенным порядком только до-
ставить цензору, который прямо подпишет, и
дело готово. Стало быть, с министром нечего
об этом и толковать. Я еду к Троице с тем, что-
бы там помолиться о здоровье моей матушки,
которая завтра именинница. Дух мой крайне

изнемог; нервы расколеблены сильно. Чувствую, что нужно развлечение, а какое — не найду сил придумать.

Твой весь Н. Г.

Боюсь я, чтобы министр* не сбил теперь с толку попечителя и не произошла опять каша. До моего приезда ничего не предпринимай. *На обороте*: Степану Петровичу Шевыреву.

Гоголь М. И., сентябрь 1851*

249. М. И. ГОГОЛЬ. <Конец сентября 1851. Москва.>

Поздравляю вас и обнимаю от всей души, почтеннейшая, добрейшая моя матушка, и вас также, милые сестры. Бог да ниспошлет вам, что нужно для спокойствия и счастья прочного! До самых сих пор всё думал, что как-нибудь изворочусь с своими обстоятельствами и попаду к вам. Но как экономно ни рассчитывал, всё видел, что поездка моя в Крым не по возможности и деньгам. Душа скорбит, что не могу провести с вами эти дни, и оттого еще больше расклеился весь мой со-

став. Но бог милостив. Вашими усердными молитвами он меня подкрепит. Молитесь обо мне, бесценнейшая, добрейшая моя матушка; чувствую, что всё здоровье мое зависит от ваших молитв.

Ваш весь многолюбящий сын Н. Г.

Погодину М. П., сентябрь 1851*

250. М. П. ПОГОДИНУ. <Сентябрь 1851. Москва.>

Павел Васильевич Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести его к тебе затем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части. Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори, а особенно покажи ему старину, авось-либо твое собрание внушит уважение этим господам, до излишества живущим в Европе.

**Гоголь М. И., А. В. и Е. В., 3 октября
1851***

**251. М. И., А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ. Ок-
тябрь 3 <1851>. Москва.**

Не удалось мне с вами повидат<ься>, добрейшая моя матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Уже было выехал из Москвы, но, добравшись до Калуги, заболел и должен был возвратиться. Нервы мои от всяких тревог и колебаний дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна. Видно, уже так следует и угодно богу, чтобы эту зиму остался я в Москве. На прожитье в Крыму вряд ли бы достало средств. Здесь же, в Москве, теперь доктор, успешно лечащий нервические болезни наружными вытираньями и обливаньями холодной водой. Бог, иде же хочет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы. Коляску же, в которой я

ехал к вам, отправил из Калуги в Полтаву к Софье Васил<ьевне>, которая вам перешлет с тем, что если она не понравится сестре Елисавете, вы оставьте себе, а ей отдайте вашу. Коляска эта не щегольская и не новая, но для дороги очень удобна, покойна и легка. Если бы из занятых вами денег вы прислали мне хотя двести рублей серебром, я бы, приложивши к ним сотни полторы своих, мог бы купить по случаю такую коляску,[569] которая стоит тысячи две-три, а теперь эти деньги, верно, расплылись на всякие тряпки, которым сестры мои дают такую цену. По-моему, трехсот рублей было бы достаточно: сто рублей на шубу, сто рублей на прикупку серебра,[570] сто рублей на белье и остальные 700 руб. сереб<ром> лучше бы придержать на многое, гораздо нужнейшее. А теперь бедному Владимиру Ивановичу много будет возни с жениными вещами, вовсе не нужными для скромной жизни, какая должна быть у них. Виной всему то, мои милые сестры, что вы, позабывши свое бедное состояние, поставили себя в ранг стодушных невест, а потому и стали соображаться с тем, что нужно для помещиков, у ко-

торых около сотни душ. А если бы вы поставили себя в ряд людей, у которых двадцать душ, вы бы и половины не сделали тех издержек. Вы почувствовали бы, что в замужестве следует жить вам еще проще, чем в родительском доме, белье носить еще потолще, чем носили. Ну, рассудите сами, когда будет случай людям, имеющим какое-нибудь двадцатидушное поместье, носить голландские рубашки? Не огорчайтесь, милые сестры, моими замечаньями: одна любовь их говорит, а не что другое. Нет, друг мой Елисавета, если бы ты хотя вполовину имела той любви ко мне, какую говоришь, ты бы лучше оценила слова мои, основанные на познании главных вещей в жизни, а не мелких. Вот и теперь, мне сказывали Аксаковы, ты имеешь планы ехать и в Москву и к родным Владимира Ивановича. Друг мой, всё это стоит издержек[571] и притом расстроивает еще не успевший устроиться порядок. Новобрачным следует вначале прожить вместе одним, одним, не призывая к себе ни сестры, ни матери, никого. Один Христос только должен быть посреди их, во имя которого они заключили брак. Вся-

кое третье лицо будет помещательством. После, когда установится между вами жизнь и устроится дом, вы можете делать разъезды, или пригласить кого к себе быть свидетелем вашего согласия. Обо всем этом поразмысли, друг мой. Жаль мне, что не я в таких теперь обстоятельствах, чтобы прислать подарочек на новое хозяйство. Он будет за мной. После, когда разживусь, покуда посылаю тебе ящичек для письма. А ты, милая сестра моя Анна, не поскучай своим пребываньем с матушкой в деревне. Без тебя ей будет казаться очень пустынно. Займитесь осенью вместе с Ольгой садкой дерев. А если тебе уж очень соскучится зимой, то советую тебе отправиться погостить к Марье Николаевне* и в особенности сблизиться с Катериной Власьевной*, у которой ты многому можешь научиться относительно того, как устроить в деревне лучший порядок и подействовать благотельно на нравственность крестьян и домашних. Христос с вами, мои добрые и милые, молитесь обо мне все. Молитесь обо мне, добрейшая моя матушка. Мне теперь очень нужны молитвы всех вас.

Всех вас всюю душою и всем сердцем любя-
щий

Николай Г.

В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергия[572] о вас и о всех нас. Здоровье ваше с новобрач<ными> было пито за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют. К Владимиру Ивановичу буду писать.

Гоголь О. В., 3 октября 1851*

**252. О. В. ГОГОЛЬ. <3 октября 1851.
Москва.>**

Милая сестра Ольга Васильев<на>, посылаю тебе 10 рубл. серебром на всякие надобности для бедных и лекарства. Рад, что ты устроилась хорошо в своей комнате. Не оставляй уведомлять обо всем, что касается тебя и всех вас.

Твой брат Н. Г.

Скалон С. В., 3 октября 1851*

**253. С. В. СКАЛОН. Октябр<я> 3
<1851>. Москва.**

Отправившись из Москвы неделей после вас, я на дороге заболел и должен был возвратиться опять[573] в Москву. Нервы мои, расколебленные всякими тревогами, до того раздражились, что дорога и езда, доселе всегда благотворно действовавшие на здоровье мое, теперь стали действовать совершенно напротив. Коляску, которую припас себе для езды в Крым, я решил отправить вам в Полтаву с тем, чтобы ее переслали матушке, которая, буде коляска понадобится сестре, передаст ей, а не то оставит в Василевке. Коляска эта, несмотря на то, что не нова, очень покойна и легка, для поездок удобна и, по мне, людям, имеющим двадцать душ поместья, неприлично щеголять в новой коляске. Посылаю вам 50 рублей серебром, из которых срок прошу убедительно вручить доставляющему ее извозчику, крестьянину Рахманов<у> Федоту Сергееву, буде всё будет в исправности и не

изломано, а *десять* передать сестре Ольге на бедных и больных. Коляска[574] имеет форму кочь-кареты. Стекла такие, как и в карете, стало быть, как желала сестра Елисавета. Прийти она должна около 10 октября. Ключи от сундуков (два ключа наружн<ых> и 3 внутрен<них>)[575] находятся в боковом кармане внутри коляски, что вверху.

Затем мысленно целую ваши ручки за всё вам благодарный

Н. Гоголь.

Аксакову С. Т., 4–5 октября 1851*

254. С. Т. АКСАКОВУ. <4–5 октября 1851. Москва.>

Очень вас благодарю, бесценный друг Сергей Тимофеевич. Доехал я весьма благополучно; кучер не грубил. Здоровье мое идет понемногу, нервы еще успокоились не совсем, но, кажется, как будто покрепче. Работается крайне туго, и времени нехватает ни на что, точно крадет его лукавый. Как вы? Я боялся за вас в эти сырые солнечные[576] дни, чтобы вы, сидя над прудом, не простудились. Пожа-

луста, не поддайтесь сами на удочку, которою поддевает нас нынешняя обманчивая погода. Если будет тепло, то на следующей неделе, может быть, загляну к вам. Ольге Семеновне душевный поклон! Константина Сергеевича обнимаю, а с ним вместе и весь дом.

Ваш весь Н. Гоголь. На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Аксакову С. Т., октябрь 1851*

**255. С. Т. АКСАКОВУ. <Октябрь 1851.
Москва.>**

Слава богу за всё! Дело кое-как идет. Может быть, оно и лучше, если мы прочитаем друг другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то беспорядка, как всегда бывает осенью, когда человек возится и выбирает место, как усесться, а еще не уселся. Месяца через два мы, верно, с божьей помощью приведем в больший порядок тетради и бумаги, тогда и чтение будет с большим толком и с большей охотой. Обнимаю вас от всей души. Здоровье приберегайте да и приготовляйтесь тоже понемногу к сооружению конторки для

писанья, предоставляя работу, требующую силы, Конст<антину> Сергеевичу, а всё, что относится до аккуратности и мелкой отделки, себе.

Ваш весь Н. Г. На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Быковым В. И. и Е. В., 8 ноября 1851*

**256. В. И. и Е. В. БЫКОВЫМ. Москва.
8 ноября <1851>.**

Очень вас благодарю, милые брат и сестра! Бог вас да настроит и вразумит в новом житии! Не забывайте только моей убедительной мольбы, чтобы вся ваша жизнь проходила в труде и особенно в таком, который бы приводил всю кровь в движение и не давал бы засиживаться на месте. Опишите мне ваш день.

Ваш брат

искренно любящий Н.

Андрею Андреевичу передайте мое всегдашнее душевное, искреннее уважение, а Дмитрию Андреевичу братский поцелуй.

Гоголь М. И., 20 ноября 1851*

257. М. И. ГОГОЛЬ. Ноябрь<я> 20
<1851>. Москва.

Письмо ваше от 24 октября получил, почтеннейшая матушка. Здоровье мое, славу богу, понемногу поправляется, хоть и не могу похвалиться совершенным восстановлением его. Всё зависит от бога. Будем молиться богу. Не стройте, повторяю снова, никаких затей и планов для детей своих в будущем и останавливайте воображение, которое так любит у человека разгуливать. Лучше смиренно молитесь о том, чтобы дети ваши спаслись, и ничего больше, а там что кому бог пошлет, это его дело. Теперь у вас голова, я замечая, наполнена мыслями о женитьбах. Гоните от себя мысли эти: они мешают заниматься настоящим. Разве женитьбу Лизы вы устроили? Этим скорее могу похвастаться я, принудивши ее ехать в прошлом году в Кагорлык. Но ни вы, ни я не имели этого в предмете. Это устроил бог для нее. Нужно было выйти замуж — она и вышла, так же, как для иной другой нужно,

чтобы она не выходила замуж, и она не выходит. Нужно быть довольну нынешним состоянием, в котором каждый уже находится. Нужно молить[577] бога, чтобы дал силы в нынешнем состоянии исполнить свои обязанности, а не искать новых. И этих много обязанностей, и на эти едва достает времени, а мы еще это драгоценное время да тратим на всякие мечтанья. Помолитесь обо мне, добрейшая матушка, чтобы дал бог силы мне сколько-нибудь уплатить всякие долги, мною задолженные. Нам нужно прежде[578] попросить у бога вразумления, чтобы с помощью его видеть, что хорошо и что нехорошо, и видеть,[579] о чем даже и просить. О, вразуми нас всех бог прежде исполнить главное, прежде ему послужить!

Ваш многолюбящий сын Николай.

Пожалуйста, не позабудьте извинить меня пред Софиею Васил<ьевною>, что до сих пор еще не собрался благодарить за доброе и радужное исполнен<ие> порученностей.

**Константиновскому М. А., 28 ноября
1851***

**258. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.
28 ноября <1851>. Москва.**

Граф А<лександр> П<етрович> Толстой передал мне ваш поклон и рассказал мне о своем душеусладном пребывании у вас во Ржеве. Благодарю вас много и много за то, что содержите меня в памяти вашей. Одна мысль о том, что вы молитесь обо мне, уже поселяет в душу надежду, что бог удостоит меня поработать ему лучше, чем как работал доселе, немощный, ленивый и бессильный. Ваши два последние письма держу при себе неотлучно. Всякий раз, когда их в тишине перечитываю, вижу новое в них, прежде незамеченное, указание и напутствие и всякий раз благодарю бога, помогшего вам написать их. Не забывайте меня, добрая душа, в молитвах ваших. Знаете и сами, как они мне нужны. И да не оставляет вас за то бог до последних дней вашей земной жизни, покуда не соединитесь вечно с ним!

Ваш признательный Николай Гоголь.

Плетневу П. А., 30 ноября 1851*

**259. П. А. ПЛЕТНЕВУ. Москва. Ноябрь
ря 30 <1851>.**

Извини, что не писал к тебе. Всё собираюсь. Время так летит. Свежих минут так немного, так торопишься ими воспользоваться, так заня<т> тем делом, которое бы хотелось скорей привести к окончанию, что и две строчки к другу кажутся как бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочинений, слава богу, устроилось и здесь. Что же до печатанья новых, то... впрочем, в них, кажется, всё так ясно и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пройдут.

Что делаешь ты? Напиши также хоть строчки две о Смирновой. Я о ней ни слуху, ни духу.

Твой весь.

А Жуковский что и где? Я пред ним тоже виноват: не писал, всё ожида<л> приезда, а наконец — не знаю даже и куда адресовать.

Гоголь О. В., ноябрь 1851 («Что же ты не пишешь...»)*

**260. О. В. ГОГОЛЬ. <Ноябрь 1851.
Москва.>**

Что же ты не пишешь ни слова, добрая сестра моя Ольга? Не отвечала на письмо мое. Так как тебя ограбили, взявши от тебя деньги, назначенные для бедных, то посылаю, сколько мог собрать, 18 рублей сере<бром>. При расчетливом употреблении авось станет как-нибудь до времени. Уведоми меня, где какие производства идут по хозяйству и, между прочим, что именно и как сделал столяр: поименуй всё, им сделанное. Прощай, обнимаю тебя.

Твой брат Н.

Посылаю тебе 2 книги: «Беседы сельского священника с поселянами»* и «Лавсаик», ты их прочти внимательно.

На обороте: Сестре Ольге.

Гоголь О. В., ноябрь 1851 («Попроси священников...»)*

261. О. В. ГОГОЛЬ. <Ноябрь 1851. Москва.>

Попроси священников, чтобы читали...
Пвсякое воскресенье «Беседы сельского священника». Это лучш<ая> книга для поселян. Посылаю тебе также псалтырь и Ефрема Сирина.

Данилевскому А. С., 16 декабря 1851*

262. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Москва. 16 декабря <1851>.

Благодарю тебя за пись<мо>, которое было так отраднo утешительным описанием прекрасной кончины Михаи<ла> Алексеевича Литвинова*. Да утешит бог и всех таким светлым расставаньем с жизнью. Не гневайся, что мало пишу: у меня так мало свежих минут и так в эти минуты торопишься приняться за дело, которого окончанье лежит на душе моей и которому беспрестанно помехи, что я ни к кому не успеваю писать. Все так

же, как ты, меня упрекают. Второй том, который именно требует около себя возни, причина всего, ты на него и пеняй. Если не будет помешательств и бог подарит больше свежих расположений,[580] то, может быть, я тебе его привезу летом сам, а может быть, и в начале весны.

Твой весь Н. Гоголь.

Ульяне Григорьевне, Александру Миха<й>ловичу и всему дому душевный поклон. А ты пиши и описывай весь свой день, тебе ведь не на что сложить вину, чтобы[581] хоть заочно побыть с тобой несколько минут вместе.

Жуковскому В. А., 20 декабря 1851*

263. В. А. ЖУКОВСКОМУ. 1851. Де-
кабря 20. Москва.

Бог в помощь, милый друг и брат! От всей души поздравляю тебя с новым наступающим годом. Где бы ты ни был и над каким занятием ни сидел — бог в помощь! говорю тебе по-прежнему, да везде будет неразлучна с тобой его святая помощь! Я тружусь, работаю в тишине по-прежнему. Иногда хвораю, иногда же мило<сть> божия дает мне чувствовать свежесть и бодрость, тогда и работа идет свежее, а работа всё та же, с той разницей, что меньше, может быть, юношеской самонадеянности и больше сознания, что без смиренной молитвы нельзя ничего.

Твой весь Николай Гоголь.

Всех твоих обнимаю и говорю им тоже: бог в помощь!

Мой адрес: на Никитском бульваре. Дом Талызина. *На обороте:* Baden-Baden. Son excellence monsieur m-r Basile de Joukowsky. Его превосходительству Василию Андреевичу

Жуковскому. В Баден-Баден.

Гоголь М. И., 22 декабря 1851*

**264. М. И. ГОГОЛЬ. 1851. Декабр<я>
22. Москва.**

От всей души вас поздравляю с наступающим новым <годом>, почтеннейшая матушка. Дай бог, чтобы он принес вам много божьих милостей, и да пребудет с вами неразлучно его святая благодать! О прочем не заботьтесь, всё устроится само собою. Вся беда оттого, что мы мало заботимся о главном. А если бы прежде подумали о божеском, отложивши всё земное, — само бы собой устроилось земное, как и сам спаситель сказал: «Ищите прежде правды и царствия небесного, а сия вся вам приложатся». Прошу вас особенно позаботиться о том, чтобы священники хорошо и внятно читали народу беседы из той книжки, которую я прислал*. Книга эта много сделала добра и значительно поправила нравственность крестьян. Я вам советую в свободные часы прочесть эту книжку со вниманием или, еще лучше, — заставить прежде

священников вам прочесть, чтобы они получше привыкли произносить ясно и внятно всякое слово.

Бог да настроит вас во всем, относящемся к спасению душ порученных вам людей.

Ваш много вас любящий и признательный сын

Николай.

Гоголь О. В., 22 декабря 1851*

265. О. В. ГОГОЛЬ. Москва. Декабря 22 <1851>

Всё собирался писать к тебе, милая сестра Ольга, и всё за разными помехами не удосуживался. Не знаю, как благодарить за здоровье матушки бога! Верно, молитвы тех святых людей, которых мы просили за нее молиться, причиной. Во всяком случае нам следует ежеминутно благодарить бога, благодарить его радостно, весело. Не быть радостну, не ликовать духом — даже грех. Поэтому и ты не грусти, ничем не смущайся, не пребывай в тоске, но веселись беспрестанно, в беспрестанном выражении благодарности и призна-

тельности, вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной песнью благодаренья богу. О, если бы сделать так, чтобы и никогда и времени не доставало для всяких других, речей, кроме ликующих речей вечной признательности богу! Жаль мне, что от<ец> Гр<игорий>* плохо прочел народу «Беседы сельского священ<ника>». Не лучше ли бы прочел их твой кум? Ты его заставь прежде прочитать тебе самой под тем предлогом, что духовная книга тебе самой становится понятней, когда читает ее принявший рукоположение св. духа. Прочитавши сначала тебе, он в другой раз прочитает лучше народу, как уже знакомое. За посадку дерев тебя очень благодарю. За наливки также. Весной, если поможет бог управиться со всеми здешними делами, надеюсь заглянуть к вам и, может быть, опять часть лета проведем вместе. Как только сделается потепле<е>, пришлю тебе семян для посева кое-какой огородины. Затем поздравляю тебя с наступающим новым годом. Дай бог, чтобы он и тебе, и всем добрым людям был в радость и в ликование.

Твой весь тебя любящий брат Ник<олай>.

Я полагаю, что матушке полезно было весеннее лечение для перечистки крови и уменьшения ее воспалительности. От этого у нее пошли частые лихорадки. Посоветуйся и расспроси у какого-нибудь умного доктора.
На обороте: Милой сестре моей Ольге.

Иванову А. А., вторая половина 1851*
266. А. А. ИВАНОВУ. <Вторая половина 1851. Москва.>

Николай Петрович Ботки<н>* передаст вам мой поцелуй, многолюбимый мною Александр Андре<ев>ич. Бог в помощь вам в трудах ваших! Не унывайте, бодритесь. Благословенье святое да пребудет над вашей кистью, и картина ваша будет кончена со славою. От всей души вам, по крайней мере, желаю.

Ваш весь Н. Г.

Ни о чем говорить не хочется. Всё, что ни есть в мире, так ниже того, что творится в уединенной келье художника, что я сам не гляжу ни на что, и мир кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христос с вами! *На обороте:* Александру Андреевичу

Иванову.

Аксакову С. Т., конец 1851*

**267. С. Т. АКСАКОВУ. <Конец 1851.
Москва.>**

Поздравляю вас от всей души, что же до меня, то хотя и не могу похвалить<ся> тем же, но если бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, и я как-нибудь управлюсь.

Ваш весь Н. Г. На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Гоголь М. И., конец 1851*

268. М. И. ГОГОЛЬ. <Конец 1851.
Москва.>

Никогда так не чувствовал потребности молитв ваших, добрейшая моя матушка. О, молитесь, чтобы бог меня помиловал, чтобы наставил, вразумил совершить мое дело честно, свято и дал бы мне на то силы и здоровье! Ваши постоянные молитвы обо мне теперь мне так нужны, так нужны — вот всё, что умею вам сказать. О, да поможет вам бог обо мне молиться!

Ваш многолюбящий вас, признательный, благодарный вам сын

Николай.

**Шевыреву С. П., конец 1851
(«Возвращаю тебе с
благодарностью...»)***

**269. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <Конец 1851.
Москва.>**

Возвращаю тебе с благодарностью взятые у тебя книги: 1-й том Гмелина* и четыре книжки «Отечественных Записок». Если у тебя книги не далеко укладены, то пришли мне Палласа* все пять, с атласом, сим меня много обяжешь. Мне нужно побольше прочесть о Сибири и северо-восточной России.

Твой весь Н. Г. На обороте: Степану Петровичу Шевыреву. В Дегтярном переулке, в собственном доме.

Шевыреву С. П., конец 1851
(«Извини, друг, было некогда
доселе...»)*

270. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <Конец 1851.
Москва.>

Извини, друг, было некогда доселе. К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах, на которые, право, в нынешнее время поглупел. Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходи<мы> изнемогающей душе моей. Впрочем, в два часа постараюсь тебя увидеть.

Весь твой Н. Г. На обороте: Степану Петровичу Шевыреву.

**Шевыреву С. П., конец 1851
(«Здоров ли ты...»)***

**271. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <Конец 1851.
Москва.>**

Здоров ли ты? Давно тебя не видел. Я в это время сильно расхворался, да и теперь еще не совсем оправился. Загляни ко мне, если будет время, захвати с собою деньги, оставшиеся от вклада в опекунс<кий> совет, а если есть какие-нибудь письма, то и письма.

Твой весь Н. Гоголь. На обороте: <Степану Петровичу <Ше>выреву.[582]

Шевыреву С. П., конец 1851
(«Посылаю оставшиеся у меня
книги...»)*

272. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <Конец 1851.
Москва.>

Посылаю остававшиеся у меня книги Палласа: «Записки» и «Описание растений<ий>», 6 книг. И прошу тех, о которых оставил у тебя записочку, то есть:

Рычкова*

Севергина*

и Зуева*

Записки о России.

Твой весь, признательный много за твою
обязательность

Н. Г. На обороте: Степану Петровичу Шевыреву.

Аксакову С. Т., 1851*

273. С. Т. АКСАКОВУ. <1851.>

.. Душевно благодарю* Ольгу Сергеевну* <, >
Дпрошу не забывать меня в молитвах.
Н. Г.

Вяземскому П. А., 1 января 1852*

**274. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 1852. 1
генв<аря Москва>.**

Перекрестясь, пишу к вам. Ради Христа, принимайтесь скорее за труд, который бы занял хоть сколько-нибудь все способности, вам богом данные. Мы все здесь поденщики, обязанные работать и работать и глядеть вверх: там плата. Без этого удел наш — болезни, хандра, тоска и миллион искушений от лукавого, который так и ждет минут нашего уныния. Мне всё чувствуется, что если бы вы принялись за историю царствования Екатерины* или если бы даже написали только статью о царствовании Екатерины с мыслью дать в ней урок и государям и подданным, — много бы это доставило пищи вашей соб-

ственной душе. Историческое сочинение со взглядом человека, уже узнавшего жизнь и главное в жизни, и с целью оставить в нем завещанье после себя потомству, потомству, которое так же должно быть нам родное и близкое нашему сердцу, как дети близки сердцу отца (иначе разорвана связь между настоящим и будущим)... Но что говорить! Один только и есть язык, на котором можно говорить теперь писателю с читателем, — это, история, не рассуждающая, но выставяющая как в зеркале все события, заключающие оправдания божия.

От всей души поздравляющий вас с новым годом

Н. Гоголь. На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Смирновой А. О., 1 января 1852*

**275. А. О. СМИРНОВОЙ. <1 января
1852. Москва.>**

От всей души поздравляю вас с новым наступающим годом, Александра Осиповна. О, да будет он благодатным для вас во всех отношениях! Не думайте только о своей болезни, а всю себя вручите богу, и он управит вами прекрасно. Займитесь делом, как бы вы ни были вовсе больны: сила ведь его в немощи совершается. О, да явится на вас сила его!

Ваш весь Н. Г.

Всех добрейших Вьельгорск<их> поздравьте от меня с новым годом, и бог да пребудет неотлучно со всеми нами!

Аксакову С. Т., январь 1852*

276. С. Т. АКСАКОВУ. <Начало января 1852. Москва.>

Очень благодарю за ваши строчки. Дело мое идет крайне тупо. Время так быстро летит, что ничего почти не успеваешь. Вся надежда моя на бога, который один может ускорить мое медленно движущееся вдохновенье.

Ваш весь Н. Г.

Обнимаю вместе с вами весь дом ваш. *На обороте:* Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Гоголь М. И., 2 февраля 1852*

277. М. И. ГОГОЛЬ. Февраля 2 <1852>. М<осква>.

Полагая, что вы все теперь вместе, адресую письмо в Кагорлык. От всей души обнимаю вас всех, в том числе в добрейшего Андрея Андреевича от всей души много уважаю. Сердечно соболезную о нездоровьи сестры Елисаветы. Я сам тоже всё это время чувствую себя как-то не так здоровым. Мне всё кажется, что здоровье мое только тогда мо-

жет совершенно как следует во мне восстано-
виться с надлежащей свежестью,[583] когда
вы все помолитесь обо мне как следует, то
есть соединенно, во взаимной между собою
любви, крепкой, крепкой, без которой не при-
емлется от нас молитва. Еще раз обнимаю вас
и прошу вас сильно, сильно обо мне молить-
ся. Подчас мне бывает очень трудно, но бог
милостив. О, если б он хоть сколько-нибудь
ниспослал нам помощь в том, чтобы жить
сколько-нибудь в его заповедях!

От вас я уже давно, почтеннейшая матуш-
ка, не получал известий.

Ваш сын

много вас любящий Н. Гоголь.

Жуковскому В. А., 2 февраля 1852*

**278. В. А. ЖУКОВСКОМУ. Москва.
Февраля 2 <1852>.**

Много благодарю за книги и за доброе письмо. Не упрекай, что ничего другого не мог и не сумел тебе написать, как только: *«Бог в помощь!»* Что вспоминаю о тебе часто в моих грешных молитвах, об этом бы не следовало и писать. Горячей бы гораздо мне следовало о тебе молиться, как о человеке, которому я много, много должен.

Сердечно соболезную о слепоте твоей, хоть и знаю, что бог милостив и всё строит в пользу души нашей. А между тем посылаю тебе медицинский рецепт*, который действует необыкновенно успешно на излечение слепоты. Надобно нюхать или пополам с табаком, или просто один высушенный лист известного, нами едомого корнеплодного растения, земляной груши. Рассказывают следующий случай этого открытия: служанка одной слепой старушки, нюхавшей табак, за недостатком его, начала ей подмешивать в табакерку,

истертого в порошок этого листа. Барыня, ставши замечать необыкновенное отделение мокрот чрез[584] нос и даже насморки, — служанку под допрос — та призналась во всем. Но старушка, почувствовав, что она лучше видит, стала продолжать, пока совершенно не исцелилась от слепоты. Средство это, говорят, подтверждается повсюду опытами, излечивая темную воду, даже и самую застарелую, у стариков. О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же. Помолись обо мне, чтобы работа моя была истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной.

Будь здоров и бог тебе в помощь, милый, близкий душе брат!

Твой Н. Гоголь.

Репниной В. Н., 2 февраля 1852
(«Здоровы ли вы...»)*

279. В. Н. РЕПНИНОЙ. Москва. Февра-
ля 2. 1852.

Здоровы ли вы и как живете, добрейшая Варвара Николаевна, и как здоровье всех ваших, начиная с многоуважаемой мною княгини вашей матушки? Недавно я слышал о необыкновенно целебном лекарстве от глазных болезней, излечивающем даже застарелую слепоту и темную воду. Ничего больше, как нюхать пополам с табаком или даже и просто один порошок высушенных листьев известного, нами едомого растенья, земляной груши. При этом нюханьи начинается необыкновенно сильное отделение мокрот через нос и всякие насморки, и ими, наконец, совершенно очищаются глаза от потемнения. Сообщите об этом и Александру Скарлатовичу*, которому посылаю мой искренно-душевный поклон. Если вы уведомяте меня хоть двумя строчками о себе и о добрейшей княгине В<арваре> А<лексеевне>* — много обяжете.

Ваш весь Н. Г.

Мой адрес: Москва. На Никитском бульваре. Дом Талызина.

Репниной В. Н., 2 февраля 1852 («Я о вас часто вспоминаю...»)*

280. Е. П. РЕПНИНОЙ. Москва. Февраля 2. 18<52>.

Я о вас часто вспоминаю, добрейшая княгиня Елисавета Петровна, равно как и о душевно мною любимом князе Василии Николаевиче* и о всем вашем доме, который, как что-то милое и близкое, пребывает в сердце моем. Хотел было даже ехать к вам в Одессу, но всякие дела и дразги по поводу перепечатыванья моих сочинений — старых грехов — меня задержали в Москве. С новыми не поспел. Их предмет так важен, что слабые средства мои при моих недугах с трудом одолевают и то в таком только случае, когда обо мне кто-нибудь крепко, крепко помолится. И вас прошу и всех умеющих молиться про сие обо мне помолиться. Уведомьте меня хоть немногими <строчками> о вас. Я всё ожидал уви-

деть князя здесь, который, по словам Елисаветы Николаевны*, должен был около Нового года быть в Москве. Передайте мой самый дружеский поклон князю Гагарину* с княгиней и Ильину*.

Ваш весь Н. Гоголь.

Всех ваших деток душевно обнимаю.

**Барановскому И. И., около 2
февраля 1852***

**281. И. И. БАРАНОВСКОМУ. <Около 2
февраля 1852. Москва.>**

Право, не знаю, что отвечать вам. Облегченья в моих недугах ничему другому не могу приписать, как только молитвам тех добрых людей, которые обо мне молились. Полагаю, что нужно неотступно, со слезами просить всякий день совета у самого Христа — нельзя, чтобы он наконец не вразумил нас. Далее сведений моих нехватает: спросите у духовника. Все леченья медицинские, сколько припомню, мне не помогали, кроме только одних освежительных холодных вытираний наружных с солями и морские ванны. В сле-

поте, говорят, теперь очень помогает нюхать или пополам с табаком или один высушенный лист известного[585] корнеплодного растения, земляной груши. Это нюханье, производя необыкновенное отделение мокрот посредством[586] насморков, излечивает даже у стариков слепоту от темной воды.

От всей души желающий вам всех облегчений

Н. Гоголь.

**Константиновскому М. А., 6 февраля
1852[587]***

**282. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ. 6
февр<аля>. Москва. 1852.**

Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извиненья в том, что оскорбил вас*. Но вдруг милость божия чьими-то молитвами посетила и меня жестокосердого, и сердцу моему захотелось вас благодарить крепко, так крепко, но об этом что говорить? Мне стало только жаль, что я не поменялся с вами шубой. Ваша лучше бы меня грела.

Обязанный вам вечною благодарностью и
здесь и за гробом

*весь ваш Николай. На обороте: Священнику
Александру Тимофееви<чу> Городецкому. В
Твери, в Покровской церкви. Для передачи отцу
Матвею.*

Гоголь М. И., около 10 февраля 1852*

**283. М. И. ГОГОЛЬ. <Около 10 февраля
1852. Москва.>**

Благодарю вас, бесценная моя матушка, что
вы обо мне молитесь. Мне так всегда быва-
ет сладко в те минуты, когда вы обо мне мо-
литесь! О, как много делает молитва матери!
Берегите же ради бога себя для нас. Храните
ваше драгоценное нам здоровье. В последнее
время вы стали подвержены воспалительно-
стям в крови. Вам нужно[588] бы, может быть,
весеннее лечение травами, разумеется, при
воздержании в пище и диете. Вообще же всем
полнокровным, как и сами знаете, следует
остерегаться от всего горячительного в пище.
Ради бога, посоветуйтесь с хорошим доктором.
Молитесь и обо мне, молитесь и о себе

вместе. О, как нужны нам молитвы ваши! как они нужны нам для нашего устроенья внутреннего! Пошли вам бог провести пост духовно и благодатно всем вам. В здоровье моем всё еще чего-то недостает, чтобы ему укрепиться. До сих пор не могу приняться ни за труды, как следует, ни за обычные дела, которые оттого приостановились.[589] О, да вразумит вас во всем бог, не смущайтесь ничем вокруг, никакими неудачами, только молитесь, и всё будет хорошо.

*Ваш весь, вас любящий сын
Николай.*

**Шевыреву С. П., зима 1848/49 или
1851/52***

**284. С. П. ШЕВЫРЕВУ. <Зима 1848/49
или 1851/52. Москва.>**

Как ни хочется тебя видеть, но лучше побережся. По вечерам особенно мне[590] нехорошо выезжать. Раз было попробовал, но простудился опять. Теперь хоть и лучше, но всё еще не пришел в обыкновенное состояние.

Твой весь Н. Г. Четверг.

**Аксакову С. Т., конец 1848 — начало
1852***

**285. С. Т. АКСАКОВУ. <Конец 1848 —
начало 1852.>**

Обнимаю вас заочно и очень жалею, что не могу обнять лично. Напишите о себе иногда строчку.

Ваш весь Н. Г. На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

**Аксаковой О. С., зима 1848/49 или
1851/52***

**286. О. С. АКСАКОВОЙ. <Зима
1849/50 или 1851/52. Москва.>**

Я располагал к вам после обеда, потому что тоже приглашен сегодня на вареники одним земляком*. Но если паче чаянья придет желанье надуть земляка, то, может быть, тогда попаду к вам и на обед. *На обороте:* Ольге Семеновне Аксаковой.

**Толстой А. Г., 1849 — начало 1852
(«Душевно сожалею...»)***

**287. А. Г. ТОЛСТОЙ. <1849 — начало
1852. Москва.>**

Душевно сожалею, что вы не так здоровы. Впрочем, мы все-таки увидимся и побеседуем, как только вам будет получше. — Добрая беседа бывает получше обеда.

Ваш весь Нико<лай> Гог<оль>.

Толстой А. Г., 1849 — начало 1852
(«Посылаю вам, графиня,
Златоуста...»)*

288. А. Г. ТОЛСТОЙ. <1849 — начало
1852. Москва.>

Посылаю вам, графиня, Златоуста, том, со-
держащий беседы, приличные посту. Луч-
шего ничего у меня не нашлось.

Ваш весь Н. Г.

Неустановленному лицу, 1849 —
начало 1852*

289. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ.
<1849 — начало 1852. Москва.>

Если вы свободны, то приезжайте сегодня
обедать. И я и граф Толстой будем вам
очень рады. Если же нельзя сегодня, то зав-
тра.

Ваш весь Н. Гоголь.

Деловые бумаги Гоголя

Перовскому Л. А. или др., 10–18 июля
1850*

1. <ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО гр. Л. А. ПЕРОВСКОМУ или кн. П. А. ШИРИНСКОМУ-ШИХМАТОВУ или гр. А. Ф. ОРЛОВУ.> <10–18 июля 1850. Васильевка.>

Ваше сиятельство милостивый государь.
Скажите мне откровенно, можно ли и прилично ли ввести государя наследника в мое положе<ние>. Признаюсь, никогда бы не посм<ел> я просить о каком-либо вспомо<ществов<ании>, если бы не жило во мне твердой уверенности, что я долг заплачу и что не будет <2 нрзб.>.[591] Обстоятельства мои таковы, что я должен буду просить позволения и даже средств проводить три зимние месяца [592] в году в Греции[593] или на островах Средиземного моря, или где-нибудь[594] на Востоке невадали от России. Это не прихоть, но существенная потребность моего слабого здо-

ровья и моих умственных работ. Я пробовал переломить свою природу и, укрепившись пребыванием на юге, приехал было в Россию с тем, чтобы здесь заняться и кончить свое дело, но суровость двух северных зим расстроила снова мое здоровье. Не столько жаль мне самого здоровья, сколько того, что время пропало даром. А, между тем, предмет труда моего не маловажен.[595] В остальных частях «Мертвых душ», над которыми теперь сижу, выступает русский человек уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями,[596] но всей глубиной своей природы и богатым разнообразием внутренних сил, в нем заключенных. Если только поможет бог произвести всё так, как желает душа моя, то, может быть, и я сослужу службу земле своей не меньшую той, какую ей служат все благородные и честные люди на других поприщах. Многое нами позабытое, пренебреженное, брошенное следует выставить ярко, в живых, говорящих примерах, способных подействовать сильно; о многом существенном и главном следует напомнить человеку вообще и русскому в особенности. Поэто-

му мне кажется, что я имею некоторое право поберечь себя и позаботиться о своем самосохранении. Принужденный поневоле наблюдать за своим здоровьем, я уже заметил, что тот год для меня лучше, когда лето случалось провести на севере, а зиму на юге. Летнее путешествие по России мне необходимо потому, что на многое следует взглянуть лично и собственными глазами. Зимнее пребывание в некотором отдалении от России, на юге, тоже необходимо (не говоря уже о потребности для здоровья): точно так же, как тому, кто бы хотел обозреть выстроенное в равнине войско, необходимо подняться на возвышенье, откуда бы всё видно было, как на ладоне, точно так же писателю, приобывшему созерцать, бывает необходимо временное отдаление от предмета, который он видел вблизи, затем, чтобы лучше обнять его. У меня же это преимущественная особенность моего глаза.[597] Присоветуйте, придумайте, как поступить мне, чтобы получить беспощлинный папшорт и некоторые средства для проезда. Состоянья у меня нет[598] никакого; жалованья не получаю ниоткуда; небольшой пенсион,

пожалованный мне великодушным государем на время пребывания моего за границей для излечения, прекратился по моем возвращении в Россию. Конечно, я бы мог иметь средства, если бы решился выдать в свет мое сочинение в неготовом и неконченном виде — но на это не решусь никогда. Есть слава, богу, совесть, которая не позволит мне этого даже и в таком случае, если бы я очутился в последней крайности. Всякому человеку следует выполнить на земле призванье свое добросовестно и честно. Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель. Прежде мне было возможно скорее писать, обдумывать и выдавать в свет, когда дело касалось только того, что достойно осмеянья в русском человеке, только того, что в нем пошло, ничтожно и составляет временную болезнь и наросты на теле, а не самое тело, но теперь, когда дело идет к тому, чтобы выставить наружу всё здоровое и крепкое в

нашей природе и выставить его так, чтобы увидали и сознались даже не признающие этого, а те, которые пренебрегли[599] развитие великих сил, данных русскому, устыдились бы, — с таким делом нельзя торопиться. Такая работа не совершается скоро. Много нужно для этого созреть и умом и душой и быть в отдалении от всего, возмущающего высокое настроение духа, много нужно тайных молитв, сокровенных сильных слез... словом, много того, чего я не могу объяснить, что и объяснять мне неприлично.

Мне кажется, если бы доставлена была мне возможность в продолжении трех лет сделать три летние поездки во внутренность России и три зимние пребывания вне ее под благоприятным климатом юга, всегда действовавшим освежительно на мои силы и творческую способность, — такое благодеяние не пропало бы даром. Сверх мной упомянутого большого сочинения, я бы мог окончить тогда ту необходимую и нужную у нас книгу, мысль о которой меня занимает с давних времен и за которую (дай только бог сил исполнить, как хочется) многие отцы се-

мейств скажут мне спасибо.[600] Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев, но когда все его способности свежее,[601] чем когда-либо потом, а воображение чутко и удерживает навеки всё, что ни поражает его. Таковую книгу (мне всегда казалось) мог составить только такой писатель, который умеет схватывать верно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства народа,[602] а всякую *местность* со всеми ее красками поставлять так ярко <и> выставить так живо, чтобы она навсегда осталась в глазах, который, наконец, имел бы способность сосредоточивать сочиненье в одно слитное целое так, чтобы вся земля от края до края со всей особенностью своих местностей, свойствами кряжей и грунтов врезалась бы как живая в память даже [603] несовершеннолетнего отрока и было бы ему очевидно даже[604] во младенчестве, какому углу России что именно свойственно и

прилично, и не пришло бы ему потом в голову, придя в зрелый возраст, заводить несвойственные ей фабрики и мануфактуры, доверяя иностранным промышленникам, заботящимся о временной собственной выгоде. И точно таким же образом чтобы ему еще во младенчестве видны были в настоящем виде качества и свойства русского народа со всем разнообразием особенностей, какими отличаются его ветви и племена, чтобы еще во младенчестве ему было видно, к чему именно каждый из этих племен способен вследствие орудий и сил, ему данных, и обращал бы он внимание потом, когда приведет его бог в зрелом возрасте сделаться государственным человеком, на особенности каждого из них, уважал бы обычаи, порожденные законами самой *местности*, и не требовал бы повсеместного выполнения того, что хорошо в одном угле и дурно в другом.

Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом* и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе ее я надеюсь, не столько на свои силы, сколько на любовь к

России, слава богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей,[605] а пуще всего на милость и помощь божью, без которой ничто не совершится и начинанье наискуснейшего погибнет вначале.

Если необыкновенность просьбы моей, уже зависящей от необыкновенности моих обстоятельств, затруднит вас дать совет мне, тогда поступите так, как, может быть, и без меня научит вас благородное сердце. Представьте это письмо прямо, как оно есть, на суд его императорского величества. Что угодно будет богу внушить его[606] монаршей воле, то, верно, будет самое законное решение. Во всяком случае великодушный государь не прогневается на своего верного подданного, от всех сил стремящегося принести пользу [607] родной земле своей, столь драгоценной его монаршему отеческому, многолюбящему сердцу.

**Наследнику Александру
Николаевичу, август-сентябрь 1850
[608]**

**2. <ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НА-
СЛЕДНИКУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛА-
ЕВИЧУ.> <Конец августа — сентябрь
1850 г. Васильевка.>**

Милостивейший государь!
С полною доверенностью к благород-
ному сердцу вашего и <мператорского> высо-
чества, прибегаю к вам без всяких предисло-
вий. Ваше в <ысочество> читали мои сочине-
ния, и некоторые из них удостоились вашего
высокого одобрения. Последняя книга, на ко-
торую я употребил лучшие мои силы, — это
«Мертвые души». Но из них написана [609]
только первая [610] часть. Вторая же, где рус-
ский человек выступает не одними пошло-
стями, но [611] всей глубиной своей богатой
природы, [612] еще не вполне окончена. Труд
этот может один доставить мне способ суще-
ствования, ибо состояния у меня нет никако-
го. Небольшой пенсион, пожалованный мне

великодушным государем на излечение мое за границей, прекратился по моем возвращении в Россию.

Окончить вторую часть «*Мертв<ых> душ*» я должен[613] для того, чтобы было чем *жить* [614] Но здоровье мое так слабо, что я не могу выносить холодного климата и в продолжение зимы работать не могу вовсе. Чтобы поправить несколько мое здоровье, мне необходимо проводить[615] ежегодно три месяца в Греции, на островах Средиз<емного> моря или где-нибудь на Востоке, вблизи России. [616] Если б доставлена мне была[617] возможность в продолжении[618] трех лет сделать три летних поездки во внутренность России и три зимние на юг или на Восток, [619] такое благодеяние не пропало бы для меня даром.

Милостивейший государь! Осмеливаюсь просить в<аше> и<мператорское> в<ысочество> исходатайствовать мне у государя императора некоторое денежное пособие, хотя заимообразно, на три или четыре года, до совершенного и добросовестного окончания второй части «*Мертвых душ*».[620]

Вашего импер<аторского> высочества милостивейшего государя моего верный и всепокорный слуга

Н. Г.

**Олсуфьеву В. Д., август-сентябрь
1850***

**3. <ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО В. Д.
ОЛСУФЬЕВУ.> <Конец августа —
сентябрь 1850. Васильевка.>**

Я долго колебался и размышлял, имею ли право осмелиться беспокоить государя наследника просьбою. Наконец подумал так: я занимаюсь сочинением, которое касается близкой сердцу его России. Если сочинение мое пробудит в русских любовь ко всему тому, что составляет ее святыню, и с тем вместе поселит в нем охоту к занятиям и трудам, более прочих свойственным нашей земле, то это с моей стороны есть уже тоже некоторый род службы, полезной отечеству. Сочинение мое «Мертвые души» долженствует обнять природу русского человека во всех ее силах. Из этого сочинения вышла в свет одна только

часть, содержащая в себе осмеянье всего того, что несвойственно нашей великой природе, что ее унизило; вторая же часть, где русский человек является уже не пошлой своей стороной, но всей глубиной своей природы, со всем величием своего характера, не могла быть так скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созреть самому. Теперь часть дела уже сделана. Но я устал, утомился, и здоровье мое, которым было запаса в Италии, вновь ослабело, и, что всего хуже, суровость климата отнимает у моей головы способность работать в зимнее время; две зимы пропали здесь даром. Чувствую, что для оживленья труда моего и окончанья нужно большее сближенье с Россией и временное отдаленье от нее.

Если бы в продолжение трех лет была у меня возможность совершать в летние месяцы путешествие по России, а на три зимние месяца удаляться невдали от нее или на острова Греции или где-нибудь на Востоке затем, чтобы поработать в тишине, — сочиненье мое было бы кончено не к бесславию Русской земли. Ибо нет у меня другой мысли: этим живу, этим дышу, молюсь богу только об

этом. Но как добыть на это средства? Доходов и жалованья я не получаю ниоткуда. Пенсия, пожалованный мне великодушным государем во время пребывания моего в Италии для излечения, прекратился с возвратом моим в Россию. Три года я здесь перебивался кое-как в надежде, что, когда окончу сочиненье, тогда сбыт его вознаградит меня достаточно. Но жестокие две зимы отняли у головы моей производительность, а у воображенья крылья.

Если я не имею права просить о вспомоществовании денежном, то, мне кажется, я могу просить об оказанье покровительства, о беспошлинном паспорте, давшем бы мне право прожить три зимы в теплых местах, и казенной подорожной, обезопасившей бы на три года мое путешествие по России.

Дополнения

Дополнение первое (К томам писем)

Данилевскому А. С.? 1822–1825*

1. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <?>. <1822–1823.>

*С пылающим небом слясь, заго-
релось море,
И пурпур и золото залили[621] ро-
щи и дома.
Шпиц башни Петровой, возвышен-
ный, вспыхнул над градом,
Как огненный столп, на лазури
небесной играя.
Угас он; но пурпур не гаснет на за-
падном небе;
Вот ночь, но не меркнут золоти-
стые полосы облак.
Без звезд и без месяца вся озаря-
ется дальность;
На взморье далеко сребристые
видны ветрила
Чуть видных судов, по синему
небу плывущих.
Сияньем бессумрачным небо ноч-*

ное сияет.
И пурпур заката сливается с златом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро.

А это какво тебе кажется?[622]

*Та ясность, подобно прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва оттеняются русыми локонами.*

Чем далее, тем лучше — писал бы еще, но, право, не могу: сон смыкает мои глаза, теперь и так уже пробило 2 часа. Прощай, милый друг.[623] Но еще говорю тебе и повторяю: пиши ко мне, сделай милость, пиши. Я этим только и могу еще несколько утешаться. Я намерен достать еще несколько хороших штук, которые пришлю к тебе в Харьков. Только, пожалуйста, адрес твой.

Твой друг Н. Гоголь.

Данилевскому А. С., август 1835*
2. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. <Август

1835. Васильевка.>

Не забудь меня уведомить в случае какого-нибудь изменения по части нашего выезда, то есть если он подвинется подальше воскресенья (пославши верхового из Сорочинца в пятницу или субботу). Если же всё по старому, то мы все будем в Сорочинцы в воскресенье на обед, никак не позже 2 часов, а если можно, то и раньше, чтобы пораньше и выехать после обеда в то же воскресенье.

Твой Г. На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

Боткину Н. П., август 1835*

3. Н. П. БОТКИНУ. <Конец августа 1835. Москва.>

Обедать не соберусь покуда. Но если вы завтра ввечеру (т. е. в среду) дома и никого у вас не будет, кроме люду домашнего, то мы с Данилевским заглянем к вам около 8-ми часов.

Весь ваш Н. Гоголь.

Неустановленному лицу, первая половина 1830-х годов*

Эге-ге-ге! Что это делается с тобою, скажи, пожалуста? Ни слуху, ни духу! Положим,

занятия... Но всё не можно никак подумать, чтобы не нашлось времени.

Репниной В. Н., июль-август н. ст. 1838*

5. В. Н. РЕПНИНОЙ. <Июль — август н. ст. 1838. Кастелламаре.>

Осужденный доктором на лежание в постели почти весь сегодняшний день, я совершенно не могу взяться за ум, как нужно себя вести в этом для меня конфузном и совершенно новом состоянии, и потому прибегаю к вам за советом. Вам совершенно знакомо это состояние. Сделайте милость, научите, нужно ли почти ничего не делать или совершенно ничего не делать. За этим единственно и отправляется сия посланница*, летящая быстрее ветра посредством своих крепких, хотя несколько грязных, ног. Если вы находите, что хорошо следовать первому из этих правил, то очень обяжете меня, когда одолжите который-нибудь из волюмов Гофмана. Кажется, что в теперешнее время мне будут в пору фантастические сказки. Прошу великодушно-го извинения за эту тревогу, которую наносит вам, княжна, моя докучная натура, уверенная слишком в вашей доброте.

Я нашел у себя на столе письмо госпожи Яковлевой*, которое дышит необыкновенным достоинством. Запрос обо мне обличает всю тонкость ума этой необыкновенной дамы.

Позвольте узнать, будет ли куда-нибудь услан ваш управляющий ослиными делами signor Dominico*. Я хотел бы послать его к Ливену* на квартиру за моим несчастным паспортом, о котором я совершенно не имею никаких слухов.

На обороте: Alla sua eccellenza signora principessa.

**Бенардаки Д. Е., конец августа н. ст.
1839***

**6. Д. Е. БЕНАРДАКИ. Вена. <Конец
августа н. ст. 1839.>**

При сем случае пишу я к вам несколько слов, искренно любимый и уважаемый мною Дмитрий Егорович. Пожалуйста, напишите мне несколько строчек о вашем путешествии. Каретник ваш желает чрезвычайно знать, понравилась ли вам коляска, и потому не преминьте об этом меня уведомить. Я в два дни и две ночи сделал мое путешествие в Вену без всяких приключений. Дни прекрас-

ные. Жарко. Даже не верится, что в Мариенбаде мы уже видели осень... Особенно советую вам как можно больше смотреть в Мюнхене, что достойно и недостойно. Это благодетельно действует: я как походил по Вене с четыре часа, осматривая разный вздор, да притом еще заблудился, да как поискал часа с два своей квартиры, так после этого... Если будет вам время, напишите из Женевы; мне бы очень желалось знать, как вам понравятся тамошние камельки и как вы и куда пристроите Леонида*. Прощайте, обнимаю вас душевно. Дядюшку Альфераки* тоже.

Искренно преданный и уважающий вас
Гоголь.

Уведомьте, послали ли вы с привозившим коляску чемодан ко мне или нет. Мне сегодня понравился один чемодан и чуть было не купил; но, вспомнивши, что, кажется, хотели прислать ваш, решил до времени обождать.

На обороте: Дмитрию Егоровичу Бенардаки от Гоголя.

Гоголь Е. В., 25 июня н. ст. 1840*

**7. Е. В. ГОГОЛЬ. <25 июня н. ст. 1840.
Вена.>**

Что же ты не пишешь ко мне? Я думал уже найти письмо твое давно лежащим на почте и ожидающим только моего прихода, а вместо того ни одной строчки! Аннет больше твоего меня любит: она мне написала, написала подробно обо всем, что ни случилось с нею в дороге и по приезде домой*. Не стыдно ли тебе? Вот твоя любовь ко мне! А я об тебе очень часто думаю. Но теперь я сердит на тебя. Я готов был тебе написать об себе и об том, что видел, но теперь не хочу ничего писать до тех пор, пока не получу твоего письма, самого подробного, потому что ты в наказание за свой проступок должна теперь написать письмо вдвое длиннее и описать совершенно всё до последней булавочки, что ни случилось с тобою со дня нашей разлуки. Я теперь в Вене и пробуду здесь еще месяц с лишком, и потому ты можешь адресовать мне письма в Вену, в *poste restante*, больше ничего не нужно надписывать; письма же, которые вздумаешь писать в августе месяце, адресуй в Рим, тоже *poste restante*.

Прощай, душа Лиза, целую тебя и жду непременно длинного письма.

Твой брат.

Панову В. А., лето 1841*

8. В. А. ПАНОВУ. <Лето 1841.>

Вы, верно, не можете понять причины, почему до сих пор я не писал к вам и почему по обещанию не прислал портрета... Но портрета я не присылаю вам и теперь и вот почему. 1-е, на почте встретились такие затруднения при отправке его, что у меня не стало терпения, не потому не стало терпенья, чтобы я был ленив или занят, но потому, <что> меня сильно охладили следующие за сим причины. 2-я: два известные вам господина*[624] поднялись на такие штуки, каких, верно, вы не придумали бы вовек, именно испортить портрет, и сделали его похожим на сестру ее, что изумило совершенно всех, и сам оригинал* не может постигнуть причины, почему теперь решительно не похож портрет, тогда как прежде был похож... Наконец, 3-я причина, может быть, самая неприятная для вас, но дело прошлое, стало быть, можно сказать прямо: оригинал и сотой доли не стоит сердечных чувств ваших. И тени в нем и нет, и не было того, что заключается сильно в груди

италианской любовницы. При вас, при моих глазах даже, произошли такие сцены, которые если бы я вам сообщил вполосину, то уже доставил бы вам несколько горьких минут, омрачивших бы, может быть, ваше последнее пребывание в Риме... Но бог с ним! Гоните прочь с души всё мутное! На ясный, на свежий воздух! На труд! Сильнее и крепче воздвигайте упор в душе своей всему, что низко и чем соблазняется свет. Помните вечно, какой земли гражданин вы и что никому не предстоит столько трудов и работ, как гражданину сей земли, и что есть таинственная рука, которая доведет вас на прекрасное и высокое... Прощайте! Посылаю вам письмо, вероятно, вашей маминьки.

На обороте: A Berlin — en Prusse.
Hochwohlgeborener Herr von Katkoff.
Doroteenstrasse, № 40. Для передачи Панову.

Толстому А. П., 28 мая 28 1845*

**9. А. П. ТОЛСТОМУ. Гомбург, мая 28
<н. ст. 1845>.**

Уведомляю вас, что отъезд мой отстранивается[625] еще на одну неделю. Недостает духа уехать, с вами не простившись, хотя на

весеннее путешествие и дорогу, как на единственно мне помогавшее доселе средство, была одна моя надежда... Но надеяться следует на бога[626]. Прошу вас просить нашего доброго священника в Париже* отправить молебен о моем выздоровлении. Отправьте также молебен о вашем собственном выздоровлении. Бог да хранит вас. Я уверен, что вы и это письмо мое получите в Париже, потому что, вероятно, успели вновь отложить и без <того> отложенный так надолго отъезд ваш.

Ваш Н. Гоголь.

На обороте: Son excellence le comte Alexandre Tolstoy. Paris, rue de la Paix, 9. Hôtel Westminster.

Вершинскому Д. С., 15 января н. ст. 1847*

10. Д. С. ВЕРШИНСКОМУ. Неаполь.

Генв<аря> 15 <н. ст. 1847>.

От Тарасия Федоров<ича> Серединского я узнал, что вы также собираетесь в Иерусалим. Весьма буду рад, если придется нам вместе и[627] совершить это путешествие. Уведомляю вас, что я думаю отсюда подняться в середине февраля месяца. Если вам будет возможно тоже около этого времени прибыть в

Неаполь, то напишите словечка два.

Весь ваш Н. Гоголь.[628]

Белому В. И., 16 мая 1849*

**11. В. И. БЕЛОМУ. Москва. Маия 16.
1849.**

Очень благодарен за ваши замечания. О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая наперетъ особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании*. Вследствие замечаний ваших приму к соображенью и многое другое.

Под именем добродетельных людей* я разуме<л> лучших людей. Тут была с моей стороны неточность выраженья. Намеренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*, то, что проще и ближе ставит человека к исполненью обязанностей. Если вам когда-нибудь захочется написать еще что-нибудь — очень меня обяжете.

Весьма вам признательный Н. Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию милостивому государю Василию Ивановичу Белому*. В Одессе. В Одесской городской думе. По

евр<ейскому> отделению.

Неустановленному лицу, дата не установлена*

Посылаю тебе тетрадку для вписанья в нее той статьи, которую дал[629] вчер<а>. Заглавие вставлено. Постарайся писать шрифт [630] потеснее и мельче, чтобы вместилось.

Дополнение второе (К первому тому)

Вечера на хуторе близ Диканьки (Отрывок предисловия к первой части) (Черновой автограф)*

«**Э**то что за невидаль: Вечера на хуторе близ Диканьки? Что еще за вечера такие?[631] И швырнул еще в свет какой-то пасечник![632] Слава богу, еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу. Еще мало народу, всякого званья и сброду, вымарали[633] пальцев в чернилах! Дернула же недобрая сила и пасечника потащиться вслед за другими, право![634] Печатной бумаги столько[635] развелось, что не придумаешь, что ж такое[636] завернуть в нее». Слышало, слышало вещее мое все эти речи еще за месяц. То есть, я говорю, что нашему брату пока-

заться в большой свет — батюшки мои — это всё равно, как случается зайдешь в покои великого пана. Вот тут-то и слушай: все обступят тебя,[637] еще[638] пусть[639] высшее лакейство, а то[640] какой-нибудь ободранный мальчи<ш>ка, посмотреть — дрянь, который, с позволенья сказать, копается на заднем дворе, и тот пристанет, и начнут со всех сторон притопывать[641] ногами: «Куда, куда, мужик? зачем? пошел! пошел!»[642] То есть я вам скажу... Да что говорить? Мне легче[643] съездить в год два раза в Миргород, в котором уже[644] будет пять лет, как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот свет. А показался — плачь, не плачь — давай ответ.

У нас, любезные мои читатели, не в гнев будь сказано (вы, может, и рассердитесь, что пасечник вздумал вам говорить запросто, как будто какому-нибудь куму или свату своему) у нас[645] на хуторах водится издавна, как только кончатся работы в поле...

Вечера на хуторе близ Диканьки
(Предисловие ко второй части)
(Черновой автограф)*

Вот вам и другая книжка, а лучше сказать, последняя! Не хотелось, право, не хотелось выдавать и этой.[646] Пора знать честь. Я вам скажу, что на хуторе начинают смеяться надо мною: вот, говорят, одурел старый дед на старости лет, тешится ребяческими игрушками. Да коли сказать правду, то и[647] уже давно пора на покой. Ведь вы, любезные читатели, верно[648] не знаете, что у меня только два зуба во рту: был и третий, — и тот прошлый год переломил,[649] когда стал грызть сухой горох. Теперь если что мягкое попадет, то буду как-нибудь жевать, а твердое-то ни за что не откушу.[650] Так вот вам, любезные читатели, опять книжка! Не бранитесь только! Не хорошо браниться на прощанье,[651] особенно с тем человеком, с которым, бог знает, увидите ли когда-нибудь больше. Тут в этой книжке рассказчики всё для вас незнакомые, выключая только разве Фомы Григорьевича. А того горохового панича, что рассказывал такие вычурные сказки, которых[652] много остряков и из московского народу не могло понять, уже давно нет. Он[653] после того и не заглядывал к нам, как рассорился со все-

ми. Да я вам не рассказывал этого случая? Послушайте, тут прекомедия была. Прошлый год, так как-то около лета, да чуть ли не на самый день моего патрона, приехали ко мне в гости (нужно вам знать, любезные читатели, что земляки[654] мои, дай бог им здоровья, не забывают старика. Уже есть пятидесятый год, как я зачал помнить свои именины. Который же точно мне год, — этого ни я, ни старуха моя вам не скажет. Должно быть, близ семидесяти. Диканьский-то поп-то, отец Харлампий[655] знал, когда я родился. Да жаль, что уже пятьдесят лет, как его нет на свете. Вот [656] приехали ко мне гости: Захар Кирилович Шлепопопенька, Степан Иванович Курочка,[657] Тарас Иванович Кандебас, заседатель Харлампий Дени<со>вич Хлоста.[658] Приехал еще... вот позабыл, право, имя и фамилию. Осип... Осип... Боже мой, его знает весь Миргород! он еще когда говорит, то всегда щелкает наперед пальцем и подопрется в бока... Ну, бог с ним, в другое время вспомню. Приехал и знакомый вам панич из Полтавы. Фомы Григорьевича я[659] не считаю, — то уж свой человек. Разговорились все (опять, нуж-

но вам заметить, что у нас никогда о пустяках не бывает разговора. Я[660] всегда люблю приличные [разговоры]: чтобы, как говорят, вместе и... <?> (услаждения и назидательность была). Разговорились о том, как нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что так и так нужно наперед [хорошенько] вымыть яблоки, потом намочить в квасу... «Ничего с этого не будет!» сказал полтавец, заложивши руки в гороховый кафтан свой, вынувши табакерку свою и прошедши по комнате: «ничего не будет! Прежде всего пересыпать канупером... <?>» Ну, я на вас ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совести: слышали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером? Правда, кладут смородинный лист, нечуй-витер, трилистник, [661] но чтобы клали канупер, — нет я не слышал об этом.[662] Уж лучше моей старухи уже... никто не знает про эти дела. Ну, что ж прикажете делать? «Слушай, Макар Назарович», сказал я, отведши его в сторону: «ей, не смейши народ! Ведь тебе же хуже! Ты человек немаловажный! Сам, как говоришь, обедал и за губернаторским столом. Ну, скажешь что-

нибудь подобное там, ведь тебя же засмеют все!» Что ж, вы думаете, он сказал на это? Ничего! плюнул на пол, взял шапку и вышел. Хоть <бы> простился с кем,[663] хоть бы кивнул кому головою; нет, только слышим мы, что[664] подъехала к воротам[665] тележка со звонком; сел и уехал. И лучше! Не нужно нам таких гостей! Я вам скажу, любезные читатели, что хуже нет ничего на свете как эта знать. Что его дядя был когда-то комиссаром, так и нос несет[666] вверх. Да будто комиссар такой уже чин, что выше нет его на свете! Слава богу, есть и больше[667] комиссара! И есть[668] кажется повыше его. Нет, не лежит что-то у меня сердце к знати. Вот вам в пример Фома Григорьевич: кажется и незнатный человек, а посмотреть на него: в лице какая-то важность сияет, когда станет утирать платком нос, невольно чувствуется почтение. В церкви, когда запоет на крылосе, — умиление невообразимое! — растаял бы, казалось, весь.[669] Ну, бог с ним: он думает, что без его сказок и обойтись нельзя. Вот, всё же таки набралась и без него книжка.

Я, помнится, обещал вам, что в книжке бу-

дет и моя сказка. И, точно, хотел было это сделать, но увидел, что для сказки моей по крайней мере нужно три таких книжки. Думал было особо напечатать ее, да передумал.[670] Ведь знаю я вас:[671] станете смеяться над стариком. Нет, не хочу! Прощайте![672] Долго, а может быть совсем, не увидимся. Да что ведь, вам[673] всё равно,[674] хоть бы и не было совсем меня на свете. Может быть,[675] из вас никто после и не вспомнит и не пожалеет о старом пасечнике Рудом Паньке.

Примечания к повести «Ночь перед Рождеством» (Отрывок из чернового автографа)

[Вы, может быть, не знаете, что последний день перед Рождеством у нас называют голодной кутьей.] Колядовать у нас называется петь под окнами перед самым Рождеством песни, которые [на] сей[676] случай поются <и> называются колядками. Тем, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка или хозяин, или кто остается дома, колбасу или хлеб, или вареник, или медный грош, — чем кто богат. Говорят, что будто был когда[-то] болван[677] Коляда,[678] которого принимали за бога, и

что будто от того пошли[679] и колядки. Кто его знает? Не нам простым людям об этом толковать. Прошлый год отец Кондрат запретил было колядовать[680] по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает нечистому. Однако ж, если сказать правду, то в колядках ничего нет такого. Поют часто про рождество Христа и при конце желают здоровья[681] хозяину, хозяйке, детям и всему дому.

Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли. Хоть будь он француз или цесарец, или швед — все немец.

Скрыня.

Страшная месть (Черновой автограф)*

Вы слышали ли историю про синего<?> колдуна? Это случилось у нас за Днепром. Страшное дело! На тринадцат<ом> году слышал я это<?> от матери, и я не умею сказать вам,[682] но мне всё чудит<ся>, что с того времени спало с сердца моего немного веселья. Вы знаете то место, что повыше Киева верст на пятнадцать? Там и сосна уже есть. Днепр и в той стороне также широк. Эх, река! Море, не река! Шумит и гремит и как будто знать никого не хочет. Как будто сквозь сон, как будто

нехотя[683] шевелит раздольную водяную
равнину и обсыпается рябью.[684] А прогуля-
ется ли по нем в час утра или [вечера ветер,
как всё в нем задрожит, засуетится: кажется
будто то народ<?>] толпится.[685] И весь дро-
жит и сверкает в искрах,[686] как волчья
шерсть среди ночи. Что ж, господа, когда мы
съездим<?> в Киев? Грешу я, право, перед бо-
гом: нужно, давно б нужно съездить покло-
ниться святым местам. Когда-нибудь уже
по<д> старость совсем пора туда: мы с вами,
Фома Григорьевич, затворимся в келью, и вы
также, Тарас Иванович! Будем молиться и хо-
дить по святым печерам. Какие прекрасные
места там!

<I.>

Громко[687] шумит,[688] гремит конец Ки-
ева, склонивший<ся>[689] к Днепру. Эсаул Го-
робец празднует[690] свадьбу своего сына. На-
ехало много гостей к эсаулу в гости. В старину
любили есть, еще лучше любили пить, а еще
лучше любили веселиться. Приехал на гне-
дом коне своем и запорожец Микитка прямо
с разгульной попойки с Пестяри<?>, где[691]
поил он семь <дней> и семь ночей королев-

ских шляхтичей красным вином. Приехал и [692] названный брат эсаула Данило Бульбашка с другого берега Днепра, где промеж двумя горами [693] был его хутор, с молодою женою Катериною и с годовым сыном. Дивилися гости [694] и белому круглому личику, черным бровям, нарядной сукне, исподнице из голубого полутабене<ку>, сапогам с серебряными подковками, но еще больше дивились тому, что не приехал вместе с нею старый отец: двадцать один год пропадал без вести и воротился из турещины [695] к дочери, когда уже она вышла замуж. [696] Верно много бы порассказал дивного. [697] Да, как и не расска<зать>, бывши так долго в чужой земле! Там всё не так, и люди не те, и церквей христовых нет. Но он не приехал. Гостям поднесли вареную водку с изюмом и сливами и нарезанный кусками на огром<ном> блюде коровой. Музыкантам поднесли исподнюю корку с коровой, всю истыканную медными деньгами. [Он<и>] оставили цимбалы, скрипки и бубны, повынимали те деньги и стали есть коровой и славить молодых. А молодницы и дивчаты, утершись шитыми платками, вы-

ступали снова бочком из рядов, а навстречу им, гордо и бойко подбоченившись, нетерпеливо дожидаясь музыкантов, перевилились рушниками парубки и готовы были понестись. Музыканты грянули. Вдруг закричал<о>, испугавшись и протянувши ручки, годовое дитя Бульбашки, игравшее на земле. Подбежала мать, подбежал [отец]. Дитя кричит и со страхом показывает пальцем в кучу народа, глазевшего со всех сторон на веселившихся. Из-за толпы народа выглядывало отвратительное уродливое лицо; в глазах его быстрых, мелькавших, как огонь из-под бровей, было что<-то> такое страшное... вздрогнули отец и мать, с ужасом попятились веселившиеся. Урод, что-то <у>слышавши,[698] пропал в толпе. «Колдун опять показался», неслось[699] со всех сторон: «не будет теперь, не будет житья!» кричали все в один голос. «Что это за колдун?» спрашивала, изумившись, молодая жена Данила Бульбашки и ничего не могла понять и допроситься за криками да за толками. Солнце давно уже зашло; веселые гости стали еще танцовать, но Бульбашка с молодою женою, отдавши добрую

ночь молодым и хозяевам,[700] поспешили к берегу, где дожидался его дуб с двумя верными козаками.

<II.>

По всему божьему <небу> ночь тихо светит. То месяц пока<за>лся из-за горы,[701] обмылся, принарядился он и пошел гулять по небу,[702] призадумался, остановившись над широким Днепром и увидевши в нем другой месяц.[703] Гористый берег Днепра осветился,[704] и тень ушла еще дальше в чащу сосен. Посреди Днепра плыл дуб; сидят впереди два хлопца, черные козацкие шапки набекрень, и под веслами, как будто от огнива огонь, летят брызги во все стороны.

Отчего не поют козаки? Не говорят ни о том, как перекрещивают козацкий народ[705] в католиков, ни о том, как бились молодецки два народа на шотерновом<?> поле. Как им петь, как говорить про лихие дела; пан их Данило призадумался, и рукав[706] кармазинно<го> жупана опустил из дуба и черпает воду; пани их Катерина тихо колы<шет> дитя и не сводит очей с него,[707] а на незастланную полотном нарядную сукню серую[708]

пылью валится вода. Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы<?>, на широкие луга, на зеленые леса, берега. Те горы — не горы, подошв у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо. Те леса — не леса, что[709] стоят на холмах: покажутся[710] волосами, поросшими на косматой голове лесного деда. По<д> ними в воде [моется] борода<?> и под бороною и над волосами высокое небо. Те луга — не луга: то зеленый пояс, перепоясавший посередине круглое небо, и в одной половине, и в другой половине прогуливается месяц. Не глядит пан Данило по сторонам, глядит он на молодую жену свою. «Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина, вдалася в печаль?»

«Я не в печаль вдалася, пан мой Данило! Но дивлюсь чудной истории про колдуна; говорят, что он родился таким страшным, как [711]... и никто из детей сызмалу не хотел играть с ним. Слушай, пан Данило, как страшно говорят: что будто ему всё чудилось, что все смеялись над ним. Встретится ли под темный вечер с кем-нибудь — ему [казал<о>сь] у того человека[712] открывается рот и белеют[713]

два ряда <зубов>; и на другой день находили мертвым[714] того человека. Мне чудно, мне страшно было, когда я слушала эти рассказы», — продолжала Катери<на>, вынимая платок и обтирая им лицо спавшего на руках дитяти. На платке было вышито красным шелком. Пан Данило — ни слова и [стал] поглядывать на темную сторону, где из леса чернел земляной вал, и из-за вала подымался старый замок: над бровями разом вырезались три морщины; левая рука гладила молодецкий ус,[715] правая ухватилась за рукоять. «Не так еще то, что колдун, страшно», заговорил он:[716] «как то страшно, что это недобрый гость. Что ему за блажь пришла воротиться сюда? Я слышал, что хотят ляхи сделать. Я разметаю чертовское гнездо, пусть только пр<он>есется слух, что у него есть притон какой. Я сожгу[717] старого колдуна так, что и воронам нечего будет расклевать. Однако ж у него, я думаю, водится золото. Вот где он живет, этот дьявол. Если у него водится золото... Вот мы сейчас будем плыть <мимо> крестов, где <это> кладбище: тут гниют его нечестивые прадеды. Покойный дед знал их.

Они все готовы <были> продать за денежку себя с душою и ободранными жупанами сатане. Если ж у него точно есть золото, то мешкать нечего, теперь не всегда на войне можно добыть». — «Знаю,[718] что затеваешь ты. Нет, Данило, боже тебя сохрани: не связывайся с этим колдуном, ничего не предвещает доброго мне встреча с ним. Но ты так тяжело дышишь, так сурово глядишь, очи твои так угрюмо надвинулись бровями, Данило!..» — «Молчи, баба! С вами кто свяжется, тот сам станет бабою. Хлопец, дай мне огня в люльку», сказал он, оборотившись к одному из гребцов, который тотчас выбил из сво<ей> уже обгоревш<ей> люльк<и>[719] горящую золу на подол<?>[720] и переложил ее в люльку своего пана. «Пугает меня колдуном!» — продолжал пан Данило. «Козак, слава богу, ни чертей, ни ксендзов не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушать наших жен. Не так ли, хлопцы? наша жена — это острая сабля. Да?» Замолчала Катерина и поглядывала на сонную воду, а ветер дергал воду рябью, и весь Днепр серебрился как волчья шерсть среди ночи. Дуб повернул к реке и стал объ-

езжать в рек<е> берег. На берегу чередой встал [ряд] крестов и могил;[721] ни калина не растёт меж ними, ни трава не зеленеет, — только месяц греет их с небесной вышины. «Вы слышите ли, хлопцы, крики? кто-то зовет нас<?> на помощь», сказал пан Данило, оборотясь к гребцам своим. «Я слышу,[722] пан Данило, чей-то крик», — сказали хлопцы: «кажется, с той стороны», разом сказали хлопцы, указывая в сторону, противную кладбищу; [723] но всё было уже тихо. Лодка поворотила. Вдруг гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и пан [Данило Буль<башка>], и[724] страх и холод врезался в козацкие жилы. Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высокий мертвец. Борода до пояса, на пальцах когти длинные, длиннее самих пальцев. Тихо поднял он руку вверх. Лицо всё задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпел он. «Душно мне, душно», — простонал он диким и нечеловечьим голосом, и голос его будто ножом царапал сердце, и мертвец вдруг ушел под землю. И вдруг зашатался другой крест; опять вышел другой мертвец [еще <1 нрзб.>]

еще страшнее, еще выше прежнего; весь зарос: борода по колени,[725] длинные ногти [726] еще длиннее, еще <1 нрзб.> закричал: «Душно мне!» — и ушел под землю. Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Еще выше, казалось, одни кости только поднялись, борода[727] — по самые пяты, концы ногтей, казалось<?>, вонзились в землю. Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости. Дитя, спавшее на руках у Катерины, вскрикнуло и пробудилось. Сама пани вскрикнула. [728] Гребцы пороняли шапки в Днепр. Сам пан вздрогнул. Всё вдруг пропало, как будто не бывало. Однако ж хлопцы долго не[729] брались за весла. Заботливо поглядел Бурульбаш <?> на молодую жену, которая в испуге качала на руках кричавшее дитя, прижал ее к сердцу и поцеловал в лоб. «Не пугайся, Катерина, гляди: ничего нет», говорил, указывая по сторонам: «это колдун хочет устрашать людей, чтобы никто не добрался до нечистого [730] гнезда его. Баб толь<ко> одних он напугает этим. Дай сюда на руки мне сына».[731]

При сем слове поднял пан Данило своего сына вверх[732] и поднес его к губам своим. «Что, Иван? Ты не боишься колдунов? Нет, говори, тятя, я козак. Полно же плакать, перестань, мой ненаглядный цветочек.[733] Та-та-та, та-та-та! Домой приедем, приедем домой, мать накормит кашею, положит тебя спать в люльке. Запоет: „Люли, сын, мой, люли“».[734]

«Слушай, Катерина! Мне кажется, что отец твой не хочет жить в ладу с нами. Приехал угрюмый, суровый, как будто сердится что ли? Ну, недоволен, — зачем и при<езжать>? оставался бы там, где прошатался двадцать лет. Не хотел выпить за козацкую волю, не пока<ча>л на руках дитяти. Хотел было я ему поверить всё, что лежит на сердце, да не берет что-то, и речь заикнулась. Нет, у него не козацкое сердце! Козацкие сердца, когда встретятся, — как не выбьются из груди друг другу на встречу. Что, мои любые хлопцы, берег скоро? Ну, шапки я вам дам новые. Тебе, Стецько, дам[735] выложенную бархатом с золотом. Я ее снял вместе с головою у одного татарина, весь его снаряд взял я, душу только одну его я выпустил на волю. А что, хлопцы,

берег? Ну, причаливай легонько! Вот, Иван, мы и приехали, а ты плакал! Бери его, Катерина».[736] Из-за горы показалась соломенная кровля: то дедовские хоромы пана Данила, за ними еще гора, а там уже и поле, а там и хотя сто верст пройди, уже не сыщешь ни одного козака.

III.

Хутор[737] пана Данило между двумя горами в узкой долине, сбегаящей[738] к Днепру. Невысокие хоромы у пана Данило: хата на вид,[739] как и у простых[740] козаков,[741] и в ней одна светлица, но есть где поместиться там и ему, и жене его, и старой прислужнице, и 10 отборным молодцам. Вкруг стен вверху идут дубовые полки, густо на них<?> стоят миски, горшки для трапезы; есть между ними и кубки серебряные и чарки, оправленные в золото, дарственные и добытые на войне; ниже висят дорогие мушкеты, сабли, пищали, копья:[742] волею и неволею перешли они от татар, турков и ляхов. Немало зато и вызубрены они. Глядя на них, пан Данило, как будто по значкам припоминал свои схватки. Под стеной внизу дубовые, гладко вытесанные

лавки, возле них, перед лежанкою, висит на веревках, продернутых к кольцу, привинченному к потолку, люлька. Во всей светлице пол гладко убитый и смазанный глиною. На лавках всегда спит с женою пан Данило. В люльке тешится и убаюкивается малое дитя. На полу покотом ночуют молодцы. Но козаку [743] лучше спать на гладкой земле при вольном небе. Ему не пуховик и не перина нужна, — он мостит в голову себе свежее сено, волю протягивается на траве. Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засеенное звездами небо и вздрогнуть от приятного ночного холодка, принесшего <свежесть> козацким косточкам. Потягиваясь [744] и бормоча [745] сквозь сон, закуривает он люльку и закутывается крепче в [746] суконный жупан.

Не рано проснулся Бурульбаш после вчерашнего веселья. И проснувшись, сел в углу на лавке и начал натачивать новую выменянную им турецкую саблю. А пани Катерина принялась вышивать [747] золотом шелковый рушник. Вдруг вошел Катеринин отец рассержен, как будто только что бился с кем-нибудь,

приступил к дочке и сурово стал выспрашивать ее: что за причина, что[748] она так поздно воротилась домой.[749]

«Про эти дела, тесть, не ее, а меня спрашивать: не жена, а муж отвечает, — у нас уже так водится: не погневай<ся>», говорил <он>, не оставляя своего <дела>. «Может, в иных неверных[750] землях этого не бывает, я не знаю».

Старый отец нахмурился и что<-то> дикое выпрыгнуло у него из-под бровей. «Так я тебя спрашиваю», сказал, прикусывая усы: «зачем ты отлучался вчера на весь день из дому и так поздно приехал?»

«А вот это дело, дорогой тесть![751] На это я тебе скажу, что я давно уже вышел из тех, которых бабы носят.[752] Знаю в походах<?> как сидеть, умею[753] держать в руках и саблю острую, еще кое-что и сумею раз... Умею никому и ответа не отдавать, что делаю».

«Я вижу, Данило, что желаешь ссоры между нами. Разве я не в праве подумать, что <ты> ходил куда-нибудь на худое дело, когда не хочешь сказать?»

«Думай, думай себе ты что хочешь», сказал

Данило: «думаю и я себе. Слава богу, не в одном бесчестном деле не был, всегда стоял за веру православную и отчизну, не так <как> по крайней мере иные бродяги таскаются бог знает <где>, и когда верные бьются на смерть, [а после] нагрянут убирать не ими посеянное жито и даже на униатов похожи: не заглянут в божью церковь. Таких бы нужно допроситься порядком, где они таскаются».

«Э, козак! Знаешь ли ты, я плохо[754] стреляю: только всего за сто сажень пуля моя пронизывает сердце. Я и рублюсь незавидно: от человека остаются кусочки, немногим мельче круп, из которых варят кашу».

«Я готов», сказал пан Данило, бойко перекрестивши воздух саблею, как <буд>то знал, на <?> что выточи<л>.

«Данило!» закричала громко Катерина, ухвативши его[755] за руку и повиснув на ней: «вспомни, безумный, погляди, на кого ты подымаешь руку. Батько, твои волосы белые, как снег, а ты[756] разгорелся, как неразумный хлопец».

«Жена!» крикнул грозно пан Данило: «ты знаешь, я не люблю этого: ведай[757] свое баб-

ское дело». Сабли страшно звукнули, железо рубило железо,[758] козаки будто пылью себя обсыпали[759] искрами.[760] С плачем ушла Катерина в свою... <?> светлицу и кинулась на перину, покрыла себя подушкой, чтобы не слышать страшных сабельных ударов. Только напрасно... <?>: лихо бились козаки, чтобы можно было заглушить их сабельные удары; при каждом звуке сердце козацкое хотело разорваться на части,[761] [будто] по всему ее белому телу проходило: тук, тук. «Нет, не вытерплю, не вытерплю,[762] может уже алая кровь бьет[763] ключом из белого тела. Может теперь изнемогает мой милый, а я лежу тут», и вся бледная, едва переводя дух, вышла Катерина. Ровно и страшно бились: ни тот, ни другой не одолевает. Вот наступает Катеринин отец, подается пан Данило. Вот наступает пан Данило, подается суровый отец, и опять наравне. Кипит от гнева тот и другой. Вот разо <?> с разгону, ух, как страшно! и обе <сабли> разломались пополам. Стеня, отлетели в сторону клинья. «Благодарю тебя, боже», сказала[764] Катерина и вскрикнула снова: козаки взялись за мушкеты. Поправили ремни,

взвели курки. Выстрелил пан Данило, не попал. Прицелил<ся> отец: он стар, однако ж не дрожит его рука. Выстрел загредел. Пошатнулся пан Данило. Алая кровь выкрасила левый рукав козацкого жупана. «Нет!» закричал Данило: «я не продам так дешево себя.[765] Не левая рука, а правая атаман.[766] Висит у меня на стене турецкий пистолет, еще ни разу во всю жизнь не изменял он мне. Слезай со стены, старый товарищ! Покажи услугу другу!» Поднял[767] руку Данило достать пистол<ет>. «Данило!» закричала в отчаянии, схвативши руку и кинувшись ему в ноги, Катерина: «не для себя молю: мне один[768] конец:[769] та недостойная жена, которая живет после своего мужа. Днепр — холодная [водица] днепровская — мне будет могила. Но погляди на сына, погляди <на> сына! Данило, Данило, погляди на сына! Кто пригреет бедного, кто приголубит его?[770] Кто выучит его летать на вороном коне, биться за волю и землю<?>,[771] пить и гулять по-козацки? Данило, зачем ты отворачиваешь лицо свое? Пропадай, сын, пропадай: тебя не хочет знать отец твой. Я теперь знаю тебя: ты — зверь, а

не человек; у тебя волчье сердце и душа лукавой гадины.[772] О! я думала, что у тебя капля жалости есть, что в твоём камен<ном> теле человечьи чувства горят. Безумно же <я> ошиблась! Тебе это радость принесет, твои кости станут танцевать в гробе с веселья, когда услышат, как нечестивые звери-ляхи кинут в пламя твоего сына,[773] когда сын твой[774] будет кричать под ножами и окропом <1 нрзб.> Я знаю, ты рад с гроба встать и раздувать шапками огонь, взвившийся под ним.

«Постой, Катерина! Ступай, мой ненаглядный Иван, я поцелую тебя. Нет, дитя мое, никто не тронет волоска твоего. Ты вырастешь на славу отчизны. Как вихорь будешь ты летать перед козаками, с бархатной шапочкой на голове, с острою саблею в руке. Дай, отец, руку! Забудем прошлое между нами. Что сделал неправого перед тобой — винюсь.[775] Прошу прощения![776] Что же ты не даешь руки так, как это<?> делают козаки: они брали <1 нрзб.>, а когда мирятся — мирятся: всё пляшет на радость!» говорил он отцу, который[777] стоял на одном месте, не выражая на лице своем ни гнева, ни примиренья.

«Отец!» — говорила[778] Катерина, обняв и поцеловав его: «не будь неумолим, прости Данила: он[779] не огорчит больше тебя»... «Для тебя только, моя дочь, прощаю», отвечал <он>, поцеловав ее и блеснув чудно очами. [780] Катерина вздрогнула: чуден показался ей его поцелуй и непонятный огонь[781] очей и всё. Как-то задумалась она, облокотясь на стол, на котором перевязывал свою раненую руку пан Данило, передумывая, что худо и не по-козацки сделал, просивши прощенья, не будучи сам ни в чем виновен.

IV.

Блеснул день, но не солнечный; небо хмурилось, тонкий дождь сеялся на луга, на леса, на широкий Днепр. Проснулась[782] пани Катерина, но нерадостна;[783] очи заплаканы и вся она смутна и беспокойна. «Муж мой милый, мой дорогой, чудный сон мне снился».

«Какой сон, моя любя[784] пани Катерина?»

«Снилось мне — чудно, право, кажется: как будто виделось наяву и еще больше, чем виделось. Снилось мне, что будто отец мой — тот самый урод, которого мы видели на сва-

дье у есаула... Но прошу тебя, не верь сну! Каких глупостей не приснится человеку,[785] когда он спит. Будто я стояла перед ним, дрожала вся, боялась,[786] от каждого слова его стонали мои жилы. А если бы ты услышал, что он говорил такое...»

«Что же он говорил, моя золотая[787] Катерина?»

«Говорил: ты посмотри на меня, Катерина. Я хорош, люди напрасно говорят, что я дурен. Я буду тебе славным мужем. Посмотри, как я поглядываю очами. Тут навел он на меня огненные очи... я вскрикнула и проснулась».

«Чуден сон твой, пани Катерина, еще чуднее будет верить ему. Однако ж знаешь ли ты, что за горою не так спокойно. Чуть ли не ляхи стали выглядывать. Мне Горобец прислал сказать, чтобы я не спал. Напрасно только он заботится. Я и без него не сплю. Хлопцы мои в эту[788] [ночь посрубили] двенадцать[789] за-секов.[790] Посполитство будем свистать[791] свинцовыми сливами, а шляхтич<и> потанцуют и от батог<ов>.[792]

«А отец не знает об этом?»

«Сидит у меня на шее твой отец! Я до сих

пор разгадать его не могу. Много верно он грехов наделал в чужой земле! Что же в самом деле за причина, что сколько [живет] уж [793] — больше месяца есть, и хоть <бы> разве<се>лился, как добрый козак: не захотел выпить меду... Слышишь, Катерина, не захотел меду, который <я> вытрусил у брестовских жидов. Ей, хлопец!» крикнул пан Данило, хлопнув в ладоши и свистнув молодецким посвистом: «беги, малый, в погреб, да принеси жидовского меду! Горелки даже не пьет! Экая про<па>сть! Мне кажется, пани Катерина, что он в господа Христа не верует. А, как тебе кажется?»

«Бог знает, что ты говоришь, пан Данило!»

«Чудно, пани», продолжал пан Данило, принимая глиняную кружку от козака: «поганные католики дюже падки до водки, одни только турки не пьют. Что, Стецько, много ли хлеснул меду в подвале?»

«Нет, попробовал только, пан Данило».

«Лжешь, собачий сын. Вишь, [794] как мухи напали на усы! Я по глазам вижу, что хватил полведра. Эх, козаки! что за лихой народ! Всё готов товарищу, а хмельное свысуслит сам.

[795] Я, пани Катерина, что-то давно уж был пьян, а?»

«Вот еще это?[796] А помнишь в субботу...»

[797]

«Не бойсь,[798] не бойсь, больше кружки не выпью! А вот и турецкий игумен влазит [799] в двери», — проговорил он сквозь зубы, увидя нагнувшегося, чтобы войти в двери, [800] тестя.

«А, что ж это, моя дочь»,[801] сказал отец, снимая с головы шапку и поправив пояс, на котором висела сабля с[802] чудными камен<ьями>: «солнце уже высоко, а у тебя обед не готов?»

«Готов обед,[803] пан отец, сейчас поставим: вынимай горшок с галушками», сказала пани Катерина старой женщине,[804] вымывавшей деревянную посуду.[805]

«Или нет, постой, лучше я выну, а ты позови хлопцев».

Все сели на полу в кружок: против покута пан отец, по левую[806] руку пан Данило, по правую — пани Катерина и десять наивернейших молодцов в красных и синих жупанах.

«Не люблю я этих галушек», сказал пан отец, немного поевши и положивши ложку: «никакого вкуса нет».

«Я знаю, что тебе лучше жидовская лапша», подумал про себя пан Данило. «Отчего же, теть», продолжал он вслух: «ты говоришь, что вкусу нет в галушках: худо сделаны что ли? Моя Катерина так делает галушки, что и гетьману редко достается есть таких. А брезгать ими грешно — это христианское кушанье: все святые люди ели галушки, и сам бог наш Иисус Христос ел».[807]

Ни слова отец и замолчал. Замолчал и пан Данило.

Подали жареного поросенка с капустой и сливами. «Я не люблю свинины», сказал отец Катерины, выгребая ложкою капусту.

«Для чего же не любить свинины?» сказал пан Данило. «Одни турки и жида не едят свинины».

Замолчал[808] опять отец и кинул суровый взгляд.

Только одну лемишку[809] с молок<ом> и ел старый отец и потянул вместо водки из вытянутой из-за пазухи фляжки какую-то чер-

ную воду.

Пообедавши,[810] заснул пан Данило молодецким[811] сном и проснулся только около вечера,[812] сел за стол, стал писать листы,[813] а пани Катерина качала ногою люльку, сидя на лежанке. Сидит пан Данило, глядит левым глазом на писание, а правым в окошечко, а из окошка далече видит[814] блестят горы, вокруг гор Днепр, синеют за Днепром леса. Мелькает[815] прояснившееся ночное небо. Не далеким небом и не синим лесом любитесь пан Данило, глядит на выдавшийся [816] мыс, на котором чернел старый замок. [817] Ему почудилось, будто блеснуло в замке огнем узенькое окошко. Но всё тихо. Это, верно, показалось ему. Слышно только глухо шумит внизу Днепр и с трех сторон один за другим отдаются удары мгновенно[818] пробудившихся волн. Он не бушует, как старик, ворчит и ропчет.[819] Ему всё немило, всё перемелось около него. Тихо враждует он с прибрежными горами, лесами, лугами и несет на них жалобу в Черное море. Вот по широкому Днепру зачернела лодка и в замке снова как будто блеснуло что-то. Потихоньку

свистнул пан Данило; выбежал на свист верный хлопец. «Бери, мой[820] Стецько, скорее с собою острую саблю да винтовку да ступай за мною».

«Ты идешь?» спросила пани Катерина.

«Иду, жена, нужно посмотреть все места: нет ли где недобрых гостей».

«Мне, я вот чую, так страшно оставаться одной. Меня сон так и клонит. Что если опять приснится то же самое? Я даже не уверена, точно ли то сон был».

«С тобо<ю> старуха остается, а в сенях и на дворе спят козаки».

«Старуха спит уже, а козакам что-то не верится. Слушай, пан Данило, замкни меня в комнате, а ключ возьми с собой. Пусть козаки будут... <?> у дверей — тогда мне будет не так страшно, а козаки пусть лягут перед дверьми».

«Пожалуй, пусть будет так: рад сделать тебе удобное», сказал[821] Данило, стирая пыль с винтовки и сыпя на полку порох.[822] Верный Стецько тут и уже одетый во всей козацкой сбруе. Пан Данило надел смушевую шапку, задвину<л> окошко, задвинул засовами

<дверь>, замкнул и вышел потихоньку из двора промеж спавшими своими козаками в горы. Небо почти всё прочистилось, свежий ветер [веял с по<ля.>][823] Вдали кликала чайка. [824] Всё как будто онемело. Но вот послышался шорох.[825] Пан Данило с верным слугою тихо спрятался за терновник, прикрывавший срубленный засек.[826] Кто-то в красном жупане с двумя пистолетами, с сабл<е>ю при боку спускался с горы. «Это тесть», проговорил пан Данило, разглядывая его из-за куста. «Зачем и куда ему идти в эту пору? Стецько, не зевай, смотри в оба глаза, куда возьмет дорогу пан отец?» <Человек><?> спустился на самый берег и поворотил к выдававшемуся мысу. «А, вот куда!» проговорил пан Данило. «Что, Стецько, ведь он потащ<ился> как раз в колдуново дупло».

«Да, верно, не в другое место, пан Данило! Мы бы его видели на другой стороне. А он пропал около замка и наперед <... >». — «Постой же, вылезем, а потом[827] мы пойдем по следам.[828] Тут что-нибудь да кроется. Нет, Катерина, я говорил тебе, что батько[829] твой — недобрый человек. Не так он делал

всё,[830] как православный». Уже мелькнули Данило и его верный хлопец внизу на выдавшемся берегу; вот уже и не видно их:[831] ведь[832] черный, непробудный лес, окружавший замок, спрятал их. Верхнее окошко тихо засветилось. Внизу стоят козаки и думают, как бы взлезть им. Ни дверей, ничего не видно им в стенах, в окне толь<ко> светится, но со двора верно есть лестн<ица>. Но как войти туда? Издали слышно, как гремят цепи и бегают собаки. «Что я думаю долго!» сказал пан Данило, увидя перед окном высокий дуб: «стой тут, мальй, я полезу на дуб, из него прямо [буду] глядеть в окошко». Прошаривши<?>, пан Данило снял кушак, бросил вниз саблю, чтоб не звенела, и ухватясь за ветви, поднялся наверх. Окошко всё еще светилось. Присевши на сук возле самого окна, уцепился он одною рукою за <1 нрзб.> дерево и глядит. В комнате и свечей нет, а светят по стенам чудные знаки,[833] висит оружие, но всё странное: такого не носят ни турки, ни крымцы,[834] лиляхи, ни христиане православные, ни народ шведский. Под потолком взад и вперед мелькают[835] нетопыри, и тень от них мелькает

по стенам, по дверям и по помосту. Вот отворилась [836] <дверь>. Входит кто<-то> в красном жупане и прямо к столу, покрытому белой скатертью. Это тесть! Пан Данило спустился немного ниже и приник крепче к дереву; но ему некогда глядеть, [837] смотрит ли кто в окошко или нет, — он пришел нахмурен, рассержен; [838] сдернул со стола скатерть — и вдруг по всей комнате тоже разлился прозрачно [839] — голубой свет. [Изредка] только не смешивавшиеся волны прежнего бледно-желтого света переливались, [840] ныряли, [841] словно в голубом море, и тянулись слоями будто на мраморе и посред<и> [842] краснел тесть. Пан Данило стал приглядываться и не заметил уже на нем красного жупана; вместо того показались на нем [843] широкие ша<ро>вары, какие носят турки; [844] за поясом пистолеты; на голове какая-то чудная шапка, исписан<ная> вся нерусскою и непольскою грамотою. Глянул в лицо — и лицо стало переменяться: нос [845] вытянулся и повиснул над губою, рот в минуту раздался до ушей, зуб выглянул изо рта, нагнулся<?> в сторону, и стал перед [846] ним опять тот са-

мый колдун, который показался на свадьбе есаула.

«Правдив сон твой, Катерина», подумал пан Данило. Колдун стал важно[847] прохаживаться вокруг стола. Знаки стали быстро переменяться на стене,[848] нетопыри залетали сильнее вниз и вверх, взад и вперед, голубой свет становился реже-реже и совсем, кажется, потухнул, и[849] светлица осветилась уже тонким розовым светом. Казалось, с тихим звоном[850] разливался чудный свет[851] по всем углам и вдруг пропал и стала тьма. Слышался только шум, будто ветер в тихий час вечера наигрывал, кружась по[852] водному зеркалу, нагибая еще ниже в воду серебряные ивы. И чудится пану Данилу, что в светлице<?> блестит месяц, ходят звезды,[853] неясно мелькает темносинее небо и холод ночного воздуха пахнул даже в лицо ему. И чудится пану Данилу (тут он стал щупать за нос, не спит ли), что уже не небо в светлице будто, а его собственная опочивальня: висят на стене его татарские и турецкие сабли; на стене полки, на полках домашняя посуда и утварь, на столе хлеб и соль; вот <1 нрзб.> ви-

сит люлька; вместо образов выглядывают какие-то страшные лица, на лежанке... но сгустившийся туман всё покрыл, и стало опять темно, и опять с чудным звоном осветилась вся светлица[854] розовым светом, и опять на стенах мелькают знаки, и опять стоит колдун неподвижно в чудной чалме своей. Звуки стали сильнее и гуще, тонкий розовый свет становился ярче и что-то белое, как будто облако, веяло посереде хаты;[855] и чудится пану Данилу, что облако[856] то — не облако, что стоит[857] женщина, — только из чего она — <из> воздуху что ли выткана?[858] Отчего же она стоит и земли не трогается, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвечивает розовый свет и мелькают на стене знаки. Вот она как пошевелинула[859] прозрачную голову свою. Тихо светятся ее бледноголубые очи, волосы вьются и падают по плечам ее, будто[860] светлый серый туман; губы бледно алеют, будто сквозь бело-прозрачное утреннее небо льется едва приметный алый свет зари; брови слабо темнеют, щеки беле<ют>. «Ах, это Катерина!» Тут почувствовал Данило, что члены у него оковались; он хотел гово-

рить, но его губы шевелились без звука. Неподвижно стоял колдун на своем месте. «Где ты была?» спросил он, и стоявшее перед ним затрепетало. «О! зачем ты меня вызвал!» тихо простонала она: «мне было так радостно, я была на том самом месте, где родилась и прожила 15 лет. О, как хорошо там! Как зелен и душист тот лог, где я игралась в детстве: и полевые цветочки те же, и хата наша, и огород. О, как обняла меня добрая мать моя, какая любовь у нее в очах... Она приголубливала меня, целовала в уста и щеки, расчесывала частым гребнем мою русую косу. Отец!» тут она[861] вперила в колдуна[862] бледные очи: «зачем ты зарезал мать мою?»

Грозно колдун погрозил<?> пальцем: «Разве я тебя просил говорить про это?» сказал он суровым голосом, и воздушная красавица задрожала. «Где теперь пани твоя?»

«Пани моя, Катерина, теперь спит:[863] не успел[864] мой ненаглядный Данило запереть двери, а она уже заснула. Я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетела. Мне давно хотелось увидеть мать. Мне вдруг сделалось 15 лет. Я вся стала легка, как рыбка. Зачем ты

меня вызвал?»

«Это — Катеринина душа», подумал пан Данило, но всё еще не смел пошевелиться.

«Ты помнишь всё то, что говорил тебе вчера я?» — спросил колдун так тихо, что едва можно было расслушать.

«Помню, помню, но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бедная Катерина, она много[865] не знает того, что знает душа ее. Покайся, отец; мало у тебя разве[866] на душе злодеяний! [Тебе] не страшно, что после каждого убийства твоего мертвецы поднимаются из могил?..»

«Ты опять за старое», прервал грозно колдун: «я на своем поставлю. Я заставлю тебя сделать, что мне хочется. Катерина полюбит меня. Катерина меня непременно полюбит!»

«О, ты чудовище, а не отец мой!» простонала она: «нет, не будет <по->твоему.[867] Правда, ты взял нечистыми чарами своими власть вызывать душу и мучить ее, но один только бог может заставлять ее делать то, что ему угодно. Нет, никогда Катерина, доколе буду держаться я в ее теле, не решится на богопротивное дело. Отец, близок страшный суд! Ес-

ли бы ты и не отец мой был, и тогда бы ты не заставил меня изменить моему любому верному мужу. Если бы муж мой и не был мне верен и мил, и тогда бы не изменила ему,[868] потому что бог не любит клятвопреступников [869] и неверных душ».[870]

Тут вперила она бледные очи свои в окошко, под которым сидел[871] пан Данило, и недвижно уставилась.

«Куда ты глядишь, кого ты там видишь?» закричал колдун. Воздушная Катерина задрожала, но уже пан Данило был давно на земле и пробирался с своим верным Стецьком в свои горы. «Страшно, страшно», говорил он про себя, почувствовав в первый раз какую-то робость в козацком сердце, и[872] скоро прошел двор свой, на котором[873] также крепко спали козаки, кроме одного, сидевшего настороже и курившего люльку. Небо всё было засеяно звездами.

V.

«Как хорошо ты сделал, что разбудил меня», говорила[874] Катерина, протирая светлые очи шитым рукавом своей сорочки и разглядывая с ног до головы стоявшего перед

нею мужа: «Как<ой> страшный сон мне виделся! Как тяжело дышала грудь моя!.. Ух!.. Мне казалось, что я умираю...»[875]

«Какой же сон? Уж не этот ли?» и стал пан Данило рассказывать всё, виденное им.

«Ты как это узнал, мой муж?» спросила, изумившись, Катерина: «Да нет, это правда... но нет, многое не виделось мне из того, что ты рассказываешь. Нет, мне не снилось, чтобы отец убил мать мою <1 нрзб.>, ни мертвецов, ничего не виделось мне. Нет, Данило, ты не так рассказываешь. Ох, какой страшный отец мой!»

«И[876] не диво, что тебе многое не виделось. Ты не знаешь и десятой доли того, что знает душа. Знаешь ли ты, что отец твой — антихрист? Еще в прошлом году, когда я собирался вместе с ляхами на крымцев (тогда я еще держал руку этого неверного народа), мне говорил игумен Братского монастыря (он, жена, — святой человек), что антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека. А душа, ты знаешь, гуляет по своей воле, когда заснет человек,[877] и летает вместе с архангелами около божьей светлицы. Мне с перво-

го разу не показалось лицо твоего отца. Если бы я знал прежде, что есть такой отец, я бы не женился на тебе. Я бы кинул тебя и не принял бы на душу греха, породнившись с антихристовым племенем».

«Данило», сказала Катерина, закрыв лицо руками и рыдая:[878] «я ли виновна в чем перед тобою?[879] Я ли изменила тебе, мой любимый муж? Чем же навела на себя гнев твой? Неверно я разве служила теб<е>, сказала ли тебе противное слово, когда ты ворочался с молодецкой попойки? Тебе ли не родила я чернобрового сына?..»

«Не плачь, Катерина! Я[880] тебя теперь знаю и не кину[881] ни за что.[882] Грехи все лежат на отце твоём!»

«Нет, не называй его отцом моим. Он не отец мой, бог — свидетель. Я отрекаюсь от него, отрекаюсь от отца. Он — антихрист, богоотступник. Пропадай он, тони он, — не подам руку спасти его.[883] Сохни он[884] от тайной[885] отравы, не подам[886] воды напиться ему. У меня нет <отца>. Ты у меня отец!»

VI.

В глубоком подвале у пана Данила за тремя замками сидит колдун, закованный в железные цепи,[887] а подале над Днепром горит бесовский его замок, и алые, как кровь, волны хлебещут и толпятся вокруг старинных стен. Не за колдовство, не за богопротивные дела сидит в глубоком подвале колдун: им судья — бог. Сидит он за тайное[888] предательств<во>, за[889] сговоры с врагами православной русской земли продать католикам [890] украинский народ и выжечь[891] христианские церкви. Угрюм колдун. Дума черная, как ночь, у него в голове. Всего только один день остается жить ему, и завтра пора ему прощаться с миром. Завтра ждет его казнь. Не совсем легкая казнь его ждет;[892] это еще милость, когда сварят его живого в котле или сдерут с него грешную кожу. Угрюм колдун. Поникнул головою: может быть, он уже и кается[893] перед смертным часом. Только не такие грехи его, что б бог простил их. Вверху перед ним узкое окно,[894] но не хрупкое стекло в нем, вместо его вправлен железный лист, весь исколотый[895] небольшими дырочка<ми>, как решето, и перед ним

железная острая рогатка, и солнечный луч, проходя через него, падает мелкою сеткою прямо[896] <в> лицо ему. Гремя цепями подвелся он к окну поглядеть, не пройдет ли его дочь.[897] Она кротка, непамятозлобна,[898] как голубка; не умилосердится ли она над отцом? Но никого нет, внизу бежит дорога, но по ней никто не пройдет. Пониже ее гуляет Днепр. Ему ни до кого нет дела: он бушует, и унывно слушать колоднику однозвучный шум его. Вот кто-то показался по дороге. «Это козак», тяжело вздохнул колодник. Опять всё пусто. Вот, кто<-то> вдали спускается, развевается зеленый кунтуш, горит на голове золотой кораблик. «Это она». Еще ближе прикинул он к окну: вот уже проходит близко Катерина. «Дочь, умилосердись, подай милостыню!» Она нема, она не хочет слушать, она и глаз не наведет на тюрьму[899] и уже прошла мимо, уже и скрылась. Пусто во всем мире. Унывно шумит Днепр. Грусть залегает в сердце. Но ведает ли эту грусть колдун? День клонится к вечеру, уже солнце село. Уже и нет его. Уж и вечер: свежо; где-то мычит вол, откуда-то навеваются звуки, верно, народ где-

нибудь идет с работ и веселится. По Днепру мелькает лодка. Кому нужда до колодника? [900] Блеснул [901] на небе серебряный серп. Вот кто-то идет с противной стороны по дороге — трудно разглядеть в темноте. Это возвращается Катерина. «Дочь, Христа ради! и свирепые волчята не станут рвать свою мать. [902] Дочь, хоть взгляни на преступного отца своего!» Она не слушает и идет. «Дочь, ради несчастной матери!» Она остановилась. «Приди принять последнее мое слово».

«Зачем ты зовешь меня, богоотступник? Не называй меня дочерью! Между нами нет никакого родства. Чего ты хочешь от меня ради несчастной матери моей?»

«Катерина, мне близок конец. Я знаю: меня твой муж хочет привязать [903] к кобыльему хвосту и пустить по полю, а, может, и еще страшнейшую выдумать казнь».

«Да разве есть на свете казнь, равная твоим грехам? Жди ее, никто не станет просить за тебя!»

«Катерина, меня не казнь страшит, но муки на том свете. Ты невинна, Катерина, душа твоя будет летать в раю около бога, а душа бо-

гоотступного отца твоего будет гореть в огне вечном, и никогда не угаснет тот огонь: всё сильнее и сильнее будет разгораться он[904], и не похож огонь на земной[905] в сотую <1 нрзб.> Ни капли росы не падет, ни ветер не пахнет».

«Этой[906] казни я не властна[907] ума-лить», сказала Катерина, оборотившись.

«Катерина, постой на одно слово.[908] Ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь, как бог милосерд. Слышала ли ты[909] про апостола Павла, какой был он гонитель, но после покаялся и стал святым».

«Что же я могу[910] сделать, чтобы спасти тво<ю> <душу?>», сказала Катерина: «мне ли, слабой женщине, об этом думать?»

«Если бы мне удалось отсюда выйти, я бы всё кинул. Покаюсь: пойду я в пещеры, наде-ну на тело жесткую власяницу. День и ночь буду богу [молиться], не только скоромного, не возьму рыбы в рот. Не постелю одежды, ко-гда стану спать, и всё буду молиться, всё мо-литься. И когда не снимет с меня милосердие божие хотя сотой доли греху, закопаюсь по шею в землю или замуруюсь в каменную сте-

ну, не возьму и пищи и умру, а всё добро свое отдам монахам, чтобы 40 дней и 40 ночей правили по мне панихиду».

Задумалась Катерина. «Хоть[911] я и отпру замки, но мне[912] не расковать твоих цепей», сказа<ла она>.

«Я не боюсь цепей», говорил он: «ты думаешь, они руки и ноги мои заковали? Нет, я напустил им в глаза туман и вместо руки протянул сухое дерево. Вот я, гляди: на мне нет теперь ни одной цепи. Я бы стен этих не побоялся и прошел бы[913] сквозь них. Но муж твой не знает, какие это стены: их строил один святой схимник и никакая нечистая сила не может отсюда вывести колодника, не отомкнув тем самым ключом, которым замыкал святой свою келью.[914] Таковую самую келью вырою и я себе, неслыханный грешник, когда выйду на волю».

«Слушай, я выпущу тебя, но если ты меня обманешь», сказала Катерина, остановившись перед дверью: «и вместо того, чтобы покаяться, станешь опять прежним <?> братом чорту?»

«Нет, Катерина, мне недолго остается жить

уже. Близок и без казни конец. Неужели ты думаешь, что я предам себя на вечную муку?»

Замки загремели. «Прощай, храни тебя бог милосердный, дитя мое», сказал колдун, поцеловав ее. «Не прикасайся ко мне, неслыханный грешник, уходи скорее», говорила[915] Катерина, но его уже не было. «Я выпустила его», сказала Катерина,[916] испугавшись и дико осматривая стены. «Что я стану теперь отвечать мужу? Я теперь[917] пропала, мне и живой теперь остается зарыться в могилу», — и, зарыдав,[918] почти упала она на пень, на котором сидел колодник. «Но я спасла[919] душу», сказала она[920] тихо:[921] «я сделала богоугодное дело. Но муж мой... Я в первый раз обману его. О-о, как страшно, как трудно будет мне перед ним говорить правду. Тс... что-то шумит, что это шумит? Это Днепр разыгрался, Днепр. Как страшно тут оставаться, скорее выйди». Трепеща всем телом, встала она[922] и остановилась. «Кто-то идет!» закричала она диким голосом: «да, идет кто-то. Я слышу, вот ступает чья-то молодецкая походка. Боже святой! подходит кто-то к дверям. Скрипят двери, боже, скрипят двери», вскри-

чала она отчаянно: «ах, это он, муж...» — и без чувств упала она на холодную землю.

VII.

«Это я,[923] моя родная дочка. Это я, мое серденько!» услыша<ла> Катерина,[924] очнувшись, и увидела перед собою старую прислужницу.[925] Баба, наклонившись, казалось,[926] что-то шептала и, протянув над <нею> иссохшую руку свою, черпала в лицо ей холодную воду. «Где я?» проговорила Катерина, подымая<сь> и оглядываясь: «перед мною шумит Днепр, за мною гора...[927] Куда завела меня ты, баба?» — «Я тебя не завела, а вывела. Вынесла на руках моих, дитяtko, из душного подвала. Заперла ключиком, чтоб тебе не досталось чего от пана Данила». — «Где же ключ?» сказала Катерина, поглядывая на пояс свой: «я его не вижу».

«Его отвязал муж твой, поглядеть на колдуна, дитя мое».

«Поглядеть?.. Баба, я пропала!» дико вскрикнула Катерина.

«Пусть бог милует нас от этого, дитя мое. Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнает».

«Он убежал, проклятый антихрист. [Ты] слышала, Катерина, он убежал?» сказал пан Данило, приступив к жене своей. Гневен он был. Очи метали огонь, сабля, звеня, тряслась при боку его. Помертвела жена. «Его выпустил кто-нибудь, мой любимый муж», проговорила, дрожа.

«Выпустил, правда твоя, только выпустил чорт. Погляди: вместо его бревно заковано <в> железо. Сдумал же бог так, что чорт не боится козачьих лап! Если б только думу об этом держал в голове хоть один из моих козаков, <узнал><?> бы он у меня, я бы ему и казни не нашел».

«А если б я... и..?» неволью вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась. «[Ты?] Если б ты вздумала... Тогда б ты не жена мне была, я бы тебя зашил тогда в мешок и утопил на самой глубине».

Дух занялся[928] у Катерины, и ей чудилось, будто волосы стали отделяться от головы ее и всё тело сдавил жест<о>кий мороз.

VIII.

На пограничной дороге в корчме собрались ляхи и пируют уже два дни. Что-то нема-

ло всей сволочи сошлось,[929] верно, на какой-нибудь наезд. У иных и мушкеты есть. Чокают шпоры, брякают сабли, паны веселятся и хвастают,[930] говорят про небывалые дела свои, надсмеваются над православными. Зовут украинцев своими холопьями и важно крутят усы и, важно задравши головы, разваливаются на лавках. С ними и ксендз вместе. Только и кзендз у них на их же стать. И с виду даже не похож на христианского попа. Пьет и гуляет с ними и говорит нечестивым языком своим срамные речи. Ничем не лучше от них и челядь. Позакидали[931] назад рукава оборванных жупанов своих и ходят козырем, как будто что путное... Играют в карты, бьют один другого по носам. Понабирались с собою чужих жен. Крик, драка.[932] Паны беснуются и отпускают шутки: хватают за бороду жида. Малюют ему на нечестивом лбу крест, стреляют баб холостыми зарядами и танцуют краковяк с нечестивым попом своим. Не бывало такого соблазну на русской земле и от татар. Видно уже ей бог определил терпеть за грехи[933] посрамление. Слышно между общим содомом, что говорят про заднепровский

хутор пана Данила, про красавицу жену его. Не на доброе дело собралась эта шайка.

IX.

Сидит пан Данило за столом в своей светлице, подперши<сь> локтем и гадает какую-то думу.[934] Сидит на лежанке пани Катерина, качает ногою люльку и поет песню.

«Чего-то грустно мне, жена моя!» сказал пан Данило. «И голова болит у меня и сердце болит. Как-то тяжело мне. Видно, недалеко уже ходит смерть моя».

«О, мой ненаглядный муж! Приникни ко мне головою своею! Зачем ты приголубливаешь к себе такие черные думы», подумала Катерина, да не посмела сказать: горько ей было, повинной голове, принимать мужние ласки.

«Слушай, жена моя», сказал Данило: «не оставляй моего сына, когда меня не будет. Боже сохрани, если ты кинешь его. Не будет тебе от бога счастья ни в том, ни в этом свете. [935] Тяжело было б гнить моим костям в сырой земле. А еще тяжелее будет душе моей».

[936]

«Что говоришь ты, муж мой! Не ты ли из-

девался над нами, слабыми жена<ми>? а теперь сам говоришь, как слабая жена. Тебе нужно долго[937] еще жить[938] на славу козакам».

«Нет, моя Катерина, чует душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свете. [939] Времена лихие приходят. Ох, помню, помню я годы — им, верно, не воротиться. [940] Он был еще жив, честь и слава нашего войска — старый Конашевич. Как будто перед очами моими проходят теперь козацкие полки. Это было золотое время, Катерина. Старый гетьман сидел на вороном коне, блестела в руке булава, вокруг сердюки, шевелилось [941] красное море запорожцев. Стал говорить гетьман, и всё стало, как вкопаное. Заплакал старичина, [942] как начал припоминать нам чудные [943] дела и сечи наши. Полились ручьи слез у всех нас. Эх, если б ты знала, Катерина, как рубились мы тогда с турками! На голове моей виден и доньне рубец. Четыре пули<?> пролетело в четырех местах сквозь меня, и ни одна из ран не зажила совсем! Сколько золота мы набрали тогда, Катерина! Дорогие камни черпали шапками козаки. Ка-

кие кони, Катерина, если б ты знала, какие кони нам достались! Мой[944] рыжий бегун, что за выслугу свою теперь ест пшеничное зерно, достался мне при это<й> сече. Ох, не воевать уже так мне.[945] Кажется, и не стар, и телом бодр, а меч козацкий вываливается из рук. Живу без дела и сам не знаю, для чего живу тут. Порядку нет в Украине:[946] полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою, нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше всё переменяло на польский обычай, продало и душу, принявши унию. Жидовство угнетает бедный народ. О, время, минувшее время! О, лета мои, минувшие лета! Где поделись вы? Ступай, малый, в подвал, принеси мне кухоль меду, выпью [947] за прежнюю долю и за давние годы».

«Чем будем принимать гостей, пан? с луговой стороны ляхи идут», сказал, вошедши в хату, Стецько.

«Знаю, зачем идут они», вымолвил Данило, подымаясь с места. «Седлайте, мои верные хлопцы, коней! Надевайте сбруи, сабли наголо! Не забудьте набрать и свинцового толкна! С честью нужно встретить гостей. А

вы», — сказал Данило, выходя на двор и отделив из кучи собравшихся козаков надежнейших: «оставайтесь дома сторожить <?>, чтоб не досталось нечистому племени опоганить наши хаты!»

Но еще не успели козаки сесть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, как осенью упавший с дерева на землю[948] лист, усеяли собою горы.

«Э, да тут есть <с> кем переведаваться», сказал Данило, поглядывая[949] на толстых панов, важно качавшихся впереди на конях в золотых жупанах, и прислушиваясь к гиканью их: «видно еще раз доведется мне[950] выступить, погулять на славу. Натешься же, козацкая душа, в последний раз. Гуляйте, хлопцы, пришел наш праздник!» И пошла по горам потеха! И запировал кровавый пир! Гуляют[951] мечи, летают пули, ржут и топчут кони. От крику безумеет голова. От дыму слепнут очи. Всё перемешалось. Но козак почует и познает, где друг, где недруг. Прошумит ли пуля, — валится лихой седок с коня. Свистнет сабля — катится по земле голова, бормоча языком несвязные речи. Но виден в

толпе красный верх козацкой шапки пана Данила, мечется в <?> глаза золотой пояс на синем жупане, вихрем вьется грива вороного коня. Как сизогрудая <?> птица, мелькает он там и там, покрикивает, машет дамасской саблей и рубит с правого и левого плеча. Руби, козак, гуляй, козак, тешь[952] молодецкое сердце, но не заглядывайся на золотую сбрую, жупаны! Топчи под коня золото и каменья! Коли, козак, гуляй, козак, но оглянись назад: нечестивые ляхи зажигают с другой стороны хаты. И, как вихорь, поворотил пан Данило назад, и[953] шапка с красным верхом мелькает около хат, и реде<e>т вокруг[954] него толпа.[955] Не час, и не другой бьются ляхи, козаки; немного становится тех и других. Но не устает пан Данило, сбивает с седла[956] длинным копьём своим, топчет лихим конем пеших. Уже очищается двор, уже начали разбегаться[957] ляхи, уже[958] обдира<ю>т козаки с убитых золотые жупаны и богатую сбрую, уже пан Данило собирается в погоню и глянул, чтобы созвать козаков своих... И весь закипел яростно, дико сверкнул очами: ему показал<ся> Катеринин отец — вот он стоит

на горе и целит в него <?> мушкет. Данило свирепо гонит коня прямо на него... Козак, спрячься, на гибель идешь! Мушкет гремит. Колдун пропал за горою. Только верный Стецько видел, как мелькнула красная одежда колдуна и чудная шапка. Зашатал<ся> козак, повалил<ся> с коня на землю. Кинулся верный Стецько к своему пану: лежит пан его, протянувшись на земле и закрыл карие очи. Алая кровь закипела на груди. Но, видно,[959] почу<я>л верного слугу своего. Тихо приподнял веки свои, блеснул[960] очами: «Прощай, Стецько! Скажи Катерине, чтоб не покидала сына. Не по<ки>дайте и вы его, мои верные слуги», и затих. Вылетела козацкая душа из дворянского тела. Посинели уста, спит козак непробудно. Зарыдал верный слуга, припав к своему пану. Не слышит уже его пан. Приподнялся верный слуга и машет рукою Катерине: «Ступай сюда, пани, ступай![961] Подгулял твой пан: лежит он пьяненок на сырой земле. Долго не протрезвиться ему». Всплеснула[962] руками Катерина и повалилась, как сноп, на мертвое тело. «Муж мой! ты ли лежишь тут, закрывши очи? Встань, мой ненаглядный со-

кол, протяни ручку свою, приподымись <1
нрзб.> Погляди хоть раз на твою Катерину, по-
шевели устами, вымолви хоть одно словечко
!.. Но ты молчишь. Ты молчишь, мой ясный
пан. Твои...[963] Ты посинел, как Черное море.
Сердце твое не бьется! Отчего ты такой холод-
ный, мой пан? Видно не горючи мои слезы!
Не в мочь им согреть тебя! Видно не громок
плач мой, не про<бу>дить им тебя! Кто же по-
ведет теперь полки твои? Кто понесется на
твоём вороном конике? Кто[964] громко загу-
кает и замашет саблей пред[965] козаками?
Козаки, козаки, где честь и слава ваша?[966]
Лежит честь и слава ваша,[967] закрывши
очи на сырой земле. Похороните ж меня, по-
хороните меня вместе с ним, засыпьте мне
очи землю! Надавите мне кленовые доски на
белые груди. Мне не нужна больше[968] кра-
сота моя». — «Нет, пани, ты не властна де-
лать, что тебе хочется», сказал Стецько: «ты
должна выполнить то, что приказал тебе
твой пан. При отходе души своей он завещал,
чтоб ты сберегла ему сына и вырастила его.
[969] Вы оставайтесь тут, хлопцы», продолжал
он, оборотившись к обступившим тело коза-

кам и рыдавшим, как малые дети. «Я пойду, соберу наших. Ляхи уже слышали про наше горе и ворочаются назад. Сердце так чует, что уже шумят они в подвале. Меды поотпечатаны, и вино хлещет из воронок. Упьются они тем вином навеки, никому из них не выйти на свет! Мы отпоем кровавую панихиду своему пану». Блеском засверкали козацкие очи, быстрее молнии взлетел он на коня, громко гукнул и гук отпр<... > <?> за горою, за лесом, за полем, и козаки, как птицы, слетелись на призыв[970] и с гиканьем обсыпали гору.

Х.

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет. Ни прошумит. [971] Глядишь и не знаешь, идет или не идет [972] его величаявая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому[973] миру. Любо тогда и жаркому солнц<у> поглядеться с вышины[974] и погрузить лучи[975] в холод стеклянных вод и прибрежным лесам с яркою [зеленью] отсветиться в[976] водах. Зе-

ленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам[977] и, наклонившись,[978] глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым[979] своим изображением, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями.[980] В середину же Днепра они не смеют глянуть. Никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него: редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда всё засыпает: и человек, и зверь, и птица, а бог один величаво озирает с вышины и небо, и землю, и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром, и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне своем. Ни одна не убежит от него, разве погаснет в небе. Черный лес, униженный спящими воронами, разломанные им древние горы, свесясь,[981] силятся[982] закрыть его хотя длинною тенью свою. Напрасно! Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий-синий ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня, виден[983] за столько вдаль, за сколько видеть может чело-

вечье око <1 нрзб.> Нежась и прижимаясь, [984] жметя теснее [к] <1 нрзб.> [берегам], лугам от ночного холода. [При мимолетном ветре вдруг сверкнет, поманя] серебряная струя и она вспыхивает [будто] полоса дамасской сабли, а он, синий, снова заснул.[985] Чуден и тогда Днепр, и нет реки, равной ему в мире. Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь промеж туч,[986] разом осветит мир, — страшен тогда Днепр: водяные холмы гремят, ударяясь о[987] горы и с блеском и стоном отбегают назад, и визжат, и плачут, и заливаются вдали, <как> старая мать козака, выпро<ва>жи<ва>ющая своего сына в войско. Разгульный и бодрый едет он на вороном коне, подбоченившись и молодецки заломив[988] козацкую шапку, а она, рыдая, бежит за ним, хватается за стремя, ловит удила, ломает над ним руки и обливает его жаркими слезами.

Дико чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся берегу и бьется об берег, подымаясь вверх и опускаясь вниз, пристающая лодка. Кто из ко-

заков посмел гулять в челне в ту пору, когда рассердился старый Днепр? Видно, ему неведомо... Лодка причалила, и вышел из нее накинутый кобеняком колдун. Невесел он: ему горька тризна, которую совершили козаки над убитым паном своим.[989] Немало поплатилось[990] [ляхов]:[991] 44-х панов [сожгли] со всем — с сбруею и жупана<ми>, до 33-х холопов изрублено в куски. По каменным ступеням спустился он между обгорелыми камнями <?> вниз, где глубоко в земле была чудная его хата, и[992] тихо вошел он, — не скрипнули и двери. Хата была без свечей, нетопыри мелькали взад и вперед, и знаки стали меняться по стенам.[993] Не озираясь, покрыл он стол белою скатертью, поставил горшок и стал бросать длинными руками своими какие-то неведомые[994] травы. Потом взял кухоль, выделанный с какого-то чудного дерева, почерпнул им воды и стал лить, шевеля губами и творя какие-то нечистые заклинанья. Свет в светлице уже стал розовый и падал ему на ли<цо>, и страшно было тогда глянуть в лицо, — оно казалось кровавым, глубокие морщины только чернели на нем и глаза как

будто горели. Нечестивый грешник! уже и борода давно поседела, и лицо изрыто морщинами, и высох весь, а всё еще творит богопротивные умыслы. Посреди хаты стало опять [995] с дивным сиянием белое облако и что-то похожее на дикую радость сверкнуло на лице его. Но отчего же стал он недвижим с разинутым ртом, не смея пошевелиться, и отчего волосы щетиной поднялись у него на голове? В серебряном облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо, непрошенное, незванное явилось к нему в гости, ясноло, чем дальше, больше и вперило в него неподвижные очи. Черты <1 нрзб.> глаз, губы, очи, — всё незнакомое ему: никогда во всю жизнь свою он его не видывал.[996] И страшного кажется в нем мало, а непреодоли<мый> страх напал на него. А незнаком<ом>ая дивная голова сквозь облако также неподвижно глядела на не<го>. Облако уже и пропало. А неведомые черты еще резче выказались, и острые очи не отрывались от него.[997] Колдун весь побелел, как полотно, диким, не своим голосом вскрикнул он, опрокинул горшок. Всё пропало.

XI.

«Спокой себя, моя[998] любая сестра», говорил старый есаул Горобец: «сны редко говорят правду».

«Никого не бойся», говорил молодой сын его, хватаясь за саблю: «никто не посмеет тебя обидеть».

«Приляг, сестрица», говорила молодая жена его,[999] «я позову старуху-ворожею: против нее никакая сила не устоит: она выльет переполох тебе».

Пасмурно,[1000] мутными глазами глядела на всех Катерина и не находила речи.[1001] «Я сама устроила себе погибель: я выпустила его», простонала она: «мне на земле[1002] нет [1003] покою.[1004] Может быть, за грехи мои не будет и на том свете от него покою. Вот уже десять дней я у вас в Киеве. Горя и капли не убавилось.[1005] Думала, буду хоть в тишине растить[1006] на мечь за отц<a> сына... буду... Страшен, страшен привиделся он мне во сне. И,[1007] боже сохрани, и вам увидеть его. Сердце мое до сих пор бьется. Дух занимается в груди. Я зарублю, Катерина,[1008] твое дите, кричал он, если не выйдешь за меня замуж... [1009] Я заруб...» речь остановилась на устах у

ней и, зарыдав, кинулась она к люльке, и испуганное дитя протянуло ручонки и закричало.

Кипел и сверкал сын эсаула и от гнева, слыша речи, [не находил слов].

Расходился и сам[1010] эсаул Горобец. [1011] «Пусть по<про>бует[1012] окаянный антихрист придти сюда: отведает, бывает ли сила в руках старого козака. Пусть придет он поглядеть, как [будут] растаскивать нечистое тело его вороны, прежде нежели чорт придет за его душою. Бог[1013] видит», говорил он, подымая прозорливые очи,[1014] «не летел ли я подать[1015] руку брату Данилу. Его воля! [1016] Застал его на холодной постели, на которой уже много-много улеглось козацкого <народа>. Зато не пышна разве была тризна по нем,[1017] выпустил ли хоть одного ляха живого? Успокойся, мое дитя.[1018] Никто не посмеет тебя обидеть, разве и меня не будет, ни моего сына».

Кончив слова свои, старый эсаул пришел к люльке.[1019] Дитя засмеялось и протягивало к нему ручонки, увидевши висевшую на ремне у него в серебряной оправе красную люль-

ку и привешенный к ней гаман с блестящим огнивом. «По отцу пойдет», сказал старый эсаул, снимая с себя люльку и отдавая ему. «Еще от люльки не отстал, а уже думает курить люльку». Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель, и все стоворились [1020] провести ночь вместе и, [1021] мало погодя, уснули все, а с ними Катерина.

На дворе и в хате всё было тихо, не спали только козаки, стоявшие на стороже. Вдруг закричала диким голосом, проснувшись, Катерина, и за нею разом проснулись <все>. «Он убил, он зарезал», без памяти кричала Катерина и кинулась к колыбели. Все обетупили колыбель <и> окаменели от ужаса, увидев, что в ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвил ни один из них, так страшно сделалось всем. Уже опамятовались иные, но все стояли бессловесно, помышляя о таком неслыханном злодействе. [1022] Бог <не> глядит на грешную землю, если нет уже казни такому неслыханному злодейству.

XII.

Далеко от Украинского края, проехавши [1023] и Польшу, минуя и многолюдный город

Лемберг, идут рядами высоковерхие горы. Гора за горою, будто каменными цепями перекидывают они вправо и влево землю и обковывают ее каменной толщей, чтобы не просало шумное и буйное море. Идут каменные цепи и в Валахию и в Седмиградскую область и громадою[1024] стали меж галичским и венгерским народом. Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет оглянуть их, и на вершину иных не заходила и нога человечья. Чуден и вид их: н^е задорное ли море выбежало в бурю из широких <берегов>, вскинуло вихрем на воздух безобразные волны и они, окаменев, остались[1025] недвижимыми на воздухе. Не оборвались ли тяжелые тучи, гремя по небу, и загромоздили[1026] [землю], ибо и на них такой же серый цвет, и белая верхушка блестит и искрится при солнце. Еще до Карпатских гор услышишь русскую или ляшскую молвь, а за горами еще кой-где отзовется как будто то неродное слово, а там уже и вера не та, и говор не тот. Живет народ не малолюдный, народ [венгерский]. Ездит на коне, рубится[1027] и пьет не хуже козака, а за конную сбрую и ясные кафтаны не[1028] скупит-

ся вынимать из кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера; как скло, недвижны они и, как зеркало, отда<ю>т в себе голые вершины гор и зеленые подошвы их. Но кто[1029] среди ночи, блещут или не блещут звезды, едет[1030] на огромном вороном коне? Какой страшный богатырь с нечеловечьим ростом скачет под горами, над озерами, ездит<?> исполинским конем в <1 нрзб.> в недвижн<ом> озере,[1031] и бесконечная тень скоро мелькает по горам. Блещут чекаленные латы, при нем топор; гремит при седле сабля; шелом [надвинут, черные] <усы> чернеют, и очи закрыты, ресницы опущены — он спит. И, сонный, держит повода; и за ним сидит на коне[1032] младенец-паж и также спит и, сонный, держится за богатыря. [Не день и не два уже он едет.] Кто он? Куда, зачем он едет? Кто его знает. Не день, не два уже он переезжает горы. Блеснет день, взойдет солнце, — его не видно. Изредка только замечали горцы, что по горам мелькает часто легкая тень, а небо ясно, и туча не пройдет по нем. Чуть же ночь наведет темноту на мир, снова он виден и отдается в озерах, и за ним, дрожа,

скачет тень его. Уже прое<хал> он много гор и въехал на Корован. Горы этой нет выше меж Карпатскими горами: как царь стоит он посередине друг<их>. Тут остановился и конь и всадник, и еще глубже погрузился в сон, и тучи, спустясь, закрыли его.[1033]

Иван Федорович Шпонька и его тетушка (Черновой автограф)*

С этой историей случилась история: нам рассказывал её приезжавший из Гадяча Степан Иванович Курочка. Нужно вам знать, что память у меня,[1034] чорт знает, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори — всё одно. [Всё равно], что в решето воду лей. Зная за собою такой грех, нарочно просил его написать в тетрадку. Ну, дай бог ему здоровья, человек он всегда был добрый для меня, взял и списал. Положил её[1035] я в маленький столик, вы, думаю, его хорошо знаете: он [1036] стоит в углу, как войдешь только в двери. Да я и забыл, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, с которой уже живу лет тридцать вместе, грамоте, нечего греха таить, сроду не училась. Вот замечаю я, что она пирожки печет всё на какой-то бумаге. Пирожки

она, милостивые государи, удивительно хорошо печет: я лучших пирожков нигде не едал. Посмотрел как<-то> на сподку пирожка, смотрю: писанные слова. Как будто сердце у меня знало, прихожу к столику — тетрадки только половина! Остальные листки растаска<ла> на пироги. Что прикажешь делать? По старости лет не подраться же! Прошлый год случилось проезжать через Гадяч, нарочно еще, не доезжая города, завязал узелок, чтобы не забыть попросить об этом Степана Ивановича. Это мало: взял обещание с самого себя, как только чихну в городе, то чтобы при этом вспомнить. Всё напрасно. Проехал через город и чихнул, и высморкался в платок, а всё позабыл; да уже вспомнил, как верст за шесть отъехал от заставы. Нечего делать, пришлось печатать без конца. Впрочем, если кто желает непременно <знать>, что было дальше в этой повести, то ему стоит только нарочно приехать в Гадяч и попросить[1037] Степана Ивановича, он с большим удовольствием расскажет ее, хоть, пожалуй, снова от начала до конца. Живет недалеко возле каменной церкви. Тут есть[1038] сейчас маленький переулок. Как

только поворотишь в переулочек, то будут вторые или третьи ворота.[1039] Да вот [еще] лучше, когда увидите на дворе большой шест с перепелом и выйдет навстречу вам толстая баба в зеленой юбке (он ведет жизнь холостую), то это его двор. Впрочем, вы можете его встретить[1040] на базаре, где он бывает каждое утро до 8 часов и выбирает рыбу и зелень для своего стола и разговаривает с отцом Антипом или с жидом-откупщиком. Вы его тотчас узнаете, потому что ни у кого нет,[1041] кроме него, панталон из цветной выбойки и демикатонового[1042] желтого сюртука. Когда ходит он, то всегда размахивает руками. Еще покойный гадячский заседатель, Денис Петрович, всегда, бывало, увидевши его издали, говорит:[1043] «Глядите, глядите, вон ветряная мельница идет».[1044]

Уже четыре года, как Иван Федорович Шпонька в отставке живет в хуторе своем. [1045] Когда был он еще Ванюшею, то обучался в гадячском поветовом училище и, надобно сказать, был преблагонаправленный и престарательный мальчик. Учитель российской грамматики, Никифор Тимофеевич Деепричастие,

говорил, что если бы все у него были так старательны,[1046] как Шпонька, то он не носил бы с собою в класс кленовой[1047] линейки, которою, как сам он признавался, уставал бить по рукам ленивцев и шалунов. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругом облинеенная, нигде ни пятнышка. Сидел он всегда смирно, сложив руки и уставив[1048] глаза на учителя, и никогда не привешивал сидевшему впереди[1049] его товарищу на спину бумажек, не резал скамьи и не играл до прихода учителя в тесной бабы<?>. Когда кому нужна была в ножике очинить перо, всякий обращался к Ивану Федоровичу, зная, что у него всегда водился ножик, и Иван Федорович, тогда еще просто Ванюша, выним<ал> его из небольшого кожаного чехольчика, привязанного к петле своего серенького сюртука, и просил только не скоблить остреем пера, уверяя, что для это<го> есть тупая сторона. Такое благонравие скоро привлекло на него внимание даже учителя латинского языка, которого один кашель в сенях, еще прежде нежели высывалась в двери его фризовая шинель и лицо, изузоренное оспою, наводил страх

[1050] на весь класс. Этот страшный грязный учитель, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розог и половина класса стояла на коленях, сделал Ивана Федоровича аудитором, несмотря на то, что в классе было много с гораздо лучшими способностями. Тут не можно пропустить одного случая, сделавшего влияние на его жизнь. Один из вверенных ему учеников,[1051] чтобы склонить[1052] своего аудитора написать ему в списке scit, тогда как[1053] он своего урока ни в зуб не знал, принес в класс завернутый в бумагу огромный мас<л>яный блин. Иван Федорович, хотя и держался всегда правды, но на эту пору был голоден и никак не <мог> противиться обольщению взял блин, поставил перед собою книгу и начал его есть и так был занят этим [делом], что даже не заметил, как в классе вдруг сделалась мертвая тишина. Тогда только с ужасом очнулся он, когда страшная рука, протянувшись из фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на середину класса. «Поддай сюда блин! Поддай, говорят тебе, негодяй!» сказал грозный учитель, схватил пальцами масляный[1054] блин и вы-

бросил его за окно,[1055] строго запретив бегавшим по двору школьникам поднимать его. После этого тут же высек он пребольно[1056] Ивана Федоровича по рукам. И дело. Руки виноваты, зачем брали, а не другая часть тела. Как бы то ни было, только с этих пор робость, которая и без того была неразлучна с ним, увеличилась еще больше. Может, это самое происшествие было причиной и тому, что он не имел никогда желания[1057] вступить в штатскую службу, видя на опыте, что лихоимцам не всегда удается хоронить концы. Было уже ему без малого четырнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где вместо сокращен<ного> катехизиса и четырех правил арифметики, принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби. Но увидевши, что чем дальше в лес, тем больше дров, и получивши известие,[1058] что батюшка приказал долго жить,[1059] пробыл еще два <года> и, с согласия матушки, вступил в П*** пехотный полк. П*** пехотный полк был совсем не такого сорта,[1060] к какому принадлежат многие пехотные полки и, несмотря на то, что он большею частью стоял

по деревням, однако ж был на такой ноге, что не уступал иным и кавалерийским. Большая часть офицеров пила выморозки, несколько человек даже умели танцевать мазурку, и полковник П*** полка[1061] не упускал случая замечать об этом, разговаривая с кем-нибудь в обществе: «У меня-с», говорил он обыкновенно, трепля себя ладонью по брюху после каждого слова: «многие-с[1062] пляшут мазурку, весьма многие-с, очень многие-с». Чтоб еще более показать читателям образованность[1063] П*** пехотного полка, мы прибавим, что из офицеров два были страшные игроки в банк и проигрывали[1064] мундир, фуражку, шинель, темляк и даже исподнее платье, что не везде[1065] и между кавалеристами можно[1066] сыскать. Обхождение с такими товарищами, однако ж, ничуть не уменьшило робости Ивана Федоровича. И так как он не пил выморозков, предпочитая им рюмки водки перед обедом <и> ужином, не танцевал мазурки и не играл в банк, то, естественно,[1067] должен был всегда оставаться одним. Оставаясь уже всегда на своей квартире, между тем как другие разъезжали на обыва-

тельских по мелким помещикам, он занимался занятиями,[1068] которые были сродни одной кроткой и доброй душе: то чистил пуговицы, то читал библию или гадательную книгу, то ставил мышеловки по углам своей комнаты, то, наконец, скинувши мундир, лежал на постели. Зато не было никого исправнее Ивана Федоровича в полку, и взводом своим он так командовал, что ротный командир ставил всегда его в образец. Зато в скором времени — спустя одиннадцать лет по вступлении его в службу — произведен он был из прапорщиков в подпоручики. В продолжение этого времени он получил известие,[1069] что матушка скончалась, а тетушка, родная сестра матушки,[1070] которую он знал только потому, что она привозила ему в детстве и по-сы<лала> даже в Гадяч сушеные груши и деланные ею самую превкусные пряники (с матушкою она была в ссоре и потому Иван Федорович после не видал ее), — эта тетушка, по своему добродушию, взялась управлять небольшим его имением, о чем известила его письмом. Иван Федорович, [будучи][1071] совершенно уверен в благоразумии тетушки,

начал еще ревностнее отправлять свою службу. Иной[1072] на его месте, получивши такой чин, возгордился бы. Но гордость совершенно была неизвестна Ивану Федоровичу. И сделавшись подпорутчиком, он был тот же самый Иван Федорович, каким[1073] был некогда и в прапорщиках. Чтоб еще более показать свое [рвение,[1074] он хотел было отпроситься у капитан<a> в откомандировку по <одному>] делу. Пробыв два года после этого замечательного для [чести <?> происшествия], он готовился выступить вместе с полком из Могилевской губернии в Россию, как получил письмо такого содержания:

«Любезный племянник, Иван Федорович!

Посылаю тебе белье: полдюжины порток, пять пар карпеток и четыре рубашки тонкого холста; да еще хочу поговорить с тобою о деле. Так как ты уже имеешь чин немаловажный, что, думаю, тебе известно, и пришел в такие лета, что пора и хозяйством позаняться, то в воинской службе тебе незачем уж более служить. Я уже стара и не могу всего присмотреть в твоём хозяйстве, да и подлинно многое притом имею тебе открыть лично.

Приезжай, Ванюша. В ожидании подлинного удовольствия тебя видеть, остаюсь много любящая тебя тетка Василиса.

Чудная в огороде у нас выросла репа: больше похожа на картофель, чем на репу.»[1075]

Через неделю после получения этого письма, Иван Федорович написал такой ответ:

«Милостивая государыня, тетушка Василиса Кашпоровна!

Много[1076] благодарю вас за присылку белья. Особенно карпетки[1077] у меня очень [1078] старые, что денщик штопал четыре раза и очень от того стали узкие. Насчет вашего мнения о моей службе я совершенно согласен с вами и третьего дня подал отставку. И как только получу увольнение, то найму извозчика. Прежней вашей комиссии насчет семян пшеницы сибирской арнаутки не мог исполнить: во всей Могилевской губернии нет такой.[1079] Свиней же здесь кормят большей частью брагой, подмешивая немного выигравшегося пива.

С совершенным почтением, милостивая государыня тетушка, пребываю вашим послушным племянником Иваном Шпонькою.»

Наконец[1080] Иван Федорович получил отставку с чином порутчика, нанял за 40 рублей жида от Могилева до Гадяча и сел в кибитку в то самое время, когда деревья оделись молодыми, еще редкими листьями, вся земля зеленела свежей[1081] зеленью и по всему полю пахло весной.

ДОРОГА.

В дороге ничего не случилось слишком замечательного для путешественника. Ехали с небольшим две недели. Может быть еще и этого скорее приехал бы Иван Федорович, но набожный жид шабашовал по субботам и накрывшись своею попоной молился весь день. [1082] Впрочем Иван Федорович, как уже имели случай заметить, был такой человек, который не допускал к себе скуки. [В то время как жид был занят своим <делом>, он] развязывал чемодан, рассматривал, хорошо ли вымыто и сложено белье, снимал осторожно пушок с нового мундира, сшитого уже без погончиков, и снова всё это укладывал наилучшим образом. Книг он, вообще сказать, не любил читать и если заглядывал иногда в библию и гадательную книгу, так это потому, что любил

встречать там знакомое, читанное уже несколько раз. Так[1083] городской житель отправляется каждый день в клуб не для того, чтобы услышать там что-нибудь новое, но чтобы встретить тех[1084] приятелей, с которыми он уже с незапамятных времен привык болтать в клубе. Так директор департамента с большим наслаждением читает адрес-календарь по нескольку раз на день не для[1085] каких-нибудь дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная [длинная] роспись имен: «А! Иван Гаврилович такой-то!» повторяет он глухо про себя. «А, вот и я. Гм!..» и на следующий раз снова перечитывает его с теми же восклицаниями.

После двухнедельной езды Иван Федорович достигнул[1086] деревушки, находившейся в ста верстах от Гадяча. Это было в пяти<цу>. Было уже довольно поздно, когда он въехал с кабиткою и с жидом на постоялый двор. Этот постоялый двор ничем не отличался от других,[1087] находившихся по небольшим деревушкам.[1088] В них обыкновенно с большим усердием потчивают[1089] путешественника сеном и овсом, как будто бы он

был почтовая лошадь. Но если бы он захотел позавтракать, как обыкновенно завтракают люди, то сохранял бы в ненарушимости свой аппетит до другого случая. Иван Федорович, зная всё это, запасся заблаговременно двумя пребольшими вязками бубликов и колбасою и, спросивши рюмку водки, в которой не бывает недостатка ни в одном <из> постоянных дворов, начал свой ужин, усевшись на лавке перед дубовым столом, неподвижно вкопанным в глиняный пол. В продолжение этого времени слышался стук брички, ворота закрипели, но бричка долго не въезжала во двор. Громкий голос бранился со старухою, содержащею трактир: «Хорошо, я взъеду», слышал Иван Федорович: «но если хоть один клоп укусит меня в твоей[1090] в хате, то [ей-богу], прибью, старая вра... <?> колдунья, и за сено ничего не дам». Минуту спустя дверь отворилась и вошел или лучше влез толстый человек в зеленом сюртуке. Лицо его неподвижно покоилось на короткой толстой шее, [1091] казавшейся еще толще от двухэтажного подбородка. Словом[1092] он принадлежал к числу тех людей, которые не ломали нико-

гда головы над пустяками и которых вся жизнь катилась по маслу.

«Желаю здравствовать, милостивый государь!» проговорил он, увидевши Ивана Федоровича.

Иван Федорович безмолвно[1093] поклонился.[1094]

«А позвольте узнать, с кем имею честь говорить?» продолжал толстый приезжий.

При таком вопросе Иван Федорович[1095] невольно поднялся с места и стал на вытяжку, что обыкновенно он делывал [перед] полковником:[1096] «Отставной поручик Иван Федорович Шпонька», отвечал он.

«А смею ли спросить, в какие места[1097] изволите ехать?»

«В собственный хутор Копонивку».

«Копонивку?» продолжал строгий допросчик. «Позвольте, милостивый государь, позвольте», говорил он, подступая к нему... <?>, размахивая руками, как будто бы кто-нибудь его не допускал или он продирался сквозь толпу и, приблизившись, принял Ивана Федоровича[1098] в объятия и облобызал сначала в правую, потом в левую и потом снова в пра-

вую щеку. И губы Ивана Федоровича[1099] приняли большие щеки незнакомца за подушку: «Позвольте, милостивый государь, познакомиться,» продолжал толстяк: «я — помещик того же Гадячского уезда и ваш сосед, живу от хутора[1100] вашего Копонивки не более пяти верст в селе Хортыще, а [имя мое и] фамилия моя — Григорий Григорьевич Шлепковский. Непременно, непременно, [1101] милостивый государь, и знать вас не хочу, если не приедете в гости в село Хортыще. Я теперь по надобности спешу. А что это? Куда ты это ставишь?» продолжал он громким голосом, обращаясь к вошедшему своему лакею,[1102] мальчику в козацкой свитке с заплатанными локтями, с недоумевающей миною ставившему на стол узлы и ящички, — и голос Григория Григорье<вича> незаметно делался грознее и грознее. «Разве я это сюда велел ставить, любезный? Разве я это сюда говорил тебе ставить, подлец? Разве я не говорил тебе наперед разогреть[1103] курицу, мошенник? Пошел!» вскрикнул он наконец, притопнув ногою. «Постой![1104] Пакостная рожа! Где погребец с штофиками? Иван Федо-

рович», говорил он, наливая в рюмку настойку: «Прошу покорно лекарственной!»

«Ей-богу, я не могу... Я уже имел случай...» проговорил Иван Федорович с запинкою.

«Я слушать не хочу, милостивый государь», возвысил голос помещик: «и слушать не хочу.[1105] С места не сойду, покамест не выкушаете».

Иван Федорович, увидевши, что ничем нельзя отвязаться от гостеприимного угощения, выпил.

«Это курица, милостивый государь», продолжал толстый Григорий Григорьевич, разрезывая ее ножом в деревянном ящике. «Надобно вам сказать, что повариха моя Явдоха иногда любит куликнуть и от этого часто пересушивает. Ей, хлопче», тут оборотился он к мальчику в козацкой свитке, при<нес>шему перину и подушки: «постели мне посреди хаты. Смотри же,[1106] сена[1107] накладывай выше под п<од>ушку. Да высмокни у бабы из мычки клочок пеньки заткнуть мне уши на ночь. Надобно вам знать, милостивый государь, что я имею обыкновен<ие> затыкать на ночь уши с того проклятого случая,[1108] ко-

гда[1109] в одной корчме в России залез мне в левое ухо таракан. Проклятые кацапы, как <я> после узнал, едят даже щи с тараканами. Невозможно описать, что происходило со мною: в ухе так и лоскочет так и [крутится] — ну хоть на стену. Мне помогла уже в наших местах простая старуха, и чем бы вы полагали? просто зашептыванием. Что вы скажете, милостивый государь, о лекарях? Я думаю, что они просто морочат и дурачат нас:[1110] иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих лекарей<?>».

«Действительно, вы изволите[1111] говорить совершенную правду. Иная точно бывает»... произнес Иван Федорович, как бы не прибирая даже приличного слова. [Не мешает, правда,] вообще сказать, — он[1112] никогда не был слишком щедр на слова. Может быть, это происходило от желания выразиться красивее,[1113] а может быть, и от всегдашней робости.[1114]

«Хорошенько, хорошенько перетряси сено», говорил Григорий Григорьевич своему лакею: «тут сено такое гадкое, что того и гляди как-нибудь попадет сучок. Позвольте, ми-

лостивый государь, пожелать спокойной ночи. Завтра уже не увидимся: я выезжаю до зари. Ваш жид[1115] будет зашабашовать, потому что завтра суббота, а потому вам нечего вставать рано. Не забудьте же моей просьбы. И знать вас не хочу, когда не приеде<те> к нам».

Тут камердинер Григория Григорьевича снял с него сюртук и сапоги и напялил[1116] вместо того халат и Григорий Григорьевич повалился на постель[1117] и казалось огромная перина легла на другую.

«Ей, хлопче, куда же ты, подлец? Поди сюда, поправь мне одеяло! Ей, хлопче, подмости <1 нрзб.> под голову сена![1118] Да что коней уже поил<и>? Еще сена![1119] сюда, под этот бок! Да поправь, подлец, хорошенько одея<ло>! Вот так, еще! Ох!» Тут Григорий Григорьевич вздохнул раз, два[1120] и пустил страшный носовой свист по всей комнате, всхрапывая по временам так, что дремавшая на лежанке[1121] старуха пробуждал<ась>, вдруг смотрела в оба глаза во все стороны и [1122] поуспокоившись засыпала сно<ва>.

На другой день, когда проснулся Иван Фе-

дорович, уже толстого помещика не было. Это было одно только происшествие, случившееся с ним на дороге. На третий день после этого уже приближался к своему[1123] небольшому хуторку. И вдруг [Иван Федорович] почувствовал, что сердце сильно забилося, [1124] когда выглянула,[1125] махая крыльями, ветряная мельница и, по мере того, как жид гнал своих кляч[1126] на гору, показывался внизу ряд верб; сквозь них, как будто живая ртуть, блестел пруд. Кибитка въехала на греблю, и Иван Федорович увидел тот же самый старинный домик, покрытый очеретом, те же самые яблони и вишни, по которым он когда-то украдкою лазил. Только что въехал он во двор, как сбежались со всех сторон собаки всех сортов: бурые, черные, серые, пегие; некоторые с лаем падали под ноги лошадям, другие бежа<ли> сзади, заметив, что ось вымазана салом; один, стоя, возле кухни и накрыв лапою кость, заливался во всё горло, другой лаял издали и бегал взад и вперед, помахивая хвостом,[1127] как бы приговаривая: «Посмотрите, какой я прекрасный молодой человек!» Мальчишки в зап<a>чканных ру-

башках бежали глядеть. Сама свинья, прохаживавшаяся по двору с шестнадцатью поросятами, подняла вверх с испытующим видом свое рыло и хрюкнула громче обыкновенного. По двору... <?> лежало<?> множество ряден с пшеницею, с просом, с ячменем, сушившихся на солнце. На крыше тоже немало [1128] сушилось разного рода трав. Иван Федорович так был занят рассматриванием всего, что очнулся тогда только, <когда> пегая одна собака укусила слазившего с козел жидя за икру. Сбежавшаяся дворня, состоявшая из ключницы, поварихи, двух девок в шерстяных исподницах, [1129] после первых восклицаний: Оцеж панич наш! объявила, что тетушка была в огороде вместе с девкою Палашкою и кучером Омельком, [1130] исправлявшим также [1131] должности [1132] огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще [1133] издали увидела рогожаную кибитку, была уже здесь. Иван Федорович изумил<ся>, когда она почти подняла его на руках, между тем как в письмах твердила ему о своей старости и болезни.

ТЕТУШКА.

Тетушка Василиса Кашпоровна в это время имела лет около пятидесяти. Замужем она никогда не была и обыкновенно[1134] говорила, что жизнь девическая для нее дороже всего. Впрочем, сколько мне помнится, никто и не сватал ее. Это происходило оттого, что один взгляд на геройский вид Василисы Кашпоровны производил некоторую робость в сердце мужчин, боящихся более всего на свете малейшего вида власти женщин. Они были совершенно правы, потому что Василиса Кашпоровна хоть кого умела сделать тише травы. Пьяницу мельника, который совершенно был ни к чему <не> годен, она собственною своею мужественною рукою, дергая часто за чуб, без всяких посторонних[1135] средств, умела сделать золотом, а не человеком. Рост она имела[1136] почти исполинский, дородность и силу совершенно соразмерную.[1137] По<... >ям[1138] казалось, что природа сделала непростительную ошибку, определив ей носить темнокоричневый по будням капот с мелкими оборками и красную кашемировскую шаль по праздникам — в день Светлого воскресенья и своих именин,

тогда как ей более всего шли бы драгунские [1139] усы, длинные ботфорты и шпоры. Зато занятия ее совершенно соответствовали ее виду. Она каталась [1140] сама на лодке, [1141] гребя искуснее всякого рыбака, [1142] стреляла дичь; стояла неотлучно над косарями; знала наперечет число дынь и арбузов на баштане; брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через ее греблю, взлезала на деревья и трусила груши; была ленивых вассалов своею страшною [1143] рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной [1144] руки. Она [1145] никогда почти не имела обычая отдыхать, бранилась, красила пряжу, бегала на кухню, делала квас, варила варенье и хлопотала весь день и везде поспевала.

Следствием этого было то, что маленькое именьеце Ивана Федоровича, состоявшее из 18 душ по последней ревизии, процветало в полном смысле сего слова. К тому же [1146] она слишком горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копейку. По приезде домой жизнь Ивана Федоровича совершенно изменилась и пошла совершен-

но иною дорогою.[1147] Казалось,[1148] натура его именно создала для управления осьмнадцатидушным именем. Сама тетушка заметила, что он будет хорошим хозяином, хотя впрочем не во всё еще позволяла вмешиваться. «Воно ще молода дытына» обыкновенно она говаривала, несмотря на то, что Ивану Федоровичу без малого было сорок лет: «Где ему всё знать!» Однако ж он неотлучно бывал в поле при жнецах, косарях, и это доставляло наслаждение неизъяснимое его кроткой душе. Единодушный взмах десяти блестящих кос. Шум падающей стройными рядами травы. Изредка[1149] заливающиеся песни жни<ц> то веселые, как встреча гостей, то заунывные, как разлука. Спокойный чистый вечер, и что за вечер! Как волен и свеж [этот воздух]! Как оживлено всё![1150] Степь краснеет,[1151] синеет и горит цветами,[1152] одни перепела, дрофы, кузнечики, чайки[1153] и от них <?> свистом, жужжанием, треском, криком и ст<оном> и вдруг стройный хор, и всё не молчит ни на минуту. А солнце садится и кроется. У! как[1154] свежо и хорошо! По полю вон и вон со всех сторон раскладываются

огни и ставятся котлы и вокруг котлов садятся усатые косари. Пар от галушек несется. Сумерки <1 нрзб.> Далеко, далек<о> слышится мычание коров. Трудно рассказать, что делалось с Иваном Федоровичем. Он часто забывал, присоединяясь к косарям, отведать их галушек, которые он очень любил, и стоял недвижно[1155] на одном месте, пока, подкравшись, ночь не обнимет всего неба и звезды то там, то там начнут светиться. В скором времени об Иване Федоровиче везде пошли речи, как о великом хозяине. Тетушка не могла нарадоваться своим племянником и никогда не упускала случая им похвастаться. В один раз — это было уже по окончании жатвы и именно в конце июля — Василиса Кашпоровна, взявши Ивана Федоровича с таинственным видом за руку, сказала, что она теперь хочет поговорить с ним о деле, которое давно уже занимает все ее мысли.

«Тебе, любезный Иван Федорович», так она начала: «известно, что в твоём хуторе 18 душ, — правда это по ревизии, а без того, может, наберется больше, может быть, до 24. Но не об этом дело. Ты знаешь, тот лесок, что за

нашею левадою, и за этим же лесом широкий луг: в нем пятнадцать десятин, а травы[1156] столько, что можно каждый год продавать больше, чем на триста рублей, особенно если, как говорят, в Гадяче будет конный полк».

«Как же-с, тетушка, знаю, трава очень хорошая».

«Это я сама знаю, что очень хорошая: но знаешь ли ты, что вся эта земля,[1157] по настоящему, твоя? Что ж ты так выпучил глаза? Слушай, Иван Федорович! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что я говорю: помнишь, — ты тогда был еще таким маленьким, что выговорить его имени не мог. Куда же! Я помню, когда я еще приехала в самое Пуще<нье>[1158] и [взяла тебя] покачать на руках, то ты обпачкал мне все руки. Тогда еще... но не в этом дело. Вся земля, которая за нашим хутором, и самое село Хортыще было Степана Кузьмича. Он, надобно тебе объявить, еще тебя не было на свете, как нач<ал> ездить к твоей матушке, правда в такое время, когда отца твоего не было дома. Но я, однако ж, это не в укор ей говорю, упокой господи ее душу! Хотя покойница всегда была неправа против меня. Но не в

этом де<ло>. Как бы то ни было, только Степан Кузьмич сделал тебе дарственную запись на это самое имение, об котором я тебе говорила. Но покойница, твоя матушка, упокой господи ее душу, между нами будь сказано, он<а> была чудного нрава. Сам чорт, господи прости меня за это поганое слово, не мог <бы> понять ее. Куда она дела эту запись — один бог знает. Я думаю просто, что она в руках старого холостяка [чтобы ему чорт знает как спалось <1 нрзб.>], Григория Григорьевича Стороженка. Этой пузатой шельме досталось всё его имение. Я готова ставить бог знает что он утаил запись».

«Позвольте-с доложить, тетушка, — не тот ли это Стороженко, с которым я познакомился на станции?» Тут Иван Федорович рассказал про свою встречу.

«Кто его знает», ответила, немного подумав, тетушка: «может быть, он и добрый человек. Правда, он всего только полгода как переехал к нам жить. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина и, говорят, большая мастерица[1159] солить огурцы, и ковры, я слышала, ее девки умеют

отлично хорошо выделывать. Но так как ты говоришь, он так тебя хорошо принял, то поезжай к нему, может быть, старый грешник послушает совести и отдаст то, что не ему принадлежит. Не то, ей-богу, когда-нибудь поколочу его.[1160] Пожалуй, можешь поехать и в бричке, только проклятая детвора повыдергала сзади все гвозди, и нужно будет сказать кучеру Омельку, чтоб прибил лучше кожу».

«Для чего же, тетушка? Я возьму повозочку, в которой вы ездите иногда стрелять дроф».

Этим кончился разговор.

ОБЕД.

В обеденную пору Иван Федорович въехал [1161] в село Хортыще и немного оробел, когда стал приближаться к[1162] господскому дому. Дом этот был длинный и не под чертянною, как <у> многих окружных помещиков, но под деревянною крышею. Два амбара во дворе тоже под деревянною крышею. Ворота дубовые. Иван Федорович похож был на того франта, который, заехав на бал, видит всех, куда ни оглянется, одетых пощеголеватее его. Из почтения он остановил свой возок возле

амбара и подошел пешком ко крыльцу.

«А! Иван Федорович!» закричал толстый Григорий Григорьевич, ходивший по двору [1163] в сюртуке, но без галстука, жилета и подтяжек. Однако ж и этот наряд, казалось, обременял [1164] его тучную толстоту, потому что пот катился с него градом. «Что ж вы говорили, что приедете сейчас, как увидите с тетушкой приедете, да не приехали?» [1165] губы Ивана Федоровича встретили те же самые знакомые [1166] подушки. [1167]

«Большую частью занятия по хозяйству... Я-с приехал к вам на минутку, собственно по делу».

«На минутку? Вот этого-то не будет. Ей, хлопче!» закричал толстый Стороженко. [1168] И тот самый мальчик в козацкой свитке выбежал из кухни: «Скажи Касьяну, чтоб ворота сейчас запереть, слышишь: запереть крепче. А коней вот этого пана, что приехал, распечь сию минуту. Прошу [1169] в комнату, здесь такая жара, что [1170] у меня вся рубашка мокра».

Иван Федорович решил не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость,

поступать решительно.

«Тетушка имела честь... сказала мне, что дарственная запись покойного Степана Кузьмича...»

«Трудно изобразить, какую при этих словах сделало неприятную мину обширное лицо Григория Григорьевича. «Ей-богу, ничего не слышу», отвечал он. «Вы извините меня: надобно вам сказать, что у меня в правом ухе сидел таракан, — невозможно описать, что за [1171] мучение было. Так вот и лоскочет, так и лоскочет. Мне помогла одна старуха самым простым средством».

«Я хотел сказать»... осмелился прервать Иван Федорович, видя, что Григорий Григорьевич с умыслом хочет поворотить речь на другое: «что в завещании покойного Степана Кузьмича упоминает<ся>, так сказать, о дарственной записи... по ней следует-с мне...»

«Я знаю. Это вам тетушка успела наговорить.[1172] Это ложь, ей-богу, ложь, никакой дарственной записи покойный дядюшка не делал. Хотя, правда, в завещании и упоминается о какой-то записи. Но где ж она? Никто не представил ее. Я вам это говорю потому,

что искренне вам добра жел<аю>.[1173] Ей-богу, это ложь».

Иван Федорович замолчал, рассуждая, что, может быть, в самом деле тетушке так только показалось.

«А вот идет сюда матушка с сестрами», сказал Григорий Григорьевич: «значит обед готов. По<й>демте!» При сем он потащил Ивана Федоровича за руку в комнату, в которой стояла водка с <закусками>.

В то <же> самое время вошла старушка с двумя барышнями. Иван Федорович, как воспитанный кавалер, подошел сначала к ручке старушки, а после к обеим барышням.

«Это, матушка, наш сосед Иван Федорович Шпонька...»[1174]

Старушка смотрела пристально на Ивана Федоровича или, может быть, только казалась смотревшею. Впрочем, это была совершенная доброта. Казалось, она так и хотела спросить Ивана Федоровича: «Сколько вы на зиму насаливаете огурцов?»

«Вы водку пили?» спросила старушка.

«Вы, матушка, верно, не выспались!» сказал Григорий Григорьевич. «Кто же спраши-

вает гостя, пил ли он. Вы потчевайте только, а [1175] пили ли мы или нет, — это наше дело. Иван Федорович, прошу золототысячниковой или трохимовской, какой вы любите! Иван Иванович, а вы», сказал Григорий Григорьевич, оборотившись назад, и Иван Федорович увидел подходившего к водке <Ивана Ивановича> в долгополом сюртуке, с огромным стоячим воротником, закрывавшим весь его затылок, так что голова его сидела в воротнике, как будто в бричке. Иван Иванович подошел к водке, потер руки, рассмотрел хорошенько рюмку, налил, поднес к свету, влил всю рюмку разом в рот и, не проглатывая еще, пополоскал ею хорошенько во рту, после чего уже прогло<тил>. Закусивши хлебом с солеными опенками, оборотился он к Ивану Федоровичу.

«Не с Иваном ли Федоровичем, господином Шпонькой, имею честь говорить?» — «Так точно-с», отвечал Иван Федорович.

«Очень[1176] много изволили переменить-ся.[1177] Как же...» продолжал Иван Иванович: «я еще помню вас вот каким.»[1178] При этом поднял он ладонь <?> на аршин от полу.

«Покойный батюшка ваш, дай боже ему царство небесное, редкий был человек. Арбузы и дыни всегда бывали у него такие, каких теперь нигде и не найдете. Вот хотя бы и тут», продолжал он, отводя его в сторону: «подадут вам за столом дыни. Что э<то> за дыни, — смотреть не хочется! Верите ли, милостивый государь, что у него были арбузы», продолжал он с таинственным видом: «ей-богу, вот такие!» расставляя руки, как будто бы хотел обхватить толстое дерево.

«Пойдемте за стол», сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана Федоровича за руку. Все вошли в столовую. Григорий Григорьевич завесился огромною салфеткою и сел на обыв<н>овенн<ом> своем месте, в конце стола. Завесившись огромною салфеткою <он> походил на тех героев, которых рисуют циркульники на своих вывесках. Иван Федорович, краснея, сел на указанное ему место против двух барышень, а Иван Иванович[1179] не приминул сесть возле него, радуясь душевно, что будет кому сообщить свои сведения.

«Вы напрасно взяли куприк, Иван Федорович, — это индейка!» сказала старушка, обра-

тившись к Ивану Федоровичу,[1180] которому в это время поднес блюдо официант в[1181] сером фраке с черною заплатаю: «возьмите спинку».

«Матушка, ведь вас никто не просит», произнес Григорий Григорьевич, будьте уверены, что гость сам знает, что ему взять. Иван Федорович, возьмите крылушко, вон другое с пупком. Да что же вы так мало взяли? Возьмите стегнушко? Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: «Иван Федорович, возьмите стегнушко».

«Иван Федорович, возьмите стегнушко!» проревел, став на колени, официант с блюдом.

«Гм! что это за индейка!» сказал вполголо-са Иван Иванович с видом пренебреженья, оборотившись к своему соседу. «Такие ли должны быть индейки?[1182] Сами бы вы увидели у меня индеек![1183] Я вас уверяю, что жиру в одной больше, чем в десятке таких, как эта. Верите ли, государь, что даже противно смотреть, когда ходят они у меня по двору, так жирны!»

«Иван Иванович! Ты лжешь», [1184] произнес Григорий Григорьевич, вслушиваясь в его речи.

«Я вам скажу», продолжал всё также своему соседу Иван Иванович, показывая [1185] вид, [что] он не слышит слов Григория Григорьевича: «что прошлый год, когда я отправлял их в Гадяч, давали по 50 копеек за штуку. И то еще не хотел брать».

«Иван Иванович, я тебе говорю, что ты лжешь», произнес для лучшей ясности Григорий Григорьевич по складам и громче прежнего. [1186]

Но Иван Иванович [1187] притворился, [1188] показывая вид, будто это совершенно не к нему относилось, продолжая также, но только гораздо тише: «именно, государь мой, не хотел брать. В Гадяче ни одного помещика...»

«Иван Иванович, ведь ты глуп и больше ничего», громко сказал Григорий Григорьевич. «Ведь Иван Федорович знает всё это лучше тебя и верно не поверит тебе».

Тут Иван Иванович совершенно обиделся, замолчал и принялся убирать индейку, [1189]

несмотря на то, что она не так была жирна, как те, на которые противно смотреть.

Стук ножей, ложек и тарелок замял на время разговор; одно только высмактывание Григорием Григорьевичем мозгу из кости, казалось, заглушало всё.

«Читали ли вы», спросил Иван Иванович [1190] после некоторого молчания [своего соседа], высовывая, голову из своей брички к Ивану <Федоровичу>: «книгу Путешествие Коробейникова ко святым местам? Истинное наслаждение души и сердца! Теперь таких книг не печатают. Очень сожалею, что не посмотрел которого году».

Иван Федорович, услышавши, что дело идет до книг, прилежно начал набирать себе соус. «Истинно удивительно, государь мой, как подумать, что простой мещанин прошел все места эти более трех тысяч верст, государь мой, более трех тысяч верст! Подлинно, его сам господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме».

«Так вы говорите, что он», сказал Иван Федорович: «то есть [1191] был и в Иерусалиме?»

«О чем вы говорите, Иван Федорович?»

произнес с конца стола Григорий Григорьевич.

«Я, то есть, име<л> случай заметить, что какие есть на свете далекие страны», сказал Иван Федорович,[1192] будучи сердечно доволен собою, что выговорил такую длинную и трудную фразу.

«Не верьте ему, Иван Федорович», сказал Григорий Григорьевич, не вслушиваясь хорошенько: «всё врет».

Между тем обед кончился. Григорий Григорьевич отправился в свою комнату, а[1193] <гости> пошли вместе с старушкой хозяйкою и барышнями в гостиную, где тот стол, на котором оставили они, выходя обедать, водку, как бы превращением каким[1194] покрылся блюдечками <с> вареньем разных[1195] сортов, арбузами, вишнями, дынями. Отсутствие Григория Григорьевича заметно было во всем. Хозяйка сделалась словоохотнее и открывала сама, без просьбы, множество секретов насчет делания пастилы и сушеных груш, даже барышни стали говорить.[1196] Но белокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было око-

ло двадцати пяти лет, была молчаливее. Но более всех говорил и действовал Иван Иванович. Будучи[1197] уверен, что его теперь никто не собьет и не смешает, он говорил и об огурцах, и о посеве картофеля, и о том, какие в старину были разумные люди, куда против теперешних, и о том, как всё, чем дальше, умнеет и доходит к выдумыванию мудрейших вещей. Словом, это был один из числа тех людей, которые к величайшему удовольствию любят позаняться улаждающим душу разговором[1198] и будут говорить обо всем, об чем только можно говорить. Если разговор касался важных и благочестивых предметов, то Иван Иванович вздыхал после каждого сл<ова>, кивая слегка головою.[1199] Ежели до хозяйственных — то высовывал голов<у> из своей брички и делал такие мины, глядя на которые, кажется, можно было прочесть, как нужно делать грушевый квас, как великие дыни, об которых он говорил и как жирные гуси, которые бегают у него по двору. Наконец, с великим трудом, уже к вечеру, удалось Ивану Федоровичу распрощаться[1200] и, несмотря на свою сговорчивость <и> на то,

что его насильно оставляли ночевать, он устоял-таки в своем желании ехать и уехал.

* * *

«Ну, что, выманил у старого греходея запись?» с таким вопросом встретила Ивана Федоровича тетушка, которая с[1201] нетерпением дожидалась его уже несколько часов на крыльце и выбежала принять[1202] его еще за двором.

«Нет, тетушка. У Григория Григорьевича нет никакой записи».

«И ты поверил ему? Врет он, проклятый. Когда-нибудь попаду, поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочем, нужно наперед поговорить с нашим подсудком, нельзя <ли> судом с него стребовать... Но не об этом теперь дело. Ну, что ж обед был хороший?»

«Очень. Да, весьма, тетушка».

«Ну, какие ж были кушанья, расскажи! Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней».

«Сырники были со сметаной. Соус с голубями, очень».

«А индейка с сливами была?» спросила те-

тутушка потому, что была большая искусница готовить сама это блюдо.

«Была и индейка... Весьма красивые барышни,[1203] сестрица Григория Григорьевича! Особенно белокурая».

«А!» сказала тетушка и посмотрела пристально на Ивана Федоровича, который, покраснев, потупил глаза в землю. Новая мысль быстро промелькнула в ее голове. «Ну, что ж?» Живо: «Какие у ней брови?» (не мешает заметить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины в бровях).

«Брови, тетушка, совершенно-с такие, какие, вы рассказывали, в молодости были у вас. И веснушки небольшие по лицу». — «А», сказала тетушка, будучи довольна замечанием Ивана Федоровича, который, однако ж, [1204] и не думал этим сказать комплимента.

«Каков<о> же на ней было платье? Хотя впрямь теперь уже трудно найти такие плотные материи, какая вот хоть бы, например, у меня на этом капоте. Но не об этом дело. Ну что ж? Ты говорил о чем-нибудь с нею?»

«То есть как-с? Я-с, тетушка? Вы, может быть, уже думаете-с...»

«А что ж? Что[1205] тут диковинного? Так [1206] богу угодно! может быть[1207]... Может быть тебе с нею на роду написано жить парочкою?»

«Я не знаю, тетушка, как это вы можете говорить? Это доказывает, что вы совершенно не знаете меня...»

«Ну вот уже и обиделся», сказала тетушка. «Ще молода дытына», подумала она про себя: «ничего не знает. Нужно их свести вместе, пусть познакомятся».[1208] Тут тетушка пошла заглянуть в кухню и оставила Ивана Федоровича. Но с этого времени она только и думала о том, как бы увидеть своего племянника[1209] женатым и понянчить маленьких внучков. В голове громоздились одни только приготовления к свадьбе, и заметно было, что она во всех делах суетилась гораздо более, нежели прежде, хотя, впрочем, эти дела[1210] более хуже, нежели лучше шли. Часто[1211] делая какое-нибудь пирожное, которое, не мешая заметить, она никогда почти не доверяла кухарке, она, позабывши и воображая, что возле нее стоит маленький внучек, просивший пирога, рассеянно протягивала к нему

руку с пирогом, и дворовая собака, пользуясь этим, схватывала лакомый кусок и своим громким чваканьем выводила[1212] ее из задумчивости, за что и была всегда наказываема кочергой... Даже оставила она любимые свои занятия[1213] и не ездила на охоту, особенно когда вместо куропатки застрелила со-року, чего прежде никогда с нею не бывало.

Наконец, спустя дня четыре после этого все увидели выкаченную из сарая на двор бричку. Кучер Омелько, он же огородник и сторож, еще с раннего утра стучал молотком и приколачивал кожу, отгоняя беспрестанно собак, лизавших колеса. Долгом почитаю предупредить читателей, что это была именно та самая бричка, в которой еще ездил Адам. И потому, если кто будет выдавать другую за адамовскую, то это настоящая, суцая [1214] ложь, и бричка непременно[1215] поддельная. Совершенно неизвестно, каким образом спаслась она от пото<па>. Должно думать, что в Ноевом ковчеге был особенный для нее сарай. Жаль очень, что читателям нельзя описать живо ее фигуры. Довольно сказать того, что Василиса Кашпоровна[1216]

была очень довольна ее архитектурой и всегда изъявляла сожаление, что вывелись из моды старинные экипажи. Самое устройство кибитки немного на бок, то есть, что правая сторона её была гораздо выше левой — ей очень нравилось, потому что с одной стороны может, как она говорила, малорослый взлезать, а с другой великорослый. Впрочем внутри кибитки могло поместиться штук пять [1217] малорослых и трое [1218] таких, как тетушка. [1219] Около полудни Омелько управился, вывел из конюшни тройку лошадей, немного чем моложе брички, начал привязывать их веревкою к величествен<ному> экипажу. Наконец, и Иван Федорович и тетушка, один с правой стороны, другая с левой, взлезли в бричку, и она тронулась. Попадавшие по дороге мужики, видя такой богатый экипаж (тетушка очень редко выезжала в нем), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись в пояс. Но вот кибитка остановилась перед крыльцом, — думаю не нужно говорить: перед крыльцом дома Стороженка. Григория Григорьевича не было дома. Старушка с барышнями вышла встретить гостей

в столовую. Тетушка подошла величественным шагом, с большой ловкостью отставила одну ногу вперед и сказала громко:

«Очень рада, государыня моя, что имею честь лично доложить вам мое почтение. А вместе с респектом позвольте поблагодарить за хлебосольство ваше к племяннику моему Ивану Федоровичу, который премного им хвалится. Прекрасная у вас гречиха, сударыня! Я видела ее, подъезжая к селу. А позвольте узнать, сколько коп вы получаете с десятины?»

После сего последовало всеобщее лобызание. Когда же все уселись в гостиной, то старушка-хозяйка начала: «Насчет гречихи я не могу вам сказать: этой частью [заведывает] <Григорий> Григорьевич. Я уже давно не занимаюсь этим, да и не могу: уже стара! В старину у нас, бывало, я помню, гречиха была по пояс, теперь бог знает что. Хоть и говорят, что теперь всё лучше». Тут старушка вздохнула. И какому-нибудь наблюдателю послышался бы в этом вздохе вздох всего старинного восемнадцатого столетия.

«Я слышала, моя государыня, что у вас соб-

ственные ваши девки отличные умеют выдирать ковры», сказала Василиса Кашпоровна, и этим она задела старушку за живую струну. Вся она как будто оживилась, и речи у нее полились о том, как должно красить пряжу, как приготовить для это<го> нитку. С ковров быс<тро> съехал разговор на то, как солить огурцы и сушить груши. Словом не прошло часу, как обе дамы так разговорились между собою, будто век были знакомы. Василиса Кашпоровна многое уже начала говорить с нею[1220] таким тихим голосом, что Иван Федорович ничего не мог расслышать.

«Да неуютно ли посмотреть!» сказала, вставая, [старушка-хозяйка]. За нею встали барышни и Василиса Кашпоровна, и все потянулись в девичью. Тетушка однако ж дала знак Ивану Федоровичу остаться и сказала что-то тихо старушке:

«Машенька!» сказала старушка, обращаясь к белокурой барышне: «останься с гостем, да поговори с ним, чтобы гостю не было скучно». Белокурая барышня осталась и села на диван. Иван Федорович сидел на своем стуле, как на иголках, краснел и потуплял глаза. Но

барышня, казалось, вовсе этого не замечала, преравнодушно сидела на диване,[1221] то рассматривала прилежно окно и стены, то следуя глазами за кошкой, трусливо пробегавшей под стульями.

Иван Федорович немного ободрился и хотел было начать разговор, но казалось все слова растерялись по дороге. Ни одна мысль не приходила на ум.

Молчание продолжалось около четверти часа. Барышня всё также сидела. Наконец, Иван Федорович собрался с духом: «Летом очень много мух, сударыня!» промолвил он полудрожащим голосом.

«Чрезвычайно много!» ответила барышня: «братец нарочно сделал хлопушку из старого маменькиного башмака, но всё еще очень много».

Тут разговор опять прекратился. И Иван Федорович никаким образом уже не находил речи. Наконец хозяйка с тетушкой и чернявой барышнею возвратились. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпоровна распростилась со старушкой и барышнями,[1222] несмотря на все приглашения их остаться но-

чевать,[1223] Старушка с барышнями вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшим из брички тетушке и племяннику.

«Ну, Иван Федорович! Об чем вы говорили вдвоем с барышней?» спросила дорогою тетушка.

«Очень скромная и благонравная барышня Марья Григорьевна!»

«Слу<шай>, Иван Федорович! Я хочу поговорить с тобою серьезно. Ведь тебе, слава богу, тридцать осьмой год. Чин ты уже имеешь хороший. Пора подумать и о детях. Тебе непременно нужна жена!»

«Как, тетушка!» вскричал, испугавшись Иван Федорович. «Как жена! Нет-с, тетушка, сделайте милость... Вы меня совершенно в стыд приводите. Я еще никогда не был женат... Я совершенно не знаю, что с нею делать!»

«Узнаешь, Иван Федорович, узнаешь!» промолвила, улыбаясь, тетушка и подумала про себя: куда ж! ще зовсим молода дытына, ничего не знает. «Да, Иван Федорович», продолжала она вслух: «лучшей жены тебе нельзя

сыскать, как Марья Григорьевна. Тебе уже она притом очень понравилась. Мы уже насчет этого мно<го> переговорили со старухой. Она очень[1224] рада видеть тебя своим зятем. Еще неизвестно, правда, что скажет этот лиходея, Григор<ий> Григорьевич, но мы не посмотрим <на н>его. Пусть только он вздумает не отдавать приданого, мы его судом...» В это время бричка въехала во двор и древние клячи ожили, чуя стой<ло>. «Слушай, Омелько, коням [дай] прежде отдохнуть хорошенько: они лошади горячие,[1225] а не поитотчас распрягши». «Ну, Иван Федорович», сказала, вылезая, тетушка. «Я советую тебе хорошенько подумать об этом. Мне еще нужно забежать в кухню: я позабыла[1226] Солохе заказать ужин, а она, бестия, я думаю, и не подумала об этом...»

Но Иван Федорович стоял, как будто громом оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня, но жениться!.. Это казалось ему так странно, так чудно, что он не мог <подумать> без страха. Жить с женою! [1227] Непонятно, точно, когда ну[1228] он не один будет в своей комнате, но их[1229] долж-

но быть ведь двое! Холодный пот проступал на лице его.[1230] Долго не мог он заснуть, уложившись довольно рано в свою постель. Наконец, сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его. Но какой сон! Еще несвязнее сновидений он никогда не видывал. То снилось ему, что<?> вокруг него всё шумит, вертится. А он бежит, бежит, не чувствуя под собой ног, вот уже[1231] выбивается из сил, вдруг слышит, кто-то хватает его за ухо. «Ай! кто это?» — «Это я, твоя жена!» с шумом говорит ему какой-то голос. И он вдруг пробуждается. То представлялось ему, что он уже женат, что всё в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит вместо одинокой двойная кровать. На стуле сидит жена. Ему странно: он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее птичье лицо, оборачивается и видит другую жену тоже с птичьим лицом. Поворотился[1232] в друг<ую> сторону — стоит третья жена. Назад — еще одна жена. Тут он бросил<ся> бежать в сад, но в саду жарко.[1233] Он снял шляпу, видит и в шляпе сидит жена. Пот выступил у него на лице. Полез в карман за платком и в кармане[1234] жена;

вынул из уха хлопчатую бумагу — и там сидит жена... То вдруг он прыгал на одной ноге. А тетушка, глядя на него, говорила с важным видом: «Да, ты должен прыгать, потому что ты теперь уже женатый человек». Он посмотрел на нее, но тетушка — уже не тетушка, а колокольня. И чувствует, что его кто-то тянет веревкой на колокольню. «Кто это тащит меня?» жалобно проговорил Иван Иванович. «Это я, жена твоя, тащу тебя, потому, что ты колокол». — «Нет, я не колокол, а Иван Федорович!» кричал он. «Да, ты колокол», говорил, проходя[1235] полковник П*** пехотного полка. То вдруг снилось ему, что жена — это вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя. Что он в Могилеве приходит в лавку к купцу. «Какой прикажете материи?» говорит купец. «Вы возьмите жены. Это самая модная материя, очень добротная! Из такой[1236] все теперь шьют себе сюртуки». Купец меряет и режет жену. Иван Федорович берет подмышку, идет к жиду, портному. «Нет», говорит жид: «это дурная материя! с нее никто не шьет себе сюртуков». В страхе и беспамятстве просыпался Иван Федорович. Холодный пот лился с

него градом.

А между тем в голове тетушки созрел совершенно новый замысел, который увидим мы в следующей главе.

Как только встал он поутру, тотчас обратился к гадательной книге, в которой при конце Глазунов по своей редкой доброте и беско<ры>стию поместил сокращенный снотолкователь, но там совершенно не было ничего даже похожего.[1237]

Комментарии

ПИСЬМА

1. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ПБЛ).

Впервые напечатано в «Русском Вестнике» 1888, № 11, стр. 64–69.

По содержанию сближается с «Авторской исповедью» и является попыткой Гоголя отвести от себя многочисленные обвинения в измене художественному творчеству, посыпавшиеся после опубликования «Переписки с друзьями».

Разъясняя в письме свои воззрения на писательскую деятельность как на свой гражданский долг и патриотическое служение обществу, признаваясь в сознательном выступлении против «всего дурного», какое только знал в России, Гоголь наряду с этим пишет, что не хотел, однако, осмеивать «узаконенный порядок вещей и правительственные формы». Эта внутренняя противоречивость письма еще более подчеркивается порочной формулой: «Искусство есть примирение с жизнью». Из первой приписки («Если письмо

это найдешь не без достоинств», то прибре-
реги его» и т. д.) видно, что письмо предна-
значалось к печати. Жуковский отвечал на
него (а также и на статью «Что такое слово»
из «Переписки с друзьями») 29 января 1848 г.
тоже большим письмом, послав его, однако,
не непосредственно Гоголю (из опасения, что
оно уже не застанет последнего в Неаполе), а
Шевыреву (через А. П. Елагину), напечатавше-
му его в «Москвитяине» (№ 4 за 1848 г.) под
заглавием: «О поэте и современном его значе-
нии» (в изданиях Сочинений Жуковского но-
сит другое заглавие: «Слова поэта — дела по-
эта»).

Рейтерны — семья тестя Жуковского, ху-
дожника Евграфа (Гергардта) Романовича
Рейтерна (1794–1865).

Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846
— издатель Амброзио Фирмин Дидо. Париж.
1846.

2. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 181–183; полностью — в «Письмах», IV, стр. 151–155.

Благодарю вас много за бесценные ваши строки — письмо Константиновского к Гоголю до нас не дошло.

Иван Дмитриевич Халчинский (1811–1856) — советник русского посольства в Константинополе, впоследствии генеральный консул в Молдавии и Валахии. Учился одновременно с Гоголем в Нежинской гимназии высших наук, которую окончил в 1829 г.

3. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 184; полностью — в «Письмах», IV, стр. 160–161. Является ответом на письмо Шереметевой от 20 ноября <1847> — см. там же, стр. 160, в подстрочном примечании.

Датируется 1848 годом по содержанию и 12-м января н. ст. на основании неопубликованного ответного письма Шереметевой от 3 февраля 1848 г. (ЛБ) с сообщением о получении письма Гоголя от 12 января. Поставленная же Гоголем дата «Генварь 22» — очевидная описка, так как 22 января Гоголь находился уже не в Неаполе, а на о. Мальта (см. № 6*).

Ваше письмо... получил — подразумевается письмо Шереметевой от 20 ноября <1847> (см. выше).

Я прилагаю при сем записочку... Приложена молитва (см. «Записки», II, стр. 184–185; «Сочинения и письма», VI, стр. 448–449; «Письма», IV, стр. 161–162).

4. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Сочинений и писем» (VI, стр. 444–445), где было впервые напечатано (с пропусками); пропущенные места — по тексту «Вестника Европы» (1896, № 7, стр. 10–11).

Наконец я получил письмо ваше... — это письмо до нас не дошло.

Сестре Ольге я просил выслать из Москвы деньги на молебны и на раздачу бедным. См. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, №№ 232 и 234.

Письмо мое со вложением письма к Анне... — это письмо Гоголя к матери не сохранилось. Письмо к А. В. Гоголь — см. там же, № 231.

Прилагаю здесь... содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник... молился. Приложена молитва (см. «Сочинения и письма», VI, стр. 445–446; «Письма», IV, стр. 157–158).

5. А. А. ИВАНОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 446–447; полностью — в «Письмах», IV, стр. 158–160. Является ответом на письмо Иванова от последних чисел декабря <1847> — см. «Известия Азербайджанского университета», т. 4–5, Баку, 1925, стр. 46–47.

Датируется 1848 годом на основании почтового штемпеля.

... в письме моем... — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, № 235.

В городе неспокойно... — намек на начинавшееся в Неаполе революционное движение.

6. А. П. ТОЛСТОМУ

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Русском Обозрении» 1897, № 1, стр. 8–9.

Датируется 1848 годом на основании почтового штемпеля.

Дела короля совершенно плохи... Под давлением восставшего народа король Обеих Сицилий Фердинанд II в начале 1848 г. вынужден был дать конституцию. Однако, собравшись с силами, он жестоко подавил революционное движение в стране и в 1849 г. восстановил абсолютизм.

7. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 130–131.

Я получил ваше письмоцо... — от 7 ноября <1847>. См. «Вестник Европы» 1889, № 11, стр. 129–130.

Вероятно, в одно время и вы получили мое — это письмо Гоголя до нас не дошло.

Александра Осиповна — Смирнова.

Софья Михайловна — Соллогуб.

8. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 450–451; с теми же пропусками и с ошибкой в дате — в «Письмах», IV, стр. 166–168. Полностью печатается впервые.

... трех довольно длинных писем. Известны два оставшихся без ответа письма Гоголя к Шевыреву, от 2 и 18 декабря н. ст. 1847 г. См. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, №№ 222 и 232.

Надежда Николаевна — Шереметева.

Передай ей при сем записочку — см. № 9*.

Сергей Тимофеевич и Конст<антин> Сер-

ге<евич> — Аксаковы.

9. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 185–186; пропущенный текст — в «Библиографических Записках» 1859, стр. 110.

Было приложено к письму № 8.

... я уже отправил вам два письма — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, №№ 225 и 236.

Ответ на последнее ваше письмо и замечание вы уже имеете. Имеется в виду письмо № 3, являющееся ответом на письмо Шереметевой от 20 ноября <1847> с советом («замечанием») Гоголю «внутренно себя исследовать», чтобы узнать, нет ли в сердце его к кому-либо неприязни.

10. А. П. ТОЛСТОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Русском Обозрении» 1897, № 1, стр. 9-10.

Датируется 1848 годом по содержанию.

... желая избежать двадцатидневного карантина. Речь идет об обязательном карантине, которому подвергались все возвращавшиеся из Азиатской Турции из-за свирепствовавших там эпидемических заболеваний. Гоголю всё же не удалось избежать карантина, который он выдержал в Смирне (см. № 16*) и затем на родине, в Одессе (см. №№ 24*, 26*).

Матвей Александрович — Константиновский.

11. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано, с пропусками, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 452–453; так же — в «Письмах», IV, стр. 172–173. Полностью печатается впервые.

Отрывок из ответного письма Жуковского, от 7/19 апреля 1848 г. см. в Соч. Жуковского, стр. 613; полностью напечатано в «Отчете ПБЛ» за 1887 г., Прилож., стр. 64–66.

... *удостоился видеть место и землю* — см. примеч. к № 19*.

Базили, Константин Михайлович (1809–1884) — сын греческого патриота, приговоренного к смертной казни и бежавшего из Турции в Россию, дипломат и литератор (см. Н. В. Гоголь. АН СССР, X, стр. 407) Печатные его работы, в том числе ряд статей в первом русском энциклопедическом лексиконе Плюшара, в основном посвящены Востоку, который Базили прекрасно знал. Сопровождал Гоголя в его путешествии в Палестину. Письмо его к Гоголю от 25 декабря 1847 г. (6 января 1848 г.) см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 684–685.

«Сирия и Палестина» — «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях». 2 части. Одесса. 1861–1862 (2-е изд. 1875 г.). Гоголь ознакомился с работой Базили еще в рукописи.

12. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (*ЛБ*).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 186; полностью — в «Письмах», IV, стр. 171–172.

Датируется 1848 годом по содержанию.

13. М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Русской Мысли» (1902, № 1, стр. 76).

Впервые напечатано: с пропусками и с ошибкой в дате — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 451; так же — в «Письмах», IV, стр. 170.

14. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками и с ошибкой в дате — в «Записках», II, стр. 186; полностью, но с той же ошибочной датировкой — в «Письмах», IV, стр. 171.

15. М. А. БАЗИЛИ.

Печатается по тексту сборника «Помощь голодающим» (М. 1892, стр. 466), где было впервые напечатано; варианты — по «Письмам», IV, стр. 169–170.

Датируется 1848 годом по содержанию.

Маргарита Александровна Базили (ум. 8 ноября 1848 г.) — жена К. М. Базили. Гоголь познакомился с нею в начале своего путешествия в Иерусалим, в Бейруте, где была постоянная резиденция русского генерального консула.

В письме — приписка К. М. Базили: «Слава

богу, здоров. Поздравляю с отпуском, но решительно некогда писать» («Письма», IV, стр. 170, примеч. 5). Речь идет об отпуске К. М. Базили, получив который, он с женой отправился в Россию вместе с Гоголем.

16. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по тексту «Сочинений и писем» (VI, стр. 453–454), где было впервые напечатано.

Датируется 1848 годом по содержанию.

Сергею Тимофеевичу дай прилагаемую записочку. Эта записка до нас не дошла.

Малиновский — Дмитрий Константинович. См. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, примеч. к № 133.

... прошу журнала не прерывать. Малиновский имел обыкновение присылать Гоголю пространные письма в форме ежедневных записей, содержавших различные рассуждения, самоанализ, критику произведений Гоголя и т. п. Таково, например, его письмо к Гоголю с записями от 1, 2, 5, 6 и 12 апреля 1847 г., письмо от 23, 25 и 30 ноября 1848 г. и др. (ЛБ).

17. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 186–187; полностью — в «Письмах», IV, стр. 174–175.

На подлиннике — штамп: «Очищено в Одесском карантине 6 апреля 1848».

... остальные мои деньги... — речь идет о получении последней части пенсии, назначенного Гоголю в 1845 г. из средств государственного казначейства сроком на три года.

Напиши теперь же... — ответ Плетнева, от 16 мая 1848 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 56–57.

Доставь при сем следуемое письмоцо Смирновой — см. № 18*.

... возьми у графа... — вероятно, Михаила Юрьевича Вьельгорского.

«Анализы греческого языка» — книга французского эллиниста Будэуса (Guillaume Budäus, он же Budé, 1467–1540): «Commentarii linguae graecae». Paris. 1529. Были и позднейшие издания, одно из которых подразумевает Гоголь.

In foglio — в лист. (Итал.)

... ржевскому священнику — М. А. Константиновскому.

18. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками и неточной датой — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 455; полностью и с исправленной датой — в «Письмах», IV, стр. 176.

Было приложено к письму № 17.

Напишите теперь же... Ответ Смирновой, от 17 мая 1848 г., см. в «Русской Старине» 1890, № 11, стр. 354–355.

19. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 455–456; так же — в «Письмах», IV, стр. 176–177. Полностью печатается впервые.

Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Это трезвое признание, резко расходящееся с искусственно приподнятым тоном письма, является правдивым свидетельством о подлинном,

весьма далеко от религиозных восторгов и экзальтации, самом прозаическом настроении Гоголя во время его паломничества. См. также его позднейшие честные признания в письме к Жуковскому от 28 ноября <1850> о том, что ничего, кроме „сонных впечатлений“, не вынесла его „сонная душа“ из Палестины, что в Назарете сидел он, как на почтовой станции где-нибудь в России, и т. д. Белинский оказался прав: Гоголю было «незачем ходить пешком в Иерусалим». (Письмо к Гоголю. — Соч. Белинского, стр. 713.)

Я не имею... ответа ни на длинное мое письмо из Неаполя, ни на письмо из Иерусалима. — см. №№ 1 и 11*.*

20. А. П. ТОЛСТОМУ.

Печатается по тексту «Сочинений и писем» (VI, стр. 460–461), где было впервые напечатано.

Датируется 1848 годом по содержанию.

Софья Петровна — сестра А. П. Толстого, графиня Апраксина.

21. С. П. АПРАКСИНОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Напечатано в «Записках отдела рукописей ЛБ», вып. 1, М. 1938, стр. 34.

Датируется по связи с письмом № 20, к которому, судя по неполному адресу, было приложено.

... два письмеца... — эти письма до нас не дошли.

Наталья Владимировна — графиня Апраксина (1820–1853), дочь С. П. Апраксиной.

Мария Владимировна — графиня Апраксина (ум. 1887), дочь С. П. Апраксиной. Впоследствии замужем за князем Сергеем Васильевичем Мещерским.

Мисс Henriette — вероятно, гувернантка дочерей С. П. Апраксиной.

22. А. А. ИВАНОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Современнике» 1858, № 11, стр. 168; полностью — в «Письмах», IV, стр. 178–179. Ответ Иванова, от 25 июля 1848 г., — в том же номере «Современника», стр. 168–169, а также в книге: М. Боткин. «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», стр. 251–252.

Поблагодарите Бейне за его доброе письмо... — письмо А.-К. Бейне к Гоголю от 1/13 января 1848 г. см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 685–687.

Братца вашего... — архитектора Сергея Андреевича Иванова.

23. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 187–188; полностью — в «Письмах», IV, стр. 179–180. Ответ Плетнева, от 16/28 мая 1848 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 56–57.

Датируется 1848 годом на основании штампа: «Очищено в Одесском карантине 16 апреля 1848».

Письмо мое из Байрута... — см. № 17*.

Ольга Петровна — дочь Плетнева (ок. 1830–1852).

Балабины — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 377–378.

Александра Осип<овна> Ишимова — см. там же, XIII, стр. 491.

24. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 457; полностью — в «Письмах», IV, стр. 183.

Датируется 1848 годом по содержанию.

Андре<й> Андрее<вич> — Троцинский. См. Н. В. Гоголь. АН СССР, X, стр. 396.

25. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском окончания — в «Записках», II, стр. 188–189; полностью — в «Письмах», IV, стр. 185–188.

Датируется 1848 годом по содержанию.

... письмо ваше... — письмо Константиновского к Гоголю до нас не дошло.

26. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 457–459; так же — в «Письмах», IV, стр. 184–186. Полностью печатается впервые.

Датируется 1848 годом по содержанию.

... письмо от 16/28 февраля... — это письмо до нас не дошло.

В письме Жуковского... — см. примеч. к № 1

... в тех строках твоих... — речь идет о статье Шевырева «Очерки современной русской словесности» (отд. «Критика», стр. 83-104).

Я вижу, что ты не напрасно взялся за журнал — в 1848 г. Шевырев вошел в новый «комитет редакции» «Москвитянина».

... всем нам следует... теперь больше, чем когда-либо прежде, умерять себя... Здесь и далее Гоголь, очевидно, имеет в виду помещенные в № 4 «Москвитянина» «Ответы» Шевырева Белинскому, «Отечественным Запискам» и др. с бестактными выпадами против Белинского, «Современника» и «Отечественных Записок».

... об этих сплетнях... — речь идет о ссоре С. Т. и К. С. Аксаковых и Н. Ф. Павлова с Шевыревым из-за напечатанного последним в № 3 «Москвитянина» разбора поэмы («очерков») К. К. Павловой «Двойная жизнь». (См. Барсуков, IX, стр. 454–457).

Я писал к тебе уже из Константинополя ... — не из Константинополя, а из Бейрута (см. № 16*).

27. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 596–597. Ответ Данилевского, от 11 мая 1848 г., — там же, стр. 595–596.

Датируется 1848 годом по содержанию и по связи с указанным выше письмом Данилевского.

... которого попал... — украинизм.

Пащенко — Иван Григорьевич Пащенко, школьный товарищ Гоголя Данилевского.

Орлаи оба, Александр и Андрей... — сыновья Ивана Семеновича Орлая, бывшего директора Нежинской гимназии высших наук. Один из братьев, Андрей Иванович, тоже учился в Нежине.

... будут от души хлопотать о тебе. Данилевский в это время мечтал перейти на службу в Одессу.

Максимович — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, X, стр. 455–456.

28. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 79. Ответ Шевырева, от 17 мая 1848 г., см. в «Отчете ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 58–59.

Княжна Гика — представительница рода молдавских и валахских господарей.

29. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 190–191; пропущенный текст — в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 597. Является ответом на письмо Данилевского от 11 мая 1848 г. (там же, стр. 595–596).

Датируется 1848 годом по содержанию и по связи с указанным выше письмом Данилевского.

Яворивщина — яворовый лес, принадлежавший М. И. Гоголь.

Тóлстое — имение отчима А. С. Данилевского, в 6 верстах от Васильевки.

Nec plus ultra — до крайности. (Лат.)

Василий Иванович — Черныш, отчим А. С. Данилевского, помещик.

Николай Васильевич, Василий Васильевич — сыновья В. И. Черныша и единоутробные братья А. С. Данилевского.

Ульяна Григорьевна — жена А. С. Данилевского.

30. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по копии Кулиша (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском окончания — в «Записках», II, стр. 189; полностью — в «Письмах», IV, стр. 189–190.

Датируется 1848 годом по содержанию.

Ваше письмо получил... Имеется в виду неопубликованное письмо Шереметевой от 5–9 мая 1848 г. (ЛБ).

... о сочинении моем... — подразумевается второй том «Мертвых душ».

От Жуковского имею известия... Письмо Жуковского к Гоголю, от 7/19 апреля, см. в «Отчете ПБЛ» за 1887 г., Прилож., стр. 64–66.

Елагина, Авдотья Петровна — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 431.

31. К. С. АКСАКОВУ.

Печатается по копии с подлинника, находящегося в собрании Н. П. Смирнова-Сокольского (Москва).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 132–134; с большей полнотой — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 463–465. Является ответом на недатированное <1848> письмо К. С. Аксакова («Русский Архив» 1890, № 1, стр. 152–156). Ответ Аксакова на письмо Гоголя см. там же, стр. 157–158.

Датируется 1848 годом, так как написано из Васильевки, непосредственно по возвращении в Россию.

... о книге моей... — подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями».

... жажду прочесть вашу драму... Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М. 1848).

32. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 204; с большей полнотой — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 465–466, полностью — в «Письмах», IV, стр. 197.

Датируется 1848 годом по содержанию и по связи с письмом С. Т. Аксакова — см. ниже.

Как вы меня обрадовали вашими строчками... Письмо С. Т. Аксакова, от 21 мая 1848 г., напечатано в «Русском Архиве» 1890, № 8, стр. 178–179.

Драмы Константина Сергеевича... не имею — см. примеч. к № 31*.

... вопрос, решением которого я... занят... Подразумевается стремление Гоголя «узнать существо природы русского человека» (см. предыдущее письмо*), т. е. глубже ознакомиться со свойствами русского национально-го характера для изображения их во втором томе «Мертвых душ».

33. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 191–192; полностью, но с ошибкой в дате — в «Письмах», IV, стр. 195–196. Ответ Плетнева, от 21 июня 1848 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 58–59.

Датируется 1848 годом на основании пометы Плетнева («П<олучено> 19 июня 1848») и по связи с ответным его письмом (см. выше).

Жаль векселя... К этим словам Плетнев сделал в выноске помету: «(3150 фран<ков> 10 янв<аря> 1847)».

Передай ей это маленькое письмецо — см. № 34*.

Я слышал, что муж ее назначен губернатором в Москву. Плетнев отвечал на это: «О назначении Смирнова в Москву здесь и слуху не было» (там же, стр. 59).

34. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 461; с ошибочной датировкой — в «Письмах», IV, стр. 205–206. Является ответом на письмо Смирновой от 17 мая (у Шенрока ошибочно указано 17 июня) 1848 г. (см. «Русскую Старину» 1890, № 11, стр. 354–355).

Было приложено к письму № 33 и датируется по связи с ним, а также с упомянутым выше письмом Смирновой.

35. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано (с зашифровкой имен) в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 462. Среди писем к А. М. Вьельгорской, опубликованных Шенроком в «Вестнике Европы», отсутствует.

Подлинник представляет собой черновой, незаконченный набросок письма, занимающий первую страницу рукописи, на 2-4-й страницах которой находится расписание работ (тоже рукой Гоголя) по лесопосадкам на осень 1849 г. Однако письмо относится к лету

1848 г., о чем говорят как содержание его (написано в Васильевке во время холерной эпидемии 1848 г., — в 1849 г. Гоголь совсем не приезжал на родину), так и внешние признаки (расписание написано другим почерком и более темными чернилами, чем письмо, что доказывает их разновременность). Возможно, что это письмо так и осталось в черновом виде, адресату же было отправлено письмо № 36.

... быть певцом мира и тишины посреди брани... — см. аналогичное высказывание в письме № 37*, текстуальная близость к которому подтверждает правильность датировки письма серединой июня 1848 г.

36. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 131–132. Ответ Вьельгорской, от 8 июля 1848 г., см. там же, стр. 132–133.

... из маленького письма ее... — подразумевается письмо Смирновой от 17 мая 1848 г. («Русская Старина» 1890, № 11, стр. 354–355).

Мих<аил> и Матвей Юрьевич — Вьельгорские.

37. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропуском окончания — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 467–468; так же — в «Письмах», IV, стр. 201–202. Полностью печатается впервые.

Твое милое письмецо... получил. Подразумевается письмо Жуковского от 7/19 апреля 1848 г., посланное, однако, не из Франкфурта, а из Ганау («Отчет ПБЛ» за 1887 г., Прилож., стр. 64–66).

Большое же, напечатанное в «Москвитяине»... — см. примеч. к № 1*.

38. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и с ошибкой в дате — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 467; так же — в «Письмах», IV, стр. 200–201.

Датируется 1848 годом по содержанию и по связи с письмом Шевырева от 17 мая 1848 г. (см. «Отчет ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 58–59), на которое служит ответом.

От Сергея Тим<офеевича> я получил письмо... — от 21 мая 1848 г. («Русский Архив» 1890, № 8, стр. 178–179).

... я ему отвечал... — см. № 32*.

Я получил письмо и от Конст<антина> Серг<еевича>... Драмy его я пробежал... — см. примеч. к № 31*.

Черткова — см. примеч. к № 39*.

39. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Было ошибочно присоединено к письму от 18 июля <1850>, неправильно датированному 18-м июня <1848>, и напечатано: как часть его, с пропуском заключительной фразы и подписи, — в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 673; так же — в «Письмах», IV, стр. 205. Полностью, в качестве самостоятельного письма печатается впервые.

Датируется по связи с № 38, отправленным за три дня перед данным письмом.

В письме моем к тебе... — см. № 38*.

... при сем приложенное письмецо — см. № 40*.

Князя Ипсиланти... — представители рода молдавских и валахских господарей, из которого вышел борец за независимость Греции Александр Ипсиланти.

... у Строгановых (граф<а> Серге<я>)... — у графа Сергея Григорьевича Строганова, бывшего попечителя Московского университета.

Чертковы — Александр Дмитриевич и Елизавета Григорьевна. См. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 414.

40. М. А. БАЗИЛИ.

Печатается по тексту сборника «Помощь голодающим» (М. 1892, стр. 467), где было впервые напечатано.

Было приложено к письму № 39.

... никаких известий ни о вас, ни о... вашем супруге. М. А. Базили первая написала Гоголю, но ее письмо, от 14 июня 1848 г. из Москвы (см. «Материалы» Шенрока, IV, стр. 770), разошлось с письмом к ней Гоголя. Муж ее, К. М. Базили, в это время находился в Петербурге, где, кроме служебных дел, занимался своей еще не напечатанной книгою «Сирия и Палестина» (там же).

41. Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ.

Печатается по подлиннику (КАБ).

Впервые напечатано в «Русском Слове» 1859, № 1, стр. 135. Ответ Прокоповича, от 16 июля 1848 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 770–771.

... журнал Башуцкого «Иллюстрация»... — еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге в 1845–1849 гг. сначала Н. В. Кукольниковом, затем А. П. Башуцким. Прокопович не мог исполнить просьбы Гоголя о подписке на этот журнал из-за своих стесненных денежных обстоятельств (там же, стр. 771).

42. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Записках», II, стр. 192. Ответ Плетнева, от 19 июля 1848 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 59.

Датируется 1848 годом на основании пометы Плетнева («П<олучено> 18 июля 1848») и по связи с ответным письмом Плетнева (см. выше).

43. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 204–206; с большей полнотой — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 469–471; с пропуском фразы и отдельных слов — в «Письмах», IV, стр. 209–211.

Датируется 1848 годом по содержанию и по связи с письмом С. Т. Аксакова — см. ниже.

И за письмо и за книги благодарю вас... Подразумеваются: письмо С. Т. Аксакова от 21 июня 1848 г. («Русский Архив» 1890, № 8, стр. 180) и книги — «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова (М. 1847) и драма в 5 действиях К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М. 1848).

Я после напишу Константину Сергеевичу... о его драме. Это обещание не было исполнено. Гоголю не нравилась холодно-дидактическая драма Аксакова, но он не хотел отрицательным отзывом о ней обижать отца и сына, только что поссорившихся из-за нее с Погодиным. «Погодин облаял ее, как взбесившаяся собака», писал старик Аксаков Гоголю (21 мая 1848 г. См. «Русский Архив» 1890, № 8, стр. 178–179).

Статья его о современном споре... К. С. Аксаков писал Гоголю: «Посылаю вам небольшую статью, в которой высказываю свои основные гражданские убеждения, написанную месяц с лишком. Скажите ваше мнение... У меня много лежит в портфеле, но цензура ужасно строга» («Русский Архив» 1890, № 1, стр. 158). Последняя фраза указывает на то, что статья была прислана в рукописном виде и, вероятно, осталась ненапечатанной.

Ваш разбор драмы я бы желал нетерпеливо прочесть... Ответ на слова С. Т. Аксакова: «Если бы я не был отцом сочинителя, то непременно напечатал бы об ней критическую статью. Эту статью вмещу я в письмо к

вам и непременно пришлю ее. Завтра же начну писать, и каков бы ни был ваш суд, не перемену в ней ни одного слова» («Русский Архив» 1890, № 8, стр. 180).

Михаил Семенович — Щепкин.

44. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Публикуется впервые.

Датируется 1848 годом по связи с письмом Шевырева к Гоголю от 3 июля 1848 г. (см. «Отчет ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 59–60), ответом на которое является, и по содержанию.

... письмо Базили — см. № 45*.

45. К. М. БАЗИЛИ.

Печатается по тексту сборника «Помощь голодающим» (М. 1892, стр. 467), где было впервые напечатано.

Было приложено к письму № 44.

Датируется 1848 годом, так как летом этого года К. М. и М. А. Базили находились в России.

... я получил от нее... письмецо... — см. примеч. к № 40*.

46. Н. Ф. ПАВЛОВУ.

Печатается по тексту «Русской Старины» (1875, № 12, стр. 673–674), где было впервые напечатано О. Ф. Миллером, охарактеризовавшим его как «начало письма, без всякой даты, адреса и подписи, отличающееся почерком столь тревожным и столькими пропусками и описками, что многого положительно нельзя разобрать» (там же, стр. 673).

Адресатом, без сомнения, является Н. Ф. Павлов, автор трех писем к Гоголю, содержавших резкую критику «Переписки с друзьями», печатавшихся в 1847 г. в «Московских Ведомостях» (№№ 28, 38 и 46) и перепечатанных потом в «Современнике». Белинский писал о них: «В своих письмах Гоголю он <Павлов>

стал на его точку зрения, чтоб показать его неверность собственным своим началам. Тонкость мысли, ловкость диалектики при изложении в высшей степени изящном делают письма Н. Ф. Павлова явлением образцовым и совершенно особым в нашей литературе» (Соч. Белинского, стр. 844–845).

Датируется 1848 годом, так как написано по возвращении Гоголя в Россию, и летними месяцами, так как в сентябре Гоголь был уже в Москве, где жил Павлов, и надобность в письменных объяснениях отпадала.

47. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД). Впервые напечатано: с пропуском окончания — в «Записках», II, стр. 206; полностью — в «Письмах», IV, стр. 212.

Датируется 1848 годом на основании пометы Плетнева («П<олучено> 11 сент<ября> 1848») и по связи с письмом Плетнева от 19 июля этого года («Русский Вестник» 1890, № 11, стр. 59), на которое служит ответом.

Черниговск<ая> губер<ния>, с. Сварк<ово> — Гоголь останавливался здесь на несколько дней (по дороге в Москву) у дяди жены А. С.

Данилевского, А. М. Марковича (см. примеч. к № 68*).

48. А. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Записок» (II, стр. 250), где было впервые напечатано.

Кулиш отнес это письмо ко времени поездки Гоголя в Москву в 1851 г. Однако известно, что Гоголь воспользовался экипажем А. М. Марковича именно в 1848 г. (см. письмо № 49*), что позволяет поставить данное письмо в ряд с письмами №№ 47 и 49.

А. М. Маркович — см. примеч. к № 68*.

Кочубей — кн. Василий Викторович (1812–1850), имение которого Диканька, с огромным дубовым лесом, граничило с Яворивщиной, принадлежавшей Гоголям.

49. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском последней фразы — в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 602; полностью — в «Письмах», IV, стр. 213–214.

Письмо имеет неполную дату: «Воскресенье». Дополнительно датируется 5-м сентября, так как 1 сентября Гоголь был в Сваркове и ближайшее к 1 сентября воскресенье было 5 сентября, в воскресенье же 12 сентября Гоголь уже был в Москве. Относится к 1848 г. по связи с письмами №№ 47, 48, 50.

Прокофий — повар А. С. Данилевского.

... ее милым сестрицам — Марии Григорьевне и Варваре Григорьевне Похвисневым, племянницам и воспитанницам А. М. Марковича.

50. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 602–603.

Датируется 1848 годом по связи с письмами №№ 47–49.

Россет — Клементий Осипович, один из братьев А. О. Смирновой. Гоголь надеялся, что Россет поможет Данилевскому получить службу в Москве.

51. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано в «Библиографических Записках» 1859, стр. 103.

Датируется 1848 годом по содержанию.

52. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 207; полностью — в «Письмах», IV, стр. 217.

Датируется на основании пометы Плетнева: «П<олучено> 16 сент<ября> 1848».

На дачу не мог попасть... Плетнев, как обычно, проводил лето на даче «Спасская мыза», близ Лесного института.

Павлино — дача Вьельгорских.

По случаю торжественного фамильного их дня... — 17 сентября был день именин Софьи Михайловны Соллогуб.

53. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском приписки и с ошибочной датировкой 1841 г. — в «Сочинениях и письмах», V, стр. 451; полностью — в «Письмах», IV, стр. 217–218.

Датируется 1848 годом, так как только в этом году Гоголь был в Петербурге в сентябре (в 1839 г. он приехал туда в октябре, в 1842 г. — в конце мая). Кроме того, в прежние свои приезды Гоголь давал своим корреспондентам адрес Погодина. В 1848 г. он дает адрес Шевырева, как, например, и в настоящем письме.

54. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с большими пропусками — в «Записках», II, стр. 208–209; полностью — в «Письмах», IV, стр. 218–219.

Датируется 1848 годом по тем же основаниям, что и предыдущее письмо.

Письмо твое я получил... — это письмо до нас не дошло.

Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях... Речь идет об июньском восстании 1848 г. и подавлении его генералом Кавеньяком. В характеристике парижских событий, данной Гоголем, слышится отзвук впечатлений буржуазного либерала Анненкова, увидевшего в восстании выражение отчаяния народа, рвущегося в драку в поисках смерти. Противоположную оценку тех же событий, как борьбу народа с буржуазией, дал другой их очевидец — Герцен, восхищавшийся героизмом парижских рабочих.

Ульяну Григорьевну благодар<ю> очень за письмо — это письмо не сохранилось.

Олинька — дочь адресата, Ольга Александровна Данилевская (впоследствии по му-

жу — Баних).

55. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: среди писем 1840 г. и с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», V, стр. 395; так же — в «Письмах», IV, стр. 216–217.

Датируется на основании почтового штемпеля: «С.-Петербург. 1848. 25 сент<ября>».

... не предпринимал поездки в Рузу... Шереметева большую часть года жила в деревне (в с. Покровском Рузского уезда Московской губ.).

56. Ф. Л. ХАЛЧИНСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Публикуется впервые.

Датируется временем пребывания Гоголя в Петербурге в 1848 г.

Федор Лаврентьевич Халчинский (ум. 1860) — дипломат и переводчик. Ему принадлежат переводы: с немецкого языка — «Наполеон Бонапарт и французский народ» (СПб. 1806) и с французского — «Рассуждение генерала Жомини о великих военных действиях, или критическое и сравнительное описание походов Фридриха II и Наполеона», в 8 томах (СПб. 1809–1817).

Иван Дмитр<иевич> — Халчинский, родственник адресата. См. примеч. к № 2*.

57. М. П. ПОГОДИНУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Напечатано (с пропуском половины письма) у Барсукова, IX, стр. 473. У Шенрока пропущено. Полностью печатается впервые.

Написано из Петербурга и датируется осенью 1848 г., еще точнее — началом октября на основании фразы: «Через неделю, если бог даст, увидимся лично» (14 октября 1848 г. Гоголь был уже в Москве). Не может относиться к пребыванию Гоголя в Петербурге в 1839 г., так как тогда Гоголь, возвратившись в Москву в декабре, прожил у Погодина не месяц, как обещает в данном письме, а до 18 мая 1840 г. В 1842 г. Гоголь из Петербурга в Москву не возвращался и выехал оттуда за границу.

Зеньков — Павел Федорович (род. 1824), художник-портретист. Известны две его работы, относящиеся к Гоголю: портрет писателя (литография с работы А. А. Иванова), приложенный к № 11 «Москвитянина» за 1843 г., и «Гоголь в гробу», слабые в художественном отношении и отличающиеся малым сходством.

58. А. О. СМЕРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 473; с пропуском последней фразы и подписи — в «Письмах», IV, стр. 220–221. Полностью печатается впервые.

Датируется 1848 годом по связи с ответным письмом Смирновой от 20 октября 1848 г. («Русская Старина» 1890, № 11, стр. 355–357).

Веневитиновы — Алексей Владимирович и Аполлинария Михайловна (рожд. гр. Вьельгорская).

59. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ). Публикуется впервые.

Датируется на основании почтового штемпеля: «Москва... 1848. Октября 26».

... *передайте поклон мой вашему достойному сыну...* — Алексею Васильевичу Шереметеву.

60. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 133–135. Ответ Вьельгорской, от 7 ноября <1848>, см. там же, стр. 135–136.

В этом письме особенно ярко выражена одна из центральных идей Гоголя последнего периода его жизни — необходимость всестороннего изучения России.

... *адъюнкт-профессор...* — Гоголь называет так в шутку В. А. Соллогуба, начавшего читать лекции по истории русской литературы жене и свояченице, А. М. Вьельгорской. Соллогуб, впрочем, скоро охладел к этим занятиям и прекратил их.

Сочинение Филарета Рижского — имеется

в виду «История русской церкви» в 5 частях (1-е издание — М. и Рига, 1847–1848) епископа рижского, впоследствии архиепископа черниговского, Филарета (Гумилевского, 1805–1866).

Матвей Юрьевич — см. примеч. к № 36*.

Даль, Владимир Иванович (1801–1872) — писатель-этнограф, очень ценившийся Гоголем. Писал под псевдонимом «Казак Луганский». Впоследствии автор «Толкового словаря живого великорусского языка» (1-е изд. 1861–1867).

61. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 603–604. Ответ Данилевского, от 21 декабря 1848 г., — там же, стр. 604–605.

Датируется 1848 годом по содержанию и по связи с письмом Данилевского (см. выше).

... твое письмо — это письмо до нас не дошло.

... сведения насчет службы в Москве. А. С. Данилевский в июне этого года оставил службу в Киеве и, очевидно, в не дошедшем до нас письме обратился к Гоголю с просьбой по-

мочь ему устроиться в Москве.

Алексей Васильевич Капнист — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, X, стр. 393–394.

Иван Васильевич — Капнист (1794–1860), сын писателя В. В. Капниста, бывший в это время московским гражданским губернатором. Дружески относился к Гоголю, хотя и не ценил его творчества (см. Л. И. Арнольди, стр. 86–87).

62. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано, с ошибочным отнесением к 1839 г., в «Вестнике Европы» 1896, № 6, стр. 751.

Датируется 1848 годом, так как 1 ноября 1839 г. Гоголь находился не в Москве, а в Петербурге. См. также «Материалы» Шенрока, IV, стр. 705.

... *ваши письма* — эти письма до нас не дошли.

... *Андрею Андреевичу это письмецо* — письмо Гоголя А. А. Троцинскому также не сохранилось.

63. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском окончания — в «Записках», II, стр. 216; в «Сочинениях и письмах» — дважды, под 1848 и 1851 гг. (VI, стр. 474 и 544–545); полностью — в «Письмах», IV, стр. 229.

Датируется 1848 годом, как написанное еще до личного знакомства Гоголя с Константиновским. За 1848 год говорит и адрес Шевырева, который Гоголь давал до своего переезда к гр. А. П. Толстому (в конце декабря этого года).

64. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах» VI, стр. 474–475; с пропуском подписи и искажением текста окончания — в «Письмах», IV, стр. 230–231.

Является ответом на письмо Смирновой от 20 ноября 1848 г. («Русская Старина» 1890, № 11, стр. 355–357) и по связи с ним датируется этим же годом.

... я ничего не могу сказать полезного и нужного Николаю Михайловичу. Смирнова, находившаяся в Петербурге, просила Гоголя съездить в Калугу, чтобы ободрить ее мужа, переживавшего различные служебные неприятности.

... Вашим советом... не воспользовался. Смирнова советовала Гоголю «заняться» младшей дочерью С. Т. Аксакова, Марией Сергеевной: «Бедняжка уже теперь хандрит. Свет вдали, а Константин, с топором его разрушающий, — всё это на девочку сильно подействовало. Мать озабочена, а отцу лишь до литературы» (там же, стр. 356).

... я знал имена только двух старших доче-

рей... — Веры Сергеевны (1819–1864) и Надежды Сергеевны (1829–1869).

65. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 207–208; полностью — в «Письмах», IV, стр. 231–232.

Датируется 1848 годом на основании пометы Плетнева («П<олучено> 24 нояб<ря> 1848») и по содержанию.

... я получил экземпляр «Одиссеи». Первый том «Одиссеи» в переводе Жуковского вышел осенью 1848 г.; на титульном листе обозначено 1849 г.

66. П. В. НАЩОКИНУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 88–89.

Датируется временем, когда Гоголь, по возвращении из Петербурга, жил у Погодина в ожидании приезда в Москву гр. А. П. Толстого, к которому и переехал в конце декабря 1848 г. Фраза «Граф будет через месяц» позволяет ограничить дату ноябрем.

На ваше письмецо... — это письмо до нас не дошло.

Граф — А. П. Толстой.

Графиня — А. Г. Толстая (рожд. кн. Грузинская).

... человеком здешнего дома... — т. е. слугой Погодина.

67. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1896, № 6, стр. 751–752, с ошибочным отнесением к 1839 г.

Датируется 1848 годом по связи с письмом № 62. См. также запись в дневнике Е. В. Гоголь от декабря 1848 г.: «Брат нам прислал обещанные корсеты и черные шелковые платья совсем готовые: Аннет и мне» («Материалы» Шенрока, IV, стр. 705).

Получили ли вы мое письмо... — см. № 62*.

Я к Марье Николаевне Синельниковой писал... Мария Николаевна Синельникова — двоюродная сестра Гоголя, дочь его тетки Е. И. Ходаревской. Письма его к Синельниковой до нас не дошли.

68. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по подлиннику (КАБ).

Впервые напечатано в «Древней и Новой России» 1879, № 1, стр. 66.

Датируется временем, когда Гоголь, по возвращении из Петербурга, жил у Погодина, до переезда к Толстым в конце декабря 1848 г. Из письма А. С. Данилевского к Гоголю от 21 декабря этого года видно, что как раз в это время в Москве находился А. М. Маркович, которого Гоголь неоднократно посещал (см. «Вестник Европы» 1890, № 2, стр. 605).

Александр Михайлович Маркович (в письмах Гоголя — Маркевич, 1790–1865) — богатый помещик Глуховского уезда Черниговской губернии. Окончив Петербургский университет, отказался от предстоявшей ему блестящей служебной карьеры и возвратился в свое село Сварково, где устроил школу и расширил больницу. Два трехлетия был черниговским губернским предводителем дворянства. Будучи избран и на третий срок, не был утвержден Николаем I. В 1852 г. представил проект освобождения своих крестьян от крепостной зависимости, который министр

внутренних дел, однако же, не осмелился представить «на высочайшее усмотрение», а член Государственного совета кн. Д. В. Кочубей писал Марковичу из Петербурга, что «подобного рода предположения не находят здесь сочувствия, потому что от них страшатся вредных последствий». Уже на склоне лет Маркович работал в Черниговском комитете об улучшении быта помещичьих крестьян. Будучи серьезным знатоком истории Украины, издал «Дневные записки» своего предка, генерального подскарбия Якова Марковича, снабдив их многочисленными примечаниями. Гоголь познакомился с А. М. Марковичем через А. С. Данилевского (жена которого, Ульяна Григорьевна, была племянницей и воспитанницей Марковича) во время своего пребывания в Киеве, в конце мая или начале июня 1848 г. Об этом свидетельствует письмо У. Г. Данилевской к Гоголю от 15 июня этого года: «Посылаю вам листок из письма моего дяди, который больше относится к вам, нежели ко мне, и на который я не могу отвечать, не спросивши у вас, что мне сказать ему» («Вестник Европы» 1890, № 2, стр. 598). В том

же году вместе с Данилевским Гоголь приезжает в Сварково на именины Марковича (30 августа) и гостит здесь несколько дней. К Марковичу он заезжал также летом 1850 г., когда через Глухов ехал из Москвы к матери, в Полтавскую губернию, и, вероятно, в 1851 г., на обратном пути из Васильевки в Москву. Посещал он любимившегося ему Марковича и во время наездов последнего в Москву. Гоголь особенно ценил широкую осведомленность Марковича в области народного быта, который усиленно изучал в период работы над вторым томом «Мертвых душ». Об А. М. Марковиче см. статью А. Лазаревского «Один из приятелей Гоголя» в сборнике «Памяти Гоголя» под ред. Н. П. Дашкевича, Киев, 1902 (отд. V, стр. 39–43), и вступительную статью Ф. Уманца к публикации писем Гоголя в «Древней и Новой России» 1879, № 1.

... редкий музей русских древностей... — знаменитое «древлехранилище» Погодина, богатейшее собрание рукописей, памятников русской истории, культуры и литературы (находится теперь в ПБЛ).

69. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 136–137. Является ответом на письмо Вьельгорской от 7 ноября <1848> (там же, стр. 135–136).

Датируется 1848 годом, как написанное Гоголем сразу же по переезде к Толстым, адрес которых сообщается в конце письма.

70. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском окончания и с ошибочной датировкой 1851 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 549; полностью, но с той же ошибкой в дате — в «Письмах», IV, стр. 416–417.

Датируется 1848 годом, так как Гоголь сообщает, что переехал (от Погодина) к А. П. Толстому, о чем не было нужды сообщать в 1851 г., к которому отнесли данное письмо Кулиш и Шенрок.

71. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по тексту «Древней и Новой России» (1879, № 1, стр. 65), где было напечатано впервые.

Датируется на основании содержания как данного письма к Марковичу (поздравление с новым годом), так и предыдущего письма к нему (см. № 68*), из которого видно, что в конце 1848 г. Маркович приехал в Москву.

72. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).
Публикуется впервые.

Датируется на основании содержания (поздравление с начавшимся новым годом и возобновление по возвращении Гоголя в Москву переписки с Шереметевой).

Два письма уже я послал вам в Рузу — см. №№ 55 и 59*.*

73. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками и искажением даты — в «Записках», II, стр. 216–217; полностью — в «Письмах», IV, стр. 234–235.

Написано по поводу второго брака П. А. Плетнева (с кн. Александрой Васильевной Щетининой, 1828–1901), состоявшегося 26 января 1849 года.

Письмецо твое получил — это письмо до нас не дошло.

74. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по тексту «Киевской Старины» (1902, № 3, стр. 532–536), где было впервые напечатано.

Является ответом на письмо Данилевского от 21 декабря 1848 г. («Вестник Европы» 1890, № 2, стр. 604–605). Датируется на основании этого и последующего письма Данилевского, от 16 февраля 1849 г. (там же, стр. 605–606), ответного на письмо Гоголя.

Россет — Климентий Осипович (1811–1866).

... *письма к брату*... — И. В. Капнисту, см.

примеч. к № 61*.

... *единого прекрасного жрецы* — цитата из «Моцарта и Сальери» Пушкина.

75. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Звеньях», т. 3–4, М. — Л., «Academia», 1934, стр. 352.

Датируется на основании пометы С. Т. Аксакова на подлиннике: «1849» (в «Звеньях» ошибочно указано «1848») и относится к началу года, именно к зимним его месяцам, когда и Гоголь и вся семья Аксаковых жили в Москве.

Статья мне нужна... В № 66 «С.-Петербургских Сенатских Ведомостей», вышедшем 17 августа 1848 г., содержатся два сообщения, которые могли интересовать Гоголя как материал для работы его над вторым томом «Мертвых душ»: это «Расписание окладов для чинов казенных палат, с назначенными добавками» и известие об учреждении «Военного суда над помещиками Минской губ., Мозырского уезда, за злоупотребления и неправильные действия при составлении в 1843 г. планов и статистических описаний незасе-

ленных земель, отданных в залоги по питейным откупам и другим подрядам с казны» (см. С. Дурылин. «Гоголь и Аксаковы». — «Звенья», т. 3–4, стр. 353–357).

«Достопамятности Москвы» Снегирева — книга И. М. Снегирева «Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. С 3 планами Москвы, 23 картинами и 18 рисунками». М. 1841.

76. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Литературных приложениях» к «Ниве» 1900, № 12, стр. 696–697.

Датируется 1849 годом, так как в этом году был падеж скота в Васильевке, и по связи со следующим письмом Гоголя к сестре (№ 84), недатированным, но несомненно написанным 3 апреля 1849 г.

Книжки, какой ты <просишь>... — о какой книге идет речь, неясно, так как письмо О. В. Гоголь к брату до нас не дошло.

77. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Русской Старины» (1889, № 1, стр. 142), где было впервые напечатано.

Датируется по связи с письмом № 83.

Из «дворянского дела Гоголя» («Литературный Вестник» 1902, кн. 1, стр. 131–133) видно, что дед писателя, А. Д. Гоголь-Яновский, представил доказательства своего происхождения от могилевского полковника Андрея Гоголя, на основании чего фамилия Гоголей-Яновских была внесена в первую часть родословной книги киевского дворянства. Но причисление к киевскому дворянству, вероятно, вносило какую-то путаницу в дела, и мать писателя, М. И. Гоголь, в 1830-х годах начала хлопотать о приписке ее рода к полтавскому дворянству. Письмо Н. В. Гоголя, очевидно, является ответом на запросы матери, связанные с этими хлопотами. Дело кончилось уже по смерти писателя, в 1855 г., утверждением фамилии Гоголей в потомственном дворянстве, с внесением в третью часть родословной книги дворян Полтавской губернии.

... дело по этой части было окончено... еще

при покойном отце — не при отце, а при деде Н. В. Гоголя, в 1784 г. (см. выше, а также «Дворянский протокол Гоголя». — «Записки», II, стр. 271–272).

Любомирский — Иван Семенович, титулярный советник, в 1820-х — 1840-х годах служил секретарем Полтавского дворянского депутатского собрания. В эти же годы И. В. Капнист был сначала миргородским уездным, потом полтавским губернским предводителем дворянства.

Ян Гоголь — о нем и других предках Н. В. Гоголя см.: «Записки», I, стр. 2–3; А. М. Лазаревский «Очерки малороссийских фамилий» («Русский Архив» 1875, т. I, стр. 451); его же. «Сведения о предках Гоголя» («Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца», кн. XVI, вып. I–III, Киев 1902, стр. 9–10); А. Петровский. «К вопросу о предках Гоголя» («Полтавские Губернские Ведомости» 1902, № 36) и др.

Эмилия — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, стр. 504.

78. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, отр. 220; полностью — в «Письмах», IV, стр. 236–237.

Датируется 1849 годом, как ответ на письмо Данилевского от 16 февраля без годовой даты, но по содержанию безусловно 1849 г. («Вестник Европы» 1890, № 2, стр. 605–606).

Новорожденный — сын А. С. и У. Г. Данилевских, Григорий.

Сестрицы — см. примеч. к № 49*.

79. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Записках», II, стр. 223.

Датируется на основании пометы С. Т. Аксакова: «1849 марта 19». 19 марта — день рождения Гоголя, который он обычно проводил у Аксаковых («Записки», II, стр. 223).

80. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 139–142. Является ответом на письмо Вьельгорской от 24 февраля <1849> (там же, стр. 142–143).

Датируется 1849 годом по связи с письмом № 88. Кроме того, на подлиннике, рядом с неполной датой, имеется помета (рукой А. М. Вьельгорской?): «1849».

... *письмецо ваше*... — см. выше.

Сильвестров Домострой — памятник литературы XVI в., составление которого приписывалось священнику московского Благовещенского собора Сильвестру (ум. ок. 1566). Был впервые издан в 1849 г. во «Временнике Московского общества истории и древностей российских». Гоголь высоко ценил его и советовал читать другим (см. № 111*).

81. С. М. СОЛЛОГУБ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 79–80.

Датируется 1849 годом по связи с письмом № 80.

Александра Осиповна — Смирнова, находившаяся в это время в Петербурге.

... булочек и хлебцев... — шуточные названия детей С. М. Соллогуб.

82. М. И., А. В., Е. В и О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано, с пропуском подписи, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 483–485.

Датируется по содержанию. Голод и падеж скота были в Васильевке в 1849 г. Пасха в этом году праздновалась 3 апреля.

... получил от вас письма — эти письма до нас не дошли.

Племянник Коля — Николай Павлович Трушковский.

83. М. И., А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (КИЛ).

Впервые напечатано: с пропуском последней строки и подписи и с датировкой 1851 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 527–528; полностью, но с той же ошибочной датировкой — в «Письмах», IV, стр. 379–380.

Датируется 1849 годом: пасха в этом году праздновалась 3 апреля, Гоголь же сообщает, что он «провел» этот праздник. И Кулиш и Шенрок ошибочно отнесли данное письмо к 1851 г., тогда как на пасху этого года Гоголь находился вместе с матерью.

... *письма моего... о герольдии...* — см. № 77*.

84. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано в «Литературных приложениях» к «Ниве» 1900, № 12, стр. 697.

Датируется по связи с письмом № 83.

Эмилия — см. примеч. к № 77*.

Сашинька — старшая сестра Эмилии, тоже воспитанница М. И. Гоголь (см. О. В. Головня, стр. 51).

85. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано, с пропуском окончания, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 482–483. Полностью печатается впервые.

Датируется 1849 годом, так как пасха в этом году была 3 апреля, и по содержанию.

Рейтерны — см. примеч. к № 1*.

86. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропуском окончания — в «Записках», II, стр. 217; полностью — в «Письмах», IV, стр. 245.

Датируется 1849 годом на основании пометы Плетнева на подлиннике: «П<олучено> 8 апр<еля> 1849».

Ольга Александровна — дочь П. А. Плетнева, Ольга Петровна. В подлиннике, повидимому, описка.

Александра Осиповна — Ишимова.

87. А. А. ИВАНОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано, с пропуском даты внизу, в «Современнике» 1858, № 11, стр. 169. Ответ Иванова, от 15 мая н. ст. 1849 г., см. в книге: М. Боткин. «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», стр. 262.

Датируется 1849 годом на основании почтового штемпеля.

88. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 143–144.

... я писал и к вам и к ней... — см. №№ 80* и 81*.

89. С. М. СОЛЛОГУБ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 80. Ответ С. М. Соллогуб, от 17 мая <1849>, — там же, стр. 129–130.

Датируется по связи с письмом № 88, к которому было приложено.

Чернышевы-Кругликовы — гр. Иван Гаврилович (1787–1847) и гр. Софья Григорьевна (1799–1847), сестра декабриста З. Г. Чернышева. С Чернышевыми-Кругликовыми Гоголь встречался за границей.

... *письмо Моллеру* — письмо до нас не дошло. О Моллере см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 415.

90. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 144.

Датируется по связи с письмом № 88.

91. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском заключительных слов и подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 498; полностью — в «Письмах», IV, стр. 290–291.

Датируется на основании ответного письма А. О. Смирновой от 18 мая <1849> («Литературный Вестник» 1902, № 3, стр. 330–332).

Аксаков — Иван Сергеевич.

... *Вы потому ко мне не пишете...* — ответное письмо Смирновой см. там же, стр. 330.

92. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Записках», II, стр. 223–224; полностью — в «Письмах», IV, стр. 251–252.

С. Т. Аксаков относил письмо к 7 мая 1849 г. («Записки», II, стр. 223). За 1849 год говорит и адрес письма: в мае 1850 г. Аксаковы жили уже в доме Высоцкого в Филипповском переулке (С. Дурылин. «Гоголь и Аксаковы». — «Звенья», т. 3–4, М. — Л., «Academia», 1934, стр. 360–361).

Армфельд — см. примеч. к № 172*.

93. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Писем» (IV, стр. 252–253).

Впервые напечатано: с пропуском заключительной фразы — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 485; полностью — в «Письмах», см. выше.

Датируется 1849 годом, так как в этом году был падеж скота в Васильевке.

Много нанес я оскорблений. Эта загадочная фраза и просьба молиться о примирении сына с теми, «которых наиболее любит» душа его, страшно напугали М. И. Гоголь, вообразившую, что сын оскорбил царя или Жуковского. См. письмо ее к Гоголю от 24 мая <1849> («Литературный Вестник» 1902, кн. 1, стр. 62–65).

94. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано, с пропуском заключительной фразы и подписи, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 487. Полностью печатается впервые.

Датируется 1849 годом по содержанию.

Мне был передан упрек твой — через А. Я. Булгакова. См. письмо Жуковского к Булгакову от 7/19 марта 1849 г. (Соч. Жуковского, стр. 581).

Я писал к тебе... — см. № 85*.

... получил «Одиссею» — речь идет о первой части поэмы в переводе Жуковского.

95. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Публикуется впервые.

Датируется 1849 годом на основании почтового штемпеля.

... *ваше доброе письмо* — это письмо до нас не дошло.

96. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЛД).

Впервые напечатано: с пропуском второй половины письма — в «Записках», II, стр. 217–218; полностью, но с ошибкой в дате — в «Письмах», IV, стр. 256–257. Ответ Плетнева, от 30 мая 1849 г., см. в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 130–131.

Датируется на основании пометы Плетнева на подлиннике («П<олучено> 29 мая 1849») и по связи с его ответным письмом.

97. С. М. СОЛЛОГУБ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 81–82.

Датируется 1849 годом по связи с письмами этого года к С. М. Соллогуб и А. М. Вьельгорской, а также с письмом № 98 (к А. О. Смирновой).

... получил ваше письмо... — письмо С. М. Соллогуб к Гоголю см. там же, стр. 129–130.

Веневитиновы — Аполлинария Михайловна, рожд. гр. Вьельгорская (1818–1884), и муж ее, Алексей Владимирович (1806–1872), брат поэта, товарищ министра уделов.

... неуместным письмом — это письмо до нас не дошло.

98. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском и зашифровкой имен — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 490–491; полностью — в «Письмах», IV, стр. 257–258.

Датируется 1849 годом, как ответ на письмо Смирновой от 18 мая <1849> («Литературный Вестник» 1902, № 3, стр. 330–332).

Муханов — вероятно, Владимир Алексеевич.

Подмосковная — имение Смирновых, с. Спасское Бронницкого уезда Московской губ.

99. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по тексту «Писем» (IV, стр. 251).
Впервые напечатано: с пропуском окончания и с отнесением к 1844 г. — в «Записках», II, стр. 10; полностью, но с той же ошибочной датировкой и с зашифровкой имен — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 60–61; с раскрытием имен и отнесением к 1849 г. — в «Письмах», см. выше.

Датируется на основании письма Шереметевой к Гоголю от 4 мая 1849 г., в котором она сообщала: «Прошу Ивана Александровича о доставлении сих строк» («Русская Старина» 1892, № 10, стр. 164).

Иван Алекс<андрович> Фон-Визин
(1790–1853) — полковник, брат декабриста М. А. Фон-Визина. Письмо И. А. Фон-Визина к Гоголю от 30 октября 1850 г. см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 822.

100. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано: с пропусками и с отнесением к 1850 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 521–522; полностью — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 14–15.

Датируется по содержанию: о весне говорят просьба озаботиться посадкой деревьев и обещание прислать огородных семян; год определяется отказом приехать в Васильевку (в 1850 и 1851 гг. Гоголь приезжал туда).

Софья Васильевна Скалон — рожд. Капнист (1797–1887), дочь писателя В. В. Капниста.

101. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 16.

Датируется по связи с предыдущим письмом, где сообщается о предполагаемой присылке семян овощей.

Иван Осипович Петрашевск<ий> — вероятно, кто-нибудь из полтавских знакомых Гоголей.

102. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии рукою О. В. Гоголь (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 78–79, где отнесено предположительно к 1847 г. Однако фраза «Я посылаю с полдюжины книг» свидетельствует, что письмо написано не за границей, откуда присылка сразу такого количества книг была сопряжена с трудностями и большими расходами, а в России, и скорее всего весной (о весне позволяет говорить фраза «верно, чувствуешь себя лучше, нежели зимою») 1849 г., когда О. В. Гоголь во время эпидемии деятельно лечила васильев-

ских крестьян и была особенно озабочена устройством своей аптеки (см. О. В. Головня, стр. 35).

Благодарю тебя за письмецо... — письмо до нас не дошло.

103. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 146–147.

Датируется 1849 годом по связи с предыдущими письмами к А. М. Вьельгорской. Кроме того, под неполной датой подлинника имеется помета (рукой А. М. Вьельгорской?): «1849».

... письмецо и от вас — это письмо до нас не дошло.

104. К. М. БАЗИЛИ.

Печатается по тексту сборника «Помощь голодающим» (М. 1892, стр. 468–469), где было напечатано впервые; варианты — по «Письмам», IV, стр. 261–262.

... *весть о горе* — о смерти жены К. М. Базили, Маргариты Александровны.

Хотел бы я... просить описать мне последние минуты ее — Базили исполнил эту просьбу в своем письме к Гоголю от 25 июля 1849 г. («Материалы» Шенрока, IV, стр. 772–774).

105. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками и искажением даты — в «Записках», II, стр. 218; полностью и с исправленной датой — в «Письмах», IV, стр. 263. Является ответом на письмо Плетнева от 30 мая 1849 г. (см. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 130–131).

Датируется 1849 годом на основании пометы Плетнева на подлиннике («П<олучено> 11 июня 1849») и по связи с письмом его (см. выше).

... *быть у одра страждущего* — имеется в

виду тяжело больная теща Плетнева, которую жена его ежедневно навещала.

106. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками и ошибочной датировкой 1850 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 508; полностью и с исправленной датой — в «Письмах», IV, стр. 266.

Датируется 1849 годом, так как речь идет о первой поездке Гоголя в Калугу.

Граф и графиня Т<олстые> — Александр Петрович и Анна Георгиевна.

107. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по тексту «Древней и Новой России» (1879, № 1, стр. 63–64), где было впервые напечатано.

Датируется на основании почтового штемпеля.

... составьте для <меня> маленький сельский календарь годовых работ... Эта просьба связана с собиранием Гоголем географических и этнографических материалов для использования их при работе над «Мертвыми душами», а также для замышлявшейся им географии России для детей. См.: Г. П. Георгиевский. «Гоголевские тексты» («Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. III, СПб. 1909, стр. 206–213); Г. С. Виноградов. «Заметки по фольклору» («Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 41–45).

Александр — А. С. Данилевский.

108. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском приписки и с ошибочной датировкой 1850 г. — в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 608; полностью и с исправленной датой — в «Письмах», IV, стр. 269–271.

Датируется 1849 годом по содержанию и по связи с письмом № 107.

Единородная дочь — см. примеч. к № 54*.

109. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано: в виде двух отдельных писем — в «Библиографических Записках» 1859, стр. 100–101; с искаженной датой и пропуском пяти последних слов — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 18–19; полностью, но с той же неточной датой — в «Письмах», IV, стр. 264–265.

Датируется 1849 годом по содержанию (около 5 июля этого года Гоголь вместе с Л. И. Арнольди уехал в Калугу).

Передайте... ему письмецо — это письмо Гоголя к А. А. Трощинскому не сохранилось.

Путята — Путятин, Родион Тимофеевич

(1807–1869).

110. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Первоначально напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 144–145.

Датируется по связи с письмами №№ 113 и 114.

111. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано, с пропусками, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 491; полностью — в «Письмах», IV, стр. 272–273. Ответ Смирновой, от 1 августа 1849 г., см. в «Русской Старине» 1890, № 12, стр. 656.

Датируется 1849 годом по содержанию (в июле этого года Гоголь гостил в Калуге у Смирновой) и по связи с ответным письмом Смирновой (см. выше).

Лев Иванович — Арнольди (1822–1860), брат А. О. Смирновой от второго брака ее матери. В 40-х годах был чиновником особых поручений при калужском губернаторе Н. М. Смирнове. Оставил воспоминания — «Мое знакомство с Гоголем» («Русский Вестник» 1862, № 1, стр. 54–95).

Кристофор — Христофор, лакей Смирновых («Записки», II, стр. 225)

Иван — слуга Толстых, у которых жил Гоголь в Москве.

Кланяется вам Тентетников — намек на чтение в Калуге у Смирновых второго тома «Мертвых душ».

112. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и с отнесением к 1851 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 537; полностью, но с той же ошибочной датировкой — в «Письмах», IV, стр. 393.

Датируется 1849 годом по содержанию и по связи с письмом № 111.

... ваши письма от 12 июля — эти письма до нас не дошли.

113. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 147–148.

Датируется 1849 годом по содержанию и по связи с письмами этого года к А. М. Вьельгорской и С. М. Соллогуб. Кроме того, на подлиннике под неполной датой имеется помета (рукой А. М. Вьельгорской?): «1849».

... *письмо*... — письмо от 14 июля <1849> с благодарностью за присылку ботанического атласа см. в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 145–146 (напечатано с ошибкой в дате).

Передайте ей письмецо — см. № 114*.

114. С. М. СОЛОГУБ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 82–83.

Написано одновременно с письмом № 113, к которому было приложено, и по связи с ним датируется 1849 годом.

... книга, посланная... — ботанический атлас.

Проф. Щеглов — Николай Прокофьевич (1793–1831), профессор физики в Петербургском университете. «Хозяйственная ботаника» его издана в 1826 г.

... с вашими булочками и хлебцами... — см. примеч. к № 81*.

115. А. П. ТОЛСТОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Русском Обозрении» 1897, № 1, стр. 10.

Поддается почти точной датировке, так как написано по возвращении из Калуги от Смирновой (в конце июля 1849 г.) до спасова поста (спасов, или успенский, пост с 1 до 15 августа).

Графиня — А. Г. Толстая.

Скуридин — Скуридин, Михаил Сергеевич; см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, стр. 516.

Бурачок, Степан Онисимович — см. там же, стр. 509.

116. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (КИЛ).

Впервые напечатано: с пропусками и с отнесением к 1851 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 539–540; полностью, но с той же ошибочной датировкой — в «Письмах», IV, стр. 397.

Датируется 1849 годом по связи с письмом № 77, где даются указания о присылке документов для определения Эмилии в учебное заведение.

117. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 491–492; полностью — в «Письмах», IV, стр. 274.

Датируется 1849 годом, когда А. О. Смирнова была особенно поглощена служебными неприятностями своего мужа, в создании которых принимал участие всесильный тогда московский сатрап гр. А. А. Закревский. По жалобе помещиков-крепостников Ершовых в Калугу была назначена сенаторская ревизия, начался судебный процесс. Дело закончилось только в марте 1851 г. оправданием Н. М.

Смирнова, но с увольнением его от должности калужского губернатора и причислением к министерству внутренних дел. (См.: биографический очерк Смирновой в книге «А. О. Смирнова. Записки». М., «Федерация», 1929, стр. 130–131; В. Шенрок. «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь». — «Русская Старина» 1890, № 11, стр. 357–363).

... на письмо мое... — письмо до нас не дошло.

118. Н. В. ПУТЯТЕ.

Печатается по фотокопии (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Звеньях», т. 1, М. — Л., «Academia», 1932, стр. 93–94.

Николай Васильевич Путята (1802–1877) — писатель. Был сначала на военной службе, участник русско-турецкой войны 1829 г. Перейдя на гражданскую службу, состоял в статс-секретариате вел. княжества Финляндского. По выходе в отставку жил в Москве и одно время был председателем Московского общества любителей российской словесности.

Был дружен с Пушкиным и Баратынским. С Гоголем познакомился, повидимому, за гра-

ницей в 1836 г. Жене его, Софье Львовне, рожд. Энгельгардт (1811–1884), принадлежала подмосковная Мураново, не подалеку от Абрамцева. При посредстве Гоголя состоялось знакомство С. Т. Аксакова с Н. В. Путятой, скоро перешедшее в дружбу. (См. «Воспоминание о Путяте» П. И. Бартенева в «Русском Архиве» 1878, кн. 1, стр. 125–127.)

Письмо, как видно из содержания, написано в Абрамцеве в 1849 г. когда Гоголь дважды посетил Аксаковых: в августе и в сентябре. Датируется в связи с этими двумя посещениями. В 1850 г. Гоголь в Абрамцеве не был. Между тем в этом году С. Т. Аксаков уже дарит Путяте свои «Записки об уженье рыбы» с надписью: «На память приятного знакомства». Следовательно, последнее состоялось годом раньше.

Клементий Осипович — Россет.

Княжна Цицианова, Елизавета Дмитриевна (1800–1885) — родственница А. О. Смирновой.

Сестрица — Анна Васильевна Путята (1810–1880).

119. А. О. СМЕРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и с зашифрованными именами — в «Сочинениях и письмах», V, стр. 492; полностью — в «Письмах», IV, стр. 276–277.

Датируется 1849 годом, так как летом этого года корреспонденцию Гоголя по его просьбе пересылали в Калугу.

Графиня Соллогуб — Софья Ивановна (1792–1854), рожд. Римская-Корсакова, по первому браку — Архарова, мать В. А. Соллогуба.

Андрей Карамзин (1814–1854) — сын историка Н. М. Карамзина. Убит во время войны с Турцией.

... с супругою... — известная красавица Аврора Карловна, рожд. Шернваль (1813–1902), в первом браке была за богачом П. Н. Демидовым.

120. С. М. СОЛЛОГУБ и А. М. ВЬЕЛЬ-ГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 148–149.

Датируется 1849 годом по содержанию.

... *новорожденное существо*... — гр. Аполлинария Владимировна Соллогуб (род. 11 августа 1849 г.).

Веневитиновы — см. примеч. к № 97*.

121. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано: начало письма — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 492–493; полностью — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 11–12.

Аполл<он> И<льич> Ознобишин — брат полтавского гражданского губернатора Н. И. Ознобишина.

Дмитрий Андреевич — Трощинский (ум. в конце 1880-х годов), сын А. А. Трощинского, троюродный брат Гоголя (см. О. В. Головня, стр. 23).

122. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано: с большими пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 493–494; полностью — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 12–13.

Датируется 1849 годом на основании пометы М. И. Гоголь на подлиннике: «Получинно в Кагорлыке декабря 12-го 1849-го года».

Олимпиада Федоровна (рожд. Тимченко) — соседка Гоголей по имению, сестра Александры Федоровны Тимченко.

Губернатора нашего... — И. В. Капниста.

123. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 493; один из пропусков — в «Указателе к письмам Гоголя», стр. 88; полностью — в «Письмах», IV, стр. 281.

Датируется 1849 годом, когда в Калуге началась сенаторская ревизия.

... *сенатор Давыдов*... — кн. Сергей Иванович (1790–1878), с 1852 г. вице-президент Академии Наук.

Мисс Овербек — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XII, примеч. к № 270.

124. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 498; полностью — в «Письмах», IV, стр. 290.

Датируется на основании пометы С. Т. Аксакова на подлиннике («В 49-м году») и письма И. С. Аксакова к отцу от 21 ноября 1849 г. (Барсуков, X, стр. 523).

Панов, Василий Алексеевич — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 436.

125. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию. Жуковский окончил и напечатал перевод 2-й части «Одиссеи» летом 1849 г. Вяземский узнал об этом от Жуковского позднее и обратился к Плетневу с просьбой выслать ему книгу. 11 октября 1849 г. Плетнев сообщал Жуковскому: «Вяземский из Константинополя писал ко мне только один раз. Он просил меня переслать ему туда 2-ю часть «Одиссеи», что я и исполнил» («Русский Архив» 1870, № 7, стр. 1297). Гоголь узнал об окончании и напеча-

нии «Одиссеи» из письма Жуковского, пересланного ему Вяземским, что могло произойти не раньше осени 1849 г.

126. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛД).

Первоначально напечатано в «Библиографических Записках» 1859, стр. 102–103.

Датируется по связи с письмами №№ 125 и 130.

127. К. И. МАРКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБЛ).

Впервые напечатано, с ошибочной датировкой — 1847 г., в «Письмах», IV, стр. 98.

Является ответом на письмо К. И. Маркова от 23 ноября <1849> (ЛБ), напечатанное с пропусками и с той же ошибочной датировкой в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 550–553.

Письмо Гоголя написано из Москвы, точнее — из дома Талызина на Никитском бульваре, где Гоголь жил у Толстых с конца декабря 1848 г. На это указывает фраза: «Мы же, кажется, соседи» (адресат жил недалеко от Гоголя, у Арбатских ворот). Однако осенью и зимой 1850 г. Гоголя не было в Москве. Отнесение же письма к концу 1851 г., когда Гоголь

неохотно вступал в общение с незнакомыми людьми, мало вероятно. Остается предположить, что письмо Маркова написано 23 ноября 1849 г., приходившегося в пятницу. Гоголь ответил на него в четверг, т. е. 3 декабря.

Константин Иванович Марков — отставной поручик, помещик Лебединского уезда Харьковской губ., сын переводчика, могилевского гражданского губернатора И. В. Маркова. Годы его рождения и смерти неизвестны. Архив его (ПД) содержит материалы по 1862 год включительно. В составе архива — ряд статей К. И. Маркова (одна из них, за подписью «К. М.», напечатана в «Сыне Отечества» 1857, №№ 9 и 11).

Очень вам благодарен за ваше письмо — см. выше.

На прежнее не отвечал... — первое письмо К. И. Маркова см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 553–555.

... героя добродетелей. В своем первом письме Марков, откликаясь на просьбу Гоголя в предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» и сообщая свои замечания о книге Гоголя, писал: «Если вы выставите *героя доб-*

родетели, то роман ваш станет наряду с произведениями старой школы», «не пересолите добродетели» и т. п.

128. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по тексту «Древней и Новой России» (1879, № 1, стр. 64–65), где было впервые напечатано.

Датируется 1849 годом на основании почтового штемпеля.

Календарь — имеется в виду календарь сельскохозяйственных работ, производимых в Черниговской губернии. Среди бумаг Гоголя сохранился лист почтовой бумаги, содержащий такой календарь и, очевидно, присланный Марковичем (см. Г. П. Георгиевский. «Гоголевские тексты», стр. 207–208).

Сестрица — у А. М. Марковича было пять сестер. О какой из них говорит здесь Гоголь, неясно.

Племянницы — Мария и Варвара Григорьевны Похвисневы и Ульяна Григорьевна Данилевская.

129. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Отрывок был напечатан в «Записках», II, стр. 40–41; приписка — в «Указателе к письмам Гоголя», стр. 88; всё письмо, с пропусками и с зашифровкой имен, — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 494–495; полностью — в «Письмах», IV, стр. 282–284. Является ответом на недатированное письмо Смирновой <1849> (см. «Русскую Старину» 1890, № 11, стр. 359–360).

Датируется 1849 годом по содержанию.

Назимов, Владимир Иванович (1802–1874) — попечитель Московского учебного округа.

Билевич, Николай Иванович (1812–1860) — окончил гимназию высших наук в Нежине в 1830 г.; литератор; в 1848–1850 гг. был инспектором калужской гимназии, потом — первой московской гимназии. С 1853 г. в отставке.

Гинтовт, Александр Людвигович (1811–1860) — окончил Нежинскую гимназию высших наук одновременно с Билевичем. Состоял на военной службе.

130. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано, с пропусками, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 496–497. Полностью печатается впервые.

... благодарность за милые строки... — имеется в виду недатированное письмо Жуковского (см. «Русская старина» 1889, № 1, стр. 147).

Шевырев пишет рецензию... — им был написан разбор только 1-й части «Одиссеи» («Москвитянин» 1849, № 1–3, кн. 1 и 2, стр. 41–48, 49–53, 91–117).

131. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Опыте биографии», стр. 164–165; полностью — в «Письмах», IV, стр. 289–290. Ответ Плетнева, от 23 декабря 1849 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 60–61.

Датируется 1849 годом на основании пометы Плетнева на подлиннике: «П<олучено> 21 дек<абря> 1849».

... *отправь это письмецо к Гроту...* — письмо № 132.

132. Я. К. ГРОТУ.

Печатается по тексту «Русского Архива» (1864, вып. 2, стр. 178–179), где было напечатано впервые.

Датируется по связи с письмом № 131, к которому было приложено, и с письмом Грота Гоголю, см. ниже.

Яков Карлович Грот (1813–1893) — друг Плетнева, профессор русского языка и словесности в Гельсингфорсском университете, впоследствии академик и вице-президент Академии Наук. Был знаком с Гоголем через Плетнева еще до 1849 г. Гоголь обращался к нему с

просьбой сообщать ему свои наблюдения во время путешествий по России. Написал «Воспоминание о Гоголе» («Русский Архив» 1864, вып. 2, стр. 177–180).

Письмо Грота к Гоголю от 26 октября 1849 г. напечатано в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 821.

Протопопов, Дмитрий Степанович (ум. 1871) — начальник комиссии по уравнению податей казенных крестьян, впоследствии сотрудник аксаковского «Дня». Грот рекомендовал его Гоголю в качестве знатока жизни и быта крестьянства и к своему письму приложил отрывок из письма Протопопова как образец его взглядов на русский народ («Русский Архив» 1864, вып. 2, стр. 179–180). Однако знакомство Гоголя с Протопоповым не состоялось (там же, стр. 178–179).

133. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 149.

Датируется 1849 годом по связи с предыдущими письмами к А. М. Вьельгорской и на основании пометы на подлиннике под неполной датой (рукой А. М. Вьельгорской?): «1849».

134. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Публикуется впервые.

Датируется на основании содержащегося в нем поздравления с наступающим новым, 1850 годом (поздравление с новым, 1849 годом было в письме № 72).

135. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*).

Было напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 97.

Датируется, как и последующие два письма, приблизительно.

136. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*).

Напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 97.

О датировке — см. примеч. к № 135*.

137. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*).

Публикуется впервые.

О датировке — см. примеч. к № 135*.

138. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с зашифровкой имен — в «Опыте биографии», стр. 165–166; полностью — в «Письмах», IV, стр. 293–295.

Дочери у ней (А. О. Смирновой)... — Ольга Николаевна (1834–1893), автор фальсифицированных «Записок А. О. Смирновой» (СПб., изд. журн. «Северный Вестник», 1895), Софья Николаевна (1836–1884), впоследствии замужем за кн. А. В. Трубецким, и Надежда Николаевна (1840–1899), впоследствии по мужу — Сорен.

139. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Печатается по подлиннику (КАБ).

Первоначально напечатано в «Сборнике Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук», т. XVIII, СПб., 1878, стр. 13.

Датируется на основании пометы М. А. Максимовича на подлиннике: «1850, в Москве».

140. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 97.

Датируется по связи с письмом № 144.

141. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (*ПД*).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 151–152.

Датируется февралем по связи с датой писем №№ 142–144.

142. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (*ИМ*).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и приписки и с ошибочной датой — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 494; полностью и с исправленной датировкой — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 15–16.

Датируется февралем по содержанию и по связи с письмами №№ 141, 143 и 144.

143. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и неполной датой — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 508–509; полностью — в «Письмах», IV, стр. 296–297.

Датируется февралем по содержанию (Гоголь болел в феврале 1850 г.) и по связи с письмами №№ 141, 142 и 144.

144. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*).

Было напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 96.

145. К. С. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Было напечатано в «Звеньях», т. 3–4, М. — Л., «Academia», 1934, стр. 360.

Адрес помогает установить дату. 25 ноября 1849 г. О. С. Аксакова извещала сына Ивана о найме дома в Филипповском переулке, принадлежавшего доктору Высоцкому («Звенья», стр. 360). В этом доме поселились О. С. Аксакова с больной дочерью Ольгой, остальные же члены семьи лишь наезжали в Москву. Письмо Гоголя, очевидно, относится к первой половине февраля 1850 г., когда он особенно плохо себя чувствовал и тяготился одиночеством (см. №№ 140–144*). Письмо не застало К. С. Аксакова в Москве и было переслано в Абрамцево. На него отвечал Гоголю 11 февраля старик Аксаков: «Зачем хвораете, друг мой? Константин уехал с тем, чтобы побывать у вас...» («Русский Архив» 1890, № 8, стр. 189–190).

146. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано в «Русском Архиве» 1890, № 8, стр. 189–190.

Является ответом на письмо С. Т. Аксакова от 11 февраля (см. примеч. к № 145*) и датируется по связи с ним, а также на основании пометы Аксакова на подлиннике: «1850 февраль».

Овер, Александр Иванович (1804–1864) — известный врач, профессор Московского университета.

147. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по тексту «Древней и Новой России» (1879, № 1, стр. 66), где было напечатано впервые.

Датируется приблизительно, по связи с предыдущими письмами.

148. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропуском окончания и с ошибочной датировкой 1849 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 477–481; окончание черновой редакции, с пропуском трех последних фраз и подписи, — в «Письмах», IV, стр. 303–305. Полностью письмо, как и окончание черновой его редакции, печатается впервые.

Датируется 1850 годом, так как является ответом на письмо Жуковского от 20 января (1 февраля) 1850 г. (Соч. Жуковского, стр. 613–614). Жуковскому нужны были «локальные краски Палестины» для задуманной им поэмы «Вечный жид». На большое письмо Гоголя о Палестине Жуковский ответил почти год спустя, 1/13 февраля 1851 г. (там же, стр. 614).

«Вечный Жид» — последняя поэма Жуковского, носившая автобиографический характер и оставшаяся незаконченной.

Что могут доставить тебе мои сонные впечатления? — См. примеч. к № 19*.

Еще помню вид, открывшийся мне вдруг...

— см. рассказ Гоголя в записи Л. И. Арнольди (стр. 61–62).

Максимович просит убедительно стихов для альманаха «Киевлянин» — просьба эта не была исполнена Жуковским (в третьей книге «Киевлянина», Киев 1850, стихотворений Жуковского нет).

149. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском окончания и с зашифровкой имен — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 501; полностью — в «Письмах», IV, стр. 305.

Датируется 1850 годом по связи содержания с письмом № 154.

Шереметева — Надежда Николаевна.

Варвара Сергеевна Шереметева

(1815–1880) — троюродная сестра мужа Н. Н. Шереметевой, впоследствии замужем за кн. А. Б. Голицыным.

«*Всеобщая история*» — о какой именно «*Всеобщей истории*» идет речь, из текста неясно.

150. В. А. СОЛЛОГУБУ.

Печатается по подлиннику (ПБЛ).

На первой странице письма, над гоголевским текстом — помета В. А. Соллогуба: «В доме Талызина, на правую сторону, на Никит<ском> бульваре». На четвертой странице, над адресом — заметка неизвестной рукой на французском языке: «L'existence a la mort pour but mais la vie pour vocation. C'est cette vocation, qu'il faut remplir, on tâche de remplir d<ans> toute son étendue» (перевод: «Существование имеет целью смерть, жизнь же имеет целью призвание. Это призвание, подлежащее выполнению, стараются осуществлять во всем его объеме»).

Впервые напечатано в «Письмах», IV, стр. 235.

Дата определяется масленицей 1849 или 1850 г., так как именно в эти годы Гоголь проводил масленицу в Москве и жил у А. П. Толстого. В четверг же на масленице (т. е. 7 февраля) 1852 г. Гоголь был занят исполнением церковных обрядов и держал строгий пост.

151 Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 97.

Датируется на основании неопубликованного письма Шереметевой к Гоголю от 11 марта <1849 или 1850 г.> (ЛБ) с сообщением об исполнении ею религиозного обряда причащения.

152. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Публикуется впервые.

Датируется на основании неопубликованного письма Шереметевой к Гоголю от 19 марта <1849 или 1850 г.> (ЛБ), содержащего поздравление со днем рождения Гоголя.

153. А. Я. БУЛГАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ПБЛ).

Было напечатано, с пропуском окончания, в «Отчете ПБЛ» за 1911 г., стр. 107–108. Полностью публикуется впервые.

Датируется 1850 годом, так как письмо Жуковского к Булгакову, о котором идет речь, было от 3/15 марта 1850 г. (см. Соч. Жуковского, стр. 585–586).

Булгаков, Александр Яковлевич (1781–1863) — московский почт-директор.

Протоколы франкфуртских заседаний — т. е. протоколы заседаний Франкфуртского парламента, созванного во время революции 1848 г. в Германии для выработки общегерманской конституции и заседавшего в Франкфурте-на-Майне. В 1849 г. правительство, воспользовавшись слабостью Франкфуртского парламента, состоявшего главным образом из представителей буржуазной интеллигенции, избегавших решительных действий, разогнало его.

154. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ.)

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 501–502; полностью — в «Письмах», IV, стр. 308–309.

Павский, Герасим Петрович (1787–1863) — протоиерей, профессор еврейского языка в Петербургской духовной академии и богословия в Петербургском университете, автор грамматики и хрестоматии еврейского языка.

155. Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ.

Печатается по подлиннику (КАБ).

Впервые напечатано в «Русском Слове», 1859, № 1, стр. 136. Ответ Прокоповича, от 26 апреля 1850 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 828–829.

На подлиннике — позднейшие пометы Прокоповича: «Последнее» и «51». Однако память изменила Прокоповичу, так как 29 марта 1851 г. Гоголя не было в Москве, письмо же написано весной 1850 г., когда Гоголь, после тяжело перенесенной зимы, начал проектировать поездку на юг.

156. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано, с пропусками и с ошибочной датировкой 1849 г., в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 481. Полностью печатается впервые.

Датируется по связи с письмом № 148.

„Иисус Христос на Голгофе“ — книга инспектора Казанской духовной академии архимандрита Антония: «Иисус Христос на Голгофе, или Семь слов его на кресте». Вызвала хвалебный отзыв Погодина в «Москвитяине». См. Барсуков, X, стр. 384–385.

157. Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (КИЛ).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 83–84.

Датируется по содержанию весной 1850 г. Было послано, вероятно, почти одновременно с пасхальным письмом к матери (№ 160), где говорилось о посылке семян для огорода. Фраза «разведешь для меня хоть репы на соус» намекает на намерение Гоголя побывать летом 1850 г. в Васильевке.

158. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по тексту «Древней и Новой России» (1879, № 1, стр. 65), где было впервые опубликовано.

Датируется 1849 или 1850 г., так как пасху этих лет Гоголь проводил в Москве.

159. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Было напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 96.

Датируется 1849 или 1850 г. на том же основании, что и письмо № 158.

160. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛД).

Первоначально напечатано, с пропусками, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 507. Полностью печатается впервые.

Датируется 1850 годом, так как пасху 1851 г. Гоголь проводил в Васильевке.

Николай Павлович — Трушковский.

161. А. А. ИВАНОВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 503–504; полностью, но с перестановкой текста и другими неточностями — в «Письмах», IV, стр. 316–317. Ответ Иванова, от 5 июня 1850 г., см. в книге: М. Боткин. «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», стр. 264.

На последнее мое письмо вы не отвечали — это письмо до нас не дошло.

Пронеслись слухи о вашей картине... — имеется в виду картина Иванова «Явление Христа народу».

Моллер — см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 415.

162. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 503; полностью, но с включением отрывка из письма № 161 — в «Письмах», IV, стр. 314–315. Ответ Плетнева, от 2 мая 1850 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 61.

Датируется на основании пометы Плетнева на подлиннике: «П<олучено> 30 апр<еля> 1850».

163. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 502–503; полностью — в «Письмах», IV, стр. 312–314.

Датируется концом апреля 1850 г. по содержанию.

164. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Печатается по подлиннику (КАБ).

Впервые напечатано в книге Максимо-
вича «Письма о Киеве и воспоминание о Та-
вриде». СПб. 1871, стр. 71.

Датируется по содержанию и на основа-
нии пометы Максимовича на подлиннике.

165. Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в книге «Рукопи-
си Н. Гоголя», стр. 97.

Датируется на основании слов «Я пробуду
в Москве недолго», которые указывают или
на конец весны — начало лета 1849 г., когда
Гоголь собирался навестить Смирнову, или
начало мая 1850 г. (11 мая этого года Шере-
метева уже скончалась), когда он готовился
ехать на Украину вместе с Максимовичем.

166. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано, с пропуском последней фразы и подписи, в Соч. Гоголя, 10 изд., III, стр. 480, примеч. 7. В «Письмах» помещено дважды, под 1842 и 1849 гг. (т. II, стр. 168–169, и т. IV, стр. 252). Полностью печатается впервые.

Датируется на основании упоминания о традиционном праздновании именин Гоголя в погодинском саду и заключительной фразы «Я еще не уезжаю из Москвы», намекающей на сборы в дорогу, которые имели место в мае 1850 г., когда Гоголь решил ехать на Украину вместе с Максимовичем.

Возможно, адресовано О. М. Бодянскому (см. Дневник Бодянского, «Русская старина» 1888, № 11, стр. 405).

167. А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском — в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 607; полностью — в «Письмах», IV, стр. 318–319.

Датируется 1850 годом по связи содержания с письмом № 175.

... хотел<ось> сказать вам что-нибудь доброе и утешительное, но покуда его не было — имеются в виду неудачные хлопоты об определении А. С. Данилевского на службу в Москве.

168. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛД).

Напечатано, с пропуском заключительной фразы и с ошибочной датировкой 1849 г., в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 487–488. Полностью печатается впервые.

Тимченковы — Тимченко, соседи Гоголя по имению.

Строенье бывшей фабрики — речь идет о кожевенном заводе с сапожной при нем фабрикой, заведенных М. И. Гоголь в 1832 г. по инициативе зятя, П. О. Трушковского, и едва не приведших ее к разорению вследствие

неумелого ведения дела и бегства в 1834 г. «фабриканта», т. е. наемного заведующего фабрикой.

169. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском окончания — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 509; полностью — в «Письмах», IV, стр. 317–318.

Датируется на основании сообщения о смерти Н. Н. Шереметевой (скончалась 11 мая 1850 г.).

170. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Писем» (IV, стр. 320–322).

Впервые напечатано: с пропусками и с ошибочной датировкой 1849 г. — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 488–490; полностью — в «Письмах», см. выше.

Губернатор — полтавский гражданский губернатор Николай Ильич Ознобишин.

Бывший харьковский архиерей — Иннокентий, архиепископ херсонский. Был харьковским епископом, потом архиепископом в 1841–1848 гг.

171. С. М. СОЛЛОГУБ.

Печатается по копии (ПД).

Было напечатано впервые в «Русском Библиофиле», П. 1916, кн. V, стр. 17–18.

Датируется 1850 годом, когда С. М. Соллогуб переживала утрату двух дочерей: восьмимесячной Аполлинаруи (ум. 12 апреля 1850 г.) и восьмилетней Софьи (ум. 19 мая 1850 г.).

172. А. О. АРМФЕЛЬДУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 84.

Армфельд, Александр Осипович (1806–1858) — профессор судебной медицины и истории медицины в Московском университете и инспектор классов сиротского института Московского воспитательного дома. Старый знакомый Гоголя. В 1840, 1842 и 1849 гг. присутствовал на именинных обедах у Гоголя в погодинском саду («История моего знакомства», стр. 62 и 186). Гоголь хлопотал через него о помещении воспитанницы своей матери, Эмилии, в сиротский институт.

Письмо к Армфельду датируется по связи с письмом № 157, в котором Гоголь сообщал о

неудаче с устройством Эмилии в Москве. Естественно допустить, что перед отъездом в Васильевку он озаботился возвращением метрического свидетельства девочки, необходимого для ее определения в полтавский институт, куда она и была потом устроена.

173. К. С. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 507.

Написано перед отъездом Гоголя с Максимовичем на Украину 13 июня. На подлиннике — помета С. Т. Аксакова: «1850 май».

174. А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1889, № 11, стр. 152–153.

В. А. Соллогуб о сестре своей жены, А. М. Вьельгорской, сказал, что это «кажется, единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь» («Воспоминания графа В. А. Соллогуба». СПб. 1887, стр. 129). По семейным преданиям родственников Вьельгорских, Гоголь сделал предложение Анне Михайловне через Веневитиновых, но получил отказ. Вероятно, этому браку воспротивилась ее мать, рожденная принцесса Бирон, по характеристике Соллогуба, «женщина гордости недоступной» (там же, стр. 128). Данное письмо, судя по содержанию, написано было Гоголем по получении жестоко ранившего его отказа и явилось последним письмом, заключившим обширную переписку его с А. М. Вьельгорской. Относится оно к весне 1850 г., когда прекратились письменные сношения между Гоголем и семейством Вьельгорских». (См. В. И. Шенрок. «Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке». — «Вестник Европы» 1889, № 10, стр.

175. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Письмах», IV, стр. 323.

Датируется 1850 годом по содержанию.

... на мое письмо... — см. № 167*.

176. А. С. СТУРДЗЕ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Библиографических Записках» 1859, стр. 264–265.

Датируется 1850 годом по содержанию.

Стурдза, Александр Скарлатович (1791–1854) — политический и религиозный писатель, крайний реакционер и пиэтист. Служил по министерству иностранных дел, в 1819 г. вышел в отставку и поселился в Одессе. Гоголь познакомился с ним в Швейцарии, в 1836 г., и особенно сблизился в Риме, в 1846 г. Так же как М. А. Константиновский и А. П. Толстой, оказал пагубное влияние на Гоголя, способствуя усилению его консерватизма и религиозно-мистической настроенности.

Титовы — Петр Павлович (1800–1878) —

непременный член Строительного комитета Одессы, и Ю. М., жена его. По воспоминаниям одесских старожилов, «Титовы были люди гостеприимные и жили в Одессе очень открыто» (А. И. Маркевич, стр. 26).

Репнины — см. примеч. к № 190*.

177. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии Кулиша (ЛБ).

Впервые напечатано, с неточностями и с ошибкой в дате, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 532–533.

Датируется 1850 годом по связи с письмами №№ 168 и 170.

Письмо ваше от 27 мая получил — это письмо не сохранилось.

178. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и с ошибочной датировкой — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 507–508; полностью и с исправленной датой — в «Письмах», IV, стр. 327.

Датируется днем отъезда Гоголя с Максимовичем из Москвы («Материалы» Шенрока, IV, стр. 785). На подлиннике — помета С. Т. Аксакова: «1850 июнь».

179. ИЕРОМОНАХУ ФИЛАРЕТУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано, без имени адресата, в «Домашней Беседе» 1863, вып. 20, стр. 460.

Датируется на основании пометы на подлиннике игумена Оптиной пустыни архимандрита Моисея: «Получено из села Долбино помещика Ивана Васильевича Киреевского 26 июня 1850», в Долбине же Гоголь был, по свидетельству Максимовича, проездом на родину, 19 июня этого года («Материалы» Шенрока, IV, стр. 785).

180. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по тексту «Древней и Новой России» (1879, № 1, стр. 65), где было впервые напечатано.

Датируется 25-м июня 1850 г., так как в этот день Гоголь и Максимович приехали в Глухов и здесь расстались («Материалы» Шенрока, IV, стр. 785).

181. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском приписки — в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 607; полностью — в «Письмах», IV, стр. 330.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

Дубровное — имение А. С. Данилевского.

Трахимовские — см. примеч. к № 201*.

... у дяди твоего Александра Михай<лови-ча> — А. М. Маркович был дядей жены А. С. Данилевского.

182. А. М. МАРКОВИЧУ.

Печатается по тексту «Древней и Новой России» (1879, № 1, стр. 65), где было напечатано впервые.

Датируется по связи с двумя предыдущими письмами.

183. Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Сочинений и писем» (VI, стр. 509–510), где было напечатано впервые.

Датируется по связи с предыдущими письмами. Так как Гоголь приехал в Сорочинцы в конце июня в пятницу, является возможность уточнить дату (30 июня 1850 г. приходилось в этот день недели).

184. А. О. СМІРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 511–512; полностью — в «Письмах», IV, стр. 334–335.

Год определяется местом написания и содержанием письма.

Два бесценные письмаца ваши... получил... от 24 и 30 июня <1850> (см. «Русская Старина» 1890, № 11, стр. 363–364 и № 12, стр. 655–656).

Советами воспользуюсь — А. О. Смирнова советовала Гоголю обратиться к наследнику с просьбой о пенсии или единовременном денежном пособии (см. письмо Смирновой от 24 июня <1850> в «Русской Старине» 1890, № 11, стр. 363–364).

Министр просвещения (в 1845 г., когда Гоголю был назначен пенсией) — С. С. Уваров.

185. А. П. ТОЛСТОМУ.

Печатается по тексту «Писем» (IV, стр. 332–333).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах» VI, стр. 510–511; полностью — в «Письмах», см. выше.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания.

Оптинская пустынь — монастырь в 40 верстах от Калуги.

Соровская обитель (правильнее Саровская) — в Темниковском уезде Тамбовской губ.

Преосвященный Евсевий (Орлинский, 1808–1883) — ректор сначала Московской, потом СПб. духовной академии, впоследствии архиепископ могилевский.

186. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПБЛ).

Впервые напечатано в «Отчете ПБЛ» за 1892 г., Прилож., стр. 166–167.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания.

Он, узнав, как теперь трудно приютиться... Вследствие установления комплекта студентов в университетах Трушковскому не удалось попасть в Москву и потому он ехал в Казань.

Софья Борисовна — жена Шевырева, рожд. Зеленская (1809–1871).

187. П. А. ГРИГОРОВУ.

Печатается по копии, принадлежавшей С. Т. Аксакову (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Библиографических Записках» 1859, стр. 111. Ответ Григорова, от 29 июля 1850 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 826–827.

Григоров, Петр Александрович (ок. 1803–1851) — монах Оптиной пустыни; после пострижения (в 1850 г.) принял имя Порфирия (В. И. Шенрок ошибочно говорит о двух Григоровых, Петре и Порфирии — см. «Письма», IV, стр. 346, примеч. 3). В молодости служил в конной артиллерии. Отличался любовью к литературе. Юным прапорщиком был посажен под арест за салют из пушек, данный им в честь проезжавшего Пушкина. Высоко ценил творчество Гоголя. См.: И. Щеглов. «По следам Пушкинского торжества» («Литературное приложение» к «Торгово-Промышленной газете» от 7 мая 1900 г., № 19) и «Гоголь в Оптиной пустыни» (там же, 24 декабря, № 46); Л. И. Арнольди (стр. 88–90; Арнольди ошибочно называет Григорова Григорьевым).

188. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с большими пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 512; один из пропусков — в «Указателе к письмам Гоголя», стр. 88–89; с небольшими пропусками — в «Письмах», IV, стр. 335–337. Полностью печатается впервые.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания.

Писать официальную просьбу к министру о пашпорте с присоединением свидетельства от врачебной управы мне неприлично... Ответ на совет Смирновой в письме от 24 июня <1850> («Русская Старина» 1890, № 11, стр. 363).

Я написал письмо... см. «Деловые бумаги» № 1*.

Министр внутр<енних> дел — гр. Лев Алексеевич Перовский (см. Н. В. Гоголь. АН СССР, X, стр. 426).

Министр просвещения — кн. Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853), писатель, впоследствии академик имп. Академии Наук. Реакционер в политиче-

ских воззрениях, в литературе был последователем А. С. Шишкова.

Орлов — гр. Алексей Федорович (1787–1862), шеф жандармов и начальник III Отделения.

Гр. Толстой — Алексей Константинович (1817–1875), поэт.

189. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с присоединением в конце отрывка из другого письма — в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 672–673; так же, с ошибочной датировкой 1848 г., — в «Письмах», IV, стр. 204–205. Ответ Шевырева, от 1 августа 1850 г., см. в «Отчете ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 60–62.

Датируется 1850 годом по связи с письмами №№ 187 и 188, а также с ответным письмом Шевырева (см. выше).

190. Е. П. РЕПНИНОЙ.

Печатается по копии (КИЛ).

Впервые опубликовано в «Радянське літературознавство» 1940, № 5–6, стр. 325.

Ответ Е. П. Репниной, от 16 августа 1850 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 830.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания и по связи с ответным письмом Репниной (см. выше).

Репнина — кн. Елизавета Петровна Репнина-Волконская (рожд. Балабина), родственница двух приятельниц Гоголя: сестра М. П. Вагнер (рожд. Балабиной) и невестка кн. В. Н. Репниной (жена ее единственного брата, Василия Николаевича). Гоголь бывал у В. Н. и Е. П. Репниных и за границей и в Яготине Полтавской губ. Когда же он приехал в Одессу и жил в доме А. А. Троцинского, для него у Репниных была отведена особая комната, где он работал.

... княгиня, ваша маминька... — свекровь Е. П. Репниной, Варвара Алексеевна Репнина-Волконская, рожд. гр. Разумовская (1778–1864). Жила в Одессе отдельно от семьи сына, вместе с дочерью Варварой Николаев-

ной.

Князь — муж Е. П. Репниной, Василий Николаевич Репнин-Волконский.

191. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 512–513; полностью — в «Письмах», IV, стр. 348–350.

Датируется 1850 годом как по содержанию и месту написания, так и по дате ответного письма Стурдзы (см. ниже).

... вместе с двумя проектами официальных писем — см. «Деловые бумаги» №№ 2* и 3* и примеч. к ним*.

Толстой — гр. Алексей Константинович.

Олсуфьев — см. примеч. к «Деловым бумагам» № 3*.

От Стурдзы я получил на днях... письмо с дружеским зазывом в Одессу. Письмо Стурдзы, от 21 июня 1850 г., напечатано в «Библиографических Записках» 1859, стр. 263, и в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 824.

192. А. П. ТОЛСТОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в сборнике «Памяти С. А. Юрьева», М. 1890, стр. 266–267.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания.

Neale — Ниэли, Джон Мэзон (1818–1866), английский богослов. В 1850 г. вышла его работа «An Introduction to the History of the Holy Eastern Church» («Введение в историю Восточной церкви») в двух томах.

Пальмер, Вильям (ум. 1879) — занимался делом воссоединения англиканской церкви с православной. Не добившись этого, перешел в католичество. Дважды был в России. Путешествовал также по Востоку. В «Русском Архиве» (1894, № 5, стр. 20–24) напечатано его позднейшее письмо к гр. А. П. Толстому.

2-го тома Святогорцев я также не имею... — речь идет о втором томе книги иеросхимонаха Сергия (С. А. Веснина, 1814–1853), писавшего под именем Святогорца, «Письма к друзьям моим о святой горе Афонской» (СПб. 1850). С автором ее Гоголь был знаком (см. письма Святогорца к Гоголю в «Материалах»

Шенрока, IV, стр. 827).

193. А. Г. ТОЛСТОЙ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Русской Старине» 1891, № 3, стр. 578.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания.

Тот и другой, обрадовавши меня самыми приятными письмами... Письмо Скуридина см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 832–833.

Князь — Георгий Александрович Грузинский (1762–1852), отец гр. А. Г. Толстой.

194. А. С. СТУРДЗЕ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано: с большими пропусками — в «Москвитянине» 1852, ч. V, № 20, стр. 225–226; с меньшими пропусками — в «Библиографических Записках» 1859, стр. 266–267; полностью — в «Вестнике Всемирной Истории» 1899, № 1, стр. 108–109. Ответ Стурдзы, от 21 июня 1850 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 824.

Датируется 1850 годом по содержанию.

Неводчиков, Николай Васильевич (1822 — нач. 1900-х годов) — воспитатель внука Стурд-

зы, сотрудник детского журнала А. О. Ишимовой «Звездочка», впоследствии Неофит, архиепископ кишиневский. Написал «Воспоминание о Н. В. Гоголе» («Библиографические Записки» 1859, стр. 263–268). Гоголь познакомился с ним в апреле 1848 г. в Одесском карантине. Письмо к нему Неводчикова, от 23 апреля 1848 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 697–698.

Павловский, Михаил Карпович (1810–1898) — протоиерей, профессор богословия Ришельевского лицея, духовник Стурдзы и Репниных. Письмо его к Гоголю, от 30 октября 1850 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 825–826.

195. П. Ф. МИНСТЕР.

Печатается по тексту «Литературного Вестника» (1901, V, стр. 15).

Было одновременно напечатано в «Литературном Вестнике» (см. выше) и в «Письмах», IV, стр. 435–436.

П. Ф. Минстер — одна из учениц Гоголя по Патриотическому институту, жившая в Полтаве, подруга его сестер, Анны и Елизаветы. Письмо Гоголя является ответом на письмо к нему П. Ф. Минстер (напечатано в «Материалах» Шенрока, III, стр. 545–546).

196. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском заключительной фразы и подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 513–514; полностью — в «Письмах», IV, стр. 353–354.

Датируется 1850 годом на основании содержания и места написания.

Приехавши в Одессу, сию же минуту... пишу к вам. На самом деле Гоголь приехал в Одессу 24 октября (см. А. И. Маркевич, стр. 15).

Ваше письмо получил... — письмо Смирновой, от 11 сентября <1850>, см. в «Русской Ста-

рине» 1890, № 12, стр. 656–658.

Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособ<ий> и выезда — речь идет о письме к наследнику и хлопотах о заграничном паспорте. Смирнова намекала на медлительность Гоголя, расстроившую планы получения денежного пособия и паспорта.

197. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 17–18.

Датируется 1850 годом по содержанию.

Юркевич — неустановленное лицо.

Черныш, Василий Иванович — см. примеч. к № 29*.

Прилагаю при сем два письмеца... — эти письма до нас не дошли.

Отец Антон — вероятно, васильевский священник.

Иван Григор<ьевич> Крикуневич — неустановленное лицо.

Немченко — Аким или Яким Нимченко, бывший слуга Гоголя.

198. А. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии Кулиша (ПД).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 84–85.

Датируется по содержанию. Написано взрослой сестре, следовательно, по возвращении Гоголя из-за границы. Слова «в этот приезд» дают понять, что речь идет не о первом приезде Гоголя на родину, в 1848 г. Самый эпизод самовольного отъезда А. В. Гоголь мог быть именно осенью 1850 г., когда М. И. Гоголь с дочерьми уехала на зиму в Кагорлык к А. А. Трощинскому, с тем, чтобы весной Н. В. Гоголь на обратном пути из Одессы заехал за ними (см. дневник Е. В. Гоголь в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 705). Очевидно, Гоголь был против поездки сестры Анны и желал, чтобы она осталась в Васильевке. Данное письмо, повидимому, ответ на письмо А. В. Гоголь из Кагорлыка с просьбой не сердиться на нее.

199. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 514–516; один из пропусков — в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 675; полностью — в «Письмах», IV, стр. 356–358.

Датируется 1850 годом по содержанию, месту написания и по связи с ответным письмом Шевырева от 28 ноября 1850 г. (см. «Отчет ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 62–65).

Смирдинское издание русских писателей — предпринятое в конце 40-х годов А. Ф. Смирдиным «Полное собрание сочинений русских авторов», начиная с Ломоносова и Тредьяковского.

Михневич, Иосиф Григорьевич (1809–1885) — профессор философии в Ришельевском лицее в Одессе.

Мурзакевич, Николай Никифорович (1806–1883) — профессор русской истории, позднее — директор Ришельевского лицея. Его «Записки» напечатаны в «Русской Старине» 1887–1889.

... несколько добрых товарищей еще по

Нежинскому лицом — братья Орлаи, Александр и Андрей Ивановичи, сыновья И. С. Орлая.

... есть ли у тебя экземпляр... — подразумевается первое издание сочинений Гоголя в четырех томах, СПб. 1842.

Лешков — см. примеч. к № 236*.

Приложенное при сем письмецо... — см. № 200*.

200. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 516; полностью — в «Русском Архиве» 1890, № 8, стр. 190.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания, а также на основании пометы С. Т. Аксакова: «1850 года». Было приложено к письму № 199.

Казначеев, Александр Иванович (1788–1880) — одесский градоначальник, впоследствии сенатор, старый друг С. Т. Аксакова.

... записки... — подразумеваются «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

201. А. М. ТРАХИМОВСКОМУ.

Печатается по копии из архива «Русской Старины» (ПД).

Напечатано как письмо к неустановленному лицу в «Русской Старине» 1882, № 6, стр. 681. У Шенрока пропущено.

Датируется по содержанию.

Трахимовский, Алексей Михайлович — помещик Миргородского уезда Полтавской губ., жил в местечке Сорочинцах. В его доме, принадлежавшем тогда его деду, известному в то время на Украине врачу Михаилу Яковлевичу Трахимовскому, родился Н. В. Гоголь, причем крестным отцом новорожденного был отец адресата, Михаил Михайлович. С этого времени между семьями Гоголей и Трахимовских установились самые дружественные отношения, и Гоголь в каждый свой приезд запросто посещал Трахимовских (см. Н. А. Трахимовский. «Мария Ивановна Гоголь». — «Русская Старина» 1888, № 7, стр. 25–26). В 1850 г. Д. А. Троцинский окончил Ришельевский лицей в Одессе, и возник вопрос об определении его на службу. Гоголь обращается с рекомендацией своего молодого родственника к пользо-

вавшемся уважением миргородского дворянства А. М. Трахимовскому. Письмо было написано в официальном тоне с тем, чтобы Трахимовский мог показать его другим лицам, от которых зависело избрание Трощинского на какую-либо выборную должность. Ходатайство Гоголя, повидимому, успехом не увенчалось, так как Д. А. Трощинский устроился на службу в Одессе.

Лукьянович, Александр Андреевич, майор — миргородский уездный предводитель дворянства.

... внук того знаменитого мужа... — Дмитрия Прокофьевича Трощинского. Дмитрий Андреевич доводился ему внучатым племянником.

202. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Опыте биографии», стр. 182–183; полностью — в «Письмах», IV, стр. 359–362. Ответ Плетнева, от 14 декабря 1850 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 62–64.

Лисенков, Иван Тимофеевич (1820–1881) — книгоиздатель и книгопродавец.

203. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 518; один из пропусков — в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 676; полностью — в «Письмах», IV, стр. 362–363.

Относительно распоряженья твоего на счет 1000 руб. сереб<ром> из благотворительной суммы совершенно согласен... Это ответ на предложение Шевырева об употреблении суммы, предназначенной Гоголем для помощи нуждающимся студентам, на издание памятников древней русской словесности трудами университетской молодежи под руководством Шевырева и других профессоров с

тем, чтобы беднейшие студенты получали за свою работу плату и содержание (см. письмо Шевырева к Гоголю от 28 ноября 1850 г. в «Отчете ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 65).

Попечитель — В. И. Назимов, см. примеч. к № 129*.

Письма Базили не ищи... Шевырев писал об утере им присланного Гоголю письма К. М. Базили. Это письмо, от 25 июля 1850 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 772–774.

204. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано, с пропуском окончания, в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 498–499. Полностью печатается впервые. Ответ Жуковского, от 1/13 февраля 1851 г., см. в «Сборнике Общества любителей российской словесности» 1891, стр. 22–23 (также в Соч. Жуковского, стр. 614).

Датируется 1850 годом по содержанию.

205. А. А. ИВАНОВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Современнике» 1858, № 11, стр. 171. Ответ Иванова, от 30 января н. ст. 1851 г., см. в книге: М. Боткин. «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», стр. 267–268.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания.

206. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 518–519; полностью — в «Русском Архиве» 1890, № 8, стр. 192–193.

Дата определяется содержанием и местом написания.

Очень обрадовали меня вашим письмецом ... — письмо Аксакова см. в «Русском Архиве» 1890, № 8, стр. 190–192.

... драма Конст<антина> Сергеевича... — речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году», напечатанной в 1848 г., поставленной на сцене 14 декабря 1850 г. и запрещенной после первого же представления. Об этой постановке — см. писька к

Гоголю К. С. Аксакова («Русский Архив» 1890, № 1, стр. 158–159), С. Т. Аксакова (там же, № 8, стр. 193) и А. О. Смирновой («Русская Старина» 1890, № 12, стр. 662–663).

207. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 519–520; полностью — в «Письмах», IV, стр. 365–366.

Датируется 1850 годом по содержанию и месту написания.

Письмо ваше от 24 ноября получил... см. «Русскую Старину» 1890, № 12, стр. 659–661.

208. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 244; полностью — в «Письмах», IV, стр. 367.

209. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии Кулиша (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 522; полностью — в «Письмах», IV, стр. 369–370.

210. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЛД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Опыте биографии», стр. 183–184; полностью — в «Письмах», IV, стр. 370–371. Ответ Плетнева, от 23 марта 1851 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 64–66.

... поздравляю тебя с замужеством милой дочери... Дочь Плетнева, Ольга Петровна, вышла замуж за Александра Борисовича Лакиера (Лакьера, 1825–1870), историка права и путешественника, служившего тогда по министерству юстиции.

211. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и приписки — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 528–529; полностью — в «Письмах», IV, стр. 371–372. Ответ Шевырева, от 3 марта 1851 г., см. в «Отчете ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 66–67.

Я писал к тебе с Мурзакевичем... — см. № 203* и примеч. к № 199*

... Смир<дина> изд<ание>... — см. примеч. к № 199*.

... Такой величины, как напечатана твоя поездка... Подразумевается книга Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» (М. 1850).

212. М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ.

Начало и конец письма печатаются по копии Кулиша (*ЛБ*); середина (от слов «евангельской, какую любит Христос» до «читать в это время наиболее такие книги») — по подлиннику (*КИЛ*).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 523–525; отрывок письма (окончание, от слов: «читать в это время наиболее такие книги») — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 19–20; полностью — в «Письмах», IV, стр. 372–375.

213. П. А. ГРИГОРОВУ.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*). Публикуется впервые. Является ответом на письмо Григорова от 26 января 1851 г. («Материалы» Шенрока, IV, стр. 831–832).

Письмо было получено адресатом перед смертью (ум. 15 марта 1851).

... благодарю вас... за книгу Затворника. Имеется в виду книга писем задонского затворника Георгия (Машурина, 1789–1836), подготовленная к печати Григоровым.

214. М. П. ПОГОДИНУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ)

Напечатано, с пропуском подписи, у Барсукова, XI, стр. 155. Подпись печатается впервые. У Шенрока пропущена.

Мать — Аграфена Михайловна Погодина, умерла 31 декабря 1850 г. на 75-м году жизни.

215. А. А. ИВАНОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 526–527; один из пропусков — в «Указателе к письмам Гоголя», стр. 90; полностью — в «Письмах», IV, стр. 377–378. Ответ Иванова, от 20 мая 1851 г., см. в книге: М. Боткин, «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», стр. 268–269.

Датируется 1851 годом, так как Гоголь только в этом году был в Одессе в марте.

... ваше письмоце... — письмо Иванова, от 20 января 1851 г., см. там же, стр. 267–268.

... у Фалькона... — в популярной тогда в Риме остерии Фальконе (Сокол).

Брюллов, Карл Павлович (1799–1852) — знаменитый художник. В 1849 г. уехал для лечения на остров Мадейру, откуда переехал в

Италию, где и скончался (близ Рима).

Брат ваш — Сергей Андреевич Иванов.

216. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 526; полностью — в «Письмах», IV, стр. 376. Ответ Шевырева, от 6 апреля 1851 г., см. в «Отчете ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 67–68.

Датируется 1851 годом по содержанию и месту написания.

Наконец от тебя письмо — от 3 марта 1851 г. (там же, стр. 66–67).

217. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 672; полностью — в «Письмах», IV, стр. 418.

Датируется по связи с письмом № 216.

... ноты церковного пения... — были обещаны сестре, А. В. Готолю, см. № 209*.

Бортнянский, Дмитрий Степанович (1751–1825) — композитор церковной музыки.

218. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 19.

Датируется 1851 годом по содержанию и месту написания.

... чтобы к страстной быть в Кагорлык. В Кагорлыке у А. А. Троцинского еще с осени гостила М. И. Гоголь со старшими дочерьми. Гоголь обещал за ними захватить на обратном пути из Одессы.

219. А. О. СМИРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 529; полностью — в «Русском Архиве» 1896, № 1, стр. 155.

Датируется на основании письма А. О. Смирновой к С. Т. Аксакову с сообщением текста письма Гоголя («Русский Архив», см. выше).

220. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЛД).

Впервые напечатано в «Опыте биографии», стр. 184–185.

Датируется 1851 годом на основании пометы Плетнева на подлиннике: «П<олучено> 28 мая 1851».

... *твое письмо получил...* — письмо Плетнева, от 23 марта 1851 г., см. «Русский Вестник» 1890, № 11, стр. 64–66.

221. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 530; полностью — в «Русском Архиве» 1890, № 8, стр. 194.

Датируется 1851 годом по содержанию и месту написания, а также потому, что является ответом на письмо С. Т. Аксакова от 19 марта 1851 г. («Русский Архив», см. выше, стр. 193–194).

222. А. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (КИЛ).

Первоначально напечатано: отрывок (конец письма, от слов «... глядеть на мать свою, как на святую...») — в «Новом Времени» от 28 мая 1887 г.; так же — в «Письмах», IV, стр. 400, с неправильным адресованием его сестре Елизавете; полностью — в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 85–87.

Датируется на основании содержания и фактов биографии. Гоголь выехал из Васильевки в Москву 22 мая (см. Г. П. Данилевский, стр. 492) и по дороге остановился в Полтаве, у Скалонов. Здесь он и провожавшая его

мать получили письма, присланные с нарочным из Васильевки от В. И. Быкова с предложением Е. В. Гоголь и от А. В. и Е. В. Гоголь о согласии последней на брак с ним (О. В. Головня, стр. 54).

Капитан — В. И. Быков, см. примеч. к № 228*.

223. Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).
Публикуется впервые.

Написано одновременно с письмом № 222.

224. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику: *КИЛ* — начало письма; *ПД* — окончание письма (от слов: «... счастливо, потому что и ум, привыкнув к осмотрительности заранее, обратит внимание на то...»).

Впервые напечатано: с пропусками и искажением даты — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 531–532; окончание письма, с подписью, отсутствующей у Кулиша, — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 16; полностью, но с той же неправильной датой — в «Письмах», IV, стр. 384–386.

Датируется 1851 годом по содержанию.

225. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Литературных приложений» к «Ниве» (1900, № 12, стр. 698), где впервые напечатано.

Написано одновременно с письмом № 224.

... как вы доехали... М. И. Гоголь с дочерью Ольгой провожали Н. В. Гоголя сначала до Полтавы, а потом вместе с ним провели восемь дней у двоюродной сестры Гоголя, М. Н. Синельниковой, в селе Власовка Константиноградского уезда Полтавской губ., где расстались с Гоголем. См. неопубликованное письмо Синельниковой к Шевыреву от 15 апреля 1852 г. (*ПБЛ*), а также О. В. Головня, стр. 54–55.

226. А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии Кулиша (ЛБ).

Впервые напечатано в «Письмах», IV, стр. 408.

Написано одновременно с письмами №№ 224 и 225.

227. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с искажением последней фразы — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 17; так же — в «Письмах», IV, стр. 387.

Датируется 1851 годом по содержанию.

... не получили письма моего... — см. № 224.*

Отправьте одно письмо Владимир<у> Ивановичу Быкову... а другое сестре Елизавете — см. №№ 228 и 229*.*

228. В. И. БЫКОВУ.

Печатается по подлиннику (КИЛ).

Первоначально напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 534–535; полностью — в «Письмах», IV, стр. 388. Ответ Быкова см. в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 132–133.

Быков, Владимир Иванович — саперный офицер; жених, потом муж сестры Гоголя, Елизаветы Васильевны. Умер в 1862 г. в чине подполковника, оставив пятерых детей. Е. В. Быкова пережила его только двумя годами.

229. Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (КИЛ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 535–536; полностью, но с неправильным расположением текста — в «Письмах», IV, стр. 389–390.

Тарновский — Терновский, Сергей Григорьевич (1801–1868), протоиерей, магистр Московской духовной академии, сотрудник «Душеполезного чтения».

230. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано: с большими пропусками — в «Опыте биографии», стр. 185–186; полностью — в «Письмах», IV, стр. 390–392. Ответ Плетнева, от 23 июля 1851 г., см. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 66–68.

Датируется 1851 годом на основании пометы Плетнева («П<олучено> 21 июля 1851») и по связи с его ответным письмом (см. выше).

Получил... описание филармонического быта... В предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» Гоголь просил читателей присылать ему отзывы о книге. Письма чита-

телей поступали на имя Плетнева и Шевырева, пересылавших их Гоголю. Об одном из таких писем, очевидно, и идет речь.

231. АРХИМАНДРИТУ МОИСЕЮ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано, без указания адресата, в «Литературном приложении» к «Торгово-Промышленной газете» от 24 декабря 1900 г., № 46; в «Письмах», IV, стр. 410 перепечатано как письмо «к духовному лицу».

Адресовано архимандриту Моисею, игумену Оптиной пустыни (ум. 1862). Адресат определяется и письмо датируется на основании ответного письма Моисея, от 21 июля 1851 г. («Русская Старина» 1890, № 3, стр. 856).

Письмецо... отцу Макарию. Письмо Гоголя Макарию не сохранилось. Ответ Макария (от 21 июля 1851 г.) напечатан в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 828.

232. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по копии Кулиша (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 551; полностью — в «Письмах», IV, стр. 393.

Написано после чтения Шевыреву глав из второго тома «Мертвых душ». Датируется на основании ответного письма Шевырева, от 27 июля <1851>. («Отчет ПБЛ» за 1893 г., Прилож., стр. 68).

233. А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (КИЛ).

Впервые напечатано: с большими пропусками — в «Записках», II, стр. 251–252; полностью — в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 87–88.

Датируется 1851 годом по содержанию.

Лавсаик — Египетский патерик, памятник византийской агиографии V в.

Ефрем Сирийский — деятель христианской церкви, живший в IV в. Гоголь цитирует его молитву неточно (возможно, под влиянием пушкинского стихотворного ее переложения: «Отцы-пустынники и жены непорочны...»).

Владимир Иванович — Быков. См. примеч.

... *отвечать на письмо*. Первое письмо В. И. Быкова к Гоголю не сохранилось.

234. Е. П. РЕПНИНОЙ.

Печатается по копии (*КИЛ*).

Впервые опубликовано в «Радянське літературознавство» 1940, № 5–6, стр. 326.

Ответ Е. П. Репниной, от 23 августа 1851 г., см. в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 830–831.

Датируется 1851 годом по содержанию и по связи с ответным письмом Репниной (см. выше).

235. А. Д. БЛУДОВОЙ.

Печатается по подлиннику (*ЛБЛ*).

Публикуется впервые.

Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1812–1891) — дочь старого арзамасца, друга Карамзина и Жуковского, влиятельного сановника николаевской эпохи Д. Н. Блудова; с детства жила в среде, которой были присущи литературные интересы. Воспоминания Блудовой («Заря» 1871, № 3) свидетельствуют о знакомстве ее с Жуковским, Лермонтовым, А. И. Тургеневым, Хомяковым и др. С Гоголем она познакомилась, вероятно, через Плетне-

ва, который был своим человеком в доме Блудовых. Хорошо знала Погодина и Шевырева, переписывалась с ними. Сохранилось также и одно ее письмо к Гоголю («Материалы» Шенрока, IV, стр. 741).

Публикуемое письмо не датировано, но его с большой долей вероятия можно отнести к лету 1851 г., которое А. Д. Блудова с отцом проводили в Москве и много общались с Погодиным (Барсуков, XI, стр. 238–239, 241). Содержание письма, несмотря на его неясность, показывает, что отношения между Гоголем и Блудовой не были официальными и отличались дружественностью и простотой.

236. В. Н. ЛЕШКОВУ.

Печатается по подлиннику — черновому автографу (ПБЛ).

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию и по связи с письмом № 230.

Лешков Василий Николаевич (1810–1881) — профессор-юрист Московского университета, цензор «Москвитянина». Обращаясь со своими сочинениями к нему, Гоголь рассчитывал на его приятельские отношения с Погодиным.

237. М. И. ГОГОЛЬ.

Начало письма печатается по копии Кулиша (ЛБ), окончание (от слов: «своих прищипок и всех этих будто бы необходимых приличий») — по подлиннику (КИЛ).

Впервые напечатано: с большими пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 538–539; полностью — в «Письмах», IV, стр. 394–397.

Правительство, видя, что размножились чиновники... старается значительно уменьшить места... Гоголь, вероятно, основывается здесь на сообщении своего петербургско-

го корреспондента М. С. Скуридина: «Здесь очень толкуют о сокращении штатов по всем ведомствам. Сенатор Челищев утверждает, что поводом к тому недостаток 16 мил. целковых по росписи расходов на текущий год» (неопубликованное письмо Скуридина к Гоголю от 6 февраля 1851 г., *КИЛ*).

238. Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (*КИЛ*).

Впервые напечатано в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 537–538. В «Письмах» (IV, стр. 394) это письмо имеет приписку: «Отчего вы не хотите прислать мне адрес Влад<имира> Ивановича? Вот уж и в третьем письме вас я об этом прошу». Между тем в подлиннике приписки нет.

Датируется 1851 годом по содержанию.

Гаврил Семенович — Лукьянович.

239. А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и приписки — в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 605; полностью, но с отнесением к 1848 г. — в «Письмах», IV, стр. 224.

Датируется июлем — сентябрем 1851 г., когда Гоголь намеревался ехать зимовать в Крым и когда его ждали на свадьбу сестры в Васильевку. Отнести же письмо к 1848 г. нельзя, так как в нем говорится о «детках» Данилевского, в 1848-м же году у него была только одна дочь (кроме того, в этом году Гоголь и не предполагал вторично ехать на юг). Уточнение даты («до 18 сентября») основано на том, что именно 18 сентября, получив известие о болезни матери, до того колебавшийся Гоголь принял решение ехать на родину.

240. В. И. БЫКОВУ.

Печатается по подлиннику (*ПД*).

Впервые напечатано в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 676–677.

Является ответом на письмо В. И. Быкова от 21 августа 1851 г. («Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 132–133). Написано после 2 сентября, потому что у Гоголя тогда еще не было адреса Быкова (см. № 237*), но не позднее 18-го (см. примеч. к № 239*).

241. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии Кулиша (*ЛБ*).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 540; полностью — в «Письмах», IV, стр. 398.

242. С. В. СКАЛОН.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано, в группе писем Гоголя к матери, в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 20; перепечатано в «Письмах», IV, стр. 420, как письмо «К сестрам». Между тем фраза «Я сам надеюсь приехать вслед за вами» показывает, что письмо никак не могло быть обращено к сестрам, находившимся с матерью в Васильевке, а адресовано лицу, собирающемуся выехать из Москвы куда-то поблизости от Васильевки. Таким лицом являлась С. В. Скалон, жившая в Полтаве и гостившая в Москве у брата, И. В. Капниста. 25 августа 1851 г. она писала оттуда к М. И. Гоголь, что на днях у нее был Николай Васильевич, просивший передать, что он «никак не может быть на свадьбе Лизы» («Литературный Вестник» 1902, кн. 1, стр. 61). Однако, получив известие о болезни матери, Гоголь изменяет решение и собирается ехать вслед за С. В. Скалон.

Письмо датируется 18 сентября по связи с предшествующим письмом.

243. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 540; полностью — в «Письмах», IV, стр. 398.

Датируется 1851 годом по содержанию и на основании пометы С. Т. Аксакова на подлиннике: «1851».

... готовьте своих птиц... — подразумеваются «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

Княжевич, Владислав Максимович (1798–1873) — председатель Таврической казенной палаты, друг С. Т. Аксакова.

244. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 541; полностью — в «Письмах», IV, стр. 399.

Датируется по связи с письмом № 243 и на основании пометы С. Т. Аксакова на подлиннике: «1851, 21-го сент.».

245. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 541–542; полностью — в «Письмах», IV, стр. 399–400.

Датируется 1851 годом по связи с письмом № 241.

246. ИЕРОСХИМОНАХУ МАКАРИЮ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1905, № 12, стр. 710.

Адресовано иеросхимонаху Оптиной пустыни Макарию (ум. 1860). Отправляясь на свадьбу сестры в Васильевку, Гоголь по дороге заехал в Оптину пустынь и здесь просил совета (сначала в устной беседе, потом письменно) у Макария, продолжать ли ему дорогу или возвратиться в Москву. Об этом эпизоде см.: Гр. Георгиевский. «Гоголь в Оптиной пустыни» («Вестник Европы» 1905, № 12, стр. 710–718) и «Из писем Плетнева к В. А. Жуковскому» («Русский Архив» 1870, № 7, стр. 1331–1332).

Датируется на основании ответного письма Макария от 25 сентября 1851 г. (напечатано в статье Гр. Георгиевского, стр. 710–711).

247. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 64.

Датируется по связи с последующим письмом. Кроме того, 30 сентября 1851 г. — день приезда Гоголя в Абрамцево («Записки», II, стр. 254).

... слухам никаким не верьте. В это время ходили слухи о том, что сочинения Гоголя запрещены и новое их издание не будет разрешено (см. № 236*, а также Г. П. Данилевский, стр. 495). Эти слухи основывались на действительных фактах — задержке цензурного разрешения на второе издание сочинений Гоголя. Об этом со слов последнего писала к его матери 25 августа 1851 г. С. В. Скалон: «Сочинений его цензура не пропускает...» («Литературный Вестник» 1902, кн. 1, стр. 61).

248. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 542; пропущенный текст частично опубликован в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 676; полностью — в «Письмах», IV, стр. 402.

Датируется 30-м сентября на основании упоминания о том, что М. И. Гоголь «завтра именинница», и относится к 1851 году, когда Гоголь хлопотал о втором издании своих сочинений.

Попечитель — В. И. Назимов.

23-го окт<ября> — очевидная описка Гоголя: нужно «сентября».

Министр. — кн. П. А. Ширинский-Шихматов, министр народного просвещения.

249. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии Кулиша (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 539; полностью — в «Письмах», IV, стр. 401–402.

Датируется по содержанию. Слова «провести с вами эти дни» подразумевают дни именин матери — 1 октября и свадьбы сестры — 3 октября 1851 г. (см. запись в дневнике Е. В. Гоголь — *КИЛ*, а также О. В. Головня, стр. 54–55).

250. М. П. ПОГОДИНУ.

Печатается по тексту Барсукова (XI, стр. 311–312), где было впервые напечатано.

Датировано Барсуковым.

251. М. И., А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику: начало письма — *КИЛ*; конец письма (от слов «к Марье Николаевне и в особенности сблизиться с Катериной Власьевной») — *ИМ*.

Первоначально напечатано: отрывок письма (4 строчки) — в «Записках», II, стр. 251; всё письмо (с очень большими пропусками) — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 542–543; окончание письма (по автографу, принадлежащему теперь *ИМ*) — в «Вестнике Европы» 1896, № 7, стр. 15; полностью — в «Письмах», IV, стр. 403–405.

Датируется 1851 годом по содержанию.

Марья Николаевна — Синельникова; см. примеч. к № 67*.

Катерина Власьевна — (у Кулиша и Шенрока ошибочно: Васильевна) — тетка (со стороны отца) М. Н. Синельниковой, жившая вместе с нею (см. неопубликованное письмо Синельниковой к Шевыреву от 15 апреля 1852 г., *ПБЛ*).

252. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

Впервые напечатано в «Литературных приложениях» к «Ниве» 1900, № 12, стр. 696.

Датируется по связи с письмом № 253 и на основании слов Гоголя: «Рад, что ты устроилась хорошо в своей комнате». В последний приезд брата Ольга Васильевна добилась у матери разрешения на переход из большого дома в «хатынку», где жила раньше бабушка, Т. С. Гоголь-Яновская (О. В. Головня, стр. 46, 51–52).

253. С. В. СКАЛОН.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано как письмо к П. Г. Капнист в «Старине и Новизне» 1903, кн. 6, стр. 24–25.

Адресат устанавливается по связи данного письма с одновременным письмом Гоголя к матери и сестрам (№ 251) и на основании ответа С. В. Скалон от 10 октября 1851 г. («Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 138–139).

254. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропуском окончания — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 543; полностью — в «Письмах», IV, стр. 408–409.

Датируется на основании пометы на подлиннике С. Т. Аксакова («4 или 5 октября 1851 года») и его сообщения о том, что Гоголь уехал из Абрамцева 3 октября («Записки», II, стр. 254).

255. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: отрывок — в «Записках», II, стр. 255; с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 543–544; полностью — в «Письмах», IV, стр. 409.

Датируется на основании пометы на подлиннике С. Т. Аксакова: «1851 октябрь».

256. В. И. и Е. В. БЫКОВЫМ.

Печатается по подлиннику (*КИЛ*).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и приписки — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 544; полностью — в «Письмах, IV, стр. 409–410.

257. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику: начало письма — *КИЛ*, окончание письма (от слов: «и просить. О, вразуми нас всех бог прежде исполнить главное») — *ИМ*.

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 545–546; полностью — в «Письмах», IV, стр. 410–411.

Датируется 1851 годом по содержанию.

258. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по копии, переданной Кулишу Трушковским (*ЛБ*).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 546; полностью — в «Письмах», IV, стр. 412.

Датируется 1851 годом вслед за Кулишом и Шенроком.

259. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Печатается по подлиннику (*ЛД*).

Впервые напечатано: с пропусками — в «Опыте биографии», стр. 188; полностью — в «Письмах», IV, стр. 412–413.

Датируется 1851 годом на основании пометы Плетнева: «П<олучено> 3 декабря 1851».

260. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии рукою О. В. Гоголь (ПД) со вставкой двух пропущенных в копии слов (по «Письмам», IV, стр. 406) и адреса (из текста «Литературных приложений» к «Ниве» — см. ниже).

Впервые напечатано в «Литературных приложениях» к «Ниве» 1900, № 12, стр. 695–696.

Датируется по связи с письмами №№ 264 и 265.

«Беседы сельского священника с поселянами» — вероятно, «Поучения к сельским прихожанам Иоанна Пискарева, Тульской губернии, Ефремовского уезда, села Благодати». СПб. 1849. См. рецензию в «Москвитянине» 1850, ч. II, стр. 102–103.

261. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Публикуется впервые.

Является отрывком письма.

Датируется по связи с письмами №№ 260, 264 и 265.

262. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском подписи и приписки — в «Записках», II, стр. 256; купюры — в «Вестнике Европы» 1890, № 2, стр. 612; полностью — в «Письмах», IV, стр. 413–414.

Датируется 1851 годом на основании письма А. С. Данилевского, от 9 декабря 1851 г. («Вестник Европы» 1890, № 2, стр. 610–612), на которое письмо Гоголя является ответом.

Михаил Алексеевич Литвинов — двоюродный брат жены А. С. Данилевского. Гоголь познакомился с Литвиновым зимою 1850/51 г. в Одессе.

263. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 547–548; полностью — в «Письмах», IV, стр. 414.

264. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по копии Кулиша (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 549; полностью — в «Письмах», IV, стр. 416.

... из той книжки, которую я прислал — см. примеч. к № 260.*

265. О. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ИМ).

На подлиннике — помета О. В. Гоголь: «Последнее сокровище».

Впервые напечатано: с пропуском приписки — в «Опыте биографии», стр. 189; полностью — в «Литературных приложениях» к «Ниве» 1900, № 12, стр. 673–674.

Датируется 1851 годом по связи с письмом № 264.

От<еу> Гр<игорий> — васильевский священник.

266. А. А. ИВАНОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано в книге: М. Боткин. «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», стр. XII и 288–289 (где отмечено, что это последнее письмо Гоголя к Иванову).

Датируется приблизительно. Является ответом на письмо Иванова от 20 мая н. ст. 1851 г.

Боткин — см. примеч. к № 3* (доп.).

267. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально опубликовано: отрывок письма — в «Записках», II, стр. 255; письмо с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 550; полностью — в «Письмах», IV, стр. 417.

Датируется на основании пометы Аксакова на подлиннике: «Конец 1851». См. также «Записки», II, стр. 255

268. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 551–552.

Датируется концом 1851 г. вслед за Кулишом и Шенроком.

269. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 551; полностью — в «Письмах», IV, стр. 419.

Датируется концом 1851 г. вслед за Кулишом и Шенроком. Основательность этой датировки подтверждается воспоминаниями Г. П. Данилевского, познакомившегося с Гоголем осенью 1851 г. и отметившего усиленный интерес Гоголя к Сибири. По сообщению И. С. Аксакова Данилевскому, Чичиков за свои проделки должен был по замыслу писателя отправиться в ссылку в Сибирь, поэтому Гоголь взял у Аксаковых и у Шевырева «много книг с атласами и чертежами Сибири» («Исторический Вестник» 1886, № 12, стр. 481).

Гмелин, Иоганн-Георг (1709–1749) — путешественник и натуралист. Гоголь имеет в виду первый том его «Путешествия по Сибири в 1733–1743 гг.».

Паллас, Петр-Симон (1741–1811) — знаменитый путешественник и натуралист. Гоголь подразумевает здесь 5 томов его «Путешествия по разным провинциям Российского го-

сударства» (СПб. 1773–1788, первая часть вышла вторым изданием в 1809 г.) и «Описание растений Российского государства с их изображениями» (СПб. 1736).

270. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 550–551; полностью — в «Письмах», IV, стр. 419.

Датируется концом 1851 г. вслед за Кулишом и Шенроком.

271. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано: с пропуском подписи — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 550; полностью — в «Письмах», IV, стр. 417.

Датируется концом 1851 г. вслед за Кулишом и Шенроком.

272. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Впервые напечатано в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 550.

Датируется концом 1851 г. по связи с письмом № 269.

Рычков, Николай Петрович (1746–1784) — адъютант Академии Наук, путешественник. Из трудов его известны «Журнал или дневные записки путешествия капитана Р. по разным провинциям Российского государства» (СПб. 1770–1772) и «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.» (СПб. 1772).

Севергин, Василий Михайлович (1765–1826) — химик и минералог. Гоголь имеет здесь в виду его «Записки путешествия по западным провинциям Российского государства» (СПб. 1803).

Зуев, Василий Федорович (1754–1794) — академик, автор «Путешественных записок от СПб. до Херсона в 1781 и 1782 г.» (СПб. 1787).

273. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 99.

Это отрывок — окончание письма. На обороте листа — помета рукою С. Т. Аксакова: «1851 год», что дает возможность датировать письмо и определить адресата.

Душевно благодарю... — Гоголь ни с кем из Аксаковых не был на «ты». Вероятно, это или не дописанное «благодарите», или описка, вместо «благодарю».

Ольга Сергеевна — одна из дочерей С. Т. Аксакова; см. упоминание о ней в письме Гоголя к С. Т. Аксакову от 30 августа 1843 г. (Н. В. Гоголь. АН СССР, XII, стр. 208).

274. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Печатается по тексту «Остафьевского Архива» (т. V, 2, стр. 151), где было напечатано впервые.

... если бы вы принялись за историю царствования Екатерины... В одном из писем к Жуковскому (от 14/26 февраля 1850 г.) Плетнев сообщал мысль П. А. Вяземского «о роскошном издании <сочинений> Екатерины II с таким предисловием или жизнеописанием, которое бы представило во всем блеске век и ум ее» («Из писем П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому», «Русский Архив» 1870, № 7, стр. 1298). См. также Барсуков, XI, стр. 156–157. Эта мысль Вяземского, очевидно была известна и Гоголю, и на ее хотя бы частичное осуществление он смотрел как на средство, способное излечить Вяземского от овладевшей им, по сообщению Плетнева, ипохондрии (см. письмо Плетнева от 23 июля 1851 г. в «Русском Вестнике» 1890, № 11, стр. 67).

275. А. О. СМЕРНОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с зашифровкой имен — в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 552; полностью — в «Письмах», IV, стр. 420.

Датируется на основании сообщения Л. И. Арнольди о том, что письмо написано было во время его новогоднего визита к Гоголю в 1852 г. (Л. И. Арнольди, стр. 93).

276. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Первоначально напечатано: с пропусками — в «Записках», II, стр. 255; полностью — в «Письмах», IV, стр. 421.

Датируется на основании пометы С. Т. Аксакова на подлиннике: «Последняя записка Гоголя в 1852» (см. также «Записки», II, стр. 255).

277. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано: с пропуском окончания — в «Записках», II, стр. 256–257; полностью — в «Письмах», IV, стр. 422.

Датируется 1852 годом, так как в начале этого года М. И. Гоголь, и дочь ее Ольга гостили у А. А. Трощинского, в Кагорлыке, где ежедневно виделись с четой Быковых, у которых жила тогда А. В. Гоголь (О. В. Головня, стр. 56).

278. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 552–553.

Датируется 1852 годом, так как является ответом на письмо Жуковского от 4/16 января 1852 г. («Отчет ПБЛ» за 1887 г., Прилож., стр. 66–67).

Медицинский рецепт (излечение слепоты при помощи листьев земляной груши) усиленно рекомендовался тогда Гоголем. См., например, письма № 279 и 281.

279. В. Н. РЕПНИНОЙ.

Печатается по копии (КАБ).

Впервые напечатано в «Радянське літературознавство» 1940, № 5–6, стр. 322.

Александр Скарлатович — Стурдза.

Княгиня В<арвара> А<лексеевна> — Репнина.

280. Е. П. РЕПНИНОЙ.

Печатается по копии (КИЛ).

Впервые опубликовано в «Радянське літературознавство» 1940, № 5–6, стр. 326–327.

Датируется 1852 годом по содержанию и на основании ответного письма Е. П. Репниной от 23 февраля 1852 г. («Материалы» Шенрока, IV, стр. 834).

Князь Василий Николаевич — Репнин.

Елисавета Николаевна — Кривцова (рожд. кн. Репнина), жена Павла Ивановича Кривцова, правительственного чиновника, наблюдавшего за работами русских художников, командированных в Италию. Ее записка к Гоголю напечатана в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 831.

Князь Гагарин, Дмитрий Иванович — полковник, инспектор карантинного округа, впо-

следствии генерал-майор и керченский градоначальник. Двоюродный брат (по матери своей, рожд. Е. И. Балабиной) кн. Е. П. Репниной.

Ильин, Николай Петрович (ум. в 1873 г. на 67-м году жизни) — «видный член одесского общества, в то время, кажется, нигде не служивший» (А. И. Маркевич, стр. 34). Упоминания об Ильине см. у А. П. Толченова, в Дневнике неизвестной и др.

281. И. И. БАРАНОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (КАБ).

Напечатано впервые в «Гоголевском сборнике» под ред. М. Н. Сперанского, Киев 1902, стр. 9-10.

Письмо Гоголя является ответом на письмо к нему от 17 января 1852 г. капитан-лейтенанта *Ильи Ивановича Барановского*, проживавшего в Одессе и здесь познакомившегося с Гоголем, с сообщением о постигшем его несчастье — слепоте (напечатано в «Материалах» Шенрока, IV, стр. 833–834). Близость писем Гоголя к Жуковскому и Барановскому по содержанию и манере изложения позволяет считать их одновременными.

282. М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Сочинениях и письмах», VI, стр. 554. Ответ Константиновского, от 12 февраля 1852 г., см. «Весы» 1909, № 4, стр. 65.

... просил извиненья в том, что оскорбил вас. Что произошло между Гоголем и Константиновским в последнее их свидание, в точности неизвестно. Доктор Тарасенков сообщил, что разговоры Константиновского так потрясли Гоголя, что он не выдержал и прервал его: «Довольно! Оставьте, не могу далее слушать, слишком страшно!» (А. Т. Тарасенков, стр. 9). Ф. И. Образцов же со слов самого Матвея Константиновского рассказывал, что последний потребовал от Гоголя отречения от Пушкина, как «грешника и язычника», на что, очевидно, не мог согласиться Гоголь (см. «Тверские Епархиальные Ведомости» 1902, № 5, стр. 137–141).

283. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 89.

По содержанию связано с письмом к сестре Ольге от 22 декабря 1851 г. (№ 265). Однако указание на начинающийся (в 1852 г. — 10 февраля) великий пост отодвигает письмо к февралю. Из содержания видно, что письмо к матери от 2 февраля (№ 277) было написано раньше, и Гоголь уже получил на него ответ. Всё это позволяет приурочить данное письмо к 10 февраля 1852 г.

284. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Первоначально напечатано, с пропуском подписи и даты («четверг»), в «Русской Старине» 1875, № 12, стр. 673. Полностью печатается впервые.

Более точной датировке не поддается.

285. С. Т. АКСАКОВУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 66.

Датируется приблизительно.

286. О. С. АКСАКОВОЙ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в «Звеньях», т. 3–4, М. — Л., «Academia», 1934, стр. 363.

Относится к зиме 1849/50 или 1851/52 г.

Земляк — подразумевается Осип Максимович Бодянский (1808–1877), профессор-славист Московского университета, которого Гоголь очень любил.

287. А. Г. ТОЛСТОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Письмах», IV, стр. 427. Указание Шенрока на публикацию данного письма в Соч. Гоголя, 10 изд. — ошибочно.

Датируется приблизительно, годами жизни Гоголя у Толстых в Москве.

288. А. Г. ТОЛСТОЙ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Письмах», IV, стр. 427. Указание Шенрока на публикацию данного письма в Соч. Гоголя, 10 изд. — ошибочно.

Датируется на тех же основаниях, что и предыдущее письмо.

289. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Публикуется впервые.

Датируется приблизительно, годами жизни Гоголя у Толстых в Москве.

Адресат письма не установлен.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1. <ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО ГР. Л. А. ПЕРОВСКОМУ ИЛИ КН. П. А. ШИРИНСКОМУ-ШИХМАТОВУ ИЛИ ГР. А. Ф. ОРЛОВУ.>

Печатается по подлиннику (ЛБЛ), представляющему собой автограф с карандашными вставками и исправлениями Гоголя. Отрывок из первоначальной черновой редакции письма приведен в подстрочных вариантах.

Впервые напечатано в «Русской Мысли» 1896, № 5, стр. 168–172.

Переписанный начисто экземпляр этого письма был передан Трушковским А. О. Смирновой вместе с письмом к ней Гоголя от 18 июля 1850 г. Датируется по связи с письмом к Смирновой. Не было отправлено ни одному из адресатов. Послужило основой для составления А. К. Толстым проектов писем наслед-

нику и В. Д. Олсуфьеву (см. ниже, №№ 2* и 3*).

Книга эта... зреет вместе с нынешним моим трудом... В последние годы жизни Гоголя интерес его к географии России всё возрастал по мере углубления его работы над «Мертвыми душами». Помимо получения географических и этнографических сведений от своих корреспондентов о знакомых им местностях, он усиленно изучает географическую литературу. В бумагах его сохранилось шесть тетрадей, содержащих, очевидно, подготовительные материалы к изданию географии России: две редакции сокращенно переданного Гоголем известного пятитомного труда П. С. Палласа «Путешествие по южным провинциям Российской империи» и др. (Г. П. Георгиевский. «Гоголевские тексты». Сборник «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. III. СПб. 1909, стр. 206–437).

2. <ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НАСЛЕДНИКУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.>

Печатается по тексту (ПБЛ), написанному Прукою гр. А. К. Толстого и представляющему собой переработку и сокращенное изложение большого письма Гоголя на имя двух министров и А. Ф. Орлова (см. № 1), посланного А. О. Смирновой с Трушковским. Гоголь остался не совсем доволен переработанным текстом, о чем говорят его многочисленные карандашные вставки. Так как они сделаны без отмены текста, над которым надписаны, и являются черновыми набросками, то даются не в основном тексте, а в виде подстрочных вариантов. Против слов письма: «Окончить вторую часть «Мерт<вых> душ» я должен для того, чтобы было чем *жить*» — помета рукой А. О. Смирновой: «На это надобно упираться».

Впервые напечатано в «Русской Мысли» 1896, № 5, стр. 174–175.

Просьбы о пособии Гоголь так и не подал, и письмо к наследнику осталось в его бумагах в недоработанном виде. Приехав в Одессу, он решает поправить свое материальное поло-

жение другим путем — новым изданием своих сочинений, над подготовкой которого и трудится до самой смерти.

3. <ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО В. Д. ОЛСУФЬЕВУ.>

Печатается по копии рукой Шевырева (*ПБЛ*).

Впервые напечатано: как копия «прошения Н. В. Гоголя на высочайшее имя» — в «Русской Мысли» 1896, № 5, стр. 175–176; как копия «прошения на имя наследника» — в «Письмах», IV, стр. 339–340. Между тем о наследнике здесь говорится в третьем лице, следовательно, письмо не могло быть адресовано ему. Это, конечно, то самое письмо к В. Д. Олсуфьеву, которое советовали Гоголю написать Смирнова и А. К. Толстой, как сопроводительное к письму наследнику (см. «Русская Старина» 1890, № 12, стр. 655). Очевидно, кроме проекта письма наследнику, А. К. Толстой составил (опять-таки на основе текста большого письма Гоголя к министрам и А. Ф. Орлову) и проект письма к Олсуфьеву, тем более, что сам Гоголь в письме к Смирновой от 20 августа <1850> сообщает о получении от

нее двух проектов официальных писем Как и письмо наследнику, оно не было послано по назначению.

Олсуфьев, Василий Дмитриевич (1796–1858) — с 1856 г. граф, состоял при дворе наследника, был в дружеских отношениях с Жуковским, Хомяковым, Погодиным и другими писателями и учеными.

ДОПОЛНЕНИЯ ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРВОЕ. (К томам писем)

1. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <?>.

Печатается по подлиннику (ЛГМ).

Публикуется впервые.

Представляет собою окончание письма. Содержит отрывок из идиллии Н. И. Гнедича «Рыбаки», печатавшейся в «Сыне Отечества» в 1822 г. (этот журнальный текст, приводимый Гоголем, имеет ряд разночтений с текстом идиллии в «Стихотворениях Н. Гнедича», СПб. 1832). Гоголь сообщает его другу как литературную новинку, что и позволяет приурочить письмо к 1822–1823 гг. За эти годы говорит и детский, неустановившийся почерк Гоголя. Местом написания письма могли

быть Нежин, Васильевка или Кибинцы.

Письмо обращено к одному из школьных товарищей, находившемуся тогда (вероятно, во время каникул) в Харькове. Возможно, это был А. С. Данилевский.

2. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Печатается по подлиннику (ЦГЛА).

Напечатано в «Вестнике Европы» 1890, № 1, стр. 85, в подстрочном примечании, с ошибочным отнесением к школьным годам Гоголя. В «Письмах» Шенрока пропущено.

Датируется августом 1835 г., когда Гоголь вместе с Данилевским возвращались с родины в Петербург через Киев (где навестили Максимовича) и Москву. См. Н. В. Гоголь. АН СССР, X, стр. 28. Об ошибочности отнесения письма к нежинскому периоду свидетельствует и зрелый, сложившийся почерк Гоголя в данном письме.

3. Н. П. БОТКИНУ.

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в альманахе Пушкинского Дома «Радуга» (П. 1922, стр. 126).

Датируется концом августа 1835 г., когда Гоголь вместе с Данилевским, проездом в Петербург, на несколько дней останавливался в Москве.

Боткин, Николай Петрович (1813–1869) — брат писателя и критика, друга Белинского, В. П. Боткина. Когда в 1840 г. в Вене Гоголь тяжело заболел, Н. П. Боткин заботливо ухаживал за ним, о чем Гоголь рассказывает в письме к Погодину от 17 октября н. ст. 1840 г.: «При мне был один Боткин, очень добрый мальчик, которому я всегда останусь за это благодарен, который меня утешал сколько-нибудь, но который сам потом мне сказал, что он никак не думал, чтоб я мог выздороветь» (Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 315). Гоголь встречался с ним и позднее. Не занимаясь литературой, Н. П. Боткин тем не менее оставил о себе добрую память в литературных кругах того времени своей добротой и постоянной готовностью оказать дружескую услугу. Его хорошо знал и

любил Белинский, просивший В. П. Боткина передать поклон «милому, доброму Николаю Петровичу», которого он «любит от всей души» (Белинский. Письма, т. III, СПб. 1914, стр. 287).

4. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 99.

Судя по стилю и содержанию, относится к петербургскому периоду жизни Гоголя. Установить адресата письма не представляется возможным, так как записка подобного рода могла быть обращена, кроме Данилевского и Прокоповича, и к Максимовичу, и к Погодину.

5. В. Н. РЕПНИНОЙ.

Печатается по тексту «Русского Архива» (1902, № 4, стр. 726), где было впервые опубликовано.

Датируется по содержанию (в июле — августе н. ст. 1838 г. Гоголь жил у Репниных в Каstellамаре, близ Неаполя).

Посланица — очевидно, служанка-итальянка.

Яковлева — неустановленное лицо.

... *управляющий ослиными делами signor Dominico* — итальянец, ведавший наймом верховых ослов для прогулок в горы.

Ливен — вероятно, барон Вильгельм Карлович (1800–1880), полковник и флигель-адъютант, впоследствии генерал-от-инфантерии. В. К. Ливен неоднократно выполнял различные дипломатические поручения за границей и сопровождал наследника Александра Николаевича в его путешествиях. Примечание П. И. Бартенева к тексту данного письма о том, что речь идет якобы о князе Христофоре Андреевиче Ливене, попечителе наследника, ошибочно. На самом деле Х. А. Ливен приехал с наследником в Италию только в конце сен-

тября и умер в Риме 29 декабря 1838 г., так и не посетив Неаполя.

6. Д. Е. БЕНАРДАКИ.

Печатается по тексту «Русского Архива» (1902, № 4, стр. 725), где было впервые опубликовано с пропуском нескольких строк.

Датируется на основании содержания (Гоголь приехал в Вену из Мариенбада, где встречался с Бенардаки, 25 августа н. ст. 1839).

О *Д. Е. Бенардаки* (ум. 1870) см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 416, и XII, стр. 78–81.

Леонид — вероятно, один из сыновей Д. Е. Бенардаки.

Альфераки — богатый откупщик.

7. Е. В. ГОГОЛЬ.

Печатается по тексту «Писем» (IV, стр. 433), где было впервые напечатано.

Датируется по связи с письмом Гоголя к матери из Вены от 25 июня <н. ст. 1840> (см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 287). Было, вероятно, приложено к письму Гоголя к П. И. Раевской из Вены от того же числа (там же, стр. 289–293).

... что ни случилось с нею в дороге и по приезде домой. Речь идет о возвращении А. В. Гоголь вместе с матерью и сестрой Ольгой в конце апреля — начале мая 1840 г. из Москвы в Васильевку.

8. В. А. ПАНОВУ.

Печатается по подлиннику (из собрания И. С. Зильберштейна, Москва).

Впервые напечатано в «Русском Архиве» (1896, № 3, стр. 463) с пропуском адреса, как «письмо Гоголя к лицу, имени которого мы не вправе огласить», так как в письме содержались сведения об интимных делах Панова, родственники которого были еще живы. Было перепечатано Шенроком («Письма», IV, стр. 433–434) как письмо «к неизвестному лицу», причем было сделано ошибочное предположение, что оно адресовано Ф. А. Моллеру. Репродукцию подлинника письма см. в «Литературном Наследстве», т. 58, М. 1952.

Шенрок, вслед за Бартеневым, ошибочно датировал письмо 1838–1839 гг. На самом деле оно относится к лету 1841 г., когда В. А. Панов, оставив Италию, находился в Берлине.

О *В. А. Панове* см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XI, стр. 415, 433, 436, 437, 440, 443.

... два известные вам господина... — неустановленные лица.

Оригинал — итальянка, которой увлекался В. А. Панов в Риме.

Katkoff — Катков, Михаил Никифорович (1818–1887), впоследствии реакционный журналист и публицист. В 1840–1843 гг. жил за границей, преимущественно в Берлине, где слушал в университете лекции Шеллинга.

9. А. П. ТОЛСТОМУ.

Печатается по тексту «*Revue des études slaves*» (Paris, 1936, t. XVI, fasc. 3 et 4, p. 244), где было впервые опубликовано.

Датируется 1845 годом на основании почтового штемпеля.

... священник в Париже... — Д. С. Вершинский.

10. Д. С. ВЕРШИНСКОМУ.

Печатается по подлиннику (Архив АН СССР).
Публикуется впервые.

Гоголь находился в Неаполе в январе 1847 и 1848 гг. Однако отнести данное письмо к 1848 году нельзя, так как 18-го января н. ст. этого года Гоголь извещал А. А. Иванова (см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, № 5), что «на днях» едет из Неаполя в Палестину, а 22 января н. ст. он уже был на Мальте. При медленности тогдашней почты и трудности путей сообщения Гоголь тогда, конечно, никак не мог бы рассчитывать на своевременный приезд Вершинского в Неаполь для совместной поездки на Восток. Следовательно, письмо относится к январю 1847 года, когда Гоголь предполагал отправиться в Палестину в феврале месяце и усиленно искал себе попутчика.

Вершинский, Дмитрий Степанович (ум. 1858), протоиерей, настоятель русской православной церкви в Париже, бывший профессор СПб. духовной академии (упоминания о нем — см. «Материалы» Шенрока, IV, стр. 348). Гоголь познакомился с ним в феврале 1845 г., когда гостил у А. П. Толстого в Париже, и

пользовался русскими книгами из личной библиотеки Вершинского (см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XII, № 248).

О *Тарасии Федоровиче Серединском*, настоятеле русской посольской церкви в Неаполе, см. Н. В. Гоголь. АН СССР, XIII, № 237 и примеч. к нему.

11. В. И. БЕЛОМУ.

Печатается по подлиннику (КАБ).

Впервые напечатано в «Радянське літературознавство» 1940, № 5–6, стр. 321.

Как видно из содержания, письмо Гоголя является ответом на не дошедшее до нас письмо к нему Белого с отзывом о первом томе (*Мертвых душ*).

Белый, Василий Иванович (1817–1890) — сын купца третьей гильдии, служил сначала в Павлоградской городской ратуше, затем (в 1835–1868 гг.) в Одесской городской думе. С 1871 г. занимался книготорговлей и книгоиздательством. Большой любитель литературы, он был знаком со многими писателями и особенно дружен с П. А. Кулишом. Был ли адресат лично знаком с Гоголем, из письма не видно. Будучи большим почитателем Гоголя,

заботливо сохранил письмо писателя подплетенным к книге «Выбранные места из переписки с друзьями» вместе с другим письмом Гоголя — к В. Н. Репниной (см. № 279*), скопированным рукой Белого.

... при третьем (исправленном) издании. Намерение Гоголя издать новое, исправленное издание «Мертвых душ» не осуществилось.

Под именем добродетельных людей... — Гоголь говорил о «добродетельном человеке» в XI главе первого тома «Мертвых душ», перед описанием детства Чичикова.

12. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ.

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые напечатано в книге «Рукописи Н. Гоголя», стр. 99.

Адресат и дата не установлены.

ДОПОЛНЕНИЕ ВТОРОЕ [1238]

(К первому тому)

ОТРЫВОК ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ».

Печатается по черновому автографу ИМ, фонд 440, № 1263, вместе с другими четырьмя автографами Гоголя, здесь публикуемыми.

Первоначальная черновая редакция предисловия.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИ- КАНЬКИ»

Печатается по черновому автографу *ИМ*, фонд 440, № 1263.

Первоначальная черновая редакция.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОВЕСТИ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

Печатается по автографу *ИМ*, фонд 440, № 1263.

Первоначальная редакция двух примечаний.

«СТРАШНАЯ МЕСТЬ».

Печатается по черновому автографу *ИМ*, фонд 440, № 1263 (на восьми листах, из них заполнены семь листов; на обороте последнего листа — рисунки Гоголя), содержащему 12 первых глав из 16-ти.

Автограф представляет собой первоначальную редакцию повести. Об этом свидетельствует самое состояние рукописи: недописанные слова, почти полное отсутствие пунктуации, характер поправок. Основные отличия рукописи от печатного текста следующие:

1. Повести предпослано вступление, связывающее её — через «рассказчиков» — с другими повестями «Вечеров». Возможно, что рассказчик, о котором говорится в настоящей редакции повести, по замыслу Гоголя то же лицо, которое упомянуто в предисловии к первой части: «Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове». Это позволяет заключить, что Гоголь предполагал ввести «Страшную месть» в сборник «Вечеров на хуторе» еще при составлении первой части.

2. В рукописной редакции отсутствует эпизод благословения молодых (в первой главе). Окончание 9-й главы было иным.

В предисловии к повести можно усмотреть некоторые автобиографические намеки.

Некоторые чтения рукописи в сравнении с печатным текстом заставляют поставить вопрос о том, что изменения, наблюдаемые нами, являются результатом механической порчи. Таковы следующие два места.

1. В печати «Как зелен и душист тот луг, где я играла в детстве» (т. I, стр. 258). В руко-

писи: «Как зелен и душист тот *лог*, где я игралась в детстве».

2. В печати: «Сохни он от тайной *травы*» (см. т. I, стр. 260). В рукописи: «Сохни он от тайной *отравы*».

«ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА».

Печатается по черновому автографу *ИМ*, фонд 440, № 1263. Автограф — на семи листах, из которых шесть заполнены текстом повести, а на седьмом листе помещено вступление.

Рукопись является первоначальной редакцией повести.

На втором листе — надпись, раскрывающая историю данной рукописи, а может быть, и остальных ныне публикуемых рукописей того же архивного фонда: «На память о Михаиле Семеновиче И. Е. Забелину от Кетчера». Это дает возможность предположить, что рукописи принадлежали Михаилу Семеновичу Щепкину, знаменитому артисту, а после его смерти (1863 г.) при посредстве Н. Х. Кетчера, переводчика Шекспира, перешли к историку И. Е. Забелину.

Черновая редакция в общем близка к печатной, но содержит почти в каждой фразе отличия и варианты, свидетельствующие о большой стилистической работе Гоголя. Рукопись заканчивается фразой, отброшенной в печатной редакции.

Некоторые разночтения рукописи с печатным текстом заставляют предполагать цензурное вмешательство:

1. В печати: «он не имел никогда желания вступить на штатскую службу, видя на опыте, что не всегда удастся хоронить концы» (стр. 285–286). В рукописи: «он не имел никогда желания вступить в штатскую службу, видя на опыте, что *лихоимцам* не всегда удастся хоронить концы».

2. В печати: «то читал гадательную книгу» (стр. 286); «заглядывал иногда в гадательную книгу» (стр. 288). В рукописи соответственные места читаются: «то читал *библию* и гадательную книгу»; «заглядывал иногда в *библию* и гадательную книгу».

3. В печати: «Так *чиновник* с большим наслаждением читает адрес-календарь» (см. т. I, стр. 289). В рукописи: «Так *директор департа-*

мента с большим наслаждением читает адрес-календарь».

Следует также обратить внимание на следующее разночтение. В рукописи: «... продолжал он *громким* голосом, обращаясь к вошедшему своему *лакею*, мальчику в козацкой свитке» (о Григории Григорьевиче). В печатном тексте: «... проговорил он *кротким* голосом, обращаясь к своему *жокею*, мальчику в козацкой свитке» (стр. 290) Так как в рукописи соответствующие слова написаны неразборчиво, то можно думать, что в печатном тексте они заменены другими в результате описок при копировании.

Указатель писем по адресатам[1239]

А КСАКОВУ, Константину Сергеевичу (3)
№№ 31, 145, 173.

АКСАКОВУ, Сергею Тимофеевичу (20)
№№ 32, 43, 75, 79, 92, 124, 146, 178, 200, 206, 221,
243, 244, 247, 254, 255, 267, 273, 276, 285.

АКСАКОВОЙ, Ольге Семеновне (1) № 286.

АПРАКСИНОЙ, Софье Петровне (1) № 21.

АРМЕЛЬДУ, Александру Осиповичу (1)
№ 172.

БАЗИЛИ, Константину Михайловичу (2)
№№ 45, 104.

БАЗИЛИ, Маргарите Александровне (2)
№№ 15, 40.

БАРАНОВСКОМУ, Илье Ивановичу (1)
№ 281.

БЕЛОМУ, Василию Ивановичу (1) № 11
(доп.).

БЕНАРДАКИ, Дмитрию Егоровичу (1) № 6
(доп.).

БЛУДОВОЙ, Антонине Дмитриевне (1)
№ 235.

БОТКИНУ, Николаю Петровичу (1) № 3
(доп.).

БУЛГАКОВУ, Александру Яковлевичу (1)
№ 153.

БЫКОВУ, Владимиру Ивановичу (2)
№№ 228, 240.

БЫКОВЫМ, Владимиру Ивановичу и Елизавете Васильевне (1) № 256.

ВЕРШИНСКОМУ, Дмитрию Степановичу (1)
№ 10 (доп.).

ВЬЕЛЬГОРСКОЙ, Анне Михайловне (14)
№№ 7, 35, 36, 60, 69, 80, 88, 90, 103, 110, 113, 133,
141, 174.

ВЯЗЕМСКОМУ, Петру Андреевичу (2)
№№ 125, 274.

ГОГОЛЬ, Анне Васильевне (3) №№ 48, 198,
222.

ГОГОЛЬ, Анне Васильевне и Елизавете Васильевне (2) №№ 226, 233.

ГОГОЛЬ, Елизавете Васильевне (6) №№ 157,
183, 223, 229, 238, 7 (доп.).

ГОГОЛЬ, Марии Ивановне (33) №№ 4, 24, 53,
62, 67, 77, 93, 100, 101, 109, 112, 116, 121, 122,
142, 160, 168, 170, 177, 197, 209, 218, 224, 227,
237, 241, 245, 249, 257, 264, 268, 277, 283.

ГОГОЛЬ, Марии Ивановне, Анне Васильевне и Елизавете Васильевне (2) №№ 83, 251.

ГОГОЛЬ, Марии Ивановне, Анне Васильевне, Елизавете Васильевне и Ольге Васильевне (3) №№ 13, 82, 212.

ГОГОЛЬ, Ольге Васильевне (8) №№ 76, 84, 102, 225, 252, 260, 261, 265.

ГРИГОРОВУ, Петру Александровичу (2) №№ 187, 213.

ГРОТУ, Якову Карловичу (1) № 132.

ДАНИЛЕВСКИМ, Александру Семеновичу и Ульяне Григорьевне (2) №№ 167, 239.

ДАНИЛЕВСКОМУ, Александру Семеновичу (14) №№ 27, 29, 49, 50, 54, 61, 74, 78, 108, 175, 181, 262, 1 (доп.), 2 (доп.).

ЖУКОВСКОМУ, Василию Андреевичу (13) №№ 1, 11, 19, 37, 85, 94, 126, 130, 148, 156, 204, 263, 278.

ИВАНОВУ, Александру Андреевичу (7) №№ 5, 22, 87, 161, 205, 215, 266.

КОНСТАНТИНОВСКОМУ, Матвею Александровичу (13) №№ 2, 12, 25, 51, 63, 70, 149, 154, 163, 169, 208, 258, 282.

ЛЕШКОВУ, Василию Николаевичу (1) № 236.

МАКАРИЮ, иеросхимонаху (1) № 246.

МАКСИМОВИЧУ, Михаилу Александровичу

(2) №№ 139, 164.

МАРКОВУ, Константину Ивановичу (1)

№ 127.

МАРКОВИЧУ, Александру Михайловичу (8)

№№ 68, 71, 107, 128, 147, 158, 180, 182.

МИНСТЕР, Поликсене Федоровне (1) № 195.

МОИСЕЮ, архимандриту (1) № 231.

НАЦОКИНУ, Павлу Воиновичу (1) № 66.

ПАВЛОВУ, Николаю Филипповичу (1) № 46.

ПАНОВУ, Василию Алексеевичу (1) № 8

(доп.).

ПЛЕТНЕВУ, Петру Александровичу (19)

№№ 17, 23, 33, 42, 47, 52, 65, 73, 86, 96, 105, 131,
138, 162, 202, 210, 220, 230, 259.

ПОГОДИНУ, Михаилу Петровичу (3) №№ 57,

214, 250.

ПРОКОПОВИЧУ, Николаю Яковлевичу (2)

№№ 41, 155.

ПУТЯТЕ, Николаю Васильевичу (1) № 118.

РЕПНИНОЙ, Варваре Николаевне (2)

№№ 279, 5 (доп.).

РЕПНИНОЙ, Елизавете Петровне (3)

№№ 190, 234, 280.

СКАЛОН, Софье Васильевне (2) №№ 242, 253.
СМИРНОВОЙ, Александре Осиповне (20)
№№ 18, 34, 58, 64, 91, 98, 106, 111, 117, 119, 123,
129, 143, 184, 188, 191, 196, 207, 219, 275.

СОЛЛОГУБУ, Владимиру Александровичу
(1) № 150.

СОЛЛОГУБ, Софье Михайловне (5) №№ 81,
89, 97, 114, 171.

СОЛЛОГУБ, Софье Михайловне и Вьельгор-
ской, Анне Михайловне (1) № 120.

СТУРДЗЕ, Александру Скарлатовичу (2)
№№ 176, 194.

ТОЛСТОЙ, Анне Георгиевне (3) №№ 193, 287,
288.

ТОЛСТОМУ, Александру Петровичу (7)
№№ 6, 10, 20, 115, 185, 192, 9 (доп.).

ТРАХИМОВСКОМУ, Алексею Михайловичу
(1) № 201.

ФИЛАРЕТУ, иеромонаху (1) № 179.

ХАЛЧИНСКОМУ, Федору Лаврентьевичу (1)
№ 56.

ШЕВЫРЕВУ, Степану Петровичу (21) №№ 8,
16, 26, 28, 38, 39, 44, 186, 189, 199, 203, 211, 216,
217, 232, 248, 269–272, 284.

ШЕРЕМЕТЕВОЙ, Надежде Николаевне (19)

№№ 3, 9, 14, 30, 55, 59, 72, 95, 99, 134–137, 140, 144, 151, 152, 159, 165.

Неустановленным лицам (4) №№ 166, 289, 4 (доп.), 12 (доп.).

Именной указатель [1240]

А брамцево 16, 17, 25, 26, 145, 400, 407, 433, 435

Азия 52

Академия Наук 401, 404, 417, 439

Академия Художеств 99

Акра 10, 55

Аксаков, Григорий Сергеевич 19

Аксаков, Иван Сергеевич 14, 17–20, 23, 27, 28, 122, 211, 392, 401, 406, 438

— «Бродяга» 18

Аксаков, Константин Сергеевич 11, 12, 18, 19, 50, 68–71, 75, 79, 80, 105, 123, 164, 186, 211, 217, 230, 257, 367, 373–376, 378, 384, 406, 407, 413, 423

— «Освобождение Москвы в 1612» («драма») 12, 68, 70, 75, 79, 217, 374–376, 378, 423

Аксаков, Сергей Тимофеевич 12, 17, 19, 23, 27, 28, 50, 55, 70, 75, 78, 80, 89, 98, 105, 108, 123, 145, 146, 151, 165, 191, 210, 211, 217, 229, 230, 249, 250, 252, 257, 264, 266, 267, 272, 367, 370, 373–376, 378, 384, 388, 390, 392, 400, 401, 407, 413, 415, 417, 421, 423, 426, 427, 432, 433, 435, 437–440, 442

— «Записки об уженье рыбы» 378

— «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» 18, 422, 432

Аксакова, Вера Сергеевна 28, 29, 211, 385

Аксакова, Мария Сергеевна («хандрящая девица», «Машинька») 97, 98, 384

Аксакова, Надежда Сергеевна 18, 28, 29, 385

Аксакова (урожд. Заплата), Ольга Семеновна 17, 71, 211, 230, 250, 257, 272, 406, 442

Аксакова, Ольга Сергеевна 266, 406, 439

Аксаковы 13, 14, 16, 18–20, 25–27, 179, 255, 388, 390, 392, 400, 438, 439

Александр, см. Данилевский, А. С.*

Александр Михайлович, см. Маркович, А. М.*

Александр Николаевич, наследник («наследник», «государь») 198, 200, 244, 277, 281–283, 416, 420, 444, 445, 447

Александр Петрович, см. Толстой, А. П.*

Александр Семенович, см. Данилевский, А. С.*

Александр Скарлатович, см. Стурдза, А. С.*

Александра Васильевна, см. Плетнева, А. В.*

Александра Осиповна, см. Ишимова, А. О.*

и Смирнова, А. О.*

Александра Федоровна, императрица («государыня») 73

Александринский театр 17

Александрия 50

Алексеев, Николай Михайлович 16

Алмазов, Борис Николаевич 24

— «Сон по случаю одной комедии» 24

Альфераки, откупщик 290, 448

Андрей Андреевич, см. Трощинский, А. А.*

Анна, см. Гоголь, А. В.*

Анна Васильевна, см. Гоголь, А. В.*

Анна Михайловна, см. Вьельгорская, А. М.*

Анненков, Павел Васильевич 12, 26, 87, 253,

381

Анриетт (Henriette), гувернантка 60, 371

Антон, священник 207, 420

Антоний, архимандрит 410

— «Иисус Христос на Голгофе, или Семь слов его на кресте» 175, 410

Аполлина (Аполлинария) Михайловна, см. Веневитинова, А. М.*

Апраксина (в замужестве Мещерская), Мария Владимировна 60, 195, 371

Апраксина, Наталья Владимировна 60, 143,

195, 371

Апраксина (урожд. Толстая), Софья Петровна 47, 59, 60, 143, 195, 371

Апраксины, Мария Владимировна и Наталья Владимировна («ваши милые племянницы») 47

Аркадий Осипович, см. Россет, А. О.*

Армфельд, Александр Осипович 14, 123, 186, 393, 413

Арнольди, Лев Иванович 15, 16, 25, 27, 28, 140, 384, 397, 407, 417, 440

— «Мое знакомство с Гоголем» 398

Афонская гора 194

Африка 77

Баден (Баден-Баден) 124, 262

Базили, Константин Михайлович 10, 11, 52, 55, 65, 76 («ваш супруг»), 81, 133, 215, 368, 369, 377–379, 396, 423

— «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях» 10, 52, 369, 377

Базили, Маргарита Александровна 54, 76, 81, 82, 134 («покойница»), 369, 377, 379, 396

Байрут, см. Бейрут*.

Балабины 61, 157, 240, 372

- Барановский, Илья Иванович 29, 270, 441
Баратынский, Евгений Абрамович 400
Барсуков, Николай Платонович 13, 15–21,
24, 25, 28–30, 373, 382, 401, 410, 425, 430, 434, 439
Бартенев, Петр Иванович 400, 448
Башуцкий, Александр Павлович 77, 377
Бегичево 16
Бейне, Карл-Август 60, 372
Бейрут 10, 55–57, 61, 76, 134, 200, 369, 372,
373
Белинский, Виссарион Григорьевич 9, 371,
373, 379, 447
— «Взгляд на русскую литературу 1847 го-
да» 9, 10
— Письмо к Гоголю 371
Белый, Василий Иванович 292, 293, 449, 450
Бенардаки, Дмитрий Егорович 289, 290, 448
Бенардаки (?), Леонид 290, 448
Берг, Николай Васильевич 19, 25, 27
Березовая Лука 192, 193
Берлин 291, 448, 449
«Беседы сельского священника с поселяна-
ми», см. Пискарев, Иоанн*.
Бибиково 87
Билевич, Николай Иванович 155, 403

- Благоденравов, Эраст, см. Алмазов, Б. Н.*
- Блудов, Дмитрий Николаевич 430
- Блудова, Антонина Дмитриевна 244, 430
- Блудовы 430
- Богуслав 24
- Бодо (Будуа), см. Будэус, Г.*
- Будэус (Budäus, он же Budé), Гильом 56, 370
— «Анализы греческого языка»
(«Commentarii linguae graecae» 56, 370
- Бодянский, Осип Максимович 14, 18, 19,
26–28, 272 («земляк»), 412, 442
- Бортнянский, Дмитрий Степанович 227,
426
- Боткин, Василий Петрович 447
- Боткин, Михаил Петрович 371, 392, 410,
423, 425, 437
- Боткин, Николай Петрович 263, 288, 437,
447
- Бронницкий уезд 394
- Брюллов, Карл Павлович 226, 425
- Булгаков, Александр Яковлевич 173, 393,
409
- Булгарин, Фаддей Венедиктович 27
- Бурачок, Степан Онисимович 144, 195, 399
- Быков, Владимир Иванович («капитан»)

24, 26, 231, 235, 237, 238, 242 («Жених»), 243, 247, 248, 254, 255, 258, 427, 428, 430–432, 435

Быкова, Елизавета Васильевна, см. Гоголь, Е. В.*

Быковы 255 («новобрач<ные>»), 440

Вагнер (урожд. Балабина), Мария Петровна 418

Валахия 366

Варвара Николаевна, см. Репнина, В. Н.*

Васильевка («Василевка») 11, 12, 14, 20, 21, 24, 26, 44, 54–60, 62–64, 66–68, 70–72, 75–78, 80–82, 189, 193–199, 201–203, 205, 220, 229, 235, 256, 277, 281, 283, 288, 374, 376, 386, 388, 390, 393, 395, 410, 413, 421, 427, 431, 432, 446, 448

Везувий 33

Вена 289, 290, 447, 448

Веневитинов, Алексей Владимирович 383, 394

Веневитинова (урожд. Вьельгорская), Аполлинария (Аполлина) Михайловна 94, 112, 141, 143, 383, 394

Веневитиновы 19, 89, 127, 148, 400, 414

Вера Сергеевна, см. Аксакова, В. С.*

Вер-ской, Е. 27

Вертинский, Дмитрий Степанович 292, 449

Веснин, Семен Авдиевич, см. Святогорец*.

Виноградов, Георгий Семенович 397

Вифлеем 166, 167

Владимир, гор. 235

Владимир Александрович, см. Соллогуб, В.

А.*

Владимир Иванович, см. Быков, В. И.*

Власовка 25, 428

Вольфсон, Вильгельм 28

Восток 61, 77, 81, 177, 179, 201, 206, 277, 282,
284, 368, 419, 449

«Временник Московского общества Истории и древностей российских» («Временник») 14, 140, 390

Всеволожский, Николай Сергеевич 15

Высоцкий, доктор 164, 393, 406

Вьельгорская (в замужестве Шаховская), Анна Михайловна 9, 13, 19, 47, 48, 72, 73, 89–91, 100, 108, 112, 120–122, 127, 132, 133, 140–142, 147, 158, 161, 186, 187, 367, 375, 376, 383, 387, 390, 392, 394, 395, 397, 398, 400, 404, 406, 413, 414

Вьельгорская (урожд. Бирон), Луиза Карловна («графиня») 72, 73, 89, 112, 122, 127, 133 («ваша маминька»), 142, 143, 148, 186, 414

Вьельгорские 12, 19, 48, 89, 98, 267, 381, 414

Вьельгорский, Матвей Юрьевич 73, 92, 148,
376, 383

Вьельгорский, Михаил Юрьевич («граф»)
48, 56, 72, 73, 86, 121, 140, 148, 370, 376

Вяземский, Петр Андреевич 15, 151, 241,
266, 267, 402, 439

Вяземские 15

Г. 27

Гавличек-Боровский, Карл 15

Гавриил Семенович, см. Лукьянович, Г. С.*

Гагарин, Дмитрий Иванович 22, 270, 441

Гагарина («княгиня») 270

Гагарина (урожд. Балабина), Елизавета
Ивановна 441

Галилея 169

Ганау 376

Гартль, пианист 22

Гельсингфорс 22

Гельсингфорсский университет 404

Георгиевский, Григорий Петрович 396, 403,
433, 444

Георгий (Машурин), затворник 225, 425

Германия 409

Герцен, Александр Иванович 25–27, 381

— «О развитии революционных идей в

Гика, домовладелица 66, 373

Гинтовт, Александр Людвигович 155, 403

Гловацкий, Петр 22

Глухов 12, 20, 85, 87, 137, 153, 186, 188, 189,
192, 386, 415

Глуховский уезд 12, 386

Гмелин, Иоганн-Георг 264, 438

— «Путешествие по Сибири в 1733–1743 гг.»
438

Гнедич, Николай Иванович 446

— «Рыбаки» 446

— «Стихотворения Н. Гнедича» 446

Гоголи (Яновские) 11, 380, 389, 395, 422

Гоголь, Андрей 389

Гоголь, Анна Васильевна («сестра Анна»,
«старшая сестра», «старшие дочери», «сест-
ры») 21, 24, 43, 44, 53, 54, 67, 68, 71, 84, 86, 96, 99,
100, 106, 113–116, 130, 131, 139, 140, 148, 177,
178, 181, 183, 207, 209, 220, 222–224, 230,
233–236, 238, 242, 243, 245, 246, 248, 253–255,
290, 366, 369, 379, 385, 390, 391, 420, 421,
425–429, 432, 434, 435, 440, 448

Гоголь (Яновский), Афанасий Демьянович
389

Гоголь (Яновский), Василий Афанасьевич («отец») 106

Гоголь (в замужестве Быкова), Елизавета Васильевна («Лиза», «сестра Елисавета», «дочь», «сестра», «сестры», «старшие дочери») 21, 24, 26, 43, 44, 53, 54, 67, 68, 71, 86, 96, 99, 100, 106, 113, 115, 116, 130, 131, 139, 140, 144, 148, 175–178, 181, 183, 193, 207, 222–224, 230–232, 234–239, 242, 243, 245–248, 250, 253, 254, 256, 258, 268, 290, 369, 385, 390, 391, 410, 416, 420, 421, 425–429, 431–435, 448

Гоголь, Мария Ивановна («мать», «матушка») 21, 24–26, 29, 30, 43, 53, 54, 56–59, 61–63, 65, 67, 68, 71, 73, 77, 84, 86, 96, 99, 100, 106, 113, 115, 123, 129, 131, 139, 141, 144, 148, 149, 163, 177, 178, 181, 182, 190, 193, 195, 206, 220, 222, 223, 229–233, 236, 237, 245, 247–250, 252, 253, 255, 256, 258, 259, 262, 264, 268, 271, 366, 369, 372, 381, 384–386, 389–391, 393, 395, 397–399, 401, 406, 410, 412, 414, 420–422, 424–428, 431–435, 437, 438, 440, 442, 448

Гоголь, Николай Васильевич 7-452

— «Авторская исповедь» 365

— «Арабески» 27

— «Вечера на хуторе близ Диканьки», от-

рывок предисловия к первой части 295, 296, 450

— «Вечера на хуторе близ Диканьки», предисловие ко второй части 296–299, 450

— «Выбранные места из переписки с друзьями» («письма», «книга эта», «книга моя», «своя книга») 9–13, 36, 38, 40, 68, 69, 82, 83, 365, 374, 379, 450

— «Женитьба» 17

— «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» 334–362, 451, 452

— «Лакейская» 15, 23

— «Майская ночь, или Утопленница» 28

— «Мертвые души» 10, 11, 13, 15–22, 24–26, 28, 30, 35, 38, 92, 99, 107, 126, 127, 152, 155–157, 160, 174, 202 («2 том»), 209, 215, 227, 229, 240, 241, 261 («второй том»), 278, 279 («мое сочинение»), 282, 283, 374, 375, 386, 388, 396, 398, 403, 429, 444, 445, 449, 450

— «Ночь перед Рождеством», примечания к повести 299, 450

— «Ревизор» 17, 27, 34, 35

— «Старосветские помещики» 28

— «Страшная месть» 22, 28, 299–334, 450, 451

— «Тарас Бульба» 18, 22

— «Тяжба» 17

— «Шинель» 28

Гоголь (в замужестве Головня), Ольга Васильевна («сестра Ольга», «сестра», «сестры») 11, 14, 20, 21, 24, 25, 43, 44, 53, 54, 67, 68, 71, 86, 99, 105, 106, 113–117, 130, 131, 139, 148, 149, 177, 178, 181, 183, 207, 222–224, 233–236, 248, 253, 255, 256, 366, 369, 388, 390, 391, 395, 401, 425, 427, 428, 432, 434–437, 440, 442, 448

Гоголь (Яновская), Татьяна Семеновна 435

Гоголь, Ян 106, 389

Голицын, Андрей Борисович 408

Головня, Ольга Васильевна, см. Гоголь, О.

В.*

Гомбург 292

Гомер 35, 39, 107, 117, 156, 170, 171

Гончаров, Иван Александрович 13

Гончаровы 16

Городецкий, Александр Тимофеевич 271

Гофман, Эрнст-Теодор-Амедей 289

Граф, см. Толстой, А. П.*

Графиня, см. Вьельгорская, Л. К.*, и Толстая,

А. Г.*

Греция 21, 189, 213, 277, 282, 284, 377

- Григорий, священник 263, 437
- Григоров, Петр Александрович (в монашестве Порфирий) 196, 225, 417, 425
- Григорович, Дмитрий Васильевич 13
- Григорьев, см. Григоров, П. А.*
- Григорьев, Аполлон Александрович 17
- Грот, Яков Карлович 15, 16, 157, 404
- «Воспоминание о Гоголе» 404
- Грузинский, Георгий Александрович («князь») 203, 419
- Губернатор (московский), см. Капнист, И. В.*
- Губернатор (полтавский), см. Ознобишин, Н. И.*
- Давыдов, Сергей Иванович 151, 401
- Даль, Владимир Иванович («Казак Луганский») 13, 93, 383
- «Толковый словарь живого великорусского языка» 383
- Данилевская (в замужестве Баних), Ольга Александровна («Олинька», «единородная дочь», «крошка-дочь», «малютка», «детки») 66, 87, 95, 107, 138, 192, 381, 397, 431
- Данилевская (урожд. Похвиснева), Ульяна Григорьевна («жена Данилевского», «его же-

на», «супруга») 24, 66, 67, 84, 85, 87, 95, 104, 107, 138, 180, 188, 192, 248, 261, 374, 379, 381, 386, 389, 403, 412, 415, 431, 437

Данилевские, Александр Семенович и Ульяна Григорьевна 11, 12

Данилевский, Александр Семенович 20, 21, 24, 65, 66, 84, 85, 81, 94, 103, 104, 107, 137, 138, 153, 180, 188, 192, 193, 248, 261, 287, 288, 373, 374, 379–381, 383, 386, 388, 389, 397, 412, 414, 415, 431, 436, 437, 446, 447

Данилевский, Григорий Александрович («новорожденный», «детки») 107, 192, 389, 431

Данилевский, Григорий Петрович 24, 25, 27, 427, 433, 438

Данилов монастырь 30

Дашкевич, Николай Павлович 386

Дворянское собрание, см. Полтавское дворянское депутатское собрание*.

Демидов, Павел Николаевич 400

«День» 404

Дзюба, Наум 236

Дидо, Амброзио-Фирмин (Didot, Ambrosio-Firmin) 39, 365

Диканька 182, 231, 234, 380

Дмитрий Андреевич, см. Трощинский, Д. А.

- *
Долбино 20, 191, 415
Доминико 289, 447
«Домострой» 14, 16, 110, 140, 390
Дружинин, Александр Васильевич 13
Дубровное 20, 192, 193, 415
Дурылин, Сергей Николаевич 388, 393
«Душеполезное чтение» 428
Европа 15, 52, 213, 253
Евсевий Кесарийский 121
Евсевий (Орлинский) 195, 416
Екатерина II 266, 439
Елагина, Авдотья Петровна 20, 68, 365, 374
Елизавета (Елисавета), см. Гоголь, Е. В.*
Елизавета (Елисавета) Васильевна, см. Гоголь, Е. В.*
Елизавета Николаевна, см. Кривцова, Е. Н.*
Ершовы 399
Ефрем Сирин 243, 260, 430
Женева 290
Жуковская (урожд. Рейтерн), Елизавета Алексеевна 52 («добрая твоя супруга»), 118 («супруга»)
Жуковский, Василий Андреевич 9, 10, 13, 15, 16, 19, 22, 23, 29, 33, 39, 52, 53, 57, 58, 63, 68,

72, 73, 83, 117, 124, 125, 151, 152, 155, 156, 165, 171, 173, 175, 185, 200, 214, 215, 221, 240, 241, 260–262, 268, 365, 368, 370–372, 374, 376, 385, 391, 393, 402, 403, 404, 407, 409, 423, 430, 433, 437, 439–441, 445

— «Вечный жид» 165, 407

— «О поэте и современном его значении» («Слова поэта — дела поэта») 10, 63 («письмо Жуковского») 73 («большое... напечатанное в „Москвитяине“»), 365

— «Одиссея» (перевод) 13, 16, 23, 39, 98, 107, 117, 118, 124, 152, 156, 157, 170, 171, 385, 393, 402, 404

— «Странствующий жид», см. «Вечный жид»*

Жулев 146

Забелин, Иван Егорович 451

Загоскин, Михаил Николаевич 14, 123

Загряжская, домовладелица 153

Закревский, Арсений Андреевич 399

Затворник, см. Георгий* (Машурин)

«Звездочка» 419

Зеньков, Павел Федорович 89, 99, 382

Зильберштейн, Илья Самойлович 448

Златоуст, см. Иоанн Златоуст*.

Золотоношский уезд 21

Зуев, Василий Федорович 266, 439

— «Путешественные записки от Спб. до Херсона в 1781 и 1782 г.» («Записки о России») 266, 439

Иван, слуга Толстых 140, 398

Иван Александрович, см. Фон-Визин, И. А.*

Иван Васильевич, см. Капнист, И. В.*

Иван Сергеевич, см. Аксаков, И. С.*

Иванов, Александр Андреевич 9, 45, 46, 60, 119, 177, 216, 225, 226, 263, 264, 367, 371, 382, 391, 410, 411, 423, 425, 437, 449

Иванов, Сергей Андреевич («братец ваш», «брат ваш») 60, 226, 372, 425

Иерусалим 10, 33, 38, 52–60, 63, 76, 128, 155, 166–168, 292, 369, 371

«Иисус Христос на Голгофе», см. Антоний, архимандрит*.

Илич, Тимофей 22

«Иллюстрация» 77, 377

Ильин, Николай Петрович 22–24, 270, 441

Ильин, Федор 87

Иннокентий (Борисов, «бывший харьковский архиерей») 184, 204, 413

Иоанн Златоуст 273

- Иордан 166, 167
Иосафатова долина 167
Ипсиланти 76, 377
Ипсиланти, Александр 377
Италия 46, 60, 75, 119, 226, 283, 284, 425, 441, 448
Ишимова, Александра Осиповна 61, 119, 372, 391, 419
Иудея 166, 169
Кавеньяк, Эжен 381
Кагорлык 24, 149, 150, 220, 228, 235, 258, 268, 401, 421, 426, 440
Казак Луганский, см. Даль, В. И.*
Казанская духовная академия 410
Казанский университет 196, 197
Казань 196, 209, 416
Казначеев, Александр Иванович 211, 421
Калуга 16, 17, 20, 26, 97, 103, 128, 138–141, 146, 160, 253, 254, 384, 396–401, 416
Калужская губерния 16, 17
Капнист, Алексей Васильевич 95, 103, 383
Капнист, Василий Васильевич 384, 395
Капнист, Иван Васильевич 95, 103 («брат»), 106, 150 («губернатор наш»), 384, 388, 389, 401, 432

- Капнист, Пелагея Григорьевна 435
Караджич, Вук Стефанович 14
Карамзин, Андрей Николаевич 146, 400
Карамзин, Николай Михайлович 15, 400,
430
Карамзина (урожд. Шернваль), Аврора
Карловна 146 («супруга»), 400
Карлье, префект 25
Кастелламаре 288, 447
Катания 9, 46
Катерина Власьевна 255, 434
Катков, Михаил Никифорович 291, 449
Кетчер, Николай Христофорович 451
Кибинцы 228, 446
Киев 11, 17, 66, 67, 186, 235, 237, 383, 386, 446
«Киевлянин», альманах 170, 407
Киевская губерния 211
Киреевский, Иван Васильевич 13, 16, 17, 20,
415
Климентий Осипович, см. Россет, К. О.*
Княгиня, см. Репнина, В. А.*
Княжевич, Владислав Максимович 250, 432
Князь, см. Грузинский, Г. А.*
Ковриго, Эмилия 106, 116, 144, 150, 176, 186
(«сиротка»), 389, 391, 399, 413

Коля, см. Трушковский, Н. П.*
Комаров, Александр Александрович 12, 13
Константин Михайлович, см. Базили, К. М.*
Константин Сергеевич, см. Аксаков, К. С.*
Константиновский, Матвей Александрович 28, 29, 39, 51, 53, 59, 62, 85, 96, 101, 171–173, 178, 179, 182, 219, 259, 271, 366, 368–370, 372, 380, 384, 387, 408, 409, 411, 412, 414, 424, 436, 441, 442
Константиноградский уезд 25, 428
Константинополь 10, 42, 44, 47, 48, 50–52, 55–57, 59–65, 88, 133, 181, 207, 366, 373, 402
Коринф 200
Королевство обеих Сицилий, см. Обеих Сицилий королевство*
Кочубей, Василий Викторович 84, 380
Кочубей, Демьян Васильевич 386
Кошелев, Александр Иванович 19
Кременчуг 190
Кривцов, Павел Иванович 441
Кривцова (урожд. Репнина), Елизавета Николаевна 270, 441
Крикуневич, Иван Григорьевич 207, 420
Кристофор, см. Христофор*
Крым 26, 202, 218, 242, 245, 247–249, 251, 253,

254, 256, 431

Кукольник, Нестор Васильевич 377

Кулиш, Пантелеймон Александрович 366,
369, 372, 374, 380, 384, 387, 391, 408, 409, 411,
414, 420, 424, 425, 427–429, 431, 432, 434,
436–438, 450

«Лавсаик» 243, 260, 429

Лазаревский, Александр Матвеевич 386,
389

Лакьер (Лакиер), Александр Борисович 424

Лебединский уезд 402

Лев Иванович, см. Арнольди, Л. И.*

Левко, кучер 234

Лейпциг 28

Леонид, см. Бенардаки, Л.*

Лермонтов, Михаил Юрьевич 430

Лесной институт 381

Лешков, Василий Николаевич 210, 215, 244,
252 («цензор»), 421, 430

Ливен, Вильгельм Карлович 289, 447

Ливен, Христофор Андреевич 448

Ливорно («Ливурно») 47

Лиза, см. Гоголь, Е. В.*

Лисенков, Иван Тимофеевич 22, 214, 422

Литвинов, Михаил Алексеевич 261, 437

- Ломоносов, Михаил Васильевич 421
Луиза Карловна, см. Вьельгорская, Л. К.*
Лукашевич, В. А. 21
Лукьянович, Александр Андреевич 212, 422
Лукьянович, Гавриил Семенович 247, 431
Лукьянович, Надежда Гавриловна 247
Лундаль, А. 22
Львов, гор. 22
Любомирский, Иван Семенович 106, 389
Мадейра 425
Макарий (Иванов), иеросхимонах 241, 251,
429, 433
Максимович, Михаил Александрович 11,
17–21, 66, 67, 161, 170, 179, 188, 191, 230, 373, 405,
407, 411–413, 415, 446, 447
— «Письма о Киеве и воспоминание о Та-
вриде» 411
Малиновский, Дмитрий Константинович
55, 370
Малый Ярославец 20, 195
Мальта 9, 10, 46–51, 366, 449
Маргарита Александровна, см. Базили, М.
А.*
Мариенбад 289, 448
Мария Николаевна, вел. княгиня 240

- Мария Николаевна, см. Синельникова, М. Н.*
- Маркевич, Алексей Иванович 21, 414, 420, 441
- Марков, Иван Васильевич 402
- Марков, Константин Иванович 18, 152, 153, 402
- Маркович (Маркевич), Александр Михайлович 11, 12, 15, 20, 84, 85, 100, 101, 136, 137, 153, 165, 176, 188, 192, 193, 248, 261, 379, 380, 385–387, 396, 403, 407, 410, 415
- Маркович, Афанасий Васильевич 21
- Маркович, Яков Андреевич 386
- Матвей Александрович, см. Константиновский, М. А.*
- Медынский уезд 16
- Мельгунов, Николай Александрович 14, 123
- Мериме, Проспер 27
- Мертвое море 168
- Мессина 9, 46
- Мехедовка 21
- Мещерский, Сергей Васильевич 371
- Мизко, Николай Дмитриевич 23
- «Памятная записка» о жизни отца,

Дмитрия Тимофеевича Мизко 23
— «Столетие русской словесности» 23
Миллер, Орест Федорович 379
Минская губерния 388
Минстер, Поликсена Федоровна 205, 420
Миргород 212
Миргородский уезд 212, 422
Митрополит, см. Филарет*
Михаил Семенович, см. Щепкин, М. С.*
Михневич, Иосиф Григорьевич 22, 210, 421
Мозырский уезд 388
Моисей, архимандрит 241, 415, 429
Молдавия 366
Моллер, Федор Антонович 122, 177, 217, 392,
411, 448
Мольер, Жан-Баттист 23
— «Школа жен» 23
Москаренко, Захар 85
Москва 12, 13, 15–17, 19, 20, 24–26, 38, 43, 44,
50, 52, 54–56, 63, 71–77, 80–91, 94–108, 112, 113,
115, 117–129, 131–155, 157–159, 161, 163, 164,
171–182, 184–191, 200, 202–204, 207, 209, 210,
213–217, 220, 221, 226, 229, 230, 233, 235–245,
247–273, 288, 292, 374, 375, 377–380, 382–388,
398, 399, 402, 405–413, 415, 416, 427, 430, 432,

433, 442, 443, 446–448

«Москвитянин» 9, 10, 24, 27, 63–66, 73, 94, 104, 209, 365, 373, 376, 382, 404, 410, 430, 436

Московская губерния 91, 124, 382, 394

Московская духовная академия 416, 428

«Московские Ведомости» 12, 82, 379

Московский воспитательный дом 413

Московский университет 18, 22, 50, 52, 377, 407, 413, 430, 442

Московское общество любителей российской словесности 399

Мураново 400

Мурзакевич, Николай Никифорович 210, 214, 221, 421, 424

— «Записки» 421

Муханов, Владимир Алексеевич 128, 394

Мценский уезд 87

Мюнхен 289

Надежда Гавриловна, см. Лукьянович, Н. Г.*

Надежда Николаевна, см. Шереметева, Н. Н.*

Надежда Сергеевна, см. Аксакова, Н. С.*

Назарет 55, 169, 371

Назимов, Владимир Иванович («попечитель») 26, 155, 215, 252, 403, 423, 434

«Národni Noviny» 15

Наследник, см. Александр Николаевич, наследник*

Наталья Владимировна, см. Апраксина, Н. В.*

Нащокин, Павел Воинович 99, 385

Неаполь 9, 33, 38, 39, 42, 43, 45–47, 51, 55, 58, 60, 63, 195, 201, 292, 365–367, 371, 447–449

Неводчиков, Николай Васильевич (впоследствии Неофит, архиепископ) 10, 204, 419
— «Воспоминание о Н. В Гоголе» 419

Нежин 373, 403, 446

Нежинский лицей («Нежинская гимназия высших наук») 210, 366, 373, 403, 421

Некрасов, Николай Алексеевич 13

Немченко, Яким, см. Нимченко, Я.*

Неофит, см. Неводчиков, Н. В.*

Николай I («царь», «государь», государь император») 25, 73, 194, 200, 244, 278, 281, 282, 284, 386, 393

Николай Михайлович, см. Смирнов, Н. М.*

Николай Павлович, см. Трушковский, Н. П.*

Нимченко, Яким (Аким, Еким) 207, 420

Ницца 206, 218

Ниэли, Джон-Мэзон (Neale, John Mason) 201,

— «An Introduction to the History of the Holy Eastern Church» («Введение в историю Восточной церкви») 419

Новосильцев, Петр Петрович 13

«О скорбях и болезнях» 139

Обеих Сицилий королевство 367

Оболенский, Дмитрий Александрович 16,

26

Образцов, Ф. И. 442

«Общая Минея» 227

Овер, Александр Иванович 165, 407

Овербек, Мария Яковлевна 151, 160, 401

Одесса 10, 11, 21–24, 55, 56, 60–63, 65–67, 74, 149, 189, 199–207, 209–222, 225, 227–229, 243, 270, 293, 368, 373, 414, 418, 420–422, 425, 426, 437, 441, 445

Одесская городская дума 293, 450

«Одесский Вестник» 22

Одесский карантин 10, 370, 372, 419

Ознобишин, Аполлон Ильич 149, 401

Ознобишин, Николай Ильич («наш губернатор») 12, 182, 183, 401, 413

Олимпиада Федоровна (урожд. Тимченко) 150, 401

Олсуфьев, Василий Дмитриевич 21, 200,
283, 418, 444, 445

Ольга, см. Гоголь, О. В.*

Ольга Васильевна, см. Гоголь, О. В.*

Ольга Петровна, см. Плетнева, О. П.*

Ольга Семеновна, см. Аксакова, О. С.*

Ольга Сергеевна, см. Аксакова, О. С.*

Оптина пустынь 20, 26, 191, 194, 251,
415–417, 429, 433

Орел 12, 84, 87

Орлаи 22

Орлай, Александр Иванович 23, 66, 373, 421

Орлай, Андрей Иванович 66, 373, 421

Орлай, Иван Семенович 373, 421

Орлов, Алексей Федорович 20, 197, 277, 417,
444, 445

Орловская губерния 17, 87

Остафьево 15

Островский, Александр Николаевич 17, 19
— «Банкрот» («Свои люди — сочтемся») 17,
18

Отец Матвей, см. Константиновский, М. А.*

«Отечественные Записки» 17, 264, 373

Оттон, содержатель ресторана 24

Павел, апостол 69

- Павлино 86, 127, 132, 133, 381
- Павлов, Николай Филиппович 10, 12, 14, 82, 123, 373, 379
- Письма к Н. В. Гоголю 10, 12, 82, 379
- Павлова (урожд. Яниш), Каролина Карловна 373
- «Двойная жизнь» 373
- Павловск 86
- Павловский, Михаил Карпович 205, 210, 420
- Павлоградская городская ратуша 450
- Павский, Герасим Петрович 173, 409
- Пажеский корпус 214
- Палестина 10, 19, 52, 165, 167, 171, 175, 195, 368, 371, 407, 449
- Паллас, Петр-Симон 265, 266, 438, 444
- «Описание растений Российского государства с их изображениями» 266, 438
- «Путешествие по разным провинциям Российского государства» («Записки») 266, 438, 444
- Пальмер, Вильям 201, 419
- Панаев, Иван Иванович 13
- Панов, Василий Алексеевич 151, 291, 401, 448, 449

- Париж 12, 25, 39, 292, 365, 370, 449
- Патриотический институт 420
- Пащенко, Иван Григорьевич 66, 373
- Перовский, Лев Алексеевич («министр внутренних дел») 20, 197, 198, 277, 417, 444
- Петербург (С.-Петербург) 12, 25, 42, 47, 48, 56, 57, 61, 72–74, 77, 81, 83, 85–89, 94, 96, 104, 112, 121, 125, 135, 138, 140, 142, 146, 157, 173, 177, 178, 187, 195, 200, 203, 209, 210, 214, 217, 221, 227, 240, 377, 381, 382, 384–386, 390, 446, 447
- Петербургская духовная академия 409, 416, 449
- Петербургский университет 57, 61, 386, 409
- Петр I 15
- Петрашевский, Иван Осипович 131, 395
- Петрищево 20
- Петровский, А. 389
- Пискарев, Иоанн 436
- «Поучения к сельским прихожанам Иоанна Пискарева, Тульской губернии, Ефремовского уезда, села Благодати» («Беседы сельского священника с поселянами») 260, 263, 436
- Плетнев, Петр Александрович 12, 13, 15, 16, 47, 56, 57, 61, 71, 77, 83, 86, 93, 98, 102, 119, 125,

134, 157, 159, 178, 200, 210, 213, 216, 220, 229,
240, 260, 370, 372, 375, 377–381, 385, 387, 391,
393, 394, 396, 402, 404, 405, 411, 422, 424, 426,
429, 430, 433, 436, 439

Плетнева, урожд. Щетинина («супруга»,
«жена его») 119, 125, 135, 160, 240, 387, 396

Плетнева, в замужестве Лакьер («дочь») 61,
119, 135, 160, 220, 372, 391, 424

Плюшар, Адольф Александрович 368

Погодин, Михаил Петрович 13–15, 17–19,
25, 27, 29, 50, 55, 64, 65, 81, 88, 100, 104, 179, 196,
209, 210, 225, 253, 378, 381, 382, 385–387, 410,
425, 430, 434, 445, 447

Погодина, Аграфена Михайловна («добрая
мать») 225, 425

Погорецкий, штаб-лекарь 27

Подольск 20

Позднеев, Александр Владимирович 450

Покровское 382

Полтава 11, 24, 52, 54–64, 66, 70, 71, 73, 76–78,
106, 149, 181, 189, 194, 195, 197, 199, 200, 202,
203, 227, 229, 230, 232, 250, 254, 256, 420, 427,
428, 432

Полтавская губерния 25, 70, 212, 386, 389,
418, 422, 428

- Полтавский институт 106, 413
- Полтавское дворянское депутатское собрание 389
- Помпея 110
- Попечитель, см. Назимов, В. И.*
- Попова, Елизавета Ивановна 15
- Порфирий, см. Григоров, П. А.*
- Похвиснева, Варвара Григорьевна («сестрицы», «ваши племянницы») 84, 107, 153, 193, 380, 389, 403
- Похвиснева, Мария Григорьевна («сестрицы», «ваши племянницы») 84, 107, 153, 193, 380, 389, 403
- Преображенское кладбище 25
- Прокопович, Николай Яковлевич 12, 71, 77, 87, 174, 377, 409, 447
- Прокофий, повар 84, 85, 87, 380
- Протопопов, Дмитрий Степанович 158, 404
- Пруссия — 291
- Путята, см. Путятин, Родион Тимофеевич*
- Путята, Анна Васильевна («сестрица») 146, 400
- Путята, Николай Васильевич 145, 146, 399, 400
- Путята (урожд. Энгельгардт), Софья Львов-

на («супруга») 146, 400

Путятин, Родион Тимофеевич 139, 397

— «Поученья к прихожанам» 139

Пушкевич, домовладелец 123

Пушкин, Александр Сергеевич 11, 16, 23, 27, 28, 253, 388, 400, 417, 442

— «Борис Годунов» 23

— «Моцарт и Сальери» 388

— «Отцы-пустынники и жены непорочны...» 430

Пушкин, Лев Сергеевич 10, 11, 22, 24

Раевская, Прасковья Ивановна 448

Рахманов, Федот Сергеевич 256

Ревель 185, 200, 214, 216

«Revue des Deux Mondes» 27

Рейтерн, Евграф (Гергардт) Романович 365

Рейтерны 38, 52, 118, 365, 391

Репнин, Василий Николаевич («князь») 243, 270, 418, 441

Репнина (урожд. Разумовская), Варвара Алексеевна 199 («княгиня, ваша маминька»), 243 («княгиня»), 269, 418, 440

Репнина, Варвара Николаевна («княжна») 29, 199, 203, 243, 269, 288, 289, 418, 440, 447, 450

Репнина (урожд. Балабина), Елизавета Пет-

ровна 29, 199, 243, 270, 418, 430, 441

Репнины 21–24, 190, 201, 210, 211, 414, 418, 420, 447

Репнины-Волконские, см. Репнины*.

Ржев 28, 171, 259

Риварола, граф 47

Рига 200, 216, 383

Рим 39, 46, 60, 119, 178, 217, 226, 290, 291, 414, 425, 448, 449

Ришельевский лицей 420–422

Россет, см. Россет, К. О.*

Россет, Аркадий Осипович 26, 47, 90, 135, 160

Россет (Россети), Климентий Осипович 85, 103, 138, 145, 380, 388, 400

Россия («Русь», «Русская земля», «Русское царство») 13, 15, 21, 40–43, 48, 50, 52, 54–57, 61, 63, 65, 73, 74, 77, 82, 93, 94, 108, 110, 111, 118, 133, 137, 138, 143, 147, 148, 155, 169, 170, 177, 185, 197, 200, 203, 209, 213, 214, 216, 234, 265, 277–284, 365, 368, 369, 371, 374, 379, 383, 395, 404, 419, 444

Руза 88, 91, 102, 124, 382, 387

Рузский уезд 382

Русь, см. Россия*

- Руценова, Ольга Николаевна 87
- Рычков, Николай Петрович 266, 439
- «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.» («Записки о России») 266, 439
- «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Р. по разным провинциям Российского государства» («Записки о России») 266, 439
- Садовский, Пров Михайлович 27
- Самарин, Юрий Федорович 14, 15, 123
- Самария 169
- «С.-Петербургские сенатские ведомости» 105, 388
- Саровская обитель 195, 416
- Сашинька 116, 391
- Сварково («Сварков») 12, 20, 83–85, 87, 137, 153, 192, 379, 380, 386
- Свербеев, Дмитрий Николаевич 19
- Святогорец (Веснин, Семен Авдиевич; Сергий, иеросхимонах) 201, 419
- «Письма к друзьям моим о святой горе Афонской» 419
- Святогорцы, см. Святогорец*
- Севергин, Василий Михайлович 266, 439

— «Записки путешествия по западным провинциям Российского государства» («Записки о России») 266, 439

«Северная Пчела» 27

Севск 20

Сергей Тимофеевич, см. Аксаков, С. Т.*

Сергиевский посад 75

Сергий, иеросхимонах, см. Святогорец*.

Серединский, Тарасий Федорович 292, 449

Сибирь 265, 438

Сидон 10, 55, 168

Сильвестр 110, 390

Симферополь 250

Синельникова (урожд. Ходаревская), Мария Николаевна 24, 25, 100, 255, 385, 428, 434

Сирия 10, 52

Сицилия, 9, 46

Скалон, Василий Антонович 24, 149 («супруг ее»)

Скалон (урожд. Капнист), Софья Васильевна 11, 24, 129, 149, 249, 254, 256, 259, 395, 432, 433, 435

Скалоны 427

Скуридин (Скурыдин), Михаил Сергеевич 25, 144, 195, 202, 399, 419, 431

- Смирдин, Александр Филиппович 221, 421, 424
- Смирна 10, 55–57, 368
- Смирнов, Николай Михайлович 71 («муже»), 72, 97, 139, 151, 155, 375, 384, 397, 399
- Смирнов-Сокольский, Николай Павлович 374
- Смирнова (урожд. Россет), Александра Осиповна 12, 15–17, 20, 21, 23, 25, 26, 47, 48, 56, 57, 71–73, 89, 94, 97, 113, 122, 128, 135, 140, 141, 144–146, 151, 154, 160, 193, 197, 199, 205, 216, 218, 228, 229, 240, 260, 267, 367, 370, 375, 376, 380, 382, 384, 390, 392, 394, 396, 397, 399–401, 403, 405, 406, 411, 416–418, 420, 423, 424, 426, 440, 444, 445
- Смирнова (в замужестве Сорен), Надежда Николаевна 160 («дочери»), 405
- Смирнова, Ольга Николаевна 160 («дочери»), 405
- Смирнова (в замужестве Трубецкая), Софья Николаевна 160 («дочери»), 405
- Смирновы 16, 398
- Снегирев, Иван Михайлович 105, 388
- «Достопамятности Москвы», см. «Памятники московской древности»*

Снегирев «Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы» 105, 388

«Современник» 9, 10, 373, 379

Соколов, Александр Иванович 22

Соллогуб, Аполлинария Владимировна 147
(«новорожденное существо»), 400, 413

Соллогуб, Владимир Александрович 13, 91
(«мой адъютант-профессор»), 111, 127, 146, 147,
172, 186, 383, 400, 408, 413, 414

Соллогуб, Софья Владимировна 413

Соллогуб (урожд. Римская-Корсакова), Софья Ивановна 146, 400

Соллогуб (урожд. Вьельгорская), Софья Михайловна 13 («жена»), 48, 73, 94, 112, 120, 122,
126–128, 141–143, 147, 158, 185, 367, 381, 383
(«жена»), 390, 392, 394, 398, 400, 413

Соловьев, Сергей Михайлович 19

Соровская обитель, см. Саровская обитель*

Сорочинцы 11, 12, 20, 21, 193, 288, 416, 422

Софья Борисовна, см. Шевырева, С. Б.*

Софья Васильевна, см. Скалон, С. В.*

Софья Михайловна, см. Соллогуб, С. М.*

Софья Петровна, см. Апраксина, С. П.*

Спасская мыза 381

Спасское 25, 394
Сперанский, Михаил Несторович 441
Средиземное море 21, 47, 185, 188, 189, 206,
277, 282
«Српске Новине» 22
Строганов, Сергей Григорьевич 76, 377
Строгановы 76, 377
Стурдза, Александр Скарлатович 11, 21, 22,
189, 200, 201, 203, 206, 210, 211, 269, 414,
418–420, 440
«Сын Отечества» 402, 446
Таврическая казенная палата 432
Талызин, Александр Степанович 13, 101,
107, 118, 128, 140, 157, 170, 174, 177, 180, 186,
241, 243, 262, 269, 402, 408
Тамбовская губерния 416
Тарасенков, Алексей Терентьевич 28–30,
441
Тарновский, см. Терновский, С. Г.*
Тверь 271
Темниковский уезд 416
Терещенко, Александр Власьевич 14
Терновский, Сергей Григорьевич 238, 428
Тимченко, Александра Федоровна 401
Тимченковы (Тимченко) 181, 412

Тир 10, 55, 168

Титов, Владимир Павлович 47, 50

Титов, Петр Павлович 22, 414

Титова, Ю. М. 22, 414

Титовы 190, 211, 414

Толстая (урожд. Грузинская), Анна Георгиевна («графиня») 48, 99, 143, 146, 151 («супруга его»), 174, 182, 202, 273, 385, 396, 399, 419, 442, 443

Толстое 67, 374

Толстой, Александр Петрович («граф») 9, 13, 27, 28, 30, 46, 47, 51, 59, 99, 101, 143, 144, 146, 151, 155, 171, 172, 174, 182, 194, 201, 202, 219, 259, 273, 292, 367, 368, 371, 384, 385, 387, 396, 398, 408, 414, 416, 419, 449

Толстой, Алексей Константинович 20, 21, 197–199, 417, 418, 444, 445

Толстые, А. П. и А. Г. 135, 386, 387, 398, 402, 442, 443

Толченов, Александр Павлович 22–24, 441

Трахимовские 192, 415, 422

Трахимовский, Алексей Михайлович 192, 211, 422

Трахимовский, Михаил Михайлович 422

Трахимовский, Михаил Яковлевич 422

- Трахимовский, Николай Алексеевич 422
- Тредьяковский, Василий Кириллович 421
- Троице-Сергиева лавра («Троица») 145, 146
- Тройницкий, Н. Г. 10, 11, 22, 24
- Трощинский, Андрей Андреевич 10, 11, 21, 24, 61, 66, 96, 99, 116, 129, 139, 144, 149, 150, 184, 207, 210, 211, 214, 216, 217, 219, 220, 258, 268, 372, 384, 397, 401, 418, 421, 426, 440
- Трощинский, Дмитрий Андреевич 149, 207, 211, 212 («внук... знаменитого мужа»), 227, 228, 258, 401, 422
- Трощинский, Дмитрий Прокофьевич 212 («знаменитый муж»), 422
- Трубецкой, Андрей Васильевич 405
- Трушковский, Николай Павлович («Коля», «племянник») 21, 114, 130, 139, 177, 195–198, 209, 366, 369, 372, 380, 384, 387, 390, 408–411, 416, 424, 436, 444, 445
- Трушковский, Павел Осипович 412
- Тульская губерния 17
- Тургенев, Александр Иванович 430
- Тургенев, Иван Сергеевич 23, 27, 28
- «Завтрак у предводителя» 23
- Турция 368, 400
- Уваров, Сергей Семенович («министр про-

свещенья») 194, 416

Украина («Малороссия») 20, 53–56, 107, 188, 190, 198, 205, 207, 229, 248, 251, 386, 411–413, 422

Ульяна Григорьевна, см. Данилевская, У. Г.*

Уманец, Ф. М. 386

Фердинанд II 367

Филарет, иеромонах 191, 225, 415

Филарет (Дроздов), митрополит 30, 265
(«митрополит»)

Филарет (Гумилевский), епископ 92, 383

— «История русской церкви» 383

Финляндия («великое княжество Финляндское») 399

Фон-Визин, Иван Александрович 129, 394

Фон-Визин, Михаил Александрович 394

Франкфурт-на-Майне 39, 53, 58, 73, 376, 409

Франкфуртский парламент 409

Халчинский, Иван Дмитриевич 42, 44, 45, 50, 59, 88, 366, 382

Халчинский, Федор Лаврентьевич 88, 382

— «Наполеон Бонапарт и французский народ» (перевод) 382

— «Рассуждение генерала Жомини о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха II

и Наполеона» (перевод) 382

Харьков 80, 81, 84, 288, 446

Харьковская губерния 85, 402

Ходаревская (урожд. Косяровская), Екатерина Ивановна 385

Хомяков, Алексей Степанович 19, 29, 430, 445

Хомякова (урожд. Языкова), Екатерина Михайловна 28

Хомяковы 15, 20

«Христианское чтение» 121

Христофор, слуга 140, 398

Цицианова, Елизавета Дмитриевна 145, 400

Челищев, Николай Андреевич 431

Черниговская губерния 12, 15, 83, 136, 137, 153, 379, 386, 403

Черное море 204, 206

Черныш, Василий Васильевич 67, 374

Черныш, Василий Иванович 67, 207, 374, 420

Черныш, Николай Васильевич 67, 374

Чернышев, Захар Григорьевич 392

Чернышев-Кругликов, Иван Гаврилович 392

Чернышева-Кругликова, Софья Григорьевна 392

Чернышевы-Кругликовы 122

Чертков, Александр Дмитриевич 377

Черткова (урожд. Чернышева), Елизавета Григорьевна 75, 376, 377

Чертковы 76

«Четъи Минеи» 227

Чехия 15

Чижов, Федор Васильевич 11, 119

«Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских» 19

Швейцария 414

Шевченко, Тарас Григорьевич 17

Шевырев, Степан Петрович 9, 10, 15, 16, 22, 25–27, 29, 49, 50, 52, 55, 63, 66, 75, 76, 80, 81, 85, 86, 88–90, 97, 98, 121, 125, 126, 135, 139, 156, 170, 177, 178, 195, 198, 209, 214, 215, 220, 221, 226, 227, 229, 241, 252, 264–266, 272, 365, 367, 369, 372, 373, 376–378, 381, 384, 404, 416–418, 421–424, 426, 428–430, 433, 434, 438, 439, 442, 445

— «История русской словесности, преимущественно древней» («книга Шевырева о древней русской словесности») 121

— «Очерки современной русской словесно-

сти» 372

— «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» («твоя поездка») 222, 424

Шевырева (урожд. Зеленская), Софья Борисовна 76, 196, 199, 210, 222, 416

Шекспир, Вильям 451

Шеллинг, Фридрих-Вильгельм-Иоганн 449

Шенрок, Владимир Иванович 11, 12, 19, 21, 24, 28, 368, 372, 375, 377, 382, 384, 385, 387, 391, 394, 396, 399, 402, 404, 409, 414, 415, 417–423, 425, 429, 430, 434, 436, 438, 441–443, 446, 448, 449

Шереметев 43, 54, 172

Шереметев, Алексей Васильевич 91 («ваш достойный сын»), 383

Шереметева (в замужестве Голицына), Варвара Сергеевна 172, 408

Шереметева (урожд. Тютчева), Надежда Николаевна 11, 42, 43, 49, 51, 54, 65, 67, 88, 90, 91, 102, 124, 128, 158, 159, 161, 164, 172, 173, 176, 180, 182, 366–369, 374, 381–383, 387, 393, 394, 405, 406, 408, 410–412

Ширинский-Шихматов, Платон Александрович («министр просвещения», «министр») 20, 197, 252, 277, 417, 434, 444

Шишков, Александр Семенович 417

Штиглиц, банкир 61
Шумский, Сергей Васильевич 27
Щеглов (Леонтьев), Иван Леонтьевич 417
Щеглов, Николай Прокофьевич 142, 398
— «Хозяйственная ботаника» 142, 398
Щепкин, Михаил Семенович 17, 26, 27, 75,
80, 176, 378, 451
Щербатов, Григорий Алексеевич 13
Щетинина, Александра Васильевна, см.
Плетнева, А. В.*
Элеонская гора 168
Эмилия, см. Ковриго, Э.*
Юзефович, Михаил Владимирович 11
Юркевич 207, 420
Яворивщина 67, 374, 380
Яготино 418
Языков, Николай Михайлович 28
Языков, Петр Михайлович 14, 108
Яковлева 289, 447
Яффа 169

Сокращенные обозначения ИСТОЧНИКОВ

Л. И. АРНОЛЬДИ Л. И. Арнольди. «Мое знакомство с Гоголем». — «Русский Вестник» 1862, № 1, стр. 54–95.

БАРСУКОВ Н. П. Барсуков. «Жизнь и труды М. П. Погодина». Тт. IX–XI. СПб. 1895–1897.

Н. В. БЕРГ Н. В. Берг. «Воспоминания о Н. В. Гоголе». — «Русская Старина» 1872, № 1, стр. 118–128.

М. БОТКИН. «А. А. ИВАНОВ. ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА» «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг.» Издал Михаил Боткин. СПб. 1880.

Н. В. ГОГОЛЬ. АН СССР Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя. Тт. X–XIII. М. — Л., изд. АН СССР, 1940–1952.

«Н. В. ГОГОЛЬ. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ» «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования». Под ред. В. В. Гиппиуса. Т. I. М. — Л., изд. АН СССР, 1936.

О. В. ГОЛОВНЯ «Из семейной хроники Гоголей». (Мемуары Ольги Васильевны Го-

голь-Головни). Киев 1909.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ Г. П. Данилевский. «Знакомство с Гоголем». — «Исторический Вестник» 1886, № 12, стр. 473–503.

ДНЕВНИК БОДЯНСКОГО «Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 гг.» — «Русская Старина» 1888, № 11, и 1889, № 10.

ДНЕВНИК НЕИЗВЕСТНОЙ «Гоголь в Одессе». — «Русский Архив» 1902, № 3, стр. 543–562.

«ЗАПИСКИ» «П. А. Кулиш». «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем». Т. II. СПб. 1856.

«ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ В. С. АКСАКОВОЙ» «Последние дни жизни Гоголя». (Из записной книжки В. С. Аксаковой). — «Минувшие годы» 1908, № 7, стр. 273–278.

«ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ С АКСАКОВЫМИ» «Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми». — «Русский Архив» 1896, I, стр. 142–160.

«ИСТОРИЯ МОЕГО ЗНАКОМСТВА» С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852

год». — «Русский Архив» 1890, № 8.

А. И. МАРКЕВИЧ А. И. Маркевич. «Гоголь в Одессе». — «Записки имп. Новороссийского университета», т. 88. Одесса 1902, стр. 1-52.

«МАТЕРИАЛЫ» ШЕНРОКА В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя». Т. IV. М. 1898.

Д. А. ОБОЛЕНСКИЙ Д. А. Оболенский. «О первом издании посмертных сочинений Гоголя». — «Русская Старина» 1873, № 12, стр. 940-953.

«ОПЫТ БИОГРАФИИ» «Опыт биографии Н. В. Гоголя со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М.» <П. А. Кулиш>. СПб. 1854.

«ПЕРЕПИСКА ГРОТА С ПЛЕТНЕВЫМ» «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым». Т. III. СПб. 1896.

«ПИСЬМА» Письма Н. В. Гоголя. Под ред. В. И. Шенрока. Тт. II-IV. СПб., изд. А. Ф. Маркса, <1901>.

РУКОПИСИ Н. ГОГОЛЯ «Рукописи Н. Гоголя». Каталог. Сост. Г. П. Георгиевский и А. А. Ромодановская. М., изд. Библиотеки СССР им. Ленина, 1940.

СОЧ. БЕЛИНСКОГО Сочинения В. Г. Белинского в трех томах. Под ред. Ф. М. Головенченко. Т. III. М. 1948.

СОЧ. ГОГОЛЯ, 10 ИЗД. Сочинения Н. В. Гоголя. Издание десятое. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком. Т. VI. М. — СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1896.

СОЧ. ЖУКОВСКОГО Сочинения В. А. Жуковскою. Изд. 7. Т. VI. СПб. 1878.

«СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА» Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Изд. П. А. Кулиша. Тт. V и VI. СПб. 1857. А. Т. ТАРАСЕНКОВ А. Т. Тарасенков. «Последние дни жизни Н. В. Гоголя». СПб. 1857.

А. П. ТОЛЧЕНОВ <А. П. Толченев>. «Из воспоминаний провинциального актера». — Сборник «Н. В. Гоголь в Одессе». Одесса 1902, стр. 23–31.

И. С. ТУРГЕНЕВ И. С. Тургенев. «Литературные и житейские воспоминания». Сочинения, т. XI. Л. 1934.

«УКАЗАТЕЛЬ К ПИСЬМАМ ГОГОЛЯ» «Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе

объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша, с приложением неизданных отрывков из писем матеря Н. В. Гоголя и его собственных». Составил В. Шенрок. М. 1886.

Иллюстрации

1. Памятник Н. В. Гоголю в Москве. Скульптор Н. В. Томский. 1952 г.

2. Письмо Гоголя к В. А. Жуковскому <осень 1849>. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

3. Письмо Гоголя к А. М. Вьельгорской <весна 1850>. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

4. Письмо Гоголя к М. И. Гоголь от 28 октября <1850>. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

5. «Страшная месть». Черновой автограф. Первая страница. Государственный Исторический музей

Выходные данные

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ: Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ, Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

Редактор XIV тома А.Н. Михайлова

Редактор издательства: А. И. Корчагин и К. А. Гусева

Оформление художника Н. В. Ильина

Технический редактор А. А. Киселева

Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 5032. Т-06601. Изд. № 3507
Тип. заказ № 350.

Подп. к печ. 23/VII 1952 г. Формат бум. 60×92
1/16.

Бум. л. 15,25 + 5 вклеек. Печ. л. 30,5 + 5 вклеек. Уч. — издат. л. 28 + 5 вкл. (0,6 уч. — издат. л.)

Тираж 6000. Цена по прейскуранту 1952 г.
25 руб.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

Примечания

1

предметом пера

[^^^]

2

его

[^^^]

обратили опять к тому

[^^^]

4

В подлиннике: внутреннему

[^^^]

5

что есть высшие степени ее и явления

[^^^]

крепок

[^^^]

сказа<ВШИ>

[^^^]

В подлиннике: писатели

[^^^]

Книга «Переписка с друзьями», которую (от радости, что расписалось перо) я так поспешил выдать в свет

[^^^]

10

Был мне самому очень <полезен>

[^^^]

не зак<лючен>

[^^^]

не заключил

[^^^]

ВПОЛ<He>

[^^^]

и в древние <времена>

[^^^]

И вообще после

[^^^]

так, чтобы

[^^^]

СИЛЫ НА

[^^^]

в Москве или

[^^^]

впереди, вместо

[^^^]

Вследствие вашего письма, я обсмотре<л>

[^^^]

что не разумею

[^^^]

В подлиннике: молебенъ

[^^^]

В подлиннике: молебнях

[^^^]

В подлиннике: самим; дальше не отмечается.

[^^^]

то, вероятно

[^^^]

и желанья

[^^^]

подозрѣнем

[^^^]

в Ита<лии>

[^^^]

Далее начато: Словом, Сицилия, кажется

[^^^]

ост<ановившийся>

[^^^]

скверном

[^^^]

сестрицу, племянниц, ко<торые>

[^^^]

ПОМНЮ

[^^^]

Далее начато: и

[^^^]

He BOBC<e>

[^^^]

и от<вета> не дождался

[^^^]

и гадкие

[^^^]

В ЭТУ МИНУТУ

[^^^]

и как ни переворочу дело

[^^^]

и без того холодную

[^^^]

которых начинает даже

[^^^]

СМЫСЛЕ

[^^^]

просто наказать

[^^^]

милосердие милосердного

[^^^]

обо мне заказал

[^^^]

и случилось

[^^^]

Далее было: Бог милосерд, молитесь ему

[^^^]

СОСТОЯНЬЕ

[^^^]

и пишете

[^^^]

всеми делами

[^^^]

на писъме

[^^^]

всей Европе

[^^^]

МОЛИТВЫ обо мне

[^^^]

на мое поприще

[^^^]

уже знакомый и

[^^^]

известный на Руси

[^^^]

навьючен, как верблюд

[^^^]

супруг ваш

[^^^]

в Петербург

[^^^]

Покуда во время моего путешествия

[^^^]

Далее начато: стало БЫТЬ

[^^^]

пробыть

[^^^]

возьми для меня у графа ученое сочинение

[^^^]

В прошлом

[^^^]

пересл<аны>

[^^^]

добрый и бесценный

[^^^]

где я

[^^^]

сама пещерка

[^^^]

почти не больше ее

[^^^]

Далее начато: Ведь не с <1 нрзб.> вам иметь дело

[^^^]

порадуйте, если напишете

[^^^]

ВАШИМ ВЫЕЗДОМ

[^^^]

объяснений

[^^^]

что я был в таких странах

[^^^]

в Одессе, покуда соберу<сь> в дорогу и, запасшись всем, что нужно для езды по России

[^^^]

и ра<зные> смуты

[^^^]

побольше

[^^^]

я дал

[^^^]

возвещая в печатных статьях наших

[^^^]

сплетнях и всяких путаниц<ах>

[^^^]

С ТЕМИ ЛЮДЬМИ

[^^^]

ЭТИ СПЛЕТНИ

[^^^]

где и

[^^^]

мне бы казалось

[^^^]

а если бы

[^^^]

ПОСОВЕТОВАЛИ ЭТО

[^^^]

что прежде

[^^^]

есть уже

[^^^]

Далее (на поле письма) начато: Мне кажется, всё на свете мечта, о чем ни муд<рствуем>.

[^^^]

МОГ БЫ

[^^^]

те сведенья

[^^^]

мал<ые>

[^^^]

его превосходительству

[^^^]

своею взрослостью

[^^^]

СКЛОННАЯ

[^^^]

ТОТ ВОПРОС

[^^^]

Вексель

[^^^]

В ЧИСЛО ЭТ<ИХ>

[^^^]

ПОЗАБЫВАТЬ ВСЁ

[^^^]

100

отнимает свежесть

[^^^]

тот труд

[^^^]

месяц, если не полтора

[^^^]

Далее начато: или

[^^^]

Это бы меня обрадовало

[^^^]

соверш<ить>

[^^^]

Далее начато: И я бы

[^^^]

графиню маминьку вашу

[^^^]

бывает у ней часто

[^^^]

знал

[^^^]

ВОЗЛЕ

[^^^]

если я не за<стану>

[^^^]

112

уверяют нас сладкие минуты

[^^^]

едва ли не такая необходимость

[^^^]

политическая

[^^^]

делается задачей, самой трудной для разрешения

[^^^]

Далее начато: В доме графа Серг<ея> Строганов<а>

[^^^]

Далее начато: А там

[^^^]

Далее было: если доставит силу бог попасть
здоровым в Петербург

[^^^]

с тем, чтобы он

[^^^]

Первые же

[^^^]

НЕВЫ<НОСИМЫХ>

[^^^]

ХОТЬ ИЗ СВОИХ

[^^^]

У меня был изнурительный понос, расслабивший меня до nec plus ultra (dysentery).

[^^^]

что всего важнее, достигнуто

[^^^]

Так в исходном тексте; повидимому, фраза не закончена.

[^^^]

В исходном тексте примечание: «Не разобрано».

[^^^]

Так в исходном тексте.

[^^^]

Так в исходном тексте.

[^^^]

Далее зачеркнуто: так я торопился с этой опрометчивой книгой, точно как бы какая-то сила меня толкала. Я был так увере<н>

[^^^]

Далее начато: Если бы я это мог пред<видеть>

[^^^]

Отправляюсь один на перекладных

[^^^]

Далее начато: для перед<ачи>

[^^^]

В Глухове, оттуда в Сварков.

[^^^]

Около первых чисел

[^^^]

Вавилов

[^^^]

СОСТОЯНИЯ

[^^^]

посылал вам в Рузу

[^^^]

надеюсь

[^^^]

Далее начато: передать

[^^^]

В подлиннике: мне

[^^^]

в Петерб<урге>

[^^^]

было очень жалко

[^^^]

Далее было: может быть, также этому

[^^^]

ест<ь>

[^^^]

ВАШИ

[^^^]

прежде

[^^^]

что и я найду се<бе>

[^^^]

не от большей на<читанности>

[^^^]

даровитый

[^^^]

ТАК ХОТЕЛОСЬ

[^^^]

русского быта

[^^^]

точно как будто черты лица вашего устроены

[^^^]

КАК ТОЛЬКО

[^^^]

В подлиннике: об руки

[^^^]

ЧТО

[^^^]

настоящая оригинальность

[^^^]

русские духом и мыслью

[^^^]

поучит<елен>

[^^^]

ничего дурного

[^^^]

что, во-первых

[^^^]

подхвачены дав<но>

[^^^]

в силах пробиться

[^^^]

обыкновенно женатому

[^^^]

ДОЛЖНОСТЬ И ОБЯЗАННОСТЬ

[^^^]

теперь преследовать

[^^^]

очень дурно

[^^^]

всё ещё

[^^^]

Напишу после

[^^^]

НАПОМНИТЬ О ТОМ

[^^^]

срод<ное>

[^^^]

и тогда

[^^^]

даже и не говоря

[^^^]

она

[^^^]

*В подлиннике: преимущественно; дальше не
отмечается*

[^^^]

3a

[^^^]

Что же до кольца

[^^^]

поздравьте

[^^^]

ВСЕМ ИМ

[^^^]

Далее начато: и без ко<торого>

[^^^]

в лавках вся выпродалась

[^^^]

также

[^^^]

182

двадцать пять рублей серебром

[^^^]

равно

[^^^]

они

[^^^]

одни пустые крики

[^^^]

начинаем теперь стремиться

[^^^]

эта привлекательность, всех нас теперь зовущая

[^^^]

Далее начато: Доказательство тому то, что

[^^^]

Далее начато: к<ак> вы видите, что

[^^^]

Далее начато: В<ам>

[^^^]

Далее начато: и

[^^^]

увереннос<ть>

[^^^]

совершается

[^^^]

открываются

[^^^]

ЭТИХ НАСТАВЛЕНИЯХ

[^^^]

объятия

[^^^]

с такою подробностью

[^^^]

Далее начато: Всё

[^^^]

ВИДИМ В ЭТОМ БЫТ<е>

[^^^]

ума и гордых страстей

[^^^]

Далее начато: а всё, что есть луч<шего>

[^^^]

Далее начато: Употр<ебляйте>

[^^^]

ВЫПИШИТЕ ПОТОМ НА

[^^^]

МЫ С ВАМИ УВИДИМСЯ

[^^^]

Далее начато: Итак, нужно обратить<ся>

[^^^]

Далее зачеркнуто: Еще слово: какая вам книга... прочитайте... Мне всё кажется, что в ней есть полезное для вас. Я хотел по крайней мере указать вам полезное, именно вам. Обязательно молитесь и прочтите мое письмо матери <?> во время поста и говенья.

[^^^]

ТОЛЬКО ОТКЛОНЯЕМ

[^^^]

желанье мое

[^^^]

Далее начато: я до

[^^^]

отодвинуться

[^^^]

Далее начато: может

[^^^]

212

боль <шой> подарок

[^^^]

развлекающим

[^^^]

TEM

[^^^]

о развлечения

[^^^]

обо мне

[^^^]

Далее начато: по

[^^^]

Далее начато: не д<умаю>

[^^^]

или же просто задремлем

[^^^]

едим

[^^^]

и не

[^^^]

что они здесь живут

[^^^]

C TEM

[^^^]

Далее начато: о боге <?> и исполн<ении> обязанностей, увещев<ай>

[^^^]

то не для текущего вр<емени>

[^^^]

говорят кучи глупостей и завираются

[^^^]

в нынешнее время

[^^^]

Об этом наговоримся

[^^^]

В подлиннике: штрифт

[^^^]

В подлиннике: попырхивался

[^^^]

«Одиссея»

[^^^]

представляются отсюда

[^^^]

Если ты

[^^^]

силы, обессиленные ленью

[^^^]

не рассердитесь

[^^^]

повторяю

[^^^]

Далее начато: Одно только и то весьма старую новость

[^^^]

Старайтесь

[^^^]

ВАШИ

[^^^]

В древней нашей

[^^^]

Далее начато: привезете мне сами в

[^^^]

В подлиннике: состраждущего

[^^^]

243

Посылаю вам

[^^^]

Далее начато: и подержав

[^^^]

в припадке

[^^^]

увидел

[^^^]

ТОЛЬКО ОДНО

[^^^]

не знаю

[^^^]

не стоящих любви

[^^^]

Далее начато: те<x>

[^^^]

Далее начато: мне бы

[^^^]

дрожит невольно

[^^^]

делом, которым должен заниматься

[^^^]

тех свежих

[^^^]

кажутся все

[^^^]

И ОТНОСИТЕЛЬНО

[^^^]

Далее начато: праздность

[^^^]

всех других

[^^^]

несколько

[^^^]

Далее начато: и

[^^^]

разнообразную ее

[^^^]

всякое

[^^^]

благо<м?>

[^^^]

написать

[^^^]

удобно

[^^^]

распол<ожит?>

[^^^]

МНОГОГО

[^^^]

ревни<телв>

[^^^]

Далее начато: потому что

[^^^]

проводится

[^^^]

Далее начато: так как

[^^^]

И

[^^^]

ко мне в Калугу

[^^^]

НАШИМ СВЯЩЕННИКАМ

[^^^]

равно как

[^^^]

писать особенно

[^^^]

весьма отчетливым

[^^^]

спустя после того

[^^^]

Далее начато: приехавши в другой раз

[^^^]

пришлась

[^^^]

Далее начато: По<слана>

[^^^]

вам дарю

[^^^]

КНИГА МОЯ

[^^^]

подробное

[^^^]

Было *начато*: произ <ведения>

[^^^]

загляну

[^^^]

у вас такая засуха

[^^^]

Здесь же

[^^^]

именно сирота

[^^^]

желание ехать

[^^^]

как о себе, так

[^^^]

что нужно о

[^^^]

на мое имя в Ка<лугу>

[^^^]

OH MHE

[^^^]

два писъма мне

[^^^]

большой радостью

[^^^]

В подлиннике: растратившую

[^^^]

Далее начато: При

[^^^]

и часу

[^^^]

300

и всьма

[^^^]

301

ни на какого

[^^^]

TO BCë

[^^^]

Далее начато было: но в

[^^^]

Далее начато: Но

[^^^]

КОГ<да>

[^^^]

Далее начато: Что же

[^^^]

Далее начато: Что же делать

[^^^]

тем более что

[^^^]

вас видеть

[^^^]

в благодарность

[^^^]

само́му автору

[^^^]

МЫСЛЬ

[^^^]

Далее начато: затем, чтобы

[^^^]

нежелание

[^^^]

старость ли

[^^^]

быстро

[^^^]

почувствовал бодрость

[^^^]

ЛЕНИВО

[^^^]

стро<гое>

[^^^]

не в силах будут

[^^^]

321

чтение

[^^^]

И ПОТОМУ

[^^^]

Даже и «Мертв<ые> души»

[^^^]

далеко не отрезвились и еще в чаду от угару

[^^^]

и не способны

[^^^]

ВЫСОКОМУ

[^^^]

прежн<его>

[^^^]

свидетель многому такому, что заставляет че-
ло<века>

[^^^]

болезненного моего

[^^^]

330

меньшая

[^^^]

О ВЫНУТЬИ

[^^^]

Далее начато: Этого никак мы этого

[^^^]

Далее начато: О ТОМ

[^^^]

Далее начато: а поприще вам откроется

[^^^]

в бoге, подобно мне

[^^^]

Далее начато: Проб<овал>

[^^^]

проведи

[^^^]

В черновой редакции. Сейчас получил твое доброе письмо и, несмотря на то, что еще не совсем оправился, почувствовав облегчение от болезни, берусь, как видишь, за перо

[^^^]

В черновой редакции: Но что

[^^^]

В черновой редакции: какие новые черты представил бы

[^^^]

В черновой редакции: в уме нашем

[^^^]

342

больше которые гораздо

[^^^]

В черновой редакции: все ныне сохранившиеся

[^^^]

В черновой редакции: те места

[^^^]

В черновой редакции: ВСЯКОГО ТОГО

[^^^]

В черновой редакции: может быть

[^^^]

В черновой редакции: посреди серизны

[^^^]

В черновой редакции начато: Какую картину доставит твоей поэме

[^^^]

В черновой редакции: в Иерусалиме

[^^^]

350

я не знаю

[^^^]

В черновой редакции: он, верующий

[^^^]

по самому берегу

[^^^]

Далее начато: ПЛОСКО

[^^^]

его лошадиные

[^^^]

В подлиннике: КОПЫТЫ

[^^^]

Далее начато: под

[^^^]

Далее начато: прост

[^^^]

В черновой редакции: его пяту чудес

[^^^]

Далее начато: ПОХО

[^^^]

360

и я

[^^^]

В черновой редакции: я уже начал скучать

[^^^]

В черновой редакции: как берег одинаково
неизмеримо высокий

[^^^]

В черновой редакции: нельзя было видеть
СКВОЗЬ

[^^^]

В черновой редакции: [множество камней] каких-нибудь мелких камней

[^^^]

В черновой редакции: следы уступов

[^^^]

В черновой редакции: и это знаменует, что всё
<1 нрзб.> виноградом

[^^^]

В черновой редакции: [и малое количество деревьев красуется] [шумит в красоте] необыкновенного роста, незнакомые европейцу

[^^^]

тягости необык<новенной>

[^^^]

В черновой редакции: в это время

[^^^]

В черновой редакции: истинной

[^^^]

В черновой редакции: горизонтом

[^^^]

В черновой редакции: види<тся>

[^^^]

В черновой редакции далее начато: точно как с умыслом рука божья обр<екла> [пустын<ю>] запустенью все эти места, чтобы <1 нрзб.> искать в сердце своем не земного, а небесного. Дальше текст черновой редакции значительно расходится с окончательным и потому дается отдельно, после основного текста.

[^^^]

вся оценка и всё

[^^^]

Далее начато: по

[^^^]

Далее начато: еще

[^^^]

После этого зачеркнуты начатые фразы: «не в силах тебе», «не сказал больше», «я не доставил»

[^^^]

В подлиннике: МНОГО

[^^^]

Далее начато: как неясен бессильный

[^^^]

БЫТЬ ТВОИМ ВОЖАТЫМ

[^^^]

Ничего не скажу тебе

[^^^]

Далее начато: скажу, трудно сказать что-нибудь против того

[^^^]

что сказать тебе о том, что совершенно. Я уже
всё сказал

[^^^]

сказал в нем

[^^^]

Далее начато: Ничего другого нам сказать,
как только прекрас<но>, ничего, как
то<лько?>

[^^^]

не говорят, кроме прекрасно. Просто одно

[^^^]

Далее начато: тогда бы на что-нибудь

[^^^]

Далее начато: что

[^^^]

Далее начато: к тому ж

[^^^]

идут

[^^^]

391

Переводчика не видишь как-то

[^^^]

Далее было: вот и всё. А потому и нечего говорить о переводчике. А что

[^^^]

еще более, чем

[^^^]

Часть текста с адресом повреждена.

[^^^]

сил на работу и

[^^^]

Так в подлиннике.

[^^^]

книгу

[^^^]

Далее начато: Все-таки недурно

[^^^]

Далее начато: если бы ты точно кого

[^^^]

400

наши женские

[^^^]

Далее начато: Анне Вас<ильевне>

[^^^]

Далее начато: что

[^^^]

403

не думаете

[^^^]

404

Далее начато: до сих пор еще не в силах

[^^^]

тогда доро<гой>

[^^^]

Далее начато: Думаю, что от

[^^^]

о весне и со

[^^^]

408

КАКОВА

[^^^]

дн<ей>

[^^^]

чаще других

[^^^]

411

Далее начато: которой перед<айте>

[^^^]

сопутствующий

[^^^]

413

Лучше нам

[^^^]

Далее начато: а я покамест еще

[^^^]

415

теплее

[^^^]

416

с примесью

[^^^]

совершив

[^^^]

418

ВЫ

[^^^]

отвечали

[^^^]

420

друг мой

[^^^]

ни ты, Александр, ни вы, Ульяна Григорьевна

[^^^]

дурно

[^^^]

Благодарю

[^^^]

424

пробирает меня

[^^^]

В подлиннике: месяцы

[^^^]

426

адресуя ко мне

[^^^]

необходимо

[^^^]

Далее начато: лишней комнаты за теплую стену, но

[^^^]

поцелуй

[^^^]

430

прямо

[^^^]

Так в подлиннике.

[^^^]

И он

[^^^]

Если узнаешь, что

[^^^]

ИСТИННЫЕ СЫНЫ ОТЧИЗНЫ

[^^^]

дела

[^^^]

436

не больше

[^^^]

437

просить в это время

[^^^]

всякие требования

[^^^]

на вольном воздухе

[^^^]

440

ПОТОМ

[^^^]

Далее начато: Под эти

[^^^]

COB<ceM>

[^^^]

я прочел

[^^^]

они нашли

[^^^]

Далее начато: А

[^^^]

МОГ Я

[^^^]

или, пожалуй

[^^^]

все наши

[^^^]

долей

[^^^]

ДОСТОИНСТВА

[^^^]

451

ПОЛЬЗУ, МОЖЕТ БЫТЬ, МНОГИМ

[^^^]

становится болезненна

[^^^]

ВОЛЬНО<М>

[^^^]

И В

[^^^]

И С

[^^^]

456

была всегда спасительна для меня

[^^^]

457

BO BCIO

[^^^]

458

насчет

[^^^]

Далее начато: то есть еду ли я или нет за границу

[^^^]

Нечувствительно как

[^^^]

461

2-го

[^^^]

в России

[^^^]

Далее начато: прошедши<м>

[^^^]

В подлиннике: дешевле

[^^^]

должна быть такая

[^^^]

Далее начато: что будт<о>

[^^^]

быва<ю>

[^^^]

даже весьма

[^^^]

B

[^^^]

470

как следует

[^^^]

Далее начато: которое

[^^^]

Далее начато: на

[^^^]

и неспособна

[^^^]

к переправлено из как

[^^^]

чего-либо в свет

[^^^]

Письмо, какое ни пишу

[^^^]

Далее начато: насчет же

[^^^]

478

Далее начато: говорю тебе

[^^^]

479

зрест

[^^^]

пр<ипомнить>

[^^^]

481

перу

[^^^]

Далее начато: которая

[^^^]

делам мира

[^^^]

Далее начато: что

[^^^]

Далее начато: Уве<домите>

[^^^]

486

BAC C

[^^^]

тише едешь — дальше будешь

[^^^]

Не прожить ли нам

[^^^]

489

покуда еще не делаю

[^^^]

В подлиннике: отсюда

[^^^]

В подлиннике: штрифт

[^^^]

книга

[^^^]

Далее начато: наи

[^^^]

и посадил

[^^^]

чтобы

[^^^]

Далее начато: они

[^^^]

О ВНЕШНЕМ, О ТОМ ДВУ

[^^^]

В подлиннике: Спбр.

[^^^]

может быть, даже

[^^^]

500

И, ЖИВЯ

[^^^]

501

чтобы

[^^^]

и Сергея Тимофеевича

[^^^]

503

она

[^^^]

504

к тем

[^^^]

505

В подлиннике: какую же

[^^^]

всему в голове своей

[^^^]

Далее начато: Но

[^^^]

о том, чтобы истреблять

[^^^]

Далее было: да и вам прежде, чем советовать мне делать это, приличнее было бы испросить у меня совета

[^^^]

Далее начато: весьма может быть и от незна-
нья

[^^^]

511

TOMY

[^^^]

512

наконец получить

[^^^]

513

Далее начато: будет счастлив<о>

[^^^]

Далее начато: но по

[^^^]

СМУТИЛО МНО<ГО>

[^^^]

еще бывают

[^^^]

последняя добродетель

[^^^]

Далее начато: тогда

[^^^]

просьб

[^^^]

520

ТВОЕМУ СЧАСТЬЮ

[^^^]

Далее начато: ничего

[^^^]

ре<шила>

[^^^]

благосл<овил>

[^^^]

Далее начато: думаю<т>, что во всяком случае

[^^^]

КАК МОЖНО

[^^^]

Далее начато: ВЫ

[^^^]

527

нанять ей

[^^^]

528

а выдать целковый из тех денег

[^^^]

В подлиннике: с которой

[^^^]

Далее начато: Но

[^^^]

ИМ ВСЕМ

[^^^]

позволяю тебе

[^^^]

пожалуй что

[^^^]

Далее начато: но если бы так она ее

[^^^]

другому

[^^^]

Далее начато: зная, что мне едва было на чем выехать из дому и что я говорил не один раз о том, что

[^^^]

Грустно мне

[^^^]

к коему к положенью

[^^^]

многие люди

[^^^]

и правил

[^^^]

филантропического

[^^^]

542

В подлиннике: примимите

[^^^]

543

как не даст

[^^^]

делается теперь

[^^^]

Далее начато: Никак

[^^^]

Начато: там нужно будет

[^^^]

зако<нами>

[^^^]

постановлений

[^^^]

Далее начато: с теми сочинениями, которые имеют ВОСП

[^^^]

Далее начато: неблаго

[^^^]

Далее начато: Кроме жалости личной за свои
сочиненья <я>

[^^^]

Далее начато: ав<тор>

[^^^]

Далее начато: тщеславный или дурно воспитанный прежде всего пора<зится>

[^^^]

Делать нужно

[^^^]

555

Далее начато: Я бы к нему

[^^^]

В таком случае

[^^^]

Далее начато: в

[^^^]

это сделать

[^^^]

достанут и займут

[^^^]

560

Далее начато: мне пожелайте

[^^^]

561

Последнее ваше

[^^^]

562

не так здоровы

[^^^]

очень нескорая

[^^^]

Я там

[^^^]

при котором

[^^^]

как и во время

[^^^]

567

ТАК БЫ

[^^^]

568

радоваться им

[^^^]

Далее начато: за

[^^^]

570

на сер<ебро>

[^^^]

571

В подлиннике: сдержек

[^^^]

572

В подлиннике: Сергея

[^^^]

вслед за вами

[^^^]

Далее начато: долж<на иметь?>

[^^^]

575

ЧИСЛОМ ПЯТЬ

[^^^]

576

с виду солнечные

[^^^]

Далее начато: БЫТЬ

[^^^]

прежде уме<ть>

[^^^]

и видеть всегда

[^^^]

расположений в дне

[^^^]

так, чтобы

[^^^]

Бумага писъма оборвана, и текст адреса поврежден.

[^^^]

Далее начато: и

[^^^]

и чрез

[^^^]

ОТ ИЗВЕСТНОГО

[^^^]

чр<ез>

[^^^]

587

5

[^^^]

по моему мнению, нужно

[^^^]

Далее начато: И всё мне кажется, что

[^^^]

590

и мне

[^^^]

Две первые фразы вписаны над зачеркнутой:
покуда к вам прибегаю более за советом, чем
с просьбой

[^^^]

В подлиннике: месяцы

[^^^]

Дальше над незачеркнутым текстом вписано: обстоятельства мои такого рода, что мне нужно жить

[^^^]

Дальше над незачеркнутым текстом вписано: так же, как осенние и летние внутри России

[^^^]

Сочинение мое вовсе не маловажно.

[^^^]

не каким<и>-нибудь пошлостями и странно-
стями, случайно к нему приставшими

[^^^]

У меня это в особенности важно: я уже испы-
тал природу своего глаза

[^^^]

Я состоянья не имею

[^^^]

бросили

[^^^]

В черновой редакции далее начато: Всем нам уже известно, сколько бедствий и беспорядков в Русской земле произошло от собственного нашего неведения земли своей. [Это неведение земли кладется] Книгу, которая бы знакомила русского еще с детства с землей своей, ибо едва ли не главною причиной всех нестроений и внутренних беспорядков есть неведение русских собственной земли своей, [которое] точно как бы [именно] с умыслом кладется в основу нашего воспитанья в тот [именно] возраст, который называется детским, но в который живеет воображенье и всё, что раз взошло, остается навеки.

[^^^]

601

Когда его способности свежи

[^^^]

Далее начато: который в то же время дар

[^^^]

603

еще

[^^^]

604

еще

[^^^]

на споспешествование своими сведениями
добрых и умных людей

[^^^]

606

emy

[^^^]

который от всех сил стремится принести от
себя на пользу

[^^^]

В подстрочных сносках к этому письму дана незаконченная правка Гоголя карандашом.

[^^^]

Далее надписано: ВЫШЛА В СВЕТ

[^^^]

610

Далее надписано: самая малая

[^^^]

Далее надписано: Но самое главное и

[^^^]

612

Надписано: со всем запасом сил

[^^^]

Далее надписано: уже

[^^^]

Далее надписано: Потому что у меня весь доход из трудов моих собств<енных>. Я ниоткуда не получаю ни жалованья ни доходов. Как-нибудь мне не хочется кончить да и не в моей власти. Дело свое нужно сделать

[^^^]

Зачеркнуто: Чтобы поправить несколько мое здоровье, мне необходимо проводить *и надписано:* Если бы три зимних месяца предоставлять

[^^^]

616

Здесь надписано: всё равно как мне необходима также поезд<ка>

[^^^]

617

Зачеркнуто: Если б доставлена мне была и
надписано: и в то же вр<емя>

[^^^]

Далее надписано: этих

[^^^]

Надписано: необходимые [тоже] для моего сочинен<ия> [тоже 1 нрзб.] прямо относящ<ееся> до Росс<ии>

[^^^]

второй части «Мертвых душ» *зачеркнуто и вписано*: соч<инения>, которое, если бог милостив, которое, мне говорит мое сердце, будет достойно внима<ния> по [край<ней мере>] потому, что желанье принести истинную пользу, не было такой силы в груди, как эта

[^^^]

621

В подлиннике: залило

[^^^]

622

нравится

[^^^]

Далее начато: Т<Ы>

[^^^]

В подлиннике: господа

[^^^]

Так в исходном тексте.

[^^^]

Далее начато: А потому

[^^^]

ИЛИ

[^^^]

Далее начато: Адресуйте

[^^^]

629

дал тебе

[^^^]

В подлиннике: штриф

[^^^]

Вместо «Что еще за вечера такие»: Вот еще новости: Вечера на хуторе близ Диканьки, этой еще

[^^^]

Далее было: вот мало

[^^^]

Какого званья и рангу народ намарал

[^^^]

Вместо «право»: теперь и можно <... >

[^^^]

Далее было: что и

[^^^]

Далее было: и

[^^^]

637

Вместо «Вот тут-то ~ обступят тебя»: Вот тут
все обступят тебя: наберешься

[^^^]

638

еще бы ничего

[^^^]

Далее было: уже

[^^^]

640

Далее было: как

[^^^]

Далее было: ВОИ

[^^^]

Далее было: БОГ В

[^^^]

643

Я соглашусь скорее

[^^^]

Далее было: скоро

[^^^]

Далее начато: ВЫ

[^^^]

646

Нет, не хочу больше, ей-богу, не хочу

[^^^]

Далее было: на покой

[^^^]

Далее было: думаете, что у меня еще все зубы целы во рту

[^^^]

а. нет уже ни одного зуба во рту, переломил последний
б. только два зуба во рту, был и третий, да прошлый год и тот переломил

[^^^]

Теперь если случится дадут вареники или галушки, или пампушки, то могу как-нибудь есть; чуть же что-нибудь сухое и твердое — гречаник... <?> иное, то так совсем не могу откусить

[^^^]

на расставаньи

[^^^]

Вместо «которых»: что

[^^^]

Далее было: как глядал <?>

[^^^]

654

соседи

[^^^]

655

Далее было: [знал ко<гда>] я знаю, что

[^^^]

656

Да так

[^^^]

Далее было: заседатель

[^^^]

658

Далее было: да вот позабыл

[^^^]

Далее было: уж

[^^^]

Далее было: так

[^^^]

Вместо «Правда, кладут ~ трилистник»: Ну,
что прикажете мне делать с теми

[^^^]

Вместо «но чтобы клали ~ об этом»: да что уж
вам моя старуха

[^^^]

ПОКЛОНИЛСЯ КО<МУ>

[^^^]

664

уже

[^^^]

665

дверям

[^^^]

666

дерет

[^^^]

667

ВЫШЕ

[^^^]

Далее было: куда

[^^^]

Далее было: Кажется я обещал вам я помнится

[^^^]

670

не хочу

[^^^]

Далее было: ведь вы

[^^^]

Далее было: любезные читатели

[^^^]

Далее было: это

[^^^]

Далее было: верно и

[^^^]

675

Далее было: в целом

[^^^]

676

TOT

[^^^]

677

какой-то бог

[^^^]

678

Купала

[^^^]

произошли

[^^^]

Вместо «колядовать»: чтобы

[^^^]

Далее было: пану

[^^^]

Вместо «я не умею сказать вам»: я сам не знаю

[^^^]

Далее было: холодное поле свое

[^^^]

Далее было: с зарей или вечером

[^^^]

Вместо «толпится»: толпою собирается к за-
утрене или вечерне. *Далее было:* [Нужно б]
грешник <?> великий я перед богом: нужно б,
давно нужно. И по ним сыплются, толпясь,
искры, как на волчьей шерсти

[^^^]

Далее ошибочно повторено: в искрах

[^^^]

Было начато: Что за шум несется в конце города

[^^^]

глухо шумит

[^^^]

приближавшийся

[^^^]

690

Далее было: свою (не зачеркнуто)

[^^^]

на котором

[^^^]

Далее было: зять эсаула

[^^^]

693

top

[^^^]

Далее было: тому

[^^^]

Далее было: тогда

[^^^]

Далее было: Жалел эсаул: думал, что много теперь наслышится он про турецчину. Он

[^^^]

Далее было: старый отец

[^^^]

улыбнувшись

[^^^]

раздалось

[^^^]

700

Было начато: где пара хозяев

[^^^]

701

показался посереде неба

[^^^]

Вместо «и пошел гулять по небу»: а. по-
смотр<ел> с середины неба б. дошел до сере-
дины

[^^^]

Далее было: и

[^^^]

а. то темен б. осветило в. побелел

[^^^]

берут в Глухове воль<ный> народ

[^^^]

и красный рукав

[^^^]

707

недвижно глядит на него

[^^^]

708

белюю

[^^^]

709

где

[^^^]

710

кажутся

[^^^]

Вместо «как»: теперь

[^^^]

712

ему показывались тотчас два ряда

[^^^]

713

блестят

[^^^]

714

убитого

[^^^]

правая рука всё гладила козацк<ий> ус

[^^^]

Далее было: кладя

[^^^]

717

Далее было: с костями

[^^^]

718

Ах, знаю

[^^^]

выбил свою уже обгоревшую в золе <?> люль-
ку

[^^^]

Далее было: и ждал

[^^^]

Далее было: а. чернел на курганах б. и то было дико всё как <... >

[^^^]

Так в автографе.

[^^^]

Далее было: всю

[^^^]

Далее было: чувствует что

[^^^]

Далее было: почти еще

[^^^]

Далее было: как будто

[^^^]

Далее было: длинная

[^^^]

Далее было: Сами

[^^^]

Далее было: двигались

[^^^]

730

чортова

[^^^]

Далее было: И поцеловав

[^^^]

Далее было: что

[^^^]

733

сы<ночек>

[^^^]

*Слова из песни в автографе — не на месте:
они приписаны в конце главы.*

[^^^]

Далее было: татарскую

[^^^]

Вместо «Бери его, Катерина»: Вот и приехали

[^^^]

Было начато: Между

[^^^]

а. сходящей б. скатывающейся

[^^^]

739

такая же

[^^^]

740

других

[^^^]

Далее было: по разд<... >

[^^^]

Далее было: и взглянувши на них

[^^^]

743

Но теперь не зима, коз<аку>

[^^^]

Приподнявшись

[^^^]

Далее было: проворчиво

[^^^]

746

Далее было: старый

[^^^]

Далее было: шелком

[^^^]

748

Вместо «что за причина что»: а. где б. отчего

[^^^]

Далее с абзаца было: Поднялось солнце на высокое небо и стало жечь траву и греть полевые цветы. Встал отец и стал бранить, ругать <?> свою дочь: «Отчего ты, дочь моя, поздно, не рано пришла домой вчера?». А Каракаш сидел в углу и натачивал турецкую саблю.

[^^^]

750

бусурм<анских>

[^^^]

Далее было: теб<e>

[^^^]

Далее было: на руках

[^^^]

Далее было: слава богу

[^^^]

HEMETKO

[^^^]

755

Вместо «ухвативши его»: Данило в гр <... >

[^^^]

756

Далее было: горячо

[^^^]

757

знай

[^^^]

758

Далее было: вокруг посыпались

[^^^]

Вместо «козаки ~ себя обсыпали»: будто пылью обсыпались сражавшиеся

[^^^]

760

Далее было: Убежала

[^^^]

761

Далее было: как будто тело его

[^^^]

Далее было: вскрикнула она и схватила

[^^^]

763

льет

[^^^]

764

закричала

[^^^]

Далее было: Вот у меня

[^^^]

Далее было: Вот

[^^^]

Далее было: и ухватил

[^^^]

768

Вместо «мне один»: глянь на своего сы<на>

[^^^]

Далее было: я не буду

[^^^]

770

бедное дитя

[^^^]

771

Далее начато: у него не будет

[^^^]

772

лукава

[^^^]

773

<будут> жечь в пламени дитя твое

[^^^]

дитя <?>

[^^^]

Далее было: Что было между нами пусть же
будет

[^^^]

776

Далее было: а. вино<ват> б. вот погорячился

[^^^]

777

Далее было: сурово

[^^^]

778

вскричала

[^^^]

Далее было: будет всегда

[^^^]

Далее было: Затрепетала

[^^^]

781

Вместо «непонятный огонь»: блеск

[^^^]

782

Встала

[^^^]

Далее было: и

[^^^]

784

дорогая

[^^^]

785

ВИДИТСЯ ВО СНЕ

[^^^]

Далее было: и заговорил он

[^^^]

787

дорогая

[^^^]

788

В ОДНУ

[^^^]

789

десять

[^^^]

790

Далее было: для

[^^^]

791

готов принять

[^^^]

постегаю *Далее было: прогоню батогами (не зачеркнуто)*

[^^^]

Вместо «сколько уж»: а. до сих пор живет б.
до сих пор есть

[^^^]

Далее было: на обеих

[^^^]

Далее было: А когда пани

[^^^]

Вместо «еще это»: будто давно

[^^^]

797

четвертого дня

[^^^]

Далее было: пани Катерина

[^^^]

тащ<ится>

[^^^]

800

Далее было: Катерини<на>

[^^^]

801

Далее было: у тебя не готов обед со

[^^^]

Далее было: такими

[^^^]

803

Сейчас будет, вынимай

[^^^]

Далее было: а. колыхавшей люльку б. державшей на руках дитя: я подер<жу> в. мывш<ей>

[^^^]

Далее с абзаца было: Сели на полу в кружок

[^^^]

806

по правую

[^^^]

Далее было: галушки

[^^^]

Далее было: отец как

[^^^]

Далее было: из

[^^^]

810

После обеда

[^^^]

КОЗАЦКИМ

[^^^]

*Вместо «молодецким ~ около вечера»: а. в ве-
черу принялся б. уселся в конце*

[^^^]

Далее было: для старшин в козацком войске

[^^^]

Далее было: промеж верх<ушек>

[^^^]

Далее было: в окошечке

[^^^]

Далее было: месяц

[^^^]

Далее было: и вверху

[^^^]

818

вдруг

[^^^]

Далее было: и лепечет

[^^^]

820

Ступай

[^^^]

Далее было: ПАН

[^^^]

Далее было: Надел

[^^^]

[повевал с Днепра]

[^^^]

Далее было: но и

[^^^]

825

Далее было: потише спрятался

[^^^]

Далее было: «Гм», тихо произнес он это

[^^^]

Вместо «а потом»: потихоньку. Теперь

[^^^]

Далее было: его

[^^^]

отец

[^^^]

говори́л

[^^^]

Далее было: кто

[^^^]

832

Далее было: спрятал их (не зачеркнуто)

[^^^]

Далее было: повсюд<у>

[^^^]

татары

[^^^]

летают

[^^^]

836

Далее было: но без скрипа

[^^^]

Далее было: в ОК<НО>

[^^^]

Далее было: ТИХО

[^^^]

ТОНКИЙ

[^{}]

840

Далее было начато: купа<лись>

[^^^]

Далее было: и купались

[^^^]

Вместо «и посред<и>»: а. один только стоявший б. стоял

[^^^]

Далее было: некие

[^^^]

Далее было: пояс весь исписанный <1 нрзб.>
нерусскою и непольскою грамотою

[^^^]

845

Далее было: стал вытя<гиваться>

[^^^]

Вместо «стал перед»: мало-помалу

[^^^]

медле<нно>

[^^^]

Далее было: и

[^^^]

Далее было: по всей комнате

[^^^]

Далее было начато: ПОХОЖИМ

[^^^]

Вместо «чудный свет»: он по всем стенам

[^^^]

Далее было начато: зеркалу гладкого

[^^^]

Далее было начато: черне<я> тускл<о>

[^^^]

хата

[^^^]

Далее было начато: стал глядеть пан Данило
и у... <?>

[^^^]

856

Далее было: как будто приняло вид женщины

[^^^]

Далее было: что-т<0>

[^^^]

Далее было начато: что

[^^^]

859

повернула

[^^^]

Далее было: бледный

[^^^]

Далее было: оставов<илась>

[^^^]

Далее было: голуб<ые>

[^^^]

ТОЛЬКО ЧТО ЗАСНУЛА

[^^^]

Далее было: пан

[^^^]

МНОГОГО

[^^^]

Далее было: наше<?>

[^^^]

Далее было: ТЫ

[^^^]

Далее было: но

[^^^]

Далее было: и коварных

[^^^]

870

Далее с абзаца было начато: Сказать

[^^^]

871

где сто<ял>

[^^^]

Далее было: так

[^^^]

Далее было: все

[^^^]

Далее было вписано: как будто песню («песню» не зачеркнуто)

[^^^]

875

Далее с абзаца было начато: Да я сам

[^^^]

876

To

[^^^]

Далее было: и всё делает, что ей ни хочется

[^^^]

Далее было: Разве

[^^^]

Далее было: Разве

[^^^]

Далее было: узнал

[^^^]

Далее было: уже

[^^^]

Далее было: Ты невинна

[^^^]

Далее было: Изнемогай

[^^^]

Вместо «Сохни он»: Издыхай

[^^^]

медленной

[^^^]

Далее было: руки

[^^^]

Далее было: не за богопротивное

[^^^]

Далее было: что

[^^^]

Далее было: что

[^^^]

а. разорить б. выжечь

[^^^]

разорить

[^^^]

Далее было: ему выжгут угл<ем> и чуб на голове привяжут

[^^^]

раскает<ся>

[^^^]

Далее было: а. полоса <?> (не зачеркнуто) б. не
стеклянная в. но не стеклянный лист

[^^^]

Далее было: узк<ими>

[^^^]

896

emy

[^^^]

897

Далее было: не умилосердится

[^^^]

и тиха как

[^^^]

Вместо «тюрьму»: поды <?>

[^^^]

900

Далее было: ВОТ КТО

[^^^]

901

Блестит

[^^^]

любят мать свою

[^^^]

903

Далее в автографе: меня (не зачеркнуто)

[^^^]

Далее было: никогда дождя не попадет

[^^^]

Вместо «не похож огонь на земной»: не та-
кой тот огонь как на земле

[^^^]

От этой

[^^^]

907

не могу

[^^^]

Далее было: постой: бог, ты не знаешь, как
милосерд

[^^^]

Далее было: по кра<йней>

[^^^]

910

Далее было: для тебя

[^^^]

Если

[^^^]

912

мне же

[^^^]

Далее было: в дырочку

[^^^]

Вместо «свою келью»: муж

[^^^]

915

Вписано и не зачеркнуто: сказала

[^^^]

Далее было: что я же

[^^^]

Далее было: погибла и, закрыв лицо руками

[^^^]

Далее было: как сноп свалилась на землю

[^^^]

Далее было: грешную

[^^^]

Далее было: ПОТОМ

[^^^]

Далее было: бог не взыщет

[^^^]

поднялась она с места

[^^^]

Далее было: дочь

[^^^]

Далее было: просну<вшись>

[^^^]

Далее было: шептавшею над

[^^^]

Вместо «казалось»: над нею

[^^^]

Далее было: где я?

[^^^]

Далее было: и спе<рся>

[^^^]

Вместо «сволочи сошлось»: толпы собралось

[^^^]

Далее было: рассказывают

[^^^]

позакладали

[^^^]

Далее было: и разобрать ничего нельзя

[^^^]

Далее было: такое

[^^^]

думает

[^^^]

Далее было: невесело закончил гр... <?>

[^^^]

Далее с абзаца было: «Бог с тобой, муж мой»

[^^^]

МНОГО

[^^^]

Далее было: для

[^^^]

Далее было: и

[^^^]

940

вернуться

[^^^]

Далее было: и гор... <?>

[^^^]

Далее было: как ста<л>

[^^^]

прежние лихие

[^^^]

Далее было: старый

[^^^]

945

HAM

[^^^]

Далее было: ныне

[^^^]

Далее было: за здоровье прошлого

[^^^]

Далее было: пестрый

[^^^]

Далее было: незаметно

[^^^]

Вместо «мне»: нам

[^^^]

Далее было: сабли

[^^^]

952

весели

[^^^]

953

Далее было начато: красный

[^^^]

ОКОЛО

[^^^]

Далее было: Час и два

[^^^]

956

колет пикой

[^^^]

957

беруТ

[^^^]

Далее было: сдирает

[^^^]

Вместо «ВИДНО»: ОН

[^^^]

960

Далее было: чудно

[^^^]

Далее было: ТВОЙ

[^^^]

Прибежала Кате<рина>

[^^^]

963

Далее было: уста твои сини

[^^^]

Далее было: загукает молодецким голосом перед козаками

[^^^]

965

перед

[^^^]

Далее было: козачества

[^^^]

КОЗАЧЕСТВА

[^^^]

968

теперь

[^^^]

969

сына

[^^^]

970

Далее было начато: в

[^^^]

971

зазвучит

[^^^]

972

В автографе: идут и не идут

[^^^]

973

Далее было начато: земле

[^^^]

Вместо «с вышины»: све... <?>

[^^^]

Далее было: СВОИ

[^^^]

Далее было: прибрежных

[^^^]

977

берегам

[^^^]

Далее было: гляд<ят>, не могут наглядет<ься>

[^^^]

СВО<ИМ> ЧИСТЫМ

[^^^]

Далее было: А

[^^^]

Далее было: под ним оттеняют его, хотят его закрыть

[^^^]

982

[чернее с берегов чер... <?>] хотят

[^^^]

В автографе: увиден

[^^^]

*Вместо «Нежась и прижимаясь»: Роскошно
посреди ночи и; далее было: дает по себе*

[^^^]

Далее было: и тогда

[^^^]

переламывает тучи

[^^^]

987

об

[^^^]

Далее было: набекрень

[^^^]

Далее было начато: там что-то

[^^^]

990

пропало

[^^^]

991

Далее: сорок (не зачеркнуто)

[^^^]

Далее было: как вышел

[^^^]

Далее было: Тихо поставил он, молча, горшок

[^^^]

чудные

[^^^]

Далее было: бело

[^^^]

Далее было: отчего же он

[^^^]

997

Далее было начато: ди<КИМ>

[^^^]

Начато: Спокой[ся, мое]

[^^^]

999

Далее не зачеркнуто: невестка

[^^^]

1000

Далее было: с

[^^^]

1001

Далее было: и тяжело

[^^^]

1002

нигде

[^^^]

1003

Было вписано: и не

[^^^]

1004

Далее было начато: от

[^^^]

1005

Далее было: ну

[^^^]

1006

Далее: он отмстит (не зачеркнуто)

[^^^]

1007

Далее было: вот не знала

[^^^]

1008

Далее было: кричал

[^^^]

1009

Далее было: и зарыдала как

[^^^]

1010

Далее было: старый

[^^^]

1011

Далее было начато: от

[^^^]

1012

Далее было: старый

[^^^]

1013

Далее было: святой

[^^^]

1014

Вместо «прозорливые очи»: руки, не летели,
ли, замешкал ли я минутой

[^^^]

1015

дать

[^^^]

1016

ВОЛЯ СВЯТАЯ

[^^^]

1017

Далее было: и убежал

[^^^]

1018

Далее было: говори<л>

[^^^]

1019

колыбели

[^^^]

1020

СОГЛАСИЛИСЬ

[^^^]

1021

Далее было: все ско<ро>

[^^^]

1022

Далее было: Исти<нно>

[^^^]

Вместо «проехавши»: далече Литвы

[^^^]

1024

сторожами

[^^^]

1025

стали

[^^^]

1026

Далее было: а. потому что б. ибо и серый цвет их походит на тучи в. схож (не зачеркнуто)

[^^^]

1027

Далее было: не ху<же>

[^^^]

1028

Далее было: жалеет

[^^^]

Далее было: при звездах

[^^^]

1030

МЧИТСЯ

[^^^]

1031

в недвижных озерах

[^^^]

1032

Далее было: паж

[^^^]

Далее глава XIII, но текста нет.

[^^^]

Далее было: господ<и>

[^^^]

1035

Далее было: я думаю вы знаете... <?> сами

[^^^]

Далее было: обыкновенно

[^^^]

1037

Далее было: Ивана

[^^^]

1038

будет

[^^^]

Далее было: Тем лучше

[^^^]

1040

Далее было: каждый день

[^^^]

Далее было: больших

[^^^]

1042

Далее было: ТОНКОГО

[^^^]

1043

когда завидит гов<орит>

[^^^]

1044

ХОДИТ

[^^^]

1045

Далее оставлено место для названия.

[^^^]

1046

прилежны

[^^^]

1047

толстой дубовой

[^^^]

Далее было: руки

[^^^]

1049

перед

[^^^]

1050

Вместо «еще прежде ~ страх»: наводил трепет в лице котор<ого>

[^^^]

1051

Далее было: желая

[^^^]

1052

Далее было: а. его отм<етить> б. записать его
в списке

[^^^]

Вместо «как»: когда

[^^^]

1054

в масле

[^^^]

1055

Далее было: блин

[^^^]

1056

Вместо: «он пребольно»: он и д... <?>

[^^^]

1057

ОХОТЫ

[^^^]

1058

услышавши <?>

[^^^]

Далее было: упросил он матушку

[^^^]

1060

Далее было: какой

[^^^]

1061

Далее было: всегда

[^^^]

1062

Далее было: весьма

[^^^]

1063

Вместо «образованность»: как то должно
смотреть на

[^^^]

Далее было: часто

[^^^]

1065

во всяком <случае>

[^^^]

1066

Далее было: едва

[^^^]

1067

Далее было: что

[^^^]

1068

дела<ми>

[^^^]

1069

Вместо: «получил известие»: услышал

[^^^]

1070

Далее было: по связи с которой

[^^^]

1071

Далее было: пожелав

[^^^]

1072

Далее было: бы

[^^^]

1073

который

[^^^]

1074

Далее было: как

[^^^]

1075

Далее с абзаца было начато: Получив

[^^^]

1076

Премного

[^^^]

1077

Далее было: БЫЛИ

[^^^]

1078

такие

[^^^]

1079

настоящей

[^^^]

1080

Далее было: прошел месяц

[^^^]

1081

яркой

[^^^]

1082

Вместо «накрывшись ~ день»: ничего не делал в этот день

[^^^]

1083

Далее было: какой-нибудь

[^^^]

1084

TaM

[^^^]

Далее было: того

[^^^]

1086

Далее было: наконец

[^^^]

1087

Далее было: постоянных дворов

[^^^]

Далее было: Ту<т>

[^^^]

1089

ПОТЧИВАЛИ

[^^^]

1090

покажется у тебя

[^^^]

Далее было: которую еще

[^^^]

1092

Одним словом

[^^^]

1093

уचितवो

[^^^]

1094

Далее было: и перестал ужинать

[^^^]

1095

Далее было: как бы

[^^^]

1096

когда спрашивал

[^^^]

1097

куда

[^^^]

1098

Далее было: к себе

[^^^]

1099

Далее было: [чувствовали] заметили [что] его

[^^^]

1100

дерев<ни>

[^^^]

1101

Далее было: прошу приехать ко мне, когда

[^^^]

1102

Далее было: не~~больш~~ш<ому>

[^^^]

1103

поджарить

[^^^]

Далее было: Негодяй

[^^^]

Далее было: Если

[^^^]

Далее было: да

[^^^]

1107

Далее было: смотри мне

[^^^]

1108

самого времени

[^^^]

1109

Далее было: мне (не зачеркнуто)

[^^^]

1110

глупый народ

[^^^]

1111

ИЗВОЛИТЕ-С

[^^^]

1112

Иван Федорович

[^^^]

1113

Вместо «желания выразиться красивее»: того что он никогда<?> не думал как бы мысль свою выразить к<ак> можно красивее

[^^^]

1114

TOGO

[^^^]

1115

Далее было: теперь

[^^^]

1116

надел

[^^^]

1117

Далее было: как

[^^^]

1118

Далее было: ВЫШЕ

[^^^]

1119

Далее было: подмости под

[^^^]

1120

Далее было: а. и наконец заснул и засви<стел>
б. и скоро [во сне за<свистел>] в. раздав-
ший<ся> снова свист дал знать, что он заснул

[^^^]

1121

печке

[^^^]

1122

Далее было: не видя окружа<ющих>

[^^^]

1123

доезжал он <до> своего

[^^^]

1124

сильно забилося в нем сердце

[^^^]

1125

Далее было: из небольшой степи

[^^^]

1126

ОН ВЪЕЗЖАЛ

[^^^]

Далее было: и поглядывал на шедшую по двору как

[^^^]

1128

МНОЖЕСТВО

[^^^]

Далее было: и кучера, отправлявшего должности сторожа и садов<ника>, объявила

[^^^]

1130

Опана<com>

[^^^]

1131

Вместе

[^^^]

1132

Далее было: садовни<ка>

[^^^]

1133

уже

[^^^]

1134

всегда

[^^^]

1135

других

[^^^]

1136

Далее было: необыкновенный

[^^^]

1137

тоже необыкновенную

[^^^]

1138

Это место залито чернилами.

[^^^]

кавале<рийские>

[^^^]

1140

ездила

[^^^]

1141

Далее было: а. правя б. сама управляла

[^^^]

1142

гребца

[^^^]

1143

СОБСТВЕННОЮ

[^^^]

Далее было: страшной

[^^^]

Далее было: всяких

[^^^]

Вместо «К тому же»: Справедливость требует
указать, что

[^^^]

Приехавши домой, Иван Федорович совершенно попал в другой мир. Занятия по хозяйству

[^^^]

Далее было: он был

[^^^]

1149

Далее было: прорывало

[^^^]

1150

Далее было: ясный гром... в то древо... члены
<?> поле

[^^^]

1151

Далее было: желтеет

[^^^]

1152

Далее было: стадящ... <?>

[^^^]

Далее было: и тучи неугомонных насекомых
наполняют воздух

[^^^]

Далее было: ВОЛЬНО

[^^^]

1155

как вкопанный

[^^^]

1156

цена

[^^^]

1157

Далее было: долж<на>

[^^^]

1158

Далее было: перед Петровкой

[^^^]

1159

отлично умеет

[^^^]

1160

Далее было: Брич<ка>

[^^^]

1161

подъезжал

[^^^]

1162

Далее было: длинному

[^^^]

1163

КОТОРЫЙ БЫЛ

[^^^]

1164

тяжел

[^^^]

Далее было: И

[^^^]

1166

ТОЛСТЫЕ

[^^^]

1167

Далее с абзаца было: Я-с приехал

[^^^]

1168

Григорий Григорьевич

[^^^]

Далее было: покорно

[^^^]

1170

Далее было: мочи нет

[^^^]

1171

какого роду

[^^^]

1172

Далее было: совершенно

[^^^]

1173

Никто столько вам добра не желает как я

[^^^]

Далее с абзаца было: Иван Федорович посмотрел

[^^^]

1175

Далее было: там

[^^^]

1176

Далее было: рад с вами познакомиться

[^^^]

1177

Далее было: ни о то<?>

[^^^]

Далее было: Тут он

[^^^]

1179

Федорович

[^^^]

1180

Далее было: вытаскивая

[^^^]

1181

Далее было: сермяжном

[^^^]

Далее было: Я вам скажу, государь мой

[^^^]

1183

Далее было: Что даже, верите ли, я

[^^^]

Далее было: протяжно

[^^^]

1185

принимая

[^^^]

1186

обыкновенного

[^^^]

1187

Далее было: не посл<ушал>

[^^^]

1188

Далее было: и на этот раз, что

[^^^]

1189

Далее было: котор<ая>

[^^^]

1190

Далее было: снова

[^^^]

1191

Далее было: я говорю

[^^^]

1192

Далее начато: и украдкой погляд<ел>

[^^^]

1193

Далее было: Иван Фост... <?>

[^^^]

Далее было: ВОТ

[^^^]

Далее было: различных

[^^^]

Далее было: на вопросы матушки. Меньшая
ТОЛЬКО

[^^^]

1197

Далее было: теперь

[^^^]

1198

Далее было: [несмотря на то] не сбить

[^^^]

1199

опуская голову в свою бричку, что<... >

[^^^]

1200

Далее было: и отказаться без

[^^^]

1201

Далее было: величайшим

[^^^]

1202

встретить

[^^^]

1203

Весьма красивая барышня

[^^^]

1204

Далее было: вообще

[^^^]

1205

Что ж

[^^^]

1206

Может быть воля божья

[^^^]

1207

Далее было: вот парочка.

[^^^]

Далее было: И с этих пор

[^^^]

1209

Ивана Федоровича

[^^^]

1210

Далее было: едва ли не ху<же>

[^^^]

1211

Далее было: она

[^^^]

1212

пробуждала

[^^^]

1213

Далее было: особенно когда

[^^^]

1214

то это-то верно... совершенная

[^^^]

1215

ДОЛЖНО БЫТЬ

[^^^]

1216

Далее было: всегда

[^^^]

1217

десять

[^^^]

1218

ПЯТЬ

[^^^]

1219

Далее было: Наконец

[^^^]

1220

Далее было: уже

[^^^]

1221

на своем месте

[^^^]

1222

Далее было: и (не зачеркнуто)

[^^^]

1223

Далее было: и вышла в сопровождении

[^^^]

1224

с большой

[^^^]

1225

Вместо «они лошади горячие»: тотчас

[^^^]

1226

Вместо «позабыла»: думаю

[^^^]

1227

Далее было: чудно, очень чудно

[^^^]

Вместо «точно когда ну»: теперь уж

[^^^]

1229

Далее было: будет двое

[^^^]

1230

Далее было: И он уже ложи<лся>

[^^^]

1231

Далее было: ГОТОВ

[^^^]

1232

оборотился

[^^^]

1233

Далее было начато: солнце совсем красное

[^^^]

1234

Далее было: сидит

[^^^]

1235

Далее было: прежний его

[^^^]

1236

He<e>

[^^^]

1237

[нигде не находим] такого бессвязного сна

[^^^]

Автографы черновых текстов, впервые воспроизводимые в настоящем издании как дополнение к ранее вышедшему первому тому, обнаружены А. В. Позднеевым.

[^^^]

Цифра в скобках означает количество писем, напечатанных в настоящем томе.

[^^^]

Составлен *А. Н. Михайловой*. Номера страниц, относящиеся к тексту разделов «Даты жизни Н. В. Гоголя 1848–1852» и «Примечания», набраны курсивом.

[^^^]